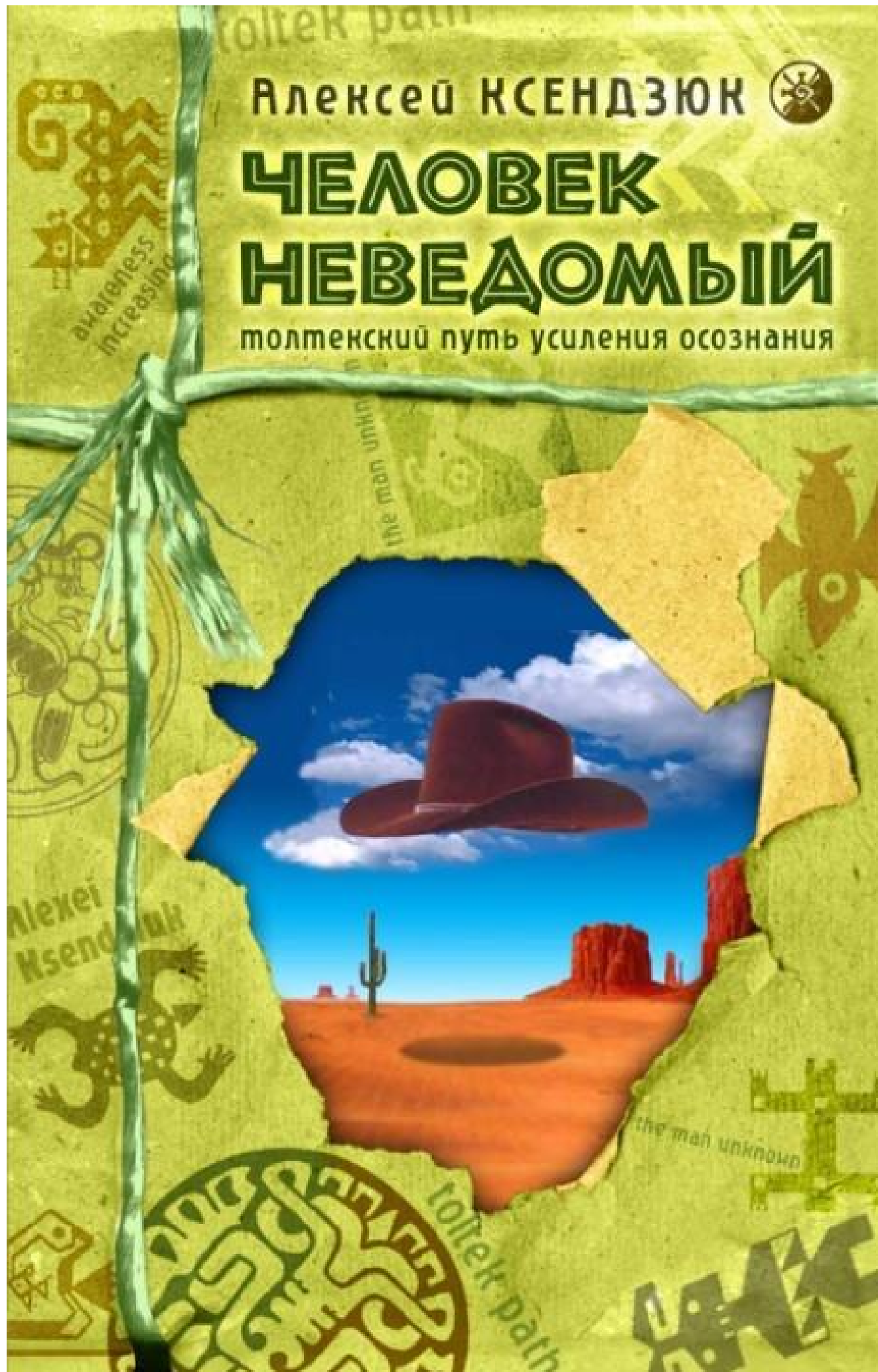

Алексей КСЕНДЗЮК

ЧЕЛОВЕК НЕВЕДОМЫЙ

толтекский путь усиления осознания

АЛЕКСЕЙ КСЕНДЗЮК

**Человек неведомый:
Толтекский путь усиления осознания**

ISBN 5-9550-0292-8
©А.П.Ксендзюк, 2004

«София»; М.: ИД «София», 2004. — 217с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе.

От автора.

ВВЕДЕНИЕ.

Первое кольцо Силы и ДВА пути трансформации Осознания.

Часть I. ВНУТРЕННЕЕ НЕПОСТИЖИМОЕ.

Глава 1. Энергетическое тело и начало трансформации.

**Глава 2. Общие принципы Безупречности: трансформация базальных комплексов
- базальные комплексы тоналя;
*- трансформация базальных комплексов: алгоритм.***

Глава 3. Трансформация страха смерти. «Мертвые воины».

Глава 4. Трансформация чувства собственной важности.

Глава 5. Жалость и безжалостность.

Часть II. НЕПОСТИЖИМОЕ ДЕЙСТВИЕ ТОЛТЕКА.

Глава 6. Сталкинг: его сущность и основные стратегии.

Глава 7. Сталкинг и перепросмотр.

Глава 8. Трансформация тоналя и самоощущение стракера.

Глава 9. Внимание и Энергетическое тело. Магические эффекты усиленного осознания наяву.

Глава 10. Магическая ткань Мира и осуществление личного намерения.

Эпилог: Свидетельство нагуаля.

Об авторе

Алексей Петрович Ксендзюк более 15 лет исследует психоэнергетическую дисциплину толтеков, которой посвящены книги известного антрополога и писателя Карлоса Кастанеды.

Автор книг:

«Тайна Карлоса Кастанеды» (Одесса, 1995; Киев: «София», 2002)

«Долгий путь магов» («ЛИК» (Болгария), 1998)

«Карлос Кастанеда подведение итогов» («ЛИК» (Болгария), 2000)

«После Кастанеды: дальнейшее исследование» (Киев: «София», 2001)

«Видение нагуаля» (Киев: «София», 2002)

*Любимой жене,
разделяющей со мной этот Путь*

От автора

Эта книга рассказывает о двух фундаментальных дисциплинах толтекского знания, принципы которых описаны в книгах великого мистика и антрополога конца XX в. Карлоса Кастанеды, — о безупречности и stalkinge. Таким образом, данная работа посвящена магическим дисциплинам, имеющим непосредственное отношение к повседневной жизни каждого из нас. Безупречность и stalking — это впечатляющая совокупность психоэнергетических приемов. Они не требуют транс-а или медитативного погружения — напротив, они предусматривают активное участие практика в социальных взаимодействиях, поскольку именно там он получает и накапливает энергию при помощи специального контроля над осознанием. Здесь, в дневной жизни, жизни наяву, толтеки находили мощные источники Силы, контролируемое применение которой влекло за собой непостижимые эффекты и феномены.

Управление собственной судьбой, использование энергий планетарного поля и взаимодействие с ними, влияние на пространство и время, трансформация причинно-следственных связей — все эти трудно описуемые умения издревле считались уделом магов и шаманов. Этим способностям и силам не нашлось места в традиционной картине мира, а потому их полагали (и до сих пор полагают) паранормальными. (Юнг, например, относил некоторые из них к синхронистичностям между психикой субъекта и внешним пространством.)

Однако все существующие теории, что пытаются концептуализировать магию древних и выделить из нее рациональное зерно, оказываются не, способны связать наблюдаемые психофизические факты в единое целое. Карлос Кастанеда предложил новый взгляд на этот загадочный предмет, основанный на индейской магической традиции развития и усиления осознания, которой его на протяжении многих лет обучал один из толтекских магов. Дон Хуан Матус — индейский учитель Кастанеды — показал начинающему антропологу, что на мир можно смотреть принципиально иначе. И в этой иной мировоззренческой парадигме, которую дон Хуан считал толтекской, таинственные феномены получили оригинальное и эффективное объяснение.

В толтекском описании мира самые «сверхъестественные» феномены становятся энергетическими фактами и процессами, которыми можно овладеть. Конечно, наиболее очевидный проход в мир магии толтек находят в осознанном сновидении, где все восприятия контролируются определенным образом. Этому «проходу» посвящена моя книга «Видение нагуаля» (2002), где приведены общие методологические принципы, наиболее важные процедуры и результаты, к которым эти процедуры должны привести. Можно сказать, что «Видение нагуаля» рассказывает об особенностях ночной практики толтеков — то есть о том, как можно использовать естественный сон для расширения и усиления осознания, для развития энергетического тела человека (ЭТ), которое и есть магическое существо внутри нас.

Но это лишь половина дела. Она очаровывает, представляется волшебной и экзотической, поскольку сновидение всегда было для человека чем-то потусторонним. Однако основные источники Силы толтек находят не в сновидениях, а в своем бодрствовании — даже в том случае, если явь кажется утомительной и беспросветной.

Работать с толтекской дисциплиной наяву, зная, как это делать, — вот ключ к любым психоэнергетическим изменениям, условие любого прогресса. Именно дневная сторона дисциплины является ее истинным и неустрашимым фундаментом, без которого Самотрансформация принципиально невозможна. И все же некоторые практики пренебрегают этим истинным фундаментом, испытывая здесь сильную неуверенность. Их влекут, прежде всего, сновидение и второе внимание — те состояния измененного и расширенного восприятия, где они как бы непосредственно сталкиваются с Тайной, где они вовлечены в некую космическую авантюру.

На самом же деле безупречность и сталкинг не менее таинственны и способны даже в отрыве от остальных толтекских приемов вызывать поистине впечатляющие эффекты. Задача данной книги — убедить вас в этой истине и показать, что магическое преобразование яви так же доступно практику, как изменение характера своих осознанных сновидений. Для этого надо всего лишь разрешить ряд проблем, уяснить принципы работы и избавиться от неосознаваемых нами предрассудков. Что же касается результативности дисциплины дон Хуана, то вы на собственном опыте сможете убедиться — бодрствующее состояние после ряда целенаправленных преобразований открывает нам силы и возможности, порой превосходящие все сновидческие фантазии.

Трансформация энергетического тела начинается в первом внимании — эту идею слишком часто не принимают в расчет. В совершенстве поддерживаемое состояние безупречности высвобождает такой объем энергии, что вы можете оказаться перед остановкой мира или сновидением наяву неведомо каким образом. Более того, благодаря безупречности вы получаете возможность функционировать в этом состоянии гораздо эффективнее, так как плотность энергетического тела возрастает с впечатляющей скоростью.

Искусство сталкинга таит в себе невероятные прорывы в Большую Реальность. Сильные сталкеры намного ярче проявляют свои «сверхъестественные» способности, их осознание отточено более остро. Их странствия по мирам могут приобретать совершенно непостижимый характер, а интенсивность и качество осознания — многократно превосходить привычные впечатления их коллег-сновидящих.

Об этом пути, о его методах и тонкостях до сих пор написано мало, несмотря на то что здесь открыты важнейшие источники Силы, ведущей к свободному странствию по океану больших эманаций Реальности. Я постараюсь подробно представить свой взгляд на практику безупречного воина. Как всегда, я в основном опираюсь на личный опыт, на опыт моей жены и наблюдения за другими практиками, которые оказались в поле моего зрения по разным причинам.

**Алексей Ксендзюк,
2003 г.**

Введение

Человек живет в мире слов. Сначала он их придумывает, потом — искажает или даже забывает их первоначальный смысл. Но во всех случаях слова становятся заклинаниями и обретают гипнотическую силу. И в центре этого мира слов, мира описания всегда пребывает сам Человек на невидимом пьедестале собственного сознания — центр и точка отсчета. А потому определить, *назвать самого себя* — что может быть более важным для нас в обустроенном для нашего удобства мире!

Антропологи на протяжении веков называли и продолжают называть человека. Этим они продолжают традицию античных философов и по сути ничем от них не отличаются — только амбиции стали скромнее, а формулировки приобрели локальность и сосредоточились на *функции* вместо *сущности*. Раскапывая древние кости, эволюционисты непременно сочиняли термины, что поначалу даже привело к возникновению сомнительной, но воодушевляющей последовательности — “человек умелый”, “человек прямоходящий”, “человек разумный”...

Homo sapiens, впрочем, оказался субъектом столь разнообразной деятельности, что вызвал к жизни подлинное терминологическое изобилие. *Homo faber* (ремесленник), *creator* (творец) и даже *ludens* (играющий), не говоря уж об иных определениях, глубокомысленных, но мало запоминающихся. На протяжении многих веков мы занимаемся не столько самоосознанием, сколько самоописанием. При этом всякий пристальный взгляд обнаруживает, что все эти дефиниции так или иначе избегают сути.

Мы всегда склонны рассматривать и описывать лишь одну, внешнюю сторону

себя. Даже разум, о котором привычно говорят философы и психологи, — лишь некоторая совокупность *поверхностных* процессов, тех процессов, что находят свое выражение в коммуникации или деятельности. Это внешний порядок нашего социального и биологического бытия. Разум существует благодаря речи, письменности и чем дальше, тем больше обусловлен собственными продуктами (иначе говоря, “культурой”).

Человек как бы пребывает на вершине построенной им пирамиды. Эта вершина настолько удалась от фундамента, что там, в изначальных глубинах, видится только слово “разум”. Все усилия сознания, направленные глубже видимого фундамента, получают название *иррационального*. И многим в этом слове чудится что-то несерьезное, некое фантазерство. В эпоху преклонения перед интеллектом (который, как мне кажется, постепенно уходит) тяга к иррациональному часто вызвала даже общественное порицание. Интерес человека к собственной сокровенной сердцевине до сих пор именуют эскапизмом, бегством от реальности в мир иллюзий и несбыточных мечтаний.

Мы забыли либо просто игнорируем тот факт, что фундамент человеческого бытия — разум — сам по себе является продуктом. Размышления на эту тему занимают только профессиональных мыслителей, богословов, а также практикующих мистиков и оккультистов. Ибо если разум — это продукт, то мы, пытаясь обнажить его изначальную почву, упираемся в Непостижимое. Неудивительно — все, что существует в нас до разума, по определению разуму неподвластно. Здесь обрывается стройная цепь рассуждений. Только самые отважные исследователи берут на себя смелость говорить об аналитической или “глубинной” психологии — и сразу вызывают к себе недоверие у ограниченных собственным рациональным описанием ученых

Любая попытка погрузиться вглубь нашего существа, но при этом остаться ученым вызывает волнение и даже негодование. Две великие фигуры XX века — Фрейд и Юнг — окружены не только (и не столько) уважением. Скорее, к ним относятся с опаской, подозрением и бесчисленными оговорками. То же самое произошло с гуманистической психологией Маслоу, а теперь и с транспер-

сональной психологией Грофа и его единомышленников. А ведь вышеупомянутые храбрецы только мельком прикоснулись к корням человеческой психики — к той основе, из которой растет самодовольное эго и обслуживающий его разум.

Тем не менее вряд ли кто-нибудь решится оспорить тот простой факт, что разум (интеллект) является продуктом *воли* и *внимания*. И точно так же мы не найдем сегодня ученых-рационалистов, способных разъяснить нам, что это такое.

Практика самопознания всегда была частью религиозных, магических, мистико-оккультных учений. Именно здесь адепты и исследователи сталкивались с реальностью-как-она-есть, здесь энтузиасты вглядывались в собственную первооснову — в то, что пребывало и пребывает до разума. Восточная цивилизация относилась к их труду с большим терпением и пониманием. Почему? Благодаря структуре описания (*тоналя*).

Ведь только западная цивилизация столь тщательно разработала рационалистический язык науки и с такой ясностью отделила его от всего “ненаучного” плотной стеной неприятия. Именно западная цивилизация назвала человека разумным и сделала все, чтобы поставить на этом точку. Западный мир построил невидимый барьер. Те, кто его преодолевал, автоматически аннулировали свой статус человека разумного и удалялись в ту неопишуемую область, которую европейский мир позволяет называть Непостижимое или Неведомое.

В мире этих страшных слов равны все — христианские монахи, экзальтированные суфии, медитирующие буддисты и йоги, шаманы и нагуалисты. В определенном смысле все они — эмигранты из мира бесконечно воспроизводящегося описания. И все же судьба их различна. Одни дрейфуют в областях околосознательного, пользуясь готовыми рецептами и поучениями тысячелетней давности, иные — вгрызаются с надеждой вскрыть глубинные связи и постичь первопричины мироздания (они обычно знают принципы работы по самотрансформации, и безоговорочно верят в цели древних путей — йогических, буддистских, даосских), третьи — не принимают ничего на веру, превращая жизнь в бесконечный эксперимент.

Все они сталкиваются с собственной сущностью как с Человеком Неведомым — кто в большей, кто в меньшей степени. Поскольку я пишу о кастанедовском нагуализме, то обязан предупредить — именно здесь столкновение с самим собой как с Человеком Неведомым неизбежно и наиболее драматично.

Все, кто пытался и пытается заняться толтекской магией, встречают препятствие, которое кажется непреодолимым. Кастанеда говорит, что это вопрос энергии. Мы приходим к черте, за которую наше существо шагнуть не смеет. Даже узнав себя, свои особенности и ограничения, прибегнув к глубокому перепросмотру, тщательному сталкингу и интенсивным упражнениям по остановке внутреннего диалога, мы вдруг оказываемся в энергетическом тупике. Далеко не каждый преодолевает эту утомительную и разочаровывающую преграду — как правило, новоявленный толтек отступает просто потому, что не знает, с *чем* он столкнулся.

Карлос Кастанеда много писал о страхах, надеждах, одиночестве — без чего не бывает подлинного странствия “человека знания”, но при этом не сказал о действительно наболевшем. Возможно, путь Карлоса проходил относительно гладко (при помощи живого учителя-Нагваля), но более вероятно — Кастанеда просто не поделился с читателями своими кризисами и внутренними проблемами на дон-хуановском пути, поскольку не считал эти моменты характерными для каждого искателя.

Как происходит превращение *homo sapiens* в толтекского мага? Этот порог преодолим, но процесс перехода неоднозначен и описать его трудно. Казалось бы, все у нас перед носом — магия на кончиках пальцев, *намерение* в голове (я выражаюсь условно), *не-делание* и *остановка внутреннего диалога* — упражнения, описанные подробно и безусловно воспроизводимые. Почему же проходят

годы и даже десятилетия, почему мы безрезультатно пытаемся прорваться в Непостижимое и не обретаем ничего, кроме сомнительных полуснов-полувидений?

Здесь скрывается Тайна. Выражаясь языком академическим, мы отталкиваемся от разума и сотворенного им описания — мы проникаем в Иное, но не желаем принимать его. Мы не способны просто признать, что человек — в первую очередь, существо за *пределами Разума*. Это — *Человек Неведомый* (следуя академической традиции, назовем его *Homo Absconditus*, т. е. не просто неведомый, но и “сокрытый” от самого себя).

“Неведомость” человека — это, с одной стороны, вполне естественное состояние познания (ведь нет ничего в мире, что можно было бы назвать окончательно познанным), с другой же — это первичная Тайна Проявления. И мы могли бы проигнорировать эту Тайну, если бы она не касалась нас самих.

Человек неведомый — он разный. Он может полагать себя Сапиенсом, “общественным животным”, “ментальным существом”, в котором таится Искра Божия или, скажем, Супраментальная Сила. За обилием слов (иногда выпретенных, иногда сухих и отрезвляющих) мы находим первооснову, которая по определению не имеет имени.

Когда Кастанеда в “Колесе времени” подытоживал все, что наговорили ему мексиканские шаманы во главе с доном Хуаном, он, как ни старался, не смог уйти от европейских параллелей. Он даже упомянул об “одушевленных” и “неодушевленных” органических существах. Великая Тайна свелась к тривиальности, а для тех, кто не вполне освоился в толтекском способе описания мира, появился еще один повод для путаницы и бесконечных споров.

Ведь мы (в отличие от мудрых толтеков) привыкли сражаться вокруг слов — и никакие увещевания лингвистов и семантиков прошлого века не сделали нас умнее. Мы, как и столетия тому назад, путаем карту и территорию.

Когда философски образованный читатель узнает, что “эманации наделены осознанием”, он вполне удовлетворяется этой идеей — поскольку мы испытываем радость узнавания такой древней концепции, как *гилозоизм*. (“Понимание есть апперцепция стереотипа как такового”, а всякая известная нам концепция не что иное, как стереотип.) Даже критикам Кастанеды *гилозоизм* кажется уместным и вполне допустимым. С этого, полагают антропологи, начиналось древнее осмысление бытия — “все сущее наделено жизнью”. И прагматический толтекский разум, отталкиваясь от древнейшей посылки, может прийти к одному (неприятному для всякой религии) выводу: *разница между человеком и животным — в количестве осознания или в его (осознания) структуре*.

Конечно, шаманы, не страдающие толтекским позитивизмом, часто мыслили прямо наоборот — наделяли все сущее душами и этим превращали мыслимый космос в какой-то невообразимый фейерверк. Такой подход известен из классической антропологии и также нам понятен — у дерева есть душа, у всякой былинки есть душа, у крокодила и длинноногой птицы ибис, безмерно уважаемой египтянами, — тоже есть душа! Все путалось в этом неразделимом хороводе — камни и скалы имели души, не говоря уж об истуканах, сработанных древними мастерами. Вот он, примитивный анимизм, прародитель многобожия, с таким усердием порицаемого нынешним духовенством! Над ним успели вдоволь покуражиться и атеисты, и христиане, и иудеи. Каждый нашел для этого веские доводы. И они по-своему правы — так как Неведомое, Тайна, размазывается по ткани бытия, теряет свои характерные черты, и где же здесь Человек? Где то, что отличает нас от дерева или от сосредоточенного бобра, из того же дерева возводящего свою бобриную архитектуру?

Что заставило человека стать сапиенсом, разумным? Почему ни собака, ни мартышка не занимаются ничем подобным? Мы — существа, изначально наделенные осознанием (как все живое), — таинственным образом обрели *ВНИМАНИЕ* и *ВОЛЮ*. Две эти способности (на которые психология, нейрофизиология, философия натываются, как на непреодолимые преграды) породили Тайну

Человека. Разум стал их продуктом — не сразу и не единым махом. Воля и внимание стали расчленять воспринимаемый мир, вынудили нас накапливать множество форм опыта, пока их не стало так много, что они заставили нас искать способы архивирования, комплектации, — и только тогда появился язык (система лаконичных знаков) и *мышление* (совокупность операций, производимых с этими речевыми и неречевыми знаками).

Осознание обрело *структуру*.

Общая чувствительность всего сущего (всей совокупности эманаций) — *панестезия* бытия — обрела в человеке способность организовываться, отделяться, производить собственные формы. Стоит отступить на шаг назад, обратить упорядоченную чувствительность на сущность собственной психики, как наука опасно приближается к суверенным пределам того знания себя, которое равным образом подозрительно и для науки, и для ортодоксальной религии. Станислав Гроф, один из основателей трансперсональной психологии, ввел понятие “голотропное сознание” (сознание, стремящееся к целостности, лежащей в нашей природе *до разума*). “Области, которых может достигнуть голотропное сознание, — пишет он, — не ограничиваются материальным пространственно-временным миром. Оно простирается за пределы границ ньютоновской реальности во всех отношениях и обеспечивает доступ к необычным измерениям реальности. Сюда относятся, например, астральные миры невоплощенных сущностей, миры сверхчеловеческих существ, преисподняя и небеса, населенные блаженными божествами и демонами, мир юнговских архетипов и различные мифологические и легендарные миры”.

Как бы ни был осторожен ученый, сколь бы ни указывал на возможное многообразие интерпретаций, академическая наука проводит невидимую черту и отделяет подобные исследования от добротпорядочного рационализма. Ибо такой опыт пугает, отрицая фундаментальные координаты нашего описания “субъективное — объективное”, “внутреннее — внешнее”, “психическое — физическое” и т. д. Христианское сознание (как и некоторые иные религии) не только поддерживает страх человека перед Непостижимым — оно *узаконивает* этот страх, делает его почти сакральным. Если приложить усилие и все-таки вынудить христианского богослова к откровенности (что бывает весьма нелегко), мы можем узнать удивительные вещи — например, что Церковь в целом осуждает исследования бессознательного. Это осуждение имеет множество оговорок, поскольку церковь с некоторых пор всячески избегает полемики с наукой. *Бессознательное* — это все же признанный объект научного исследования, однако суть явления не ясна, а формальное определение страдает неполнотой, допускающей множество толкований. И христианское богословие стремится сузить понятие бессознательного (часто почти таким же образом, как поступают самые последовательные рационалисты в психологии), чтобы наука не посягнула на Неведомое (“Священное”), чтобы описание не вышло за установленные пределы — туда, где положено проникать одной лишь Вере.

Все вышесказанное делает явным тот факт, что наука и религия в нашей цивилизации служат одной цели — сохранить мир описания, оставить Неведомое неведомым навсегда. Принципиальное отличие науки заключается в том, что сам импульс, ее порождающий, содержит потенциальную возможность выхода за собственные пределы. Будучи генератором описаний, допускающим альтернативные описания и неосвоенные области между ними, наука содержит в себе *намерение* бесконечного движения — что и есть, очевидно, квинтэссенция феномена человека.

Толтекская магия (если отталкиваться от книг Кастанеды) много говорит о *намерении*, никогда не описывая его, но лишь постулируя его фундаментальное значение. Благодаря намерению человек становится магом, благодаря *намерению* он достигает второго и третьего внимания. И в данном контексте мы готовы смириться с изначальной непостижимостью движущего нами процесса. Слово “намерение” произносится с трепетом и придыханием, ибо оно подразумевает самую сокровенную сущность магии.

Но ведь то же самое *намерение* когда-то превратило примата в человека разумного. Было бы полезно вспомнить и подумать об этом. Трансформация однажды уже произошла. И Тайна, лежащая в основе той, древней Трансформации, ничуть не стала понятнее нам, представителям *Homo Sapiens*, казалось бы, давно и радикально покинувшему царство неразумных животных. Мы называем волю, например, “способностью к выбору цели деятельности и внутренним усилием”. Мы называем внимание “характеристикой психической деятельности, выраженной в сосредоточенности и направленности сознания на объект”. Мы даже не слишком скрываем тот прискорбный факт, что, размышляя о тайне собственного существа, не способны выйти за пределы бесконечных тавтологий. Ибо все сказанное сводится к тому, что воля есть воля, а внимание есть внимание.

Это и есть красноречивый симптом того, что мы коснулись границы описания. Как бы ни витийствовали наши мыслители, их словесная вязь всегда лишь окружает границы познаваемого. Вот почему я назвал эту книгу, посвященную трансформации нашей природы, “Человек Неведомый” — ибо никакие варианты, никакие эпитеты не исчерпывают фундаментальный импульс нашего существа. Мы неведомы сами для себя, и в этой тайне заключена магия как особая *наука управления осознанием* в окружающей нас Беспредельности.

ТОЛТЕК:

1. Представитель одного из этносов коренного населения американского континента По мнению ряда антропологов, толтекский этнос прекратил свое существование в VIII — XII вв. н.э., уступив жизненное пространство ацтекской цивилизации; подобно Риму, был «поглощен варварами» припл. в X — XI вв. н.э. Поскольку пришедшие варвары (ацтеки) приняли (ассимилировали) толтекские достижения в науке, философии и культуре, такая аналогия отчасти уместна (ист.).

2. «Человек знания»; мастер, добившийся совершенства в науке, ремесле или магии (культ.) Среди народов месоамериканского региона, куда входили такие высокоразвитые цивилизации, как майя и ацтеки, считается общим прародителем всех народов и племен, принесшим культуру и науку, создавшим письменность и первые государства американского континента. Для народов нагуа «толтек» — синоним общего предка; народ, положивший начало культурному миру Америки. Слово «толтек» почитается столь высоко, что от него в языке нагуа образовано понятие «толтекайотл» — искусство, высшее знание.

Первое кольцо Силы и два Пути трансформации осознания

- 1 -

Кому-то усиление осознания кажется делом экстремально сложным, кому-то — абстрактным и спекулятивным. Наконец, есть немало людей, пробующих заниматься самотрансформацией, которые понимают усиление осознания как необычное переживание, измененное состояние психики или режима восприятия. И все они неправы. Потому что осознание — это процесс, который составляет сущность нашего ежесекундного бытия, и в нем нет ничего абстрактного. Напротив, я бы сказал, что это самое конкретное из того, что дано человеку в его опыте. Более того, измененные состояния восприятия могут сопровождаться ослаблением осознания, а не его усилением.

И в конечном итоге мы выясняем, что усиление осознания — это, с одной стороны, всегда доступное предприятие, конкретное, потому что мы не отходим от него в своих повседневных восприятиях и реакциях, с другой стороны, это весьма тонкая штука, где даже малейшее изменение требует самой полной поглощенности и целеустремленности личности. Чтобы понять, почему это очень просто и очень сложно одновременно, надо понять смысл термина “осознание”. Но сначала я приведу простой пример, который поможет разобраться в том, о чем на самом деле идет речь.

Наше осознание меняет степень своей интенсивности постоянно, в течение самого обычного дня. Скажем, вы спорите с человеком, который придерживается иных взглядов. И вам удается очень ловко и даже мастерски поставить его в тупик своими аргументами. Вы возбуждены и испытываете удовольствие от собственного красноречия. Вам нравится то, что вы говорите. Все это нормально — но что происходит дальше? Либо разозленный оппонент вас оскорбляет, либо ваши единомышленники вас хвалят. То и другое отдается эхом в вашем психическом пространстве уже после того, как диспут закончился. *Осознание* сужено и уязвимо, так как вы потеряли энергию, — и вы, отправившись дальше, начинаете совершать ошибки. Например, единомышленники приглашают вас на вечеринку. Вы буквально заморожены собственным успехом (отягощены своим провалом) и совершаете поступки, не свойственные изначальному типу вашей личности: не будучи любителем спиртного, вдруг напиваетесь, не будучи мизантропом и хамом, стараетесь всех обозлить и испортить окружающим настроение. Друзья потрясены, так как не понимают, что ваше осознание уже *ослаблено* и потому практически не участвует в ваших реакциях и поступках. Субъект, который творит все это безобразия, деградировал как личность и вернулся в довольно примитивное состояние.

Описанные ситуации совершенно тривиальны и повсеместны. К ним привыкли, и никто на них не обращает внимания, списывая все на усталость, плохое настроение, колебания, особенности характера. Хотя это и есть проявление интенсивности осознания как энергетического процесса. Стоит интенсивности осознания упасть, и любой мудрец, каким бы возвышенным и знающим существом он ни был, превращается в глупца. Что влечет за собой естественные и удручающие последствия.

С другой стороны, высокая интенсивность осознания постепенно ведет к характерным изменениям всей совокупности наших реакций, отношений с внешним миром, преобразует личность *целиком* — со всеми ее установками и иерархией выученных ценностей. Трансформирующая сила осознания и есть тот двигатель, что ведет личность к *безупречному* состоянию. Все описания безупречности у Кастанеды можно свести к этому фундаментальному качеству — силе осознания. Как именно и почему происходит преображение энергетического тела, нам предстоит выяснить в этой книге.

Вряд ли следует специально останавливаться на особой важности этой темы. Многократно повторялось, что безупречность — то самое необходимое условие, которое делает человека потенциальным “свидетелем нагуаля”, открывает доступ к необъятным энергетическим полям и сокровенной сути толтекской магии.

“Свидетель нагуаля” созерцает повседневный человеческий мир как нечто бесконечно провинциальное, частное и незначительное. Толтекское сновидение показывает ему всевозможные грани восприятия, разнообразные модусы осознания, а *видение* уравнивает все в непостижимой феерии энергетических потоков и структур — безмянных и неопределенных, поскольку их многомерность, сама сущность движущегося Мира, превосходит всякий опыт, всякое понятие, любую совокупность координат, придуманных человеком.

Энергетическая Реальность, которая нас породила и в которой мы живем, остается вне языка и вне описания, как бы ни совершенствовались мы свои инструменты познания. Наши попытки приблизиться к Бытию, стать реальными *воспринимаемыми* того, что есть вне человека, ведут нас к парадоксальному состоянию. Стремясь воплотить все потенции, присущие человеческой природе, мы с каждым шагом все больше удаляемся от того, что принято считать *человеческим*.

Этот парадокс — не только философская (онтологическая) тема и уж тем более не абстрактно-умственная.

С самого начала этой книги мне хотелось бы задать верную тональность. Те, кто читал мои предыдущие работы, знают мое пристрастие к сложным терминам и академической манере изложения. Я даже несколько раз пояснял свою позицию приблизительно так: время романтизма и идеалистического энтузиазма (которые питали Карлоса Кастанеду) прошло, наступила эпоха исследования,

восстановления пробелов, наведения порядка в новом языке описания, уточнения методологической позиции и иных скучных вещей. Я говорил о насущной, прагматической необходимости отделить Миф от Пути (Метода) Знания новых областей восприятия, страшные и удивительные “сказки о Силе” от инструкций и последовательных разъяснений.

Все это так.

Но жизнь, которая представляет собой *энергетический факт* — безразличный к нашим интерпретациям, к новой и старой мифологии, академическим оборотам речи и вдохновенным камланиям современных шаманов-сновидцев, — протекает своим чередом за нашими окнами и совсем не склонна видоизменяться от того, что мы верно и вдумчиво используем слова тональ, нагуаль, эманации и точка сборки.

Жизнь вообще не склонна видоизменяться — как не склонно изменяться наше восприятие, намертво вцепившееся в однородные и однообразные ряды впечатлений, выученные с младенчества. От того, что мы знаем некоторые фундаментальные причины такого положения дел, мало что меняется. Какое дело Реальности до того, назовем мы ее средой адекватного реагирования или царством галлюцинирующего тоналя, местом борьбы за выживание или позицией точки сборки?

Есть некий порог, за который мы не хотим или не способны шагнуть. Есть некая масса темной инертности, которая прикрепляет нас к избранной однажды модели мира, разрешая интеллектуальную игру и самую неистовую фантазию. Иначе как объяснить, что специалисты в области семантики, психологии восприятия, строители феноменологических теорий, эти отрешенные и бесстрастные агностики, потратившие полжизни на рассмотрение “вещи-в-себе” и на прочие трансцендентальные словеса, те самые, что со всей глубиной своей интеллектуальной пронизательности знают — *мир не такой, каким он дан в нашем ограниченном восприятии*, — продолжают воспринимать Реальность так и только так? Почему мы остаемся здесь и не устремляемся, подобно молнии, в темную непостижимость, наличие которой в уме и картине мира мыслителя, после многолетних копаний в теореме Бытия, кажется ему неоспоримым?

Это давление, препятствующее изменениям, последователи Кастанеды чаще всего называют нехваткой энергии или личной силы. Однако этого объяснения часто не хватает, и новые толтеки говорят о “приказе Орла” (“намерении человечества”, силе “тоналя времен”). Профессиональный мыслитель пренебрежительно назовет это метафизической затычкой. Ему легко так говорить просто потому, что чистая мысль — единственное приложение его сил. Он существует, генерируя модели и удовлетворяясь игрой своего изошренного ума. Мыслитель не ведет битву воина, но лишь созерцает ее как еще одну условность. Принимает в свою систему исчислений еще одну переменную и вполне доволен тем, что может получить еще один результат. Он может назвать и определить целую систему ценностей, и в мире своих и чужих мыслей выбрать ее как симпатичную, истинную, вещать о ней с университетской кафедры, пускаться в академические споры, время от времени возвышаясь до пророческих откровений и праведного гнева.

Система представлений и умственных конструктов в голове такого мыслителя может быть радикальной и впечатляющей. Он следит за непротиворечивостью и последовательностью суждений, с ним могут случаться озарения, в которых природа вещей предстает в истинном свете. Именно в запале озарений, когда он радикален и наиболее строг, всякое чувство, не получившее в его системе интерпретаций “правильного” названия, становится метафизической затычкой. Ибо его тональ *знает лучше*.

Когда мир опыта вдруг становится шире (что для практика, в отличие от мыслителя, — естественный процесс), а понятийный аппарат за опытом не поспевает, возрождаются мифологические структуры, символы и архетипы (которые в нашем случае — всего лишь результат истощения мысли). Мощное давление, противостоящее нашим усилиям воспринять больше, расширить свои возможности, обретает лицо. Давление персонифицируется и превращается в колонию существ,

чья функция — ослабить наше осознание. В мифологии Кастанеды это — *воладорес*, или *флаеры* (летуны).

Все эти слова и концепции — от самых утонченных до мифологических и примитивных — ничего не решают. Они не влияют на силу мира восприятия, взявшего нас в плен, более того — они даже *ничего не объясняют*, вызывая лишь иллюзорное впечатление какого-то объяснения.

В данной книге я, следуя введенным в наше описание кастанедовским понятиям и словам, буду называть эту темную инерцию осознания *силой* тоналя. Потому что, хотя неподвижность и неизменность нашего восприятия (в конечном итоге — нашей человеческой формы) тесно связана со слабостью, немощью (нехваткой энергии или отсутствием личной силы, как сказано выше), она, по сути, — определенным образом структурированная и замкнутая на себе *энергия*. Описывая конституцию человеческого существа, Хуан Матус в книгах Карлоса так и назвал эту торжествующую в повседневном мире систему — “*первое кольцо Силы*”.

Это словосочетание не только метафорически ярко называет то, с чем мы вынуждены иметь дело наяву и практически непрерывно, но и указывает на важные аспекты системы — на нашу зависимость от совокупности энергетических каналов, на замкнутость энергообмена и — самое важное — нашу захваченность им.

Кольцо бесконечно повторяет само себя, затягивает и замыкает, но при этом пользуется той же Силой, что дает нам доступ к осознанию областей второго внимания, в сущности являясь ее же воплощением. Первое и второе кольца Силы подобны. Они пользуются разными инструментами и порой далекими друг от друга областями осознания, благодаря чему оставляют совершенно разные ряды впечатлений и дают доступ к принципиально отличным друг от друга способностям, но они “делают нашу форму” (для второго кольца это форма, выходящая за рамки человеческого) и черпают из одного Источника.

Имя этому Источнику — *нагуаль*, и Сила его поистине бесконечна.

Возможно, теперь нам станет яснее, почему победить первое кольцо Силы невозможно, а поставить под контроль — очень сложно. Сознательное управление первым кольцом — по-настоящему магическое достижение: владея им, мы получаем весь набор “ключей” для того, чтобы пробудить и заставить полноценно работать второе кольцо. И что важно помнить — *наоборот выходит намного хуже*.

Вряд ли человек способен осваивать сновидение и второе внимание, используя в должной мере их магические эффекты, чтобы лишь потом, получив специфический опыт, с новых потусторонних высот обратиться к трансформации обыденного — к контролю над первым кольцом Силы. Тому много причин — некоторые из них лежат на поверхности, связаны с особенностями нашей психологии, иные же глубинны и в большей мере касаются энергетических процессов; и есть, наконец, причины сущностные, заключенные в самой конституции нашего единого организма, для которого биология — лишь часть природы, выражение осознания, энергии, информации.

Рассуждая трезво, трудно не согласиться с тем обстоятельством, что человек как существо, обладающее упорядоченным осознанием, сформировался в мире первого внимания. (Оставим в покое ничем не оправданные спекуляции из области антропософии по поводу древних дочеловеческих рас, чье существование протекало в более тонких и “духовных” пространствах.) Доступ в иные области восприятия, очевидно, для человеческого вида всегда открывался ненадолго и лишь демонстрировал существование более широкого Мира, принципиально отличного от мира описания, где все имело значение и смысл для простого физического выживания организма.

Десятки тысяч лет мир первого внимания служил для нас той средой, которая привлекая основные силы и, соответственно, формировала наиболее устойчивые и плотные потоки энергообмена между

субъектом и внешним полем. “Земля — Его опора”, как сказано в древней Упанишаде. Здесь мы привлекаем весь объем своего психоэнергетического аппарата для решения самых разнообразных задач, здесь наше внимание работает самым стабильным образом. Почти все наши навыки и потенциальные возможности поддерживаются средой привычного функционирования.

Поэтому, если мы хотим сохранить целостность и воспользоваться возможностями измененных режимов восприятия, первые и решающие шаги Трансформации должны осуществляться здесь, в мире первого внимания. Недаром дон Хуан говорил Кастанеде, что человек, победивший в нашем тональном мире “мелкого тирана”, наверняка справится с атаками Непостижимого в иных мирах. Но не наоборот.

Но вот что любопытно. Стоит практику приступить к работе над трансформацией своего энергетического тела прямо здесь, в привычной среде, он оказывается в двусмысленном положении. Его “опора” начинает бунтовать, психосоциальная паутина колеблется и вызывает к жизни условия и обстоятельства, затрудняющие работу. В этом нет ничего мистического — хотя, конечно, приятно думать, будто ты настолько важен, что привлекаешь к себе специальное внимание масштабных систем.

Изменение характера и интенсивности энергетических связей, процессов энергообмена с “социальными” людьми не могут не привести к возмущениям разного рода. Преподобные друзья оставляют вас, близкие люди становятся чужими, бессознательное раздражение тех, кто пребывает в эмоциональном контакте с вами (а порой даже совсем посторонних лиц), довольно долго формируют стихийный вызов воина для того, чтобы жизнь начинающего трансформанта не казалась простой и безмятежной.

Это неприятное и иррациональное противостояние, впрочем, длится не так уж долго. В конце концов, потеря одной единицы для социального муравейника — событие незначительное. Полноценная реакция наступает, когда преодолевается некий статистический барьер, когда усиленное осознание становится фактом не единичным, а групповым, даже коллективным. Ведь *усиленное осознание* отрицает либо переиначивает ценности и координаты социума в его нынешнем виде.

- 2 -

Иными словами, провинциальный мир первого внимания индифферентен к расширению и усилению осознания, пока эти попытки не пересекаются с консервативным стремлением социума к неизменности, постоянству, гомеостазису. Когда декларация становится действием (а это в нашем случае происходит рано или поздно), общество, хранящее в своих институтах все зафиксированные приемы обеспечения человеческой не-свободы, начинает проявлять настороженность и беспокойство, что сопровождается постепенной активизацией соответствующей иммунной системы.

Каждый тип социального устройства обладает собственной системой отторжения и истребления чуждых элементов. Тоталитарный строй реагирует быстро и жестко, различные формы демократии находят тонкие методы информационного манипулирования поведением общественного человека — в любом случае, их устраивает один и тот же результат: осуждение группы свободолюбивых сограждан и ее изоляция. В любом случае, эти неприемлемые искатели Реальности должны исчезнуть. Их знания, их помыслы и стремления делают социальность и ее механизмы условностью, а это — недопустимо. Общество должно обладать *абсолютным* значением и распоряжаться списком *абсолютных* ценностей. Заумные философские труды, написанные единицами для единиц, остаются спекуляцией праздного ума.

В условиях современного социума, природа которого становится все более агрессивной на фоне глобальной информатизации и быстро возрастающей способности манипулировать сознанием ин-

дивида, его мотивацией и поведением, нагуализм как мировоззрение и практика сталкивается с новыми проблемами и вынуждена прибегать к новым средствам сохранения себя.

Мы даже не осознаем, насколько общество, проповедующее индивидуализм и самостоятельность личности, сделало эту личность уязвимой, управляемой, унифицированной — вложенной в общую схему социально-психологических, идеологических и экономических процессов.

Во всех смыслах дальнейшее существование нагуализма в том виде, как его описал Кастанеда, оказалось в ситуации нового цикла. Формально новый цикл отличается от старого следующим:

1. Массовым распространением знания о толтекских методиках и мировоззрении, что исключает “избранность” в любой форме. (Я не знаю, хорошо ли это, но это уже случилось. И сделал это Кастанеда, который и был зачинателем нового цикла — понимал он это или нет, не имеет значения.)
2. Признанием того, что исполнение “правила Орла” больше не является обязательным.
3. Отсутствием непрерывной линии видящих, которые могли бы наверняка отличить Нагваля от не-Нагваля.
4. Исходя из пункта 3, невозможностью сформировать магический отряд по тем законам, которым следовали толтеки прежде.
5. Исходя из всего вышеперечисленного, насущной необходимостью открытия новых правил и закономерностей в групповой магической работе, если таковая становится все же возможной.
6. Необходимостью перевести на новый язык описания старые толтекские формулировки, доставшиеся нам через книги Кастанеды. Цель — максимальное повышение эффективности дисциплины, что очень важно, учитывая отсутствие катализатора-Нагваля и магического отряда.

Пункты 5 и 6 предусматривают проведение длительных, масштабных и кропотливых исследований — силами большого числа практиков, которые неминуемо будут менять язык описания хотя бы тем, что вынуждены использовать достижения западной науки и терминологии.

(Точность и полнота информации входит в новый цикл как обязательное условие. Соответственно, возникает необходимость в людях, которые возьмут на себя роль поставщиков такого рода информации, — ученых, авторов и мыслителей, а когда сформируются новые технологии обучения — инструкторов.)

Как видите, здесь все логически вытекает одно из другого. Новый цикл чреват утратой некоторой части романтизма и загадочности, которые вдохновляли Кастанеду, — так что, наверное, какая-то часть “кастанедовцев” первой волны отойдет, разочарованная.

Тем не менее новый цикл — не прихоть и даже не декларация намерений какого-то мистико-окультистского движения, озабоченного подготовкой “второго пришествия” или “тысячелетнего царства праведных магов”. Это лишь констатация положения, в котором мы оказались. Простое перечисление условий и расстановка акцентов.

Возможно, такое определение стало действительно насущным в нашу эпоху — эпоху цивилизационного выбора, которую астрологи связывают с наступлением долгожданной эры Водолея, естествоиспытатели — с исчерпанностью парадигм традиционного познания, а социологи и социальные психологи — с оформлением новой информационной среды и перспективой окончательного торжества планетарного постиндустриального общества.

Так или иначе, тональ человечества становится однородным, привлекает новые, более мощные средства для создания универсального и закрытого описания, и общество начинает контролировать все более тонкие процессы психической жизни личности. Он использует не только религиозные институты, он ассимилирует мистицизм и более того — производит все больше отвлекающих синтетических учений, где воображение становится движущей силой, где поощряются иллюзии и галлюцинации, закрепляемые заимствованной либо самостоятельно сочиненной ритуалистикой.

Возрождаются древние верования, воскресают старые способы *отвлечения* от энергетической Реальности, творятся новые. Некоторые почитатели Кастанеды не могут отделить одно от другого, и их постепенно поглощает еще одна, замаскированная часть всеохватывающего тоналя.

Выделить и закрепить принципиальные черты нагуализма в этих условиях необходимо.

- 3 -

В этой книге речь пойдет о следующих аспектах толтекского учения и элементах практики:

1. Что такое *осознание*?

В дон-хуановской традиции естественно понимать осознание как *психоэнергетический* процесс, объединяющий в едином ритме энергообмена внутренние эманации субъекта и большие эманации внешнего мира. Я рассматриваю его как специфический объем явлений, объединенных *резонансной* природой. Безусловно, сведение осознания к резонансу — крайне упрощенный подход, но если мы учтем, что резонирование может быть весьма разнообразным, многоуровневым и основанным на различных комплексах характеристик энергетических процессов, то, возможно, приблизимся хоть к какому-то пониманию реальности, стоящей за этой моделью.

2. Что такое *усиление осознания* и — главное — какими методами мы можем повысить его интенсивность?

Учитывая, что осознание (как было сказано выше) — процесс ежесекундный и весьма конкретный, этот процесс можно разложить на большое число составляющих. Осознание не дано нам непосредственно как факт, исследуемый посторонним наблюдателем. Мы имеем возможность познакомиться с ним, главным образом, изнутри, а это означает, что нам приходится иметь дело не с самим осознанием, а с его эффектами. Это реакции, эмоции, настроения, а дальше — поступки и отреагирование на поступки в виде обратной связи. Это, так сказать, психологический аспект проблемы осознания. К управлению им мы приближаемся через *безупречность* и *сталкинг*.

3. Что такое *безупречность* — психологически и энергетически? Каковы принципы и методы приближения к безупречности?

4. Что такое *сталкинг*? Какими путями он реализуется в повседневной психической активности? В чем принципиальное единство сталкинга и перепросмотра и как эти методы влияют друг на друга?

5. Энергетическое обеспечение процесса осознания. Это тонкий момент, поскольку он открывает нам, что методы и упражнения (*безупречность* и *сталкинг*) сами по себе *лишь создают условия* для усиления осознания. Когда и как *безупречность* и *сталкинг* превращаются в Силу? Какую роль в этом процессе исполняют внимание и намерение? По сути, это фундаментальный вопрос, который можно сформулировать так:

КОГДА УПРАВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ПСИХОЭНЕРГЕТИКОЙ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МАГИЮ?*

6. Наконец, какие феномены мы находим в результате правильно проведенной работы и что они нам сулят? Как безупречность и сталкинг могут привести наше осознание к возможности сновидения наяву — тому состоянию восприятия, что интегрирует возможности первого и второго внимания и вплотную подводит нас к непостижимым эффектам толтекской дисциплины? Здесь мы в полной мере открываем для себя параллельное существование в нашем энергетическом существе двух модусов осознания — условно говоря, тонального и нагуального. Здесь можно найти некоторые явления, частично проясняющие природу дубля и конкретные пути его достижения.

Здесь следует сделать специальную оговорку касательно термина «магия». Автоматически следуя кастанедовским работам и свободному языку дон Хуана, я в этой книге (как и в тех, что были написаны раньше) использую слово магия в двух значениях, что терминологически неверно и сбивает с толку. Ниже я отдельно коснусь этой темы и скажу о «магии мнимой» и «магии подлинной». Ибо у этого слова (как и у явления, его обозначающего) своя долгая и неоднозначная история. Та «магия», что была известна миру до Кастанеды, как правило включает в себя веру и совокупность метафизических понятий, принципов, ритуалов, которые без веры существовать не могут. Иногда эта вера приближается к воззрениям языческим, и именно она становится предметом критики и безоговорочного осуждения со стороны как христианства, так и других монотеистических религий. Та магия, о которой говорится в нагуализме, по сути ничего общего с ней не имеет. Это — психоэнергетическая практика, имеющая в своем арсенале ряд ключевых гипотез или теорий, нуждающихся в экспериментальном подтверждении, которые допускают как минимум несколько толкований. Единственное, что объединяет эти два явления, — наличие эффекта (результата), противоречащего фундаментальным идеям общепринятого описания мира. В первую очередь, такой «магизм» посягает на незыблемые причинно-следственные связи. Обратите внимание на двусмысленность данного термина. Как правило, в контексте легко понять, что именно имеется в виду — магия нагуалистская или традиционная, подлинная или мнимая.

В основе толтекской Трансформации — той дисциплины, которую в общих чертах описал Карлос Кастанеда и которую я именую нагуализмом, — лежит идея усиления осознания. За всеми инструментами и совокупностями приемов в конечном итоге мы обнаруживаем это не очень понятное и, на первый взгляд, довольно абстрактное словосочетание. Из кастанедовских трудов довольно трудно вынести ясное представление о том, что такое “осознание” и почему говорится не о “расширении” (этот термин нам уже привычен и кажется более-менее понятным), а именно об *усилении*. Однако правильно понять эту концепцию очень важно. Ибо в ней содержится весьма существенная часть толтекского мировоззрения — то, что отличает нагуализм от большей части мистических и оккультных концепций и, несмотря на кажущуюся умозрительность самой темы, в немалой степени определяет эффективность всей практики.

Вполне можно допустить, что мировоззрение коренных индейцев — наследников толтекского культурного мира — молчаливо подразумевало свое, специфическое понимание фундаментальных качеств человеческой психики и это понимание настолько глубоко укоренилось в характере толтекского мышления, что даже не требовало специального оформления в системе понятий. В результате дон Хуан, рассуждая об осознании, подразумевает одно, Кастанеда — уже немного другое, а читатели, следуя описательным схемам европейского тоналя, автоматически отождествляют осознание и сознание, “усиление” понимают как нечто вроде “углубления” и “расширения”. Такая искажающая трансляция понятий вводит дон-хуановское учение в привычное для нас поле, и вся

специфика, вся оригинальность описанного знания просто не учитывается, а раз так — то и его эффективность оказывается недоступной.

Бессознательное искажение интерпретации влияет на *представления* о цели учения и сущности его методов; а поскольку наши представления определяют характер нашего внимания и сосредоточения, то выходит, что многие кастанедовцы при всей искренности своих устремлений занимаются вовсе не тем, о чем говорил дон Хуан. Когда же их многолетние усилия оказываются безрезультатными, наступает разочарование, недоумение и растерянность.

Критики Кастанеды, исходящие из такого же искаженного понимания центральных дон-хуановских понятий, убедительно показывают бесперспективность этого пути, очевидно, не подозревая, что анализируют не толтекское учение, а лишь собственную интерпретацию этого учения. Слова обманывают их: они обнаруживают сходства понятий, методов и целей между кастанедовскими описаниями и давно известными восточными школами практического мистицизма. Усиление осознания автоматически отождествляется с “расширением сознания”, остановка внутреннего диалога — с йогическим “безмолвием ума”, безупречность приравнивается к бесстрастию и отстраненности и т. д. Неудивительно, что некоторые из этих критиков заявляют, будто в книгах, написанных Кастанедой, содержится лишь повторение давно известных мистико-окультурных идей, замаскированных выдуманными терминами и причудливо соединенных в какое-то подобие системы, которая кажется чем-то новым только наивным и несведущим читателям. Конечно, критики правы, — бессознательно перетолковывая Кастанеду на привычный лад, они могут сделать только такие выводы.

Прежде всего, *осознание* (в отличие от *сознания*) — это не сущность и не свойство, это *процесс*. Можно сколько угодно рассуждать о сущности и природе этого процесса, но всегда следует помнить, что он выражает себя в динамике, в движении энергии и существует только как способ силового (полевого) взаимодействия между энергетическим телом, которое здесь является субъектом, и средой, состоящей из энергетических формаций. Можно сказать, что осознание является *орудием нашего бытия*. А в индоевропейском описании мира осознание привычно рассматривается как *само бытие*, приравненное к Я либо к какому-то из его качеств. Оно может существовать самостоятельно, ибо оно — сущность. Потому индусы полагали, что осознание можно освободить или очистить. Это Атман, Пуруша, то, что может созерцать само себя и наслаждаться свободой. Буддистская логика, вдохновленная многовековыми интроспекциями йогического толка, не обнаружила такого бытия; поскольку же внутри этой системы мышления у бытия была только одна альтернатива — *небытие*, отсутствие Я, его достижение парадоксальным образом стало целью буддизма в виде Нирваны.

Такие же исходные посылки мы обнаруживаем практически у всех систем духовной мысли внутри индоевропейского мира. Это описание опирается на субстанцию, а не на процесс. Отсюда рождается общая идея души, а иногда (как, например, у египтян) — целого ряда душ. Легко пронаблюдать, как движение понятий вызывает к жизни вполне определенную метафизику, а метафизика, в свою очередь, формулирует цели. Поскольку душа — это *бытие*, то есть нечто, она, безусловно, макет носить тело, как “одеяние”. И тогда, сталкиваясь в ходе самоисследования с принципиально разными состояниями души, ей легко приписать различные “тела” — астральное, витальное, ментальное, каузальное и пр. И дальнейшие выводы внутри таких систем легко предугадать, даже не обращаясь к источникам. Судите сами: если нам дано два бытия — малое *бытие* души (субстанциональное Я) и *Бытие* мироздания, то какие отношения между ними возможны? Если они принадлежат к одной природе, то рано или поздно малое бытие сольется с большим, растворится в нем, и это станет либо смертью, либо достижением Абсолюта (в зависимости от того, как описывается большое Бытие). Если есть две Природы, например Творение и Творец, то высшим достижением души становится непосредственное созерцание Творца без помех со стороны бессознательной Материи и всех иных, очевидно, более низких видов Творения.

Если же мы обратимся к процессуальному описанию, то есть осознанию в толтекском смысле, то придем к совершенно иному пониманию вещей. Ведь характер процесса непосредственно связан с полем в котором данный процесс протекает. Иными словами, *полноценное осознание возможно лишь между двумя полюсами, создающими поле, — полноценным субъектом и четко отделенным от него Объектом, заключающим в себе бесконечный ряд аспектов и потенций.* И тогда оказывается, что цели, описываемые индоевропейской традицией мистицизма и оккультизма, неприемлемы. В первом случае, когда речь идет о единой Природе Я и Мира, Атмана и Брахмана, их слияние — это, как легко догадаться, прекращение процесса осознания. Это настолько очевидно, что даже не нуждается в разъяснении, и об этом я уже писал в предыдущих книгах. Но и второй случай — “созерцание Творца” — лишь замаскированная модификация такого же прекращения.

Почему? Да потому что это состояние подразумевает дуализм, наличие второй Природы. Если осознание отвлечено от своей природы и погружено в созерцание принципиально Непостижимой Сущности Бога, оно исчезает, поскольку восприятие Непостижимого сохраняется лишь на фоне постоянного отделения себя от Него. А это отделение (которое можно назвать самоосознанием) удаляет и даже вытесняет Непостижимое из поля внимания. Выражаясь религиозным языком, тварь возвращается в тварный мир, следовательно, перестает созерцать Творца. Если же, вопреки собственной природе, творение продолжает созерцать Творца, его самоосознание исчезает.

Если же за декларируемым дуализмом все же стоит некое высшее единство, если душа не принадлежит к иной от Творца природе, а “плоть от плоти” Его, то осознание следует предыдущему сценарию — то есть *сливается* с Творцом и вновь-таки перестает существовать как процесс. Любопытно, что все мистики и оккультисты, вступившие на путь практического богопознания, рано или поздно открывают для себя неустрашимое противоречие в теистической системе представлений, там, где провозглашается отдельное и отличное от творения бытие Бога и Божественного. Личный мистический опыт так сильно противоречит религиозной догме, что либо приводит к безусловной ереси, либо порождает запутанные и бесплодные конструкции, пытающиеся примирить непримиримое. В качестве яркого примера тут можно привести драматические состояния мысли в иудейской традиции практического богопознания — в каббале. С одной стороны, догма иудаизма (а вслед за ней и христианства) категорически утверждает Бытие Божие — Иное и Высшее. Это мировоззрение категорически отрицает всякие поползновения пантеизма и тем более экзистенциального нигилизма. И что же? Вот рассуждение, иллюстрирующее совершенно “темные” попытки мистического иудаизма скрыть за словами противоречия опыта собственного *осознания* и таким образом примирить его с Писанием: “Из символических описаний раскрытия Бога в Его Откровении особое внимание следует обратить на то, которое основывается на понятии мистического Ничто... Сотворение мира, то есть сотворение чего-то из ничего, само по себе является лишь внешним отражением чего-то, что происходит в самом Боге. Оно также знаменует собой кризис в сокрытом *Эйн-Соф* [сущность трансцендентного Божества, Бог-в-Себе. — А.К.], переходящем от покоя к творению. Этот кризис можно изобразить как прорыв предвечной воли, но теософская каббала часто прибегает к более смелой метафоре, говоря о “Ничто”. Первичный сдвиг или толчок, в результате которого обращенный в самого Себя Бог объективируется и свет, сияющий в Нем, становится зримым, это *совершенное изменение перспективы преобразует Эйн-Соф, неизреченную полноту, в небытие. Именно из этого мистического небытия эмануруют все остальные стадии постепенного развертывания Бога* в сефирот, и каббалисты называют его высочайшей из сефирот, или “высшим венцом” Божества. Используя другую метафору, это бездна, проглядывающая в размерах бытия...” (Г. Шолем. Основные течения в еврейской мистике) (курсив мой. — А.К.).

Не огорчайтесь, если вы мало что поняли из приведенного пассажа. Все это — не для понимания, а только для того, чтобы заполнить словами открывшуюся в непосредственном опыте пропасть между догмой о Бытии Бога и восприятием его как Ничто. Созерцание Творца приводит к созерцанию мистического Ничто, потому что никаких иных вариантов *осознанию* не дано. “Созерцание Ничто” — это просто попытка выразить словами опыт прекращения осознания, которое в данной ситуации неизбежно. Таким образом, мы с удивлением обнаруживаем, что самые разные направления мистико-оккультного поиска (даже такие, казалось бы, полярно противоположные, как иу-

даизм и буддизм) приводят к одному и тому же. И лишь религиозные предрассудки, освященные тысячелетней историей, не позволяют увидеть все как есть. Ничто — это просто Ничто, а вовсе не высшая эманация Божества, растворение — это просто растворение, а вовсе не постижение Абсолюта, угасание — это просто постепенное исчезновение, хотя слово нирвана и звучит весьма вдохновляюще. Все вышеперечисленное — разные способы говорить о прекращении процесса осознания.

Толтекский способ говорить обнажает и простую истину — *наша сущность не субстанциональна*. Нельзя освободить или сохранить то, чего попросту нет. Осознание, результатом которого у человека становится *самоосознание* (то есть Я), — это процесс, фундаментальной характеристикой которого является интенсивность (сил, энергетичность). Это энергообмен, который может быть оставлен, замедлен или усилен. Продуктом этого процесса является восприятие или, точнее, совокупность воспринимаемого. Усиление осознания ведет к увеличению доступного объема воспринимаемых сигналов, ослабление — к сокращению воспринимаемого поля. Когда процесс осознания достигает критической точки, теряет присущие ему определяющие черты (прежде всего, *структурность* и *упорядоченность*), он оказывается на грани прекращения — и мы либо “созерцаем Ничто”, либо впадаем в забытие. В обоих случаях это — дорога к смерти. Мир нашего описания тщательно скрывает этот факт, изобретая загадочные словосочетания вроде “расширения сознания” и “восхождения к Богу”. Мир толтекского описания ставит все на свои места, точно формулируя цель дисциплины — *усиление* осознания. И это дает человеку шанс обрести новые возможности и трансформировать себя.

Человеческий тональ, на протяжении тысячелетий пытавшийся найти способ выйти за пределы собственного мира, чтобы избавиться от очевидных угнетающих ограничений, следовал двумя путями, и именно к тому или иному варианту духовного искания можно в конечном счете отнести любую религиозную, мистическую или оккультную доктрину.

Если первый путь возник, судя по всему, еще в первобытную эпоху, когда тональ не страдал от избытка собственных абстракций и человек в некотором отношении был как бы ближе к Реальности, то второй путь стал результатом умственных ухищрений — он кажется тоньше и изысканней, умнее и — что любопытно — существенно *легче*. Первый путь можно условно назвать “путем магов”, второй — “путем слияния”. Если приглядеться внимательно, то основной причиной взаимного непонимания и споров, порою перерастающих в откровенную вражду между церквями, мистическими и магическими школами, нередко оказывается фундаментальное различие между этими двумя путями. Эту коренную причину конфликта вычленил не так уж просто. В конце концов, все религии мира выросли из магии, и все они в той или иной степени несут часть древних представлений о месте Человека в Мире, о сущности Силы и того, что религиозное сознание называет Божественным.

Несмотря на то, что все мировые религии и наиболее известные мистические учения склоняются ко второму, более позднему пути, пути тонального самообмана, каждая церковь или духовное течение по-своему маскирует древнейший магический пласт своих идей и практик. Рассуждая об одном и том же, они уже почти не понимают друг друга. Что же касается религий монотеистических, то они категорически не хотят осознать парадоксальность своего положения, которая состоит в стремлении совместить несовместимое — отдельного и персонального Бога, Творца, несоизмеримого с собственным Творением, и перспективу для каждой верующей души приблизиться к Нему, узреть Его, обрести Благодать и Любовь.

Христианство разрешило этот, возможно, даже неосознаваемый парадокс, прибегнув к идее Святой Троицы. Разрешило проблему, оно одновременно четко указало на нее. Ибо зачем в картину мироздания внедрен Святой Дух, который дышит, где хочет, и, главное, нисходит на адептов в результате Всевышнего соизволения и усилия индивидуальной души? Ответ прост: именно таким способом ветхозаветный, невероятно далекий от всего человеческого Бог-Творец может сокровенным

образом *соединиться* со Своим Творением. Эта совершенно искусственная, умозрительная идея скрывает собой брешь между Человеком и Непостижимым.

Христианские мыслители позволяют себе называть пантеизм чуть ли не самым примитивным вероучением — чем, безусловно, искажают истину, потому что пантеистическое мировоззрение возникло гораздо позже теистического с его простым представлением об отдельном Боге Творце: пантеизм требовал развитого философского мышления, обращения с абстракциями на том уровне, где Божественное и Бытие становятся осязаемыми идеями, — поскольку лишь на этом уровне развития мысли Божество можно соединить с Реальностью и заявить: “Мир — это Бог, а Бог — это Мир”. Примитивный ум на такие операции не способен; примитивный тональ видит *вещи* (объекты), но не их *свойства* отдельно от вещей. Первобытное описание было не способно вообразить слияние Творца и Творения в Универсальном Единстве.

Такую же эволюцию тоналя (от теизма к пантеизму) можно наблюдать повсеместно, во всех культурах, в истории любой религии. Христианство уступило пантеистическому мировоззрению с помощью добавления новой абстракции — Святого Духа: вы, будучи, отдельной душой, через Него можете максимально приблизиться к Отцу, обрести благодать и Спасение. Для иудейского мира, в основе которого неустранимо жил и по сей день живет дух отделенности Творца от Творения как твердо усвоенное наследие вавилонской, древнесемитской магии, Новый Завет Христа был подлинной революцией, которую раввины, безусловно, не приняли и принять не могли. Именно здесь они чувствовали важнейшее искажение основ.

Другая великая цивилизация — мир индоариев — разрешила эту ситуацию более честным способом. Именно потому, что древняя Индия была цивилизацией философов, она не могла бы удовлетвориться словесными увертками. Наиболее отважная часть индийских мыслителей вообще отказалась от идеи Божественного и пошла за великим Шакьямуни по тропам буддистского нигилизма, последовательно заявив в качестве своей окончательной цели растворение осознающего Я. Такой радикализм для большинства, разумеется, был неприемлем. И философский индуизм нашел собственный путь тонкого компромисса, незаметно превратившись в пантеизм — учение, заявившее, что не просто “Мир — это Бог”, но больше и шире — “Мир в Боге, как Его часть”. Концепция Брахмана-Атмана все объяснила и успокоила неугомонных искателей духовного знания. Брахман стал Вселенной и еще чем-то за пределами Вселенной (“великим источником”), и это позволило приравнять к Нему Атман (Реальность индивидуальной души), так как в момент окончательного Откровения индивидуальная душа сливается с великим источником, из которого вышла, и становится Единым: “Атман есть Брахман”.

Если мы взглянем на эти религиозно-философские процессы с точки зрения толтекского описания, то заметим, что они просто отражают общий переход человеческого тоналя из одного мира описания в другой — из мира более простого и непосредственного, где есть области неназванного, а потому потенциально открытого для “ветра нагуаля”, в мир великих абстракций, мир идей и мыслей, которые приобрели способность *полностью и целиком закрыть собой Реальность*.

Здесь, во втором, более позднем мире усовершенствованного тоналя осознание окончательно перестало восприниматься как процесс, оно превратилось в сущность. Эта сущность отделилась от физического тела и приобрела способность приближаться к Богу и даже “сливаться с Ним”. Выражаясь философским языком, осознание стало монадой — самодвижущейся и самосушей. В таком мире осознание могло быть либо субстанцией, либо Ничем, Небытием, Пустотой. Ибо если мы представляем себе осознание как вещь, то она (вещь) либо есть, либо ее нет. Материалисты и буддисты (исходя из совсем разных моделей) сошлись в том, что такой вещи, как “душа”, нет. Все остальные, по сути, приравнивали индивидуальную душу, сознание, Я к Богу — христианству пришлось попотеть, чтобы скрыть это противоречащее изначальной догме признание, придумывая сложные и неудобопонятные метафизические конструкции.

Некоторые религии проявили упрямство и никак не откликнулись на изменение мирового тоналя. (А как же иначе! Религия — это прежде всего консерватизм.) Они сохраняются вопреки времени и потому либо консервируют себя внутри национальной традиции (иудаизм), либо накапливают ожесточенность и агрессию по отношению к внешнему миру, где их воспринимают как анахронизм (сегодня это наиболее заметно в радикальном исламе).

Из всего сказанного легко сделать вывод, чем отличается “путь магов” от “пути слияния”. Прежде всего, понятно, что вместе с торжеством абстрактного мышления, приведшего к пантеистическим модификациям религиозной мысли, “путь магов” стал непонятным и утратил популярность среди духовных искателей. Но и консерваторы относятся к нему с подозрением по той причине, что в их описании между Богом (Реальностью) и Человеком (осознанием) лежит непроходимая пропасть. Стремиться уменьшить эту пропасть — по меньшей мере, самонадеянно. Но почва для таких магических усилий в мире консервативных религий остается. В истории иудаизма и ислама можно найти немало тому примеров. Именно в этом архаичном описании то и дело появляются группы искателей, которые пытаются вновь и вновь пройти по путям древних магов, сами того не подозревая. В иудаизме самые известные течения такого рода — “визионеры Меркавы” и каббала, в исламе — суфии. Разумеется, правящий клирос к ним относится как к маргиналам и даже называет их сектантами, не допуская официального одобрения этих попыток.

Оба пути практического богопознания (если выразаться религиозными терминами), или познания Реальности (если пользоваться толтекским языком описания), по разным причинам не привели к ожидаемым результатам. И первый, и второй путь сформировал цепь заблуждений, которые всегда были проекциями тоналя на область Непостижимого. Духовные искатели в обоих случаях создавали описание, которое были в состоянии понять. *Пониманием* они убивали *свободу*. Вот как трансформировался путь магов в иудейской традиции “визионеров Меркавы”

“Истинному и спонтанному чувству визионера Меркавы чужд мотив имманентности (сущностной близости, свойственности Бытию. — А.К.) Божества: бесконечная пропасть, отделяющая душу от Бога — Царя на Его Престоле, не смыкается, даже когда мистический экстаз достигает кульминации.

Мистику чужда не только идея Божественной имманентности, но ему почти *неведома и любовь к Богу*... Существовал экстаз, и это фундаментальное переживание, по-видимому, было источником религиозного вдохновения, но мы не обнаруживаем даже следа мистического единения души с Богом. Неизменно здесь сохранялось представление, несколько преувеличенное, об “инаковости” Бога. Мистик также *никогда не перестает осознавать свою “самость”, свою индивидуальность*, даже достигнув вершины экстаза. Творец и Его творение остаются разделенными... Визионер, прошедший в состоянии экстаза через все врата, бесстрашно встретивший все опасности, предстает наконец перед Престолом, он *видит и внимает* — но не более того... Преобладают атрибуты силы и возвышенности, а не любви и нежности. Совершенно в духе этих мистиков то, что маг, заклиная “Князя Божественного Присутствия”, взывает к архонтам как к “Князьям Величия, Страха и Трепета”. Величие, Страх и Трепет — слова-ключи к этой религии — “Сезам, отворись” ¹¹ (курсив мой. — А.К.).

Приведенная цитата весьма характерна. Бесконечная удаленность Бога от человека, понимание Его как грандиозной и великой Силы, отсутствие Божественной Любви и сохранение индивидуальности во всех состояниях восприятия — все это типичные магические симптомы, которые отражают самостоятельное становление и рост индивидуума в расширившемся поле перцепции. Древняя интуиция говорила о том, что стоит признать Единство Бога (Реальности) и Человека, отдаться этому единству, — и весь многотрудный путь трансформации завершится Слиянием.

Философский монизм — явление последовательное и вряд ли опровержимое. Развитое абстрактное мышление не могло не согласиться с тем, что Природа едина. И сегодня с этой позицией невозможно спорить. Однако то, что хорошо и правильно в области интеллекта, не всегда приносит пользу на практике. Психоэнергетические метаморфозы, которые неминуемо происходят с магом или медитатором, отражают его выбор, его (зачастую бессознательное) намерение. И если вы в поиске свободы отказываетесь от собственного “я”, возлагаете надежды на таинственное единение с Бытием, не знающим страданий отдельного субъекта, то и ваше энергетическое тело ведет себя соответствующим образом. Оно не трансформируется в максимально независимую и самостоятельно усложняющуюся структуру, напротив — в ситуации внешнего давления оно склонно постепенно растворяться в больших эманациях. Лишь с высоты философского теоретизирования кажется, что представления об устройстве вселенной не влияют на качество предпринимаемых нами конкретных усилий в области самотрансформации. Принятое нами описание обуславливает все тонкости психоэнергетической работы. Произведения философствующих мистиков часто содержат прямые указания на это положение вещей — стоит лишь вдуматься в написанное. Например, Шри Ауробиндо, рассуждая о гностическом существе — результате интегральной Трансформации нынешнего человека, писал следующее: “Природа ума и мысли опирается на сознание конечного; супраментальная природа по самой сути своей — сознание и сила Бесконечности. Супраментальная природа взирает на все с точки зрения единства и рассматривает объекты при свете этого единства — во всем их множестве и разнообразии, даже если они кажутся разуму непримиримыми противоречиями; *ее воля, ее идеи, чувства и ощущения порождены единством, ее действия формируются на этой почве*”. (Sri Aurobindo. The Life Divine. Ch. XXVII. The Gnostic Being) (перевод и курсив мой. — А.К.).

Обратите внимание, как философия логическим образом перетекает в психологию, а стало быть — в способ реагирования и действия конкретного индивидуума. Супраментальная природа объемлет Всё, и каждая отдельная сущность, каждый объект и феномен — лишь частность. Но принятая однажды в качестве наивысшего представления, она определяет “волю”, “чувства” и “ощущения”. Именно так, прямо и бесхитростно, философская концепция обуславливает само острие психоэнергетической практики — формирует целеполагание и намерение.

И все мистические направления, оказавшиеся под гипнотической властью последовательной философии Бытия, аргументируют неизбежность единства как высшей реализации индивидуальной психики. Они пользуются разнообразными формальными приемами, но за этим мощным потоком мысли скрывается молчаливо подразумеваемое отождествление личности и мироздания. Ведь их природа едина, а значит, на высшем этапе своего развития индивидуум должен стать единым с Непостижимой Бесконечностью, которая может быть названа Супраментальным Божеством, или “Великой Пустотой”, — для нас с вами это ровным счетом ничего не меняет.

Философская истина хороша для философии. Для человеческой природы, цель которой — непрерывно расти и изменяться, такая истина абсурдна. Гнозис, заключающий в себя все на свете, — это смерть личности.

Насчет этих состояний слияния я писал довольно много. Мне даже пришлось ввести специальный термин — *энтазм* (досл. “поглощенность бытием”). Энергетически это выражается перемещением точки сборки в центральные, стержневые области кокона. Время от времени каждый может оказаться в этой специфической позиции. Но практик, изначально полагающий слияние благоприятным состоянием или даже целью дисциплины, однажды погрузившись в энтазм, стремится повторить его снова и снова. Все дело в том, что плотность полей в стержневых областях кокона превышает способность воспринимающего центра собирать перцептивный мир. Эта перегрузка создает иллюзию слияния с большими эманациями на фоне минимального присутствия чувства индивидуального “я”. Повторение энтазма прекращает все иные трансформационные процессы, а накопленная энергия осознания полностью расходуется в процессе этого экстаза.

В этом и заключается “путь слияния” — путь, спровоцированный высокими и по сути справедливыми философскими размышлениями. Здесь прекращается естественное для индивидуума противостояние субъекта и внешнего мира, отчего возникает неопределимое Блаженство, словно вы вернулись в утробу матери или, выражаясь возвышенным языком, к Великому Источнику Всего Сущего. Здесь концентрируется пресловутая “Божественная Любовь”.

“Путь слияния”, безусловно, легче и приятнее, чем “путь магов”. Когда описание мира стало опираться на философский монизм и в результате незаметно изменились цели духовного поиска, этот факт был отмечен религиозными мыслителями. В частности, одна из поздних тантр обращается к своим читателям устами самой Шакти: “Теперь все пути сглажены”. В тексте это прямо связывается с наступлением новой эпохи (Кали-Юги) — эпохи, в которой умственные идеи тоналя повлияли на представление о цели и невольно все упростили. Но вместе с облегчением и упрощением дисциплины из нее ушла Сила.

Путь, описанный Кастанедой, — это безусловно путь магический, путь сохранения Я и обретения Силы. Поэтому прежде всего важно сохранять контроль над осознанием, поэтому каждому неделанию энергетически противостоит определенное делание (о чем еще будет сказано в этой книге). Сохранение упорядоченного восприятия в измененных позициях точки сборки, сохранение противостояния “субъект-объект”, “Я — Мир” — вот что, на мой взгляд, в существенной степени определяет успех толтекской практики. Именно поэтому совершенно логичным кажется отказ толтеков от персонального божества, от религиозной веры и признание высшей ценности личного осознания. Отсюда настороженность по отношению к внешним силам, способным поглотить индивидуальное “Я”, увлечь нас в неопределенный свет, более яркий, чем наша отдельная сущность. Исчезнуть всегда проще, чем сохранить себя.

Безусловно, само по себе “настроение мага” — вовсе не гарантия успеха в деле интегральной Трансформации собственного существа. Здесь вступают в силу конкретные технические знания, верное и глубокое понимание работы воспринимающего аппарата (а этим аспектом знания никто, кроме толтеков, не занимался по-настоящему) и многочисленные принципы накопления энергии, усиления осознания и т. д. и т. п. Тем не менее можно сказать, что всякий сильный маг, даже не достигший Трансформации, часто оставляет после себя психоэнергетическое эхо. Конечно, мы ничего не знаем об их посмертной судьбе и можем лишь строить бесконечные догадки. Тем не менее антропологи согласятся с тем фактом, что именно жилища покойных магов или иные места, где совершались их практики (как ритуальные, так и медитативные), вызывают суеверный страх у потомков, здесь рождаются легенды о “призраках”, “полтергейстах” и прочих непонятных феноменах. Как показывают исследования, не всегда эти рассказы опираются лишь на фантазии пугливых свидетелей. Энергетические тела “колдунов” даже после смерти могут демонстрировать некую причудливую активность — рационалисты отмахиваются от подобных свидетельств, а парапсихологи собирают необъяснимые факты и строят все новые и новые теории на этот счет. Самодеятельные общества “охотников за привидениями” (которых немало на Западе) не только собирают современные сказки сомнительного свойства. Иногда им удается реально фиксировать нечто, выходящее за рамки понимания. И, как ни странно, порой выясняется, что маги (той или иной разновидности) имеют отношение к наблюдаемым феноменам — иногда прямое, иногда опосредованное.

Наличие энергетических следов после длительной магиико-колдовской деятельности может говорить о многом. Даже оценивая эти факты самым осторожным образом, мы приходим к выводу, что практическая деятельность подобного рода может влиять на расположение сил и энергий внешней среды. Любопытно, что медитации буддистов и индуистов, молитвенные усилия монахов и отшельников оставляют подобные следы существенно реже. Собственно, на этом наблюдении построен христианский миф, который коротко формулируется так: “чистая душа после смерти сразу направляется в Царство Божье, нечистая — терзается и страдает, прикованная к местам своих грехов”. Насчет “терзаний” и “прикованности” нам ничего не ведомо поскольку интерпретировать посмертную психоэнергетическую активность (если таковая имеет место) можно по-разному. Я бы

высказался просто: “Остается некая сила”. Если это так, то ситуация должна наводить на размышления.

- 4 -

Итак, мы убедились в том, что путь дон-Хуана, будучи прагматической дисциплиной, развившейся из древнего шаманизма, можно считать “путем магов”. Эта традиция не позволила более поздней и абстрактной метафизике изменить направление и настроение толтекской практики. Своевременное акцентирование позиции воспринимателя, отделение Реальности от доступного наблюдению мира описания, негативное отношение к любым моделям, выходящим за рамки критического мышления, сделало толтеков антидогматичными и удалило вечный искуc религиозного благоговения.

Не все согласны с тем, что толтекская дисциплина занимает особое и исключительное положение среди дошедших до нас магико-мистических доктрин. Иногда сложно осознать тонкий момент, связанный с характеристиками дон-хуановской Трансформации. За метафорами индейского шамана и увлеченным повествованием Кастанеды скрывается динамичность цели, обусловленная той самой процессуальностью мировоззрения, о которой уже было достаточно сказано. Открытие толтекского знания произошло как нельзя вовремя — в те годы, когда стали оформляться революционные концепции развития человека. Это положение выразительно сформулировал Т. Лири: “Все философии и религии, созданные до 1946 года, оценивали человеческую судьбу в этом мире пессимистически. Индуизм, буддизм, стоицизм, эпикурейство, иудаизм, католицизм, ислам, протестантизм, марксизм... Ни одна из этих догм ничего не дала человечеству, кроме обещания вечного покоя...” Толтекский вариант магического поиска не знает ни “вечного покоя”, ни Абсолюта. И если нейрологическая эволюция, о которой размышлял психолог, действительно так или иначе движет человеком, то описанная Кастанедой практика по своему настроению к ней очень близка. Ибо цель дон-хуановского учения *жизнь*, а не определенное состояние. Это очень важное положение, о котором стоит подумать. Перцептивная относительность *любого* опыта, будучи не просто философской декларацией, а непрерывно присутствующим *живым опытом* во всех поколениях практикующих нагуалистов, навсегда вывела новых видящих за пределы поля религиозно-философских символов, целей и присушей им ритуальности.

Судя по всему, такое настроение магических школ древних толтеков послужило причиной их самоустранения также из социальных структур. Государственные образования доколумбовой Америки опирались на определенный тип официальной религиозности, который сильно отличался от духовных концепций древних магов. Сложилась типичная для таких условий ситуация — *экзотерическая* религия для строителей государства и его граждан, *эзотерическая* — для замкнутых групп адептов. Однако почитание древних практик сохранялось достаточно долго — те же процессы, длящиеся тысячелетиями, можно наблюдать в истории древнего Востока (Индии и Китая). И там и здесь государство не любило магов за особую психологическую независимость, но уважало их и даже испытывало перед ними трепет. Например, даосы в Китае на протяжении многих веков концентрировали в себе не только философское, но и политическое инакомыслие — тем не менее правящие сословия не могли решиться на их тотальное истребление. Подобно тому как учение дао в Поднебесной считалось первоисточком всех иных учений, включая государственный институт конфуцианства, в Месоамерике первоисточком государственных религий ацтеков и майя было учение о *нагуале* с его непостижимой и могущественной магией.

Толтеки почитались как наследники древней духовной традиции. Государственные чиновники и простые жители видели в них своеобразных хранителей “духа предков”. Возможно, если бы не Конкиста, маги в конце концов ассимилировались и, следовательно, деградировали, поскольку такое “двоемирие” внутри организованного социума бесконечно продолжаться не может. Но оккупация мобилизовала тайные ресурсы магических школ и таким парадоксальным способом помогла

дон-хуановскому знанию сохранить себя, не сливаясь с религией их погибающего мира. Надо понимать, что сложившаяся тогда в Америке ситуация была по-настоящему уникальной — ведь индейцы для конкистадоров были существами из иного мира, почти инопланетянами. Взаимное непонимание столкнувшихся культур предоставило возможность укрытия для некоторых неявных пластов культурно-духовного бытия индейцев. Все явное было уничтожено или ассимилировано, языческие государства завоеваны, языческие религии запрещены. Уцелеть могло лишь то, что не связывало себя ни с индейским социумом, ни с народными верованиями. Рассказ дона Хуана об этих событиях, изложенный у Кастанеды, безусловно, кажется убедительным.

Итак, сама история предоставила возможность сохранить в первозданной чистоте “путь магов” почти до наших дней. Народные боги были низвержены, а индейские мыслители, которые логическим путем приближались к пантеистическому либо объективно-идеалистическому мировоззрению, были восприняты христианскими миссионерами-конкистадорами как главные идеологи язычества и физически устранены.

Толтеки, храня свои тайны от завоевателей, остались магам~ и не превратились в “мистиков” (под этими словами я подразумеваю описанный выше подход, т. е. мистики идут к слиянию в том или ином виде, маги же сохраняют свое Я и занимаются поисками Силы и личного бессмертия).

Однако в среде магов тоже имеет место раскол. Кастанеда утверждает, что в результате целого ряда кризисов школы разделились на “старых магов” и “новых видящих”. Хуан Матус в этом расколе также винил Конкисту, но, с антропологической точки зрения, это несколько упрощенный подход. На мой взгляд, раскол имел место с незапамятных времен. Внимательно изучив суть дела, мы поймем, что различие между древними магами и новыми видящими заключается не только и не столько в эффективности практики, не в особенностях принимаемой ими модели мира и не в системе ценностей, ими проповедуемых.

На самом деле данные направления ярко демонстрируют два психологических комплекса, присущих человеку с самого начала его познавательной деятельности. Я назову их так — “комплекс древнего мага” (“комплекс Зверя”) и “комплекс Фауста”. Эти комплексы, очевидно, опираются на архетипы коллективного бессознательного, и если уж говорить об этих комплексах, как о продукте истории, то это — продукт весьма удаленной, древнейшей истории.

В разные эпохи эти комплексы проявляют себя по-разному. История их активизации в конкретном человеке или сообществе всегда обусловлена своеобразием исторических условий изучаемого момента. Но все эти специфичности в итоге приводят к весьма сходным результатам. Так что я не буду говорить о древности (во-первых, там много неясного, а во-вторых, эта книга вовсе не посвящена исторической психологии). Давайте рассмотрим эти комплексы, их природу и проявления с точки зрения сегодняшнего момента. И вы легко поймете, почему эта тема так актуальна и имеет непосредственное отношение к результатам трансформационной дисциплины.

Начнем вот с чего.

В своих книгах я не раз повторял: мир нас *угнетает*. Конечно, это грустное утверждение справедливо не для всех, но долгое наблюдение за особенностями психологии оккультизма подсказывает, что именно те человеческие особи, что испытывают сильное и искреннее стремление к духовной самореализации (как бы они это ни называли — Трансформацией энергетического тела или Спасением), в наибольшей степени страдают от серого однообразия и монотонности повседневной жизни. Разве это не очевидно? Поиски измененного и расширенного сознания характерны для тех, кто *утомляется* миром, для тех, кто полагает очевидные радости и удовольствия социального бытия (лучше сказать, социобиологического) весьма неудовлетворительным и убогим способом скрасить жизненную активность.

Возможно, домашние психоаналитики и развращенные умственными спекуляциями теоретики от психологии склоняются к простой модели, поясняющей усилия человечества в области саморазвития и богопознания. Эти модели так очевидны, что просто напрашиваются на оформление их в виде научной теории. Например, духовный поиск легко назвать “невротическим симптомом”. Привлекательно простым кажется разъяснение всех этих экзистенциальных томлений депрессивным неврозом, протекающим неостро, а то и вообще в латентной (скрытой) форме.

Конечно, никто не говорит о счастливых трансформантах, которые в процессе поисков приобрели для своего бытия новое и яркое измерение (как дон Хуан или дон Хенаро), никто не говорит о циничных суперзвездах, которые вкладывают в свои заведомо шарлатанские учения и декларации простую страсть к общественному признанию и материальному благополучию, — эти знаменитости, добившись своего маленького счастья, вполне удовлетворены и заботятся только о том, чтобы усердные попытки их разоблачить не привели к гибели карьеры. Я говорю о тех искренних искателях, которые посвящают жизнь великому “мистическому деланию” ради него самого, о тех, кто собственным трудом шаг за шагом прокладывает тропинку в таинственное Иное, зачастую без всякого гуру и с очень маленькой надеждой на успех. Почему они тратят на этот сомнительный проект свою единственную жизнь?

Если прислушаться к их пояснениям без трансцендентального трепета, с клинической точки зрения проницательного психотерапевта, то мы обязательно узнаем, что потаенной причиной смятения духа самодеятельных мистиков и оккультистов является та или иная форма депрессии. Кроме того, в своей диагностической речи психолог непременно укажет на социальную нереализованность, неблагополучие и даже — на ранние формы социопатии. Если выразиться человеческим языком, это значит, что вам не хватает любви, работы, которая бы вам нравилась и давала достаточно денег, уважения и уверенности в завтрашнем дне. Все эти проблемы вызывают вялотекущее депрессивное состояние, которое компенсируется мистическими фантазиями.

К большому сожалению, психотерапевты порой бывают правы. Поиски “пилюли счастья”, универсального антидепрессанта под видом великого учения можно обнаружить в головах возбужденных адептов любого направления — будь то христианство, любая из церквей Нью-Эйджа, йога или буддизм, кастанедианство и т. д.

Любое здоровое учение, если оно направлено не на “зомбирование” своих последователей, а на реальные исследования и реальное развитие, находит способы бороться с подобными психологическими проблемами. И, надо сказать, дон-хуановское учение в этом смысле неплохо вооружено.

Выражаясь кастанедовским языком, устранить скрытую депрессию толтека — значит примирить первое и второе внимание. Конечно, как и во всех других случаях, — это вопрос энергии. Но не только. Можно сказать, что это в большей степени вопрос внимания и осознания. Что касается внимания, то здесь надо говорить о методологическом ядре толтекских техник для бодрствующей психики. Иными словами, это *безупречность* и *сталкинг* — то, о чем пойдет речь в данной книге. Но этим не исчерпывается решение проблемы, если накопленная энергия и правильно распределенное внимание не будут направлены на узловые моменты нашего *осознания*.

Я имею в виду те аспекты осознания, которые сами по себе создают чувственный фон (более того, фундамент) для подавленности и угнетенности, для растущих из этого переживания агрессии и эскапизма, наконец, для противопоставления собственной (конечно же, уникальной!) личности узколобому и ограниченному во всех отношениях социуму, а в дальнейшем (когда прозрения и паранойя начинают переплетаться в зловещих видениях) — всей “хищной Вселенной” с ее возмутительно бесчеловечным Орлом, армией флаеров-окупантов и неорганическими существами.

С точки зрения психиатра, магический Орден, группа спиритов или любая секта духовидцев — это сборище шарлатанов, параноиков и легко внушаемых невротиков. Даже в бесконечных проповедях сект и церквей Нового Века, где “все во имя Жизни”, ничто не отбрасывается, напротив — декла-

рируется “всестороннее принятие мира”, время от времени можно найти скрытое желание учителей и адептов искоренить все недостойное и непросветленное, а на руинах возвести новый мир. Единым махом разрубить гордиев узел, уничтожить накопившийся за тысячелетия духовный мусор. Разве это не комплекс неполноценности, не признак сущностной слабости, нетерпения и раздраженности, когда побеждает желание избрать самый простой, кровавый и в конечном итоге бессмысленный путь — путь, подозрительно напоминающий нам о мимолетном величии Третьего Рейха?

Буддизм махаяны, который стремился распространить свое влияние на весь мир, принявший идеал бодхисаттвы, который откладывает собственное спасение ради спасения других существ, не мог не столкнуться с воинственным желанием адептов спасти человечество немедленно. Ведь сказал Будда Шакьямуни “Жизнь — это страдание”! Разве не благородно избавить народы от страданий, построив Всемирную Империю Будды и усадив всех за медитацию? Сами же спасибо скажут, когда достигнут просветления!

Непросветленный мир порождает депрессию, а следом за ней, в качестве противовеса, — гнев и агрессию. Но буддисты решили эту проблему, используя психологически безупречный ход. Найти его было нетрудно, поскольку глубинное самопознание, присущее индо-буддистскому космосу, содержало в себе ответ изначально. Необходимо было лишь еще раз сформулировать древнюю истину всеединства и неразличения. И эта истина прозвучала: “Сансара есть Нирвана”. Тварный мир, мир смерти и рождения, ограниченности и неведения, равен окончательной свободе сознающего существа. У этой истины есть и философский аспект (о нем я говорить не буду), но важнее всего, что этот факт устанавливает некоторую *психологическую реальность*. Будучи отражением онтологической истины в ее высшем смысле, эта простая концепция одновременно оказывается эффективной психотерапевтической установкой. Удивительным образом она все изменяет, фактически лишь утверждая то, что и так *есть*.

Несмотря на то что нагуализм — это мировоззрение, имеющее в своем распоряжении все необходимые инструменты для избавления от депрессий и комплексов, импульс бегства из скучного, неприятного, утомительного мира первого внимания может довольно долго оставаться одним из решающих мотивов практики. Особенно актуальным это, как я уже писал, остается для сновидящих, но и сталкеры порой так искажают свою психическую деятельность, что не трансформируют депрессивные напряжения, а только вытесняют их.

Такие “сталкеры” любят потакать эксцентричным формам поведения, но за их смехом и выходками может скрываться не контролируемая глупость (как им хотелось бы думать), а мрачная отчаянность человека, не принятого миром и не принимающего его в ответ. На самом деле у подобных субъектов (сновидящих или сталкеров — неважно) в затылке вечно звучит то, что пробудило и заставило преодолеть мир принца Гаутаму, — “Жизнь — это страдание”. И этот темный “восклицательный знак” подсознательно грозит вырваться наружу. В момент психологического срыва они перестают быть толтеками, нагуалистами, исследователями иных режимов восприятия. Они становятся “воинами” в древнем и мрачном смысле этого слова — “древними магами”.

Обычно такое признание влечет за собой целый ряд негативных последствий. Древние маги (даже в том случае, если они себя так не называют) не способны противиться основополагающим порывам этого пути — поиску Силы и Власти, поиску Иерархии и Братства, поиску Битвы. Это древние архетипы, вовсе не утратившие своей власти над нашей психи, и подчиниться им очень легко. В общем я назвал бы совокупности этих психологических черт и установок комплексом “древнего мага”. Он является антиподом (во всех отношениях) “комплексу Фауста”, который мотивировал новых видящих и продолжает мотивировать современных здравомыслящих нагуалистов.

То, что я говорю именно о толтекском учении, не должно сбить вас с толку. Те же процессы можно наблюдать во всех школах и направлениях духовного знания, самосовершенствования и самотрансформации. Это своеобразный порог и, так сказать, “лакмусовая бумажка”. Можно десять лет

исследовать толтекское сновидение, сохраняя трезвость ума и настроение нового видящего, а потом превратиться в хищника, готового пожирать других, овладевать ими и в конечном счете — уничтожить самого себя, так как ноша древнего мага невыносима, а цель его недостижима. Можно, конечно, сказать, что те, кто движется по Пути, ведомые “комплексом Фауста” (то есть поиском знания и бессмертия), точно так же имеют недостижимую цель, ведь их кубический сантиметр шанса в бесконечной Реальности становится почти невидимым. Но судьба древнего мага — это неиссякаемая, жгучая страсть, которая всегда основана на бессознательном стремлении поглотить и переварить Мир, превратить его в поле своего удовлетворенного хотения, вот — цель. И эта цель по природе своей недостижима, никакой “шанс” не даст магу желанной ему силы и власти.

Сноски:

1) Гершом Шолем. "Основные течения в еврейской мистике." (том 1, с.87— 89.)

- 5 -

Как видите, все начинается довольно скромно — неосознаваемая депрессия, парочка комплексов, толика неуравновешенности. Но при наличии известного упрямства, категорического нежелания тоналя перепросмотреть некие темные области своей природы, энергетического потенциала, полученного от механистических методов и процедур, из семени вырастает пагубный плод — опасный как окружающим, так и его собственному носителю. Дегradировать намного проще, чем развиваться и усиливать осознание. И на первых порах — *приятнее*. Думаю, это и есть “древний Зверь”, мифологема, воплощенная в Апокалипсисе и более ранних откровениях. Его торжество в человеке — это экстаз, его Царство — гибель всего ему подвластного и, наконец, самоуничтожение.

Среди оккультистов любого толка встречаются эти существа. Их можно встретить также среди ученых, политических деятелей и религиозных проповедников. Их жажда власти всегда сочетается с жадой самоубийства. Стоит ли приводить исторические примеры? Например, Гитлер — “древний маг” в мировой политике, Джонс или Мария Цвигун — в истории религиозных сект. “Сумасшедшие ученые” не так известны, да и эпоха их процветания осталась в прошлом, когда вивисекция, евгеника и лаборатории в собственном подвале были возможны и модны. Но они есть и сегодня — не только в комиксах и фантастических романах, но и в реальной жизни. Они жаждут создать новое оружие, воздействовать на психику и мечтают о толпах загипнотизированных мутантов, которые помогут им установить Новый Порядок.

Мне, однако, проще говорить о мистиках и оккультистах, поскольку комплекс “древнего мага” или “древнего Зверя” проявляется в этой среде, так сказать, в наиболее чистом виде.

Во-первых, им трудно удержаться от создания группы, так как группа — то поле, где ярче всего проявляется их *сила и власть*.

Во-вторых, любое знание, полученное в результате практики или спонтанного прорыва, они обращают в инструмент управления группой. По этой причине “древние маги” делятся самим Знанием лишь в исключительных случаях. Обычно они выдают его строго отмеренными порциями, чтобы поддерживать свой авторитет и — самое главное — создавать разнообразные ступени Посвящения. Помните? Их три важнейших признака — *поиск Силы и Власти, поиск Иерархии и Братства, поиск Битвы*. Создавая уровни посвящения (называют это по-всякому, по мере собственной фантазии), они конструируют Иерархию. Признание исключительности всех подчиненных адептов и их противопоставленности миру профанов превращает группу в *Братство*. Уровни посвящения делают Братство *иерархичным*. Чтобы такая иерархия казалась естественной и была освященной, этот тип людей распространяет Иерархию на все мироздание. (Обратите внимание — они сами часто искренне верят в то, что данное описание мира реально. Более того, значительная часть их

силы и власти держится как раз на искренней вере, которая парадоксальным образом содержит в себе некоторую долю цинизма.)

Наконец, *поиск битвы* вынуждает их создать концепцию врага. По большому счету, для древнего мага весь Мир — Враг, поскольку не только не желает подчиниться ему, но и по сути своей осквернен, темен и примитивен. Однако, с точки зрения психологии, иметь такого большого врага, сопротивление которого неисчерпаемо, где любая победа выглядит крохотной и неубедительной, все равно что не иметь никакого врага. По этой причине совершенно необходимо иметь частного противника — конкретного человека, группу (школу или клан), нацию, этнос, государство. Иными словами, то, что хотя бы теоретически можно победить. Братство Света непременно нуждается в Братстве Тьмы, церковь — в еретиках и язычниках и т. д. и т. п. Битва магов — это идеальная ситуация, поскольку наиболее полно отражает древнейшую мифологию. Эта мифология переносится на “астральный” или более высокий план — в результате мы получаем Бога и Сатану, Ахурамазду и Ангро-Майнью, дэвов и асуров.

(Христианство вместе с древнеиудейской мифологией приняло этот воинственный дуализм, и в этом нет ничего странного. Странно другое — то, что, даже став относительно просвещенным религиозным институтом, оно не усмотрело в ожесточенной борьбе своего монашества с Дьяволом повторения древнего магического пути “битвы с миром”, ибо сказано: “Царство Божие не от мира сего” и “Сатана — князь этого мира”).

Склониться к темной стороне Силы очень легко. Важно понять, что усвоение толтекского мировоззрения не дает абсолютной гарантии, пока это мировоззрение остается лишь совокупностью мыслей и идей. Только сосредоточение на *безупречности* и *сталкинге* (всестороннее, а не избирательное) ведет к тому уровню усиления осознания, когда мы способны в самых сокровенных своих глубинах разыскать притаившегося и озлобленного древнего мага. Открыть в самом себе это существо и преобразовать его — все равно что открыть еще один источник энергии, поскольку мрачный “комплекс Зверя” на протяжении всей нашей личной истории исполнял роль аккумулятора. Его либо вовсе не выпускали на волю, либо выпускали ненадолго, а потом стыдились и прятали еще глубже — туда, где ему оставалось только копить Силу в надежде на грядущие битвы.

Для “Фауста” (того лица, которое кажется нам приятным и правильным) найти в процессе перепросмотра собственный “звериный лик” — мощный психологический шок. Ведь “комплекс Фауста” — это просвещенный и любознательный образ, бесстрастный ученый, чья высшая ценность — Познание. “Фауст” не знает человеческих страстей — любви и ненависти. Даже страх у него окрашен, в первую очередь, опасениями за свои познавательные способности. Он в меру тщеславен и не приемлет насилия. Он не желает подавлять, ему нравится *убеждать* и радоваться, что его советы приносят пользу. Он безразличен к социальным предрассудкам, индивидуалистичен, но высоко ценит свободу и справедливость. Такова поверхностная личность толтека — противоречивая, далекая от совершенства, но вполне социальная при всей своей асоциальности. Все его неврозы и комплексы компенсированы, уравновешены, а потому не влияют существенным образом на внешнее поведение.

Сталкинг и *перепросмотр* могут изменить эту внешне благополучную ситуацию. Если в нашем бессознательном комплекс древнего мага активен хотя бы частично (а подобные случаи нередки), мы подвергаем себя серьезному риску. Новые потоки Силы, меняющие энергетический потенциал системы и расшатывающие гомеостазис, новые способности восприятия, активизированные сновидением и видением, — все это способно поднять на поверхность личность древнего мага, а это извратит всю дальнейшую практику и приведет к печальным последствиям.

Вовремя распознать эти деструктивные элементы, несущие в себе еще не сформированное, но незаметно отбирающее силы *намерение*, совершенно необходимо. Вот первые симптомы, на которые надо обратить внимание:

1. Депрессия после практики — сновидения, stalking и перепросмотра. (Угрюмость, раздражительность, замкнутость.)
2. Острое переживание Силы как “избранности” во время неконтролируемых смещений точки сборки.
3. Желание “уйти от мира”, которое в критические моменты может граничить со стремлением к суициду.
4. Пристрастие к откровениям любой природы, даже в том случае, если их содержание сомнительно (голос “эмиссара”, “безмолвное знание”, различные “знаки” и пр.).
5. Пристрастие к stalking на уровне манипуляции другими людьми. Сюда же относится любовь к эпатажирующему или эксцентричному поведению.
6. Желание создать “круг приближенных” (клан или орден магов) как инструмент подтверждения собственной исключительности и организации интриг против непосвященных.

Первый пункт (депрессия) — наиболее общий и исполняет функцию “раннего предупреждения”. Сама по себе подавленность может говорить о самых разных процессах и вовсе не иметь отношения к комплексу древнего мага. Помимо внешних, чисто энергетических причин, подавленность и угрюмость — общая проблема сновидящих-мужчин, о чем я уже писал в предыдущих книгах. Перепросмотр подобной депрессии относительно легко выявляет ее причины независимо от того, кроются ли они в личных конфликтах наяву или в нежелательных контактах во время сновидения. Если же сами попытки перепросмотреть причины подавленности вызывают отчетливое раздражение или иррациональную злобность и приступ враждебности ко всему на свете — это говорит о том, что проблема кроется глубже, в деформациях тоналя. Это зыбкая почва, в глубинах которой может скрываться тот самый “древний Зверь”, которого проще всего воображать флаером-летуном, но на самом деле — он часть нашего существа, желающая Власти и не принимающая Мир. Обычно он бесконечно повторяет что-то вроде “Мир плох, люди глупы и несправедливы ко мне, имеющему знание”. Он таит в себе презрение и гнев. И самое главное — повторяю — он категорически избегает перепросмотра и закрыт для осознания. Чтобы вывести его на чистую воду, требуется весьма значительное усилие.

Последующие симптомы выявить проще. Это уже развитие болезни. Здесь проблема заключается в другом — личность признает в себе эти черты и признаки, но принимается искать для них оправдание. И, надо сказать, оправдания бывают невероятно изощренными, поскольку тональ привлекает для их генерации все свои усилия.

Переживание Силы как избранности только на первый взгляд кажется прямой и непосредственной проекцией чувства собственной важности. Безусловно, сама мысль о том, что ты “допущен” к необычным психоэнергетическим состояниям, таит в себе ростки самовозвеличивания. Это зародыш патологии и паранойи. Но, несмотря на болезненность этого психологического состояния, у него есть такие самооправдания, которые личность стыдливо утаивает от самой себя. В первую очередь, это — компенсация той или иной ущербности. Можно даже сказать, что сама идея избранности — всегда своего рода маска, которая своим блеском и напористостью призвана скрыть от окружающих (а более всего — от самого субъекта) дефекты внутреннего мира. Если человек отважится на кропотливый и беспристрастный перепросмотр, он в конце концов откроет в себе груз неполноценности. Любопытно, что, как правило, эти неполноценности или дефекты не имеют большого значения для окружающих, но для самого носителя комплекса — предмет жгучего стыда и вытесненного недовольства к самому себе, достигающего до презрения.

Перепросмотр часто выявляет, что каждый “избранный” в сокровенной, вытесненной глубине собственного образа полагает себя изгоем. Некая часть его тоналя регулярно повторяет про себя: “я — изгой”, “я — унижен”.

Сновидение, которое в таком состоянии почти невозможно контролировать, работает в полном соответствии с известным высказыванием Фрейда: “Сон — это осуществленное желание”. На фоне повышенной четкости и прозрачности сновидческих переживаний, достигаемых, как правило, насильственным, механическим путем — через упорствование в конкретных упражнениях, такой субъект может часто получать подтверждение того, что обладает “магической Силой”. Он ведет битвы, посещает “учителей”, которые толкуют ему про великую миссию, ради исполнения которой он родился на Земле, ему даются специальные откровения — а как же иначе? Любой энергетический факт, с которым он столкнулся в измененном состоянии восприятия, тональ интерпретирует как подтверждение “избранности”, наполняет соответствующим значением и содержанием. Что может быть лучшим подтверждением и оправданием, чем весть, пришедшая из миров сновидений — миров, сотканных по заказу сновидящего? Проблески Реальности, которые никак не соответствуют устремлениям тоналя, искажаются либо вытесняются — и мания растет посреди взлелеянных иллюзий.

Третий пункт — желание уйти от мира — наблюдается как логическое развитие предыдущих симптомов в том случае, если неблагоприятная среда, вопреки субъективной убежденности в собственном величии субъекта, усиливает свое давление и угрожает сокрушить его “миф о самом себе”.

В ситуации такого глубинного противостояния духовный искатель непрерывно нуждается в Мифе — Миф защищает его и одновременно дает силы для бесперспективной войны, подтверждая безусловную возможность победы. Миф держится на откровениях и видениях, ставших предметом личного опыта в состояниях измененного восприятия. С определенного момента любой перцептивный феномен, любой голос “свыше”, всякая синхронистичность становятся доказательством наличия невидимых и весьма значительных связей, установленных между субъектом и большим Миром. Воспринимаемая Реальность теряет присущую ей безличность, наполняется Силами, которые активно противостоят миссии “избранного” либо поддерживают и направляют его. Среда его субъективного бытия становится полем героических, эмоционально насыщенных взаимодействий. Воображение все более переплетается с реальностью, и многие феномены (живые и неживые) словно приобретают двойное значение — посюстороннее и потустороннее. Причем потусторонние отношения, которые чаще всего являются результатом ложных интерпретаций, выходят на первый план и приобретают большее значение, чем связи и влияния, лежащие на поверхности, повседневные.

Таким образом, искатель, пораженный “комплексом Зверя”, не в состоянии заметить, что его контакты с окружающими становятся грубым и непосредственным воплощением его эгоцентризма. Это поистине парадоксальное состояние. Полагая, что практика постепенно приближает его к духовности, к высотам совершенства, которые зачастую понимаются как высшее бесстрашие, истинное знание и сила, древний маг погружается в собственное гипертрофированное и искаженное эго. На бессознательном уровне он реагирует на факты опыта как солипсист, поскольку не желает признавать самоценности мировых процессов и проявлений. Он всегда пребывает в центре воображаемого поля, где другие люди могут быть лишь объектом манипуляций, упражнений — тем, от чего он отталкивается в странствии к абсолютному Духу. Это своего рода “магический аутизм”, прикрытый традиционной риторикой, прославляющей потенции человеческой природы, на словах отрицающей эгоизм и утверждающей Божественную Любовь.

На самом деле, как бы ни прятал маг подлинные мотивы в собственном бессознательном, речь всегда идет о величии одного-единственного Человека — самого мага. Потому его игры с окружающими людьми не являются stalkingом в толтекском смысле этого слова. В них ничего не выслеживается, а лишь моделируются ситуации, бесконечно подтверждающие превосходство “сталкера”.

Если эти цели удастся скрыть, если маг может произвести сильное впечатление на не слишком опытных коллег, то его властная харизма способствует возникновению крута приближенных — иногда фанатично преданных лидеру и способных осуществить любое его безумие. Так образ древнего мага получает окончательное воплощение в нашем мире и этим обозначает личную консервацию и духовную гибель.

В данном описании психиатрия могла бы найти вдохновляющие параллели. На самом деле это во многом напоминает шизофренический процесс. Личностный кризис, который сопровождается депрессивными реакциями, раздражительностью и замкнутостью, внезапным отречением от мира общепринятых отношений, может рассматриваться как шизофренический “дебют”. На этой почве формируется система предпочитаемых идей о мире и о себе, все более замкнутая и акцентированная (маниакальная) — что часто именуют “магической паранойей”. Неспособность выбраться за пределы воображаемого пространства псевдодостижений, где собственное “я” заслоняет объективную реальность, порождает аутистическое поведение.

Именно обилие сходных черт с психопатологическим синдромом смущает врачей, если те сталкиваются с данным типом личности. Пытаясь поставить диагноз религиозным фанатикам, лидерам сект или магику-окультистских движений, психиатрия испытывает сильные затруднения, наблюдая, с одной стороны, множество свидетельств помимо всего остального, важнейшим инструментом самоконтроля или, выражаясь медицинским языком, самодиагностики.

Без сталкинга и перепросмотра безупречность рискует превратиться в негибкое, застойное поведение. Культивируя одни эмоциональные состояния и преодолевая другие, мы склонны вытеснять разные содержания в бессознательное и копить материал для внутренних конфликтов. Сталкиваясь время от времени с непреодолимыми препятствиями Мира, с собственным несовершенством, мы незаметно для самих себя оказываемся в положении воина, окруженного врагами. Предотвратить возникновение этой деструктивной установки можно лишь с помощью сталкинга и перепросмотра.

Надо ли специально говорить о том, что подобный патогенез психики возможен лишь на фоне отсутствия безупречности либо на фоне безупречности, понятой превратно? Сталкинг и перепросмотр служат, помимо всего остального, важнейшим инструментом самоконтроля или, выражаясь медицинским языком, самодиагностики.

Без сталкинга и перепросмотра безупречность рискует превратиться в негибкое, застойное поведение. Культивируя одни эмоциональные состояния и преодолевая другие, мы склонны вытеснять разные содержания в бессознательное и копить материал для внутренних конфликтов. Сталкиваясь время от времени с непреодолимыми препятствиями Мира, с собственным несовершенством, мы незаметно для самих себя оказываемся в положении воина, окруженного врагами. Предотвратить возникновение этой деструктивной установки можно лишь с помощью сталкинга и перепросмотра.

В данной книге я постараюсь уделить основное внимание именно этим аспектам самовыслеживания. Во-первых, о сталкинге и перепросмотре в таком смысле до сих пор мало что написано, во-вторых, для поддержания высокой интенсивности осознания именно эта дисциплина представляет наибольшую важность. Здесь сила осознания становится личной силой толтека, источником его магии и его трансформации. Если не учитывать всего объема бессознательных противоречий, порождающих комплекс “древнего мага”, безупречность легко перестает исполнять свою главную функцию — накопителя энергии, расширяющей возможности восприятия и приближающей нас к Реальности. Безупречность превращается в еще один хитроумный вариант эскапизма, она уводит нас в поле субъективных предпочтений и ложных самоуспокоений.

Позабыв о сталкинге и перепросмотре, однажды мы начинаем следовать не безупречности, а симпатичному для нас субъективному образу безупречности. И неважно, каким именно оказывается этот образ. Можно казаться самому себе “святым”, можно считать себя носителем безжалостной Энергии, подобно свирепому Шиве, преобразующему мироздание, — все это лишь плоды само-

рефлексии, выросшие на фоне бессознательного самолюбования, магического эгоцентризма. Все это — лики Зверя.

Удержаться в позиции нового видящего — вот важнейшая цель толтекской дисциплины. Сохранить трезвомыслие, объективность, не допустить в мир расширенного опыта предвзятых оценок и “образа себя” (который всегда *лучше* или хуже, чем мы есть на самом деле, а потому непременно оказывается источником искажений и заблуждений).

Данный фрагмент — тоже своего рода тест. Если вам стало скучно, пока вы его читали, если все это кажется вам излишним, не имеющим прямого отношения к формированию вашего “магического существа”, к вашей психоэнергетической Трансформации, — это настораживающий признак. Значит, настало время серьезно задуматься над тем, зачем вы решили обратиться к толтекской дисциплине. Не таится ли в сумраке вашего бессознательного образ “древнего мага” — властная фигура, пребывающая на пьедестале чувства собственной важности, которую вы просто попытались облагородить неопишным сиянием нагуаля? Вы должны быть предельно откровенны с самим собой.

- 6 -

Наконец, необходимо сказать несколько слов о *магии подлинной и магии мнимой*. Это существенный момент, поскольку во многом определяет практическую успешность нашего продвижения по пути психоэнергетической Трансформации. Именно те искатели, что подвержены “комплексу Зверя”, особенно тяготеют к занятием *мнимой магией*. Ведь именно здесь скрыты бесконечные перспективы для странствий в полях собственного воображения, для увлекательных приключений и культивирования собственной значительности в высших мирах. Если вдуматься в такое положение дел, то легко прийти к выводу о мудрости и гармонии, присущей Реальности. Ведь это положение и делает одержимых магов во многом безвредными и бессильными. Ибо первая практическая неприятность, что с ними происходит, — это утрата способности *различения* между мнимым и подлинным, воображаемым и реальным.

Эта ситуация настолько распространена, что магический поиск человечества на протяжении тысячелетий в значительной массе своей сосредоточен на фикциях. Мнимая магия активно обсуждается по сегодняшний день, искаженные представления о магии формируют не только мнение профанов, но и определяют практику тех, что считают себя в этом деле профессионалами. Все перепуталось и смешалось — галлюцинации, фантазии и реальность. Субъективные психические продукты объявляются феноменами большого Мира или “ключами” к таковым феноменам, указателями и инструментами магического делания. Сплошь и рядом можно прочесть или услышать, что магия “построена на игре образов и ассоциаций”, что активное воображение и визуализации открывают доступ к энергиям бытия и являются по сути основным орудием магического воздействия. Об этом пишут бесчисленные трактаты, этим объясняют множество ритуалов и доказывают их действенность.

Любопытно, что практика не давала и по-прежнему не дает никаких серьезных оснований для того, чтобы признать подобную магию эффективной. Но это несколько не препятствует распространению ее иллюзорных методов и идей. Ибо *мнимая магия* опирается на человеческие надежды и фантазии, на веру и упование — этим она ничем не отличается от религии, и потому так же неуничтожима. Она — психологическая ортопедия, “заменитель Реальности” для множества слабых людей, нуждающихся в подобном заменителе.

Не стоит чересчур бояться “тайной силы” магов, стремящихся к власти над ближними и дальними. Эта “сила” рождается из воображения и в большинстве случаев только над воображением имеет власть.

Однако необходимо помнить об одной тонкости, которая делает положение не столь однозначным: *мнимая магия родилась из магии подлинной*. Как бы далеко мнимая магия не отошла от реальной психоэнергетической практики, в фундаменте своем она сохраняет отдельные реликты Силы. Порой эти реликты срабатывают и этим окончательно сбивают с толку нынешних искателей магической силы. Они внушают иллюзию эффективности и вдохновляют магов на бесконечные поиски верных рецептов там, где их никогда не было и быть не могло.

Как же сформировался этот комплекс представлений, этот хрупкий и призрачный мир мнимостей и кажимостей, побуждающий нас искать Силу в гипнотических миражах древних и новых мифов?

Поскольку магия всегда искала выход за пределы познаваемого и описываемого, во всех культурах (кроме толтекской, которая пресекла подобные попытки) она приходила к компромиссу с мифологическими и ранними религиозными воззрениями. Везде магия останавливала свое развитие на этом невидимом стыке познания Реальности и “мира культуры”.

Разумеется, стык этот находился на границе сна и бодрствования, памяти и фантазии, видений и интуиции. Полноценное описание здесь никогда не возникало и, по большому счету, не возникло по сей день. Магия невольно превращалась в *corpus symbalicum*, собрание символов. Поскольку именно символ изначально имел “двустороннюю природу” — совокупность опыта в форме максимально интегрирующей метафоры, обладающей потенциальной способностью распространять свои черты на все новые и новые области постигаемого, и одновременно “вечный намек на Невыразимое и Непостижимое”, то, что не станет предметом опыта, но будто бы обещает в бесконечно удаленном будущем завершиться в себе и таким образом воплотиться — не по-платоновски, а в полноценной своей субстанциональности. Проще говоря, это — мечта.

Со времен раннего неолита попытки человека влиять на мир, изменять его и собственную природу породили огромный комплекс идей. На ранних этапах своего существования таким же образом эволюционировала наука, но ее отличало от магии решающее в данном случае качество — наука отказалась от мифологии и сакрального отношения к собственным “преданиям”. Иными словами, внутри известной нам не-толтекской магии никогда не было того естественного отбора концепций и методов, который регулярно избавлял науку от неэффективных идей и представлений, делая ее от века к веку все более рациональной, проверяемой, прагматичной. В конечном итоге внутри магического знания накопились целые массивы того, что можно было бы назвать в лучшем случае “отголосками первобытного мировоззрения”, а в худшем — ментальным мусором, отходами искателей самых разных времен и культур.

Кроме того, надо иметь в виду, что реальное (не-мнимое) магическое действие — это активизация энергетических полей, из которых состоит наше целостное тело. И чем более плотными полями мы обладаем, чем более совершенны наши навыки управления ими, тем большее число рецептов будет работать. Поскольку рецепт, ритуал, процедура — всего лишь уловка для нашего внимания, сами приемы такого рода не содержали и не содержат никакой силы.

Возможно, об этом положении были осведомлены маги еще в далекой древности. И именно это было не только самым сложным — “сердцем” дисциплины, но и самым тайным, сокрытым от непосвященных. Неудивительно, что на протяжении последних столетий европейцы получили доступ как раз к той части магического знания, которая, как правило, не имеет значения, редко бывает эффективна и, разумеется, может быть относительно легко освоена.

Именно эту массу необязательных и не дающих подлинной силы знаний следует называть мнимой магией — в отличие от магии подлинной, к которой относится корпус психоэнергетических практик и самое впечатляющее достижение в этом ряду — *толтекская магия нагуаля*.

Мнимая магия, которую не устают рекламировать современные колдуны и ведьмы (часто совершенно искренне), состоит из весьма внушительного комплекса идей. Перечислить их даже кратко

не представляется возможности. Важно указать на их главные структурные и функциональные признаки.

Во-первых, они *распространяют признаки социального (человеческого) мира на космос*. (Например, существование духов-покровителей и иных потусторонних существ, которые заинтересованы в прогрессе человека на избранном Пути. (Некоторые магические школы даже называют их “Присматривающими”).) Их роль — не только невидимое учительство, но и охрана путешественника по миру магии. По сути, это ангелы-хранители языческого толка. Христианство переняло эту концепцию, соответственным образом ее облагородив. Повсюду мы находим продолжение социума. “Учителя”, “помощники”, “астральные братья” — целые сонмы им подобных блуждают в потусторонних планах бытия, чтобы сопроводить адепта к цели, избавить от одиночества и обеспечить дальнейшую реализацию социальной природы человека в пути к высшей силе и знанию. То есть парадоксальным образом сохранить человеческое в человеке на тех уровнях, где это невозможно. В результате движение адепта становится мнимым, воображаемым, как и все его “магические силы”.)

Во-вторых, психические феномены объявляются *объективной (энергетической) реальностью* в буквальном смысле. Мысли, символы и абстракции в неизменном виде переносятся на области мира, где нет ничего человеческого.

На этой основе логическим образом возникает специальное представление об “астральной плоскости”. Р. Гримасси, апологет викканского колдовства, описывает “астрал” вполне типичным образом: “Это определенное состояние сознания, — говорит он, — относящееся к воображению. Это не то состояние, в котором пребывает разум в моменты неглубокого и неверного дневного сна. Нет, скорее это продукт воображения, создаваемым ясным и твердым сознанием. Если материальная плоскость — это плоскость формы, то астральная плоскость — это плоскость силы”. Дж. Бреннан писал так: “Мысли становятся образами. Абстракции становятся символами. А эмоции становятся их движущими силами” (“Астральные врата”, 1971). И далее: “Материя астрального измерения называется астральным светом. *С ней можно обращаться как с глиной, придавая ей любую желаемую форму при помощи наших мыслей и чувств*” (курсив мой. — А.К.).

Последнее замечание, по сути, открывает суть мнимой магии и тех манипуляций, на которых она построена. Реальная почва, из которой растут подобные идеи, существует в виде магического делания, эффективность которого учитывается и в толтекской дисциплине. Действительно, в процессе практики мы сталкиваемся с некоторой областью, где подобные приемы работают. Это область нашего внутреннего контроля, и она ограничивается сферой энергетического тела мага. Развив навыки саморегуляции, мы можем в пределах своего энергетического тела конструировать некоторые формации, щиты и экраны, создавать специальные инструменты воздействия на внешнее поле. Выражаясь толтекским языком, это использование *силы тоналя* — вовлечение энергии *первого кольца* в области, не относящиеся к миру повседневного описания. Иными словами, это практика, подключающая мир магического описания к миру нашего действия. Но она не распространяется на поля больших эманаций и потому не является сущностью подлинной магии.

И это еще раз подчеркивает, насколько мнимая магия порождена человеческой не-безупречностью. Поддаться искушению и распространить частные, самые простые приемы работы с энергией, на бесконечные пространства потустороннего — это удовлетворяет две важнейшие потребности человеческого тоналя: в однородности и постижимости мироздания, а также и осознании своей природы как универсально эффективной и потенциально всемогущей в ее нынешнем виде.

Эти тональные потребности отрицают трансформацию. Однородный мир просто не нуждается в трансформации — достаточно всего лишь увеличить энергетический потенциал, нарастить астральные мускулы, и перед магом открывается бессмертие и свобода. Простота, очевидность этого подхода неизменно вдохновляет человека. Мнимая магия, построенная на принципе фундаментального сходства микрокосма и макрокосма, позволяет человеку лелеять несбыточные мечты. Все

эти мечты, каким бы сложным языком они ни оформлялись, всегда сводятся к одному: *стать могущественным и бессмертным существом, не перестав быть человеком*. Общаться с духами, силами, союзниками, командовать демонами, влиять на судьбы и обстоятельства, странствовать по мирам, но при этом хранить в себе привычные желания и эмоции, радоваться привычным удовольствиям, питать свое честолюбие, полагая, что поднялся выше всего человеческого рода и приближаешься к Божеству. Таково подлинное настроение *мнимой магии*, как бы тщательно ни скрывалось оно за возвышенными словесами.

Невозможность такого пути мнимыми магами не рассматривается. Они не желают осмыслить и по-настоящему осознать очевидное противоречие — *невозможно измениться, не изменяясь*. Невозможно трансформировать свою природу, не перестав быть “человеком тоналя”, человеком привычного описания, распространяющим личные представления и фантазии на вселенную.

Подлинное изменение начинается с *безупречности* — отказа следовать всей массе эмоциональных и поведенческих стереотипов, присущих человеку и обуславливающих его энергообмен с внешним полем. И главный инструмент изменения (Трансформации) — сила осознания. Та сила, что открывается в безупречном существе по мере устранения человеческих иллюзий, ценностей и мотивов. Безупречность — та тренировочная площадка, где осознание впервые по-настоящему обретает себя. Каждый шаг в этом направлении ведет к новому уровню интенсивности осознания, а новый уровень интенсивности осознания — к трансформации тех или иных областей нашей энергетической природы.

Другого пути человеку не дано. Невозможно добиться чего-то значительного в обход тех глубинных преобразований, на которые нацелена практика безупречности. Магические сновидения, управление волей, переход во второе внимание, овладение намерением — все эти реализации без мастерского освоения безупречности возможны лишь мельком, давая нам весьма общее представление лишь о самой возможности Трансформации нашей природы. Превратить эти проблески, временами проникающие в наш ограниченный опыт, в подлинную магию нагуаля может только правильная и всесторонняя практика *безупречности* — чему и посвящена эта книга.

ЧАСТЬ I. ВНУТРЕННЕЕ НЕПОСТИЖИМОЕ

" Почему все, кто вовлечен в поиски, оказываются перед завесой тайны, и тому, кто хочет ее приподнять, грозят ужасными карами? Ничто пик не лживо, как эзотерические книги, авторы которых заявляют, что они могли бы открыть много Большие, чем открывают, но читатели этого недостойны! "

Раймонд Абвэлио

Глава 1. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ТЕЛО И НАЧАЛО ТРАНСФОРМАЦИИ

" Избрав путь воина, человек полностью пробуждается и окончательно осознает, что обычная жизнь навсегда осталась позади. Средства повседневного мира больше не служат ему щитами, и он вынужден избрать новый способ жизни, если хочет уцелеть. "

Карлос Кастанеда

Всякий самостоятельный искатель, который пытается проникнуть в мир кастанедовского нагуализма, испытывает наибольший трепет перед состояниями измененного восприятия — теми свидетельствами расширенного опыта, которые наглядно демонстрируют самое чудесное и таинственное, то, где пребывает толтекская магия во всей своей грозной и непостижимой красоте. Тайны магического *сновидения*, проникающего в миры *второго внимания*, оформление *дубля* и колдовские влияния *воли*, неопишуемая сила *намерения* — вот что в первую очередь привлекает внимание, вдохновляет на нелегкий путь практического самоизменения.

Однако, приступив к практике, мы натываемся на невидимый барьер; выученное восприятие тоналя окружает нас непроходимой пеленой, тонкой, но необъяснимо прочной — ровно настолько, чтобы сквозь него заманчиво мерцало Иное, явно демонстрируя себя лишь краткими мгновениями, но не приближаясь и не становясь полноценным опытом. “Ветер нагуаля” настигает нас порывами и вновь уходит, оставляя томительное чувство незавершенности переживания. Магия то и дело оказывается на расстоянии вытянутой руки, но не дается окончательно. Подобная жизнь среди обманчивых призраков рано или поздно начинает утомлять и в конце концов вызывает законные сомнения — а не оставил ли нам Кастанеда грандиозную фикцию, недостижимую мечту, к которой можно лишь вечно приближаться, никогда не обретая подлинной Силы?

Пребывая в такой растерянности, мы непрерывно ощущаем, что для магических реализаций нам не хватает чего-то крайне важного, но не поддающегося описанию. Чаще всего говорят о *недостатке энергии* — просто потому, что это объяснение универсально и как бы напрашивается. Но что реально стоит за этим, уже привычным словосочетанием? Можно сказать более определенно — например, мы нуждаемся в большем объеме *перцептивной* энергии. Ведь вполне очевидно, что энергия, генерируемая телом для осуществления физической работы или пищеварения, в данном случае нас мало интересует. Потому можно указать, что речь идет об энергии, обеспечивающей необычную деятельность аппарата восприятия. Но и это определение не вполне нас удовлетворяет,

поскольку остается совершенно неясным, каким образом накапливается и транслируется такая специфическая энергия.

Погрузившись в интроспекцию и внимательно изучив предпосылки психической активности, способствующей включению измененных режимов восприятия (сновидения, второго внимания и т. п.), в конечном итоге приходишь к выводу, что мы нуждаемся в определенном уровне *интенсивности осознания* — alertности, ясности, сосредоточенности на фоне широкого поля. Именно переживание *интенсивности осознания* мы, как правило, интерпретируем как обретение личной силы, как достаточный энергетический тонус для проникновения в неосвоенные области больших эманаций.

Магические трансформации, которые составляют суть и смысл толтекского учения, становятся частью нашей каждодневной жизни лишь в том случае, если мы подбираемся к ним одновременно с двух сторон. Выражаясь метафорически, у толтека есть два ключа к радикальному изменению, дающему доступ к энергиям *нагуаля*.

Первый ключ — *технологически-медитативный*. О нем многое было написано в книгах “Видение нагуаля” и “После Кастанеды”. Сюда относятся методы вхождения в толтекское сновидение, комплекс упражнений по достижению *остановки внутреннего диалога* (далее по тексту - **ОВД**), те виды *не-делания* и *делания*, что касаются непосредственно управления вниманием и энергетическими потоками внутри кокона. В большей или меньшей степени с элементами психоэнергетической практики данного типа можно столкнуться во всех тщательно разработанных мистических и оккультных дисциплинах. Все техники здесь сродни йогической медитации — то есть сводятся к процедурам работы с различными формами сосредоточения внимания. Ведь даже в том случае, когда мы рассеиваем луч внимания по зрительному полю, чтобы в процессе “ходьбы Силы” добиться *остановки внутреннего диалога*, мы добиваемся сосредоточения. Это — определенная работа, имеющая свое начало и свой конец. Это упражнение, целью которого является приобретение того или иного навыка управления собственным восприятием и, как следствие, энергообменом.

Второй ключ к успеху — таинственный, хоть и лежит на поверхности. Весьма условно его можно назвать *мистико-психологическим*, поскольку речь идет именно о “мистической психологии” человека. Сюда относятся три неразрывно связанных элемента — *безупречность*, *сталкинг* и *намерение*. Их взаимосвязь понять нетрудно: сталкинг обслуживает безупречность, намерение формирует настроение сталкинга и, наконец, безупречность и сталкинг как фоновые состояния поддерживают силу намерения.

Об этой второй области толтекской магии пойдет речь в данной книге. Она действительно представляет собой Тайну — в отличие от совокупности технологий, где можно ограничиться рецептами и списками упражнений. Не будет большим преувеличением сказать, что здесь субъектом оказывается сам *нагуаль* — внутренний нагуаль оперирует нагуалем внешним. Таким образом, мы оказываемся перед лицом ситуации, на которую загадочно намекнул дон Хуан. В книге Кастанеды он, правда, выразился чуть иначе — “тональ каждого из нас является просто *отражением неопишуемого неизвестного*, наполненного порядком, а нагуаль каждого из нас является только отражением неопишуемой пустоты, которая содержит все”. Выше он сказал о том же, но другими словами: “Разум *может только свидетельствовать эффекты тоналя*, но никогда не сможет понять его или разобраться в нем” (курсив мой. — А.К.).

Вот в чем штука. Осознание толтекского мага в какой-то момент открывает для себя сокровенное тождество *тоналя* и *нагуаля*. И речь идет далеко не о том, познаваемо или непознаваемо представленное нам в опыте. Имея дело с тоналем, мы на самом деле опираемся на нагуаль, на “внутреннее Непостижимое”. Обычный человек не отдает себе в этом отчета, поскольку автоматически надевает рациональные схемы на все, доступное ему. И лишь безупречность и сталкинг обнажают повсеместное присутствие невыразимой Реальности внутри и снаружи. И тогда становятся понятными

слова индейского мага, которые мы можем свести к совсем уж темной формулировке: *нагуаль* управляет *нагуалем*.

Понятно, что это фигура речи — но за ней стоит нечто крайне важное и безусловно истинное. Ведь безупречность — не упражнение. Безупречность включается намерением, а намерение — вне описания, несмотря на то что всегда находится на кончиках наших пальцев.

При помощи намерения мы собираем каждодневный мир личного и общечеловеческого тоналя. Сами не сознавая этого, мы привлекаем намерение для того, чтобы полностью отождествиться с этим маленьким миром, закрыться в нем и стать его пленником. Именно безупречность и сталкинг освобождают намерение от фиксации на той области, которая затягивает нас, подобно трясине. Второй ключ толтекской дисциплины разворачивает данную нам силу намерения вовне — в бесконечное пространство, которое содержит все, а потому является источником нашей Трансформации, свободы и бессмертия.

Многokrратно говорилось, что мы живем внутри пузыря восприятия. Этот термин и стоящая за ним концепция кастанедовского нагуализма отражает перцептивную ситуацию достаточно выпукло.

Следуя той же метафоре, мы помним, что воспринимаем то, что отражается на стенках данного пузыря, и этим принципиально ограничены — как на уровне познания, так и на уровне функционирования природы нашего существа.

Объем пузыря и характер бликов на его стенках обусловлены, прежде всего, распределением осознания — результатом накопленного опыта и упорядоченного внимания. То, что опыт бесконечно дублирует себя, репродуцирует содержания, используя ограниченный набор вариаций, то, что внимание обусловлено и мотивировано психофизиологической конструкцией нашего организма и устойчивых импринтов, возникших в период самой ранней социализации (а тип социализации, в свою очередь, — результат и отражение опыта предыдущих поколений, и так до бесконечности), — все это уразуметь несложно. Эта неизбежная самообусловленность вызывает чувство некоторой безнадежности — дурная бесконечность, замкнутый круг, вечное и неизменное колесо Сансары, которое можно лишь остановить. Эта остановка сулит Великую Пустоту, Слияние либо Небытие. Если же не привлекать метафизику, то можно сказать просто — она сулит *Смерть*.

Ведь “раскрыть” пузырь восприятия и “выбраться” из него — это совсем не одно и то же. Если мы вернемся к аналогии с двумя ключами толтекской магии, то можно выразиться следующим образом:

Для “вскрытия” пузыря достаточно одного ключа — технологически-медитативного. Для выхода на свободу — оба.

Хаксли во “Вратах восприятия” назвал нашу нервную систему предохранительным клапаном, не позволяющим сенсорному хаосу, излучаемому бесконечностью, проникнуть в психику и разрушить ее. Однако человеческое любопытство и желание обрести Большой Мир помогло нам найти множество лазеек. И эти лазейки всегда основывались на технологии. Даже путь “растений силы” в его изначально девственном виде технологичен. Ведь он подразумевает отнюдь не глубинные трансформации осознания, а конкретный способ интоксикации мозга, чтобы на фоне искусственной психоделии найти формы сосредоточения психики, выводящие нас в пространство Иного — “мир духов”, “астральный план” и т. п. Медитаторы самых разных традиций ведут нас туда же, но без вспомогательных агентов, влияющих на биохимию ЦНС.

Технологически-медитативный путь формирует “щель” в пузыре восприятия, настойчивые усилия искателя в дальнейшем расширяют ее — и, если наше упрямство оказывается сильнее инстинкта самосохранения, пузырь распаивается полностью. Вызванный этим проникновением в Реальность экстаз слияния разрушает существо, как только процесс становится необратимым.

Дорога к этому впечатляющему концу переполнена чувствами, переживаниями космических масштабов. Откровения расширенного восприятия дают богатый материал для вдохновения, и энтузиазм мистика не угасает вплоть до самой смерти. Экстатика и визионеры оставляют нам труды и поучения, которые нередко становятся священными, и вслед за ними устремляются воспламененные их примером верующие.

Но толтекский *путь воина* настаивает на обязательном использовании обоих ключей — именно потому, что его цель — не слияние с бесконечностью или Абсолютом, а Трансформация — превращение в “воина-путешественника” (по выражению Кастанеды). Толтеки, никогда не страдавшие чрезмерным идеализмом, *намеревались* измениться, но не исчезнуть. Научиться жить и странствовать в Большом Мире, управлять собственным энергетическим телом, форма которого стала изменчивой и пластичной в соответствии с требованиями больших эманаций, — вот задача нагуализма и его высшая магия. (Следуя известной формулировке, которая называет эманации “командами Орла”, можно выразиться следующим образом: *Энергетическое тело обычного человека способно выполнять лишь некоторые команды Орла, позволяющие ему с известной стабильностью существовать в одном-единственном мире. Энергетическое тело толтека, достигшего реализации, отвечает бесчисленному множеству таких команд, не разрушаясь, а потому способно странствовать по необозримым полям мироздания.*)

С такой задачей может справиться лишь *безупречный* воин. Медитативных приемов и упражнений по концентрации здесь явно не хватает, поскольку требуется высший контроль за формой энергетического тела. А подобный контроль возможен лишь на фоне радикального изменения самой сути внутреннего, психологического пространства искателя.

Что же такое *безупречность*? Видимо, это нечто большее, чем совокупность убеждений, ставших особым настроением. Это не просто *чувство*, хотя включает его в себя. Это не эмоция и не отсутствие эмоций. Когда мы говорим, что безупречность — это отсутствие страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе, мы, хотя и правы формально, но тем не менее сильно упрощаем ситуацию. Вернее было бы сказать, что мы приходим к безупречности, отказавшись от схемы реагирования, которая укладывается в эти три фундаментальных чувства. Но сама безупречность — это, прежде всего, тип самосознания, в определенном смысле — целостный космос, выросший из переживания себя в качестве *реального* существа, того, чем мы являемся *на самом деле* — без оценок, пристрастий, отношений и образов. Это специфическое самовосприятие, по природе своей нерасчленимое, поскольку является не чем иным, как *смещенной позицией нашей точки сборки*. Пока мы стремимся к этой позиции, имеют значение те многочисленные указания, которые разбросаны по книгам Кастанеды, рекомендации и намеки, мысли и даже стихи. Но когда безупречность достигнута, она перестает быть предметом анализа — так же как не является предметом анализа “безмолвие ума” или “чистое созерцание”. Это состояние, о котором нечего сказать, — его так же трудно увидеть, как собственные глаза без помощи зеркала. Однако по дороге к безупречности надо прожить и прочувствовать целый ряд специфических настроений и идей, о которых приходится много и глубоко размышлять.

Как всякое состояние перцепции и как всякая позиция точки сборки, безупречность в толтекской дисциплине имеет ясный энергетический смысл. Об этом уже было сказано в предыдущих книгах, так что напомним лишь самое главное. Поскольку проникновение в безупречность возможно только в результате трансформации страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе, то напомним, что перечисленные типы реагирования — не просто социальные привычки, внушенные нашему эго. Это, как я сформулировал в одной из предыдущих работ, — *психическая репрезентация эволюционно сложившейся формы энергообмена*. Иными словами, те чувства, эмоции и формы реагирования, о которых идет речь, *консервируют* нашу природу не только психологически, но и *энергетически*. Они стабилизируют наше восприятие и ограничивают поле опыта единственным диапазоном — тем диапазоном, в котором существование не-безупречных переживаний закономерно и имеет смысл, поскольку обеспечивает биологическое и социальное выживание.

Надо отметить, что эта система “не-безупречности” — очень жесткий каркас нашего существа. Это суть формы энергетического тела, наши ремни и цепи.

Напомню ту аналогию, которую уже однажды использовал, описывая энергетическую функцию *безупречности*: “Попробуйте представить себе свой энергетический кокон как обыкновенный воздушный шарик. Во время занятий медитацией, аутогенной тренировкой, деланием или неделанием, мы словно бы надавливаем пальцем на свой “воздушный шарик”, стремясь изменить его форму. Когда упражнение заканчивается, форма возвращается в свое изначальное состояние. То есть стоит убрать палец — и шарик снова круглый, как ни в чем не бывало. Это — обычная ситуация духовного искателя, возложившего все надежды исключительно на медитативные техники. Личность меняется только в момент исполнения упражнения. Медитация рано или поздно заканчивается, и все возвращается на круги своя.

Но мы с вами немного отличаемся от воздушного шарика. Следуя все той же аналогии, мы как бы способны по собственной воле “менять его плотность”, т. е. сознательно снизить стремление формы к сохранению гомеостаза. Это возможно только в том случае, если мы апеллируем к самым глубинным инстинктам своего существа. Работа кропотливая и сложная, но иного пути, судя по всему, не существует. Победа над страхом смерти, чувством собственной важности, смирение, отрешенность — все это особые формы отказа защищать привычную форму своего энергетического тела. Иными словами, мы готовы погибнуть в своем нынешнем качестве и возродиться в ином. Если же попытка возродиться провалится, то мы готовы бестрепетно уйти. Вот подлинное настроение безупречности. Будучи готовы к смерти, мы в известной степени “распускаем” слои внутренних эманаций и этим уменьшаем внутреннее давление. Сила фиксации точки сборки естественным образом снижается, а форма энергетического тела уже не так настойчиво стремится в изначальное состояние” (“После Кастанеды” , с. 304—305).

В процессе практики (если мы движемся в правильном направлении) выясняется, что аналогия с воздушным шариком даже ближе к действительному положению дел, чем кажется поначалу. Поскольку психологические опыты и последовательное самонаблюдение спустя годы ведут к неким общим изменениям, которые из области настроений и установок, пребывающих “в голове”, переходят на всю психосоматическую целостность. И тогда мы по-настоящему начинаем чувствовать, что наше энергетическое тело изменилось. (Об этих феноменах еще будет сказано.)

Исходя из описательной модели, которую можно найти в книгах Кастанеды, большинство гагуалистов, не задумываясь, связывают идею безупречности с накоплением энергии, или накоплением личной силы. Выше уже было отмечено, что для поверхностного взгляда такого объяснения достаточно, но детальный анализ явления вскрывает существенные парадоксы.

Так, безупречность сама по себе совсем не делает наше энергетическое тело более мощным. Проблема состоит в ином — в структуре стандартного человеческого тоналя и ограниченности его энергообмена, полностью обусловленного данной структурой.

Наши реакции и эмоции, наши поведенческие установки как бы очерчивают энергетическую матрицу. Отношение к миру, выросшее из описания, на самом глубоком уровне определяет полевые связи кокона с большими эманациями, окружающими его. Самый простой и очевидный случай — когда источник энергии просто отсутствует в принятом нами описании мира. Источник становится недостижимым лишь потому, что мы не сделали его объектом опыта и потому никогда на протяжении истории вида не вступали с ним в контакт. Иногда подобная ограниченность спасает (это те самые щиты внимания, о которых говорил дон Хуан) — она оберегает нас от ловушек и существностей, которые способны повредить человеческому гомеостазису, лишь усложняя условия пребывания в биологической стихии (и без того достаточно напряженные). Но та же ограниченность скрывает от человека родники поистине живительных сил — вовсе не потусторонних и даже не экзотических. И речь здесь идет совсем не о пугающем наших церковников “бесообщении”.

Экран, отворенный описанием мира и обслуживающей его не-безупречности, заслоняет от энергетического человека значительную часть сил планетарного поля Земли, поля других живых существ — растений и животных, бесконечную энергию Солнца и многое другое. Лишь в самых критических ситуациях, когда под угрозой оказывается выживание организма, тональ может проигнорировать внушенные заслоны и получить что-то сверх программы, созданной им самим. Если эти необычные события фиксируют медики или биологи, то сразу заводят глубокомысленные речи о таинственных “резервах нашего организма”. Вопрос о том, где мы сталкиваемся с резервами, а где — с кратковременным выходом за пределы человеческой природы, просто не рассматривается. Ибо в нынешней естественнонаучной парадигме выход за пределы собственной природы невозможен по определению.

Толтекская дисциплина (как и некоторые иные учения о Трансформации) с этим подходом не согласна. Более того, толтеки считают, что имеют подтвержденное знание, опровергающее ограниченность тонального взгляда на человека и мир. Сегодня мы имеем возможность на собственном опыте убедиться, правы ли древние искатели.

Как это происходит?

Под влиянием безупречности форма энергетического тела претерпевает существенные изменения. Результатом этих изменений становится смещение позиции точки сборки. Собственно говоря, безупречность и сталкинг — единственный путь достичь сдвига точки сборки, сохраняя связность упорядоченного осознания и полный контроль над своей целостностью, не убегая в иные режимы восприятия, где перцептивный мир либо лишен полноты, либо недоступен в качестве объекта воздействий.

Практика толтекского сновидения протаптывает тропинку с другой стороны. Способности внимания, перцептивной сборки в чуждых условиях заполняют освободившееся поле энергообмена и этим как бы осуществляют непосредственные изменения. Но почву для этих изменений создает безупречность — дисциплина работы с осознанием наяву.

Привычный нам режим восприятия (со всеми прилагающимися схемами интерпретаций, с присущим ему типом галлюцинирования, картиной, воплощающей в себе ценности, мотивы, идеи и представления — то есть со всеми координатами человеческого существования) почти целиком держится на трех базальных чувствах, о которых в толтекском учении говорится постоянно, — *страх смерти, чувство собственной важности, жалость к себе*. Это не простые эмоции, это — комплексы, которые включаются при помощи эмоций, но содержат в себе целый мир идей и понятий, поведенческих и энергетических установок, даже собственное намерение.

Страх смерти теснейшим образом связан с просветом энергетического тела в центре пупа. Это — главный механизм, защищающий человеческую форму. Через канал просвета он помимо нашего сознания регулирует самый важный процесс энергообмена с внешним полем. В обычном состоянии он полуприкрыт и всегда готов сомкнуться. Он впускает и выпускает силу ровно теми порциями, которые заданы комплексом страха смерти. Переоценить значение этого механизма невозможно. Он учитывает все угрозы — как реальные, так и воображаемые. Более того — не только сиюминутные, но даже прошлые и будущие. Ведь тональ человека, в отличие от тоналя животного, распространяет свою экспансию на Время — иногда в таких бессмысленных масштабах, что изумляешься, как он вообще способен существовать.

Исторически это связано с естественными способностями разума к научению и прогнозированию. То, что у животных существует в зачаточном виде и обслуживает их способности к адаптации и ориентации, у человека приобретает вид грандиозной фата-морганы. Ведь человек существует не столько в природной, сколько в социальной среде, а значит, человеческое чувство времени ориентировано на идеальные формы отношений с себе подобными. Человек погружен в несуществующие в Реальности фикции и вынужден ориентироваться на них. А идеальные формы, как известно,

в гораздо большей степени способны сохранять свою мнимую (или подлинную) актуальность во Времени. Так что прошлое и будущее в психоэмоциональной жизни человека играют куда большую роль, чем в простой жизни братьев наших меньших.

Таким образом, повышенная готовность просвета сомкнуться, которая на практике ведет к существенному снижению энергообмена с окружающим миром, обусловлена тягостным грузом самых разнообразных рефлексий — помимо мыслей о насущном, разнообразных воспоминаний и ожиданий. Главный регулятор — страх смерти — охватывает всю совокупность временных проекций. Он преследует человека в памяти и воображении. Мы прячемся от его давления, надеваем на него те или иные маски (как нам кажется, не столь удручающие и более приемлемые), но все эти игры по сути ничего не меняют. “Просвет” продолжает пребывать в характерном напряжении.

А ведь именно состояние “просвета” весьма ощутимо влияет на позицию точки сборки. Как уже было сказано (“После Кастанеды”), между точкой сборки и “просветом” существует прямой канал, который, видимо, формируется еще в эмбриональный период и окончательно закрепляется в энергетическом теле при перерезании пуповины. Это результат изначальной травмы человеческого рождения. До выхода из материнского лона “просвет” максимально открыт, поскольку тело не нуждается в его защитных функциях; эти функции исполняет организм матери. А точка сборки точно так же не нуждается в определенной фиксации. В момент появления на свет все меняется радикальным образом — “просвет” начинает судорожно и поначалу беспорядочно сокращаться, а точка сборки, соответственно, искать для себя правильное положение. Итак, в момент рождения ребенок впервые испытывает страх смерти. И по мере взросления именно страх смерти ограничивает восприятие, фиксирует его — делает человека носителем тоналя, или, выражаясь языком дона Хуана, захлопывает пузырь восприятия.

Второй и третий “фиксаторы” — *чувство собственной важности и жалость к себе* — возникают позже. Именно они приводят нас к окончательному соответствию социальной среде и по сути определяют всю дальнейшую судьбу.

Чувство собственной важности (далее по тексту - **ЧСВ**) связано с горловым центром (центром говорения) и теми зонами головного мозга, которые координируют его деятельность. Таким образом, эмоциональный комплекс **ЧСВ** у нормального ребенка возникает вместе с речью. (Если речь невозможна, как это бывает в случае немоты, ее заменяет иная система знаковой коммуникации. Здесь следует учитывать, что **ЧСВ** претерпевает некоторые модификации и искажения, как и личность в целом, но это уже предмет специальных исследований немых и глухонемых детей.) Именно в этот момент начинается формирование *человеческой* фронтальной пластины кокона — того специфического щита, который предназначен прежде всего для социальных взаимодействий и потому в развитом виде не встречается у животных.

Жалость к себе становится механизмом обратной связи с чувством собственной важности. Энергетически она выполняет функцию контроле за состоянием той же самой фронтальной пластины. Потому наиболее явно в качестве проекции жалости к себе выступает ее центральная область — солнечное сплетение, *solar plexus*. Горловой центр и солнечное сплетение так тесно связаны, что практически во всех случаях активизируются синхронно. Это можно наблюдать как на уровне сочетания эмоций (гордость — гнев — обида — жалость), так и на уровне Соматических реакций (спазм солнечного сплетения — спазм горлового центра).

Даже без всяких дополнительных медитаций, не-деланий и т. п. устранение или ощутимая пассивизация страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе ведет к революционным изменениям в энергетическом теле. Приведенная здесь модель дает нам наконец возможность понять, за счет какого механизма осуществляется столь непосредственная связь между режимом и интенсивностью восприятия и общим психоэмоциональным фоном субъекта.

Прежде всего, точка сборки теряет неподвижность и начинает плавно колебаться в некоторой области. Открывшийся за счет ослабления страха смерти канал просвета обостряет чувствительность малых эманаций кокона к внешнему давлению. Именно это давление извне, интенсивность которого зависит от множества факторов, толкает точку сборки. На уровне субъективных ощущений это сопровождается неопределенностью настроений, приливами неясных чувств и ощущений, смутными откровениями и т. п. (Женщинам отчасти знакомы подобные состояния, когда каждый месяц их точка сборки несколько дней колеблется в соответствии с менструальным циклом.)

Во-вторых, пограничная область энергетического тела, которая выполняет роль защитного экрана и жесткого каркаса кокона, теряет напряженность. Она становится куда более проницаемой, в ней активизируются прежде инертные каналы энергообмена, в результате чего возрастает общая чувствительность. Это — энергетические плоды ослабления чувства собственной важности и жалости к себе.

Фронтальная пластина кокона, таким образом, становится податливой, но тем не менее не производит впечатления чего-то слабого, не способного должным образом разделять эманации внутренние и внешние. Наоборот, видение чаще всего свидетельствует, что уровень безупречности субъекта коррелирует с общей яркостью свечения всего кокона.

Этот парадокс на самом деле объясняется довольно легко. Дело в том, что кокон человека, практикующего безупречность, пребывает в состоянии перестройки и поиска. Прежняя инертность, во многом обеспечивавшая гомеостазис, перестает быть опорой для существа, и это включает дремавшие каналы энергообмена.

Значительные области, примыкающие к поверхности кокона, начинают излучать и поглощать силовые потоки, которые могут восприниматься видящим толтеком как волны интенсивного свечения. На первый взгляд, это однородное аурическое сияние, которое производит впечатление, что кокон “распух”, а объем внутренних эманаций, соответственно, возрос. Но это иллюзия. Имеет место, скорее, обратный процесс — сам кокон словно сплющивается, особенно в своей передней части. В результате плотность его внутренних эманаций распределяется иначе — возникает компенсирующее смещение активности потоков в верхней и нижней частях энергетического тела.

Данный механизм распределения плотности дает о себе знать во многих субъективных феноменах, сопровождающих практику безупречности. Даже начинающий легко замечает, как меняется характер аморфных импульсов, поступающих от полей его энергетического тела и обычно кажущихся чем-то вроде “туманного осязания”. Например, вы можете почувствовать давление нефизического происхождения над головой и вокруг нее или подобие восходящих токов в районе таза и промежности.

Иногда псевдокинестетические сигналы отсутствуют, но специфически меняется характер иных восприятий. Это, в основном, характерно для верхней части кокона, ибо здесь тональ концентрирует большую часть поступающей информации. Она традиционно транслируется тоналем через визуальный или аудиальный канал. Вы можете вдруг почувствовать, что вокруг головы образовалась зона повышенной зрительной ясности, в ушах возник тихий свист или отдаленный гул совершенно непонятного происхождения. Все эти перцептивные феномены остаются вне поля ясного сознания и приписываются каким-то непостижимым колебаниям самочувствия.

Однако смещение полевой активности вверх и вниз от срединных сегментов кокона — энергетическая реальность. Когда внимание тоналя фиксируется на области вокруг головы, там постепенно разрастается целая буря энергообменных процессов. Именно эта область отвечает за новые неясные ощущения, за новую окраску инсайтов и общее изменение ментальных процессов, порождает гало из быстра движущихся палевых потоков. Можно сказать, что таким образом формируется традиционный энергетический “портрет” святости. Сенситивы воспринимают “нимбы”, что производит на верующих неизгладимое впечатление. Иначе и быть не может — любая практика психо-

эмоционального контроля в большей или меньшей степени ведет к подобному перераспределению полей”

Если же внимание по каким-то причинам фиксируется на нижней части кокона, где активность и плотность потоков возрастает тем же способом, “святого подвижника” начинают терзать искушения, яркие видения сексуально-демонического толка. Этот феномен тоже хорошо известен. Достаточно вспомнить св. Антония или св. Терезу Авивльскую. Таких персонажей в истории святого подвижничества не счесть. Церковь толкует эти феномены как внезапное проявление интереса к ним со стороны врага рода людского, медики и психологи — особенно те, которых окончательно испортил фрейдизм, — находят объяснения в недрах нашей физиологии и причудах бессознательного. Конечно, исследователи сексуальности правы — в той части, что воздержание, практикуемое монахами и святыми, создает дополнительное напряжение и способствует привлечению внимания к нижним сегментам энергетического тела. Но, как видим, не этот фактор является решающим.

Что касается фронтальной пластины, то она, как было сказано, меняет свою структуру и подтягивается к поверхности физического тела. Яркость ее свечения при этом возрастает, и она, подобно вершине кокона, покрывается специфическим ореолом. Именно этот ореол перед фронтальной пластиной чаще всего бессознательно воспринимают окружающие, поскольку срединные сегменты энергетического тела заведуют энергообменом, который является полевым коррелятом всей совокупности наших социальных чувств. Здесь рождается приязнь и неприязнь, любовь, раздражение, гнев, раболепие и высокомерие.

Когда обычный человек сталкивается с безупречным воином, он далеко не всегда испытывает к нему симпатию. Чаще бывает наоборот. Он может чувствовать неловкость, раздражение, испуг и много других неприятных эмоций. Этих вполне естественных реакций можно избежать, если воин хорошо владеет сталкингом. С одной стороны, сталкер имитирует нормальность, с другой — создает маскирующие энергопотоки. (Вот почему дон Хуан говорил, что сталкинг — это больше, чем актерская игра. См. подробнее об этом в соответствующем разделе.)

И все же у постороннего наблюдателя остается странное ощущение, которое не может замаскировать даже самый виртуозный сталкер. Это ощущение неуверенности, неопределенности и потому загадочности. Подобное отношение к себе формирует толтек, который специально занят стиранием личной истории. Но если “стирание личной истории” как упражнение нацелено на манипуляцию семантикой и культивирует когнитивную неопределенность (о чем еще будет сказано), то высокая степень безупречности непосредственно влияет на характер энергообмена в процессе коммуникации. В результате соплеменники испытывают бессознательную растерянность, так как не могут найти нишу, определяющую статус безупречного воина. Ведь человек, достигший безупречности, — *никакой*. Он перестает принадлежать социальному контексту, и любое взаимодействие с ним энергетически неадекватно.

То же самое, но в еще более острой форме чувствуют сами воины. Только в общении с себе подобными, такими же бесформенными и безупречными существами, они испытывают естественный резонанс энергий. Контакт с обычными людьми оставляет их бесчувственными, поскольку они видят, что нормальный тональ построен на миражах и условностях. (“Вот он — настоящий, — сказал Хенаро, кивнув в сторону Хуана Матуса. — Только он один. Только когда я с ним, мир становится реальным”. Эта фраза из “Путешествия в Икстлан” не поэтическая метафора и не преувеличение. Это факт нового отношения, вырастающего из безупречности.)

Однако характерная отстраненность от человеческого мира вовсе не приводит к эмоциональному оскудению. Эта фраза — вовсе не попытка с помощью красивых и туманных пояснений защитить воинов от обвинений в холодности. Сама форма энергетического тела, претерпевшего изменения в процессе практики безупречности, делает человека чувствительным к широкому диапазону сенсорных сигналов. Фронтальная пластика кокона, потеряв существенную часть напряжений, в большей степени реагирует на давление эманаций. Чувствительность теряет жесткую структуру,

но приобретает объем. Поскольку обычный человек почти целиком настроен на контакты социального характера, он блокирует лишнюю активность. В результате он сфокусирован на узкой полосе переживаний, характерных для социального мира. Именно это делает его определенным, однозначным элементом “социальной сети”. Для соплеменников он принадлежит к сфере *известного*. Если же чувствительность расширяется (как это происходит в процессе безупречности), то человек начинает воспринимать все больший и больший объем сигналов из экзистенциального поля, не имеющий отношения к миру человеческих взаимодействий. Он иначе слышит шум ветра, иначе видит окружающие ландшафты и даже трещины на асфальте, испытывает новые чувства при совершении любых действий — гуляя в лесу, сидя за рулем автомобиля, глядя кошку и т. д. Собственно “человеческое” в этом большом мире ощущений оказывается совсем крохотной областью, и потому теряет былое значение. Кроме того, следует учитывать качественное различие между социальными эмоциями и чувствами, порожденными Реальностью. Будучи результатом замкнутого описания, социальные эмоции весьма ограничены. Они бесконечно повторяют сами себя. На фоне непрерывно меняющегося мира-вне-человека эти чувства воспринимаются как бесконечно вторичные, давным-давно исчерпавшие себя, а потому навевают скуку и тоску.

Воин на собственном опыте открывает печальный факт, который раньше казался просто нигилистической максимой: *социальный человек неинтересен*. Если сущность человека неисчерпаема и таинственна, то его социальная оболочка банальна и примитивна. Ибо социум построен людьми, как механизм, а всякий механизм можно разобрать на части и найти лежащую внутри него пустоту.

За этой перестройкой переживаний в отношении человеческого мира лежит целая психология. В определенном смысле это ситуация кризиса, который должен быть разрешен, — ситуация переходного периода. Как всякий кризис, он не дается легко, так что имеет смысл поговорить об этом чуть подробнее.

Все, кто изменяется в процессе какой-то практики (и нагуализма это касается в первую очередь), сталкиваются с двумя модусами собственного осознания — условно говоря, *тональным* и *нагуальным* — социально-обученным и прямым (непосредственным) восприятием. Если смотреть на это дело с точки зрения социального человека (а другого устроенный нами мир не знает), получается, что это два типа работы психики — “человеческий” и “не-человеческий”.

В этом смысле, как я уже писал в других книгах, нагуализм — это процесс ухода. Расширенное и усиленное восприятие открывает нам новые сферы опыта и чувств, но при этом отнимает легкость (т. е. автоматичность) всех обусловленных социальных реакций и соответствующего поведения. Отсюда возникает чувство усилия или затрудненности всех привычных способов обработки информации, в конечном счете — ощущение их ненужности.

Любая трансформация — это переход из состояния привычного осознания в более мощное, отрицающее в ряде аспектов прежнее (“собственно человеческое”). Как удачно выразился один из практиков, возникает “апатия отношений”. Здесь становится очевидным, насколько наше участие в человеческом мире обусловлено эмоциями. По сути, само обладание информацией — это только прагматический вопрос. Не ради информации человек общается с себе подобными, читает книги, совершает поступки — словом, предпринимает усилия. Социальный человек все это делает ради сопутствующих этим процессам эмоций. И именно эмоции как раз трансформируются таким образом, что обычные пути действия кажутся теперь излишними.

Для работы в новом состоянии не нужны и противопоказаны мысли в их классическом понимании — те самые мысли, что сопровождают человека в его тональной жизни почти ежесекундно. Ведь что такое “мысли в их классическом понимании”? Это разновидность внутреннего диалога — *ментальное комментирование*. Вербально-логическое оформление, цель которого — объяснить последовательно и непротиворечиво все, что вы делаете, и все, что делается в поле восприятия. Традиционные школы йогического типа полагают, что оно вовсе не нужно. Но я с этим не согласен.

Если бы речь шла только о социальной адекватности, то можно было бы махнуть рукой — сотворить себе некое убежище от социума и в нем культивировать “океаническое безмолвие”. Потому традиционные духовные искатели в конце концов нередко уходят в отшельничество. Но ведь мы знаем, что это еще и способ фиксации, т. е. “щит”. При интенсивных смещениях точки сборки этот щит оказывается необходим, без него наше восприятие не может быть правильно собранным и пускается в хаотичное блуждание.

Поэтому мы оказываемся перед лицом сложной задачи — приобрести навык непосредственного, безмолвного восприятия и сохранить навык ментального комментирования. Это и есть способ сохранения двойственной природы нашего существа — тоналя и нагуаля в нас. Это поистине трудно, так как и то и другое затягивает. Ведь каждое из этих состояний самодостаточно в Природе, и только человек, решивший заняться Трансформацией (что само по себе уже не-природный процесс), нуждается в обоих состояниях. Таким образом, ему необходимо научиться искусству переключения.

Это совсем не механическое дело — скажем, три часа вы в одном состоянии, три часа — в другом. От кардинальных изменений не уйти — безмолвное знание накладывает свой отпечаток даже тогда, когда вы его усиленно игнорируете и держитесь обычного режима интерпретации. Дистанцирование от общества происходит неизбежно — вы уходите от людей.

Это и есть “путешествие в Икстлан”. Любая человеческая коммуникация, любой привычный человеку способ обработки информации становится только упражнением. Это не вынужденное затруднение, от которого нужно всячески избавляться, это — необходимая часть практики.

И именно в идее безупречности мы находим воплощение данной установки. Поскольку в идеале каждый должен воспринимать одинаковым образом и свое безмолвие, и свое человеческое поведение. В безупречности как раз содержится такое ровное отношение. Безупречность — как некая “третья точка”, из которой можно смотреть на то и на другое. Поэтому она помогает быстро и легко переключаться. Психологическая проблема заключается как раз в том, что нам, как воспринимающим существам, *приятно* иметь дело с чистым, необусловленным восприятием. Умственные нагромождения, которые до того были незаметными и как бы естественными, кажутся бессмысленной шелухой. Безупречность же помогает почувствовать, что все одинаково. Приятное и неприятное — все это от биологии и от социального научения. Стремясь к привычной работе ума или к безмолвию, в котором знание существует само по себе, без мысли и логики, мы идем по пути “природных хотений”. А Трансформация, как я уже сказал, — занятие не-природное, если хотите, “сверхприродное”.

“Печаль воина” неизбежна — привычное общение не приносит привычных эмоций, вербально-логическая информация теряет свою прелесть, так как на фоне доступного непосредственного восприятия кажется поверхностной и пресной.

В таком состоянии приходится пребывать долго. Стоит поддаться тоналю (который в этом положении чувствует себя скверно), — и может накатить депрессия. Тем не менее сохранить равновесие двух модусов осознания необходимо. Для этого нужно найти источники позитивных эмоций, которые будут компенсировать эмоции ушедшие. Эти эмоции пребывают не только в *сновидении* и *втором внимании* — внешнее поле Реальности поставляет нам достаточно материала. Практически можно наполнять себя эмоциями, исходящими от всего окружающего мира, каждую минуту. Правда, в это поле не входят люди — поскольку они носители искаженного и ограниченного объема (тоналя). Смотреть на них не как на людей, а как на элемент все той же Реальности — пожалуй, самое сложное. Но, культивируя безупречность, рано или поздно вы придете и к этому.

Таким образом, *навык мышления надо сохранить, источники эмоций — найти в Реальности.*

Так может быть разрешен кризис переходного этапа. Однако не нужно думать, что все проблемы окончательно покидают нас, как только переход в позицию безупречности становится окончательным. Мир первого внимания, мир человеческий слишком внедрен в нас и обуславливает больше, чем мы себе представляем. Путь война состоит из последовательного преодоления ловушек человеческого мира, которые на каждом новом этапе становятся все более изощренными. Эту ситуацию удачно описывает юнговская метафора, которая сводится к тому, что всякий раз внешний мир предлагает нам проекцию нашего же бессознательного. И если мы скажем, что безупречность — это метод последовательной трансформации бессознательного, то не сильно погрешим против истины. На каждой ступени изменений мы имеем дело с новыми областями и содержаниями скрытой от нас психической активности, и мир соответственно отзывается им. Так что не обманывайтесь на сей счет. Хуан Матус недаром говорил о “целой жизни борьбы”.

Таков психологический аспект отрешенности безупречного воина. Я недаром остановился на нем, потому что психология определяет энергетические факты так же, как энергия порождает многое в человеческой психологии.

Как уже говорилось, точка сборки в состоянии глубокой безупречности теряет фиксацию. В результате она начинает чутко отзываться на разнообразные импульсы — как внешние, так и внутренние. Точка сборки открывается влиянию *намерения*. Если на продвинутых этапах дисциплины это давление имеет, в основном, “внепсихический” характер — безличный и универсальный порыв, отражающий саму суть *абстрактного*, — и ведет практика к полной Трансформации прямым путем, непостижимым ни для какого тоналя, то на первых порах психологические установки по инерции продолжают распределять перцептивную энергию, окрашивая личное намерение довольно сильно.

Под влиянием отрешенности воина его намерение устремляется в сферу не-человеческого. Он ищет (иногда бессознательно) большего, чем человек, разнообразного, переменчивого — того, что даст ему впечатление *реального бытия*. Это стремление раскрывшейся психики вынуждает его не только менять способ жизни или искать новый круг общения, оно создает импульс смещения точки сборки к более продуктивным в отношении толтекской Трансформации областям. Точка сборки начинает медленный, но неуклонный дрейф: вглубь — влево — вверх.

Область, к которой стремится точка сборки, мало связана с социальными чувствами. В ней меньше того, что можно назвать “исключительно человеческим”, но больше тех восприятий, которые у обычного человека всегда пребывают на периферии осознания и представляют собой раз ту зону, откуда приходит вдохновение, интуиция и озарение. Нередко люди, оказавшись в этой позиции, открывают для себя творчество и философию. Можно сказать, они открывают для себя бытие.

Подобный психологический эффект часто можно наблюдать в процессе психоделической терапии. В результате опытов с LSD и триптаминовыми психоделиками самые разные люди — иногда прежде совершенно безразличные к духовным или творческим исканиям — открывают для себя ценности бытия. Часто испытуемые переводят их в плоскость религиозных идей неортодоксального толка или обращаются к искусству. На эту тему существует богатая литература. Среди наиболее доступных и исчерпывающих — исследования С. Грофа. Конечно, в академических трудах вы не найдете никаких упоминаний о “точке сборки”, однако феноменология психических изменений настолько выразительна, что невольно наводит на размышления. Безусловно, химические воздействия не вызывают безупречность, однако на время смещают восприятие в близкую позицию, что лишний раз доказывает неразрывное единство психологических, биохимических и энергетических процессов.

Дальнейшая эволюция безупречности закрепляет точку сборки в новой позиции. Только здесь открывается реальная перспектива дальнейших изменений. Более высокая эффективность восприятия в данном положении приносит сразу двойную пользу. С одной стороны, практик имеет больший доступ к управлению собственной энергетикой: тональный механизм сохраняет присущие ему

в первом внимании функции контроля, но получает для освоения новые поля и потоки. С другой стороны, собранные пучки эманаций, которые содержат как *известное*, так и *неизвестное*, время от времени приносят толику безмолвного знания, что всякий раз открывает неведомые перспективы. Техники и упражнения приобретают новый смысл или творчески перерабатываются.

Так, при помощи одной лишь безупречности, осуществляется первый шаг на пути толтекской магии. Сновидение, второе внимание и управление *волей* отсюда уже не кажутся чем-то запредельным, а всплески повышенного осознания могут достигать практика даже без специальных сосредоточений. Все это действительно выглядит как существенное накопление личной силы или, выражаясь более точно, *усиление осознания*.

Психологический портрет существа с усиленным осознанием в ряде аспектов соответствует идеальному образу человека, чья сущность — самореализация.

Основатель гуманистической психологии XX века А. Маслоу составил примерное описание “самореализующейся личности”. Этому психолога глубоко интересовал тип людей, которые часто естественным образом оказываются в числе интеллектуальной и нравственной элиты человечества.

По моему мнению, значительная часть приведенных ниже личностных черт должна в современных условиях культивироваться толтеками. Пусть вас не смущает очевидная социальная активность этого типа. Моя задача — показать, что толтекская безупречность вовсе не чуждая человеку психологическая структура. Ее фундамент глубоко укоренен в том лучшем, что свойственно развивающейся человеческой природе. Просто на каком-то этапе пути толтек *переходит границы*. Он не становится “нелюдью”, как утверждают некоторые критики Кастанеды. Ибо все, что есть в нем, взято из потенциалов, присущих человеку изначально. Судите сами. По Маслоу, самореализующимся личностям присущи следующие черты:

Более эффективное восприятие реальности. Здесь речь идет о том, что человек чаще видит окружающую реальность, какова она есть, что он в меньшей степени подвержен навязанным стереотипам восприятия и понимания. Согласитесь, это качество не просто присуще толтекам, оно ставится во главу угла и непрерывно культивируется.

Приятие себя, других и природы. Самоактуализирующиеся люди обладают способностью не относиться к себе сверхкритично и не особенно отягощать себя чувствами стыда, вины и тревоги. Они также весьма довольны своей физической природой и радуются жизни. Их сексуальная жизнь не обременена запретами и доставляет им удовольствие.

Таким же образом они воспринимают других людей и не имеют склонности их поучать и контролировать. Их мировосприятие включает в себя понимание необходимости страданий, старения и смерти. Они спокойно переносят слабости других и не боятся их силы.

Здесь много важных моментов с точки зрения толтекской психологии: неотягощенность деструктивными чувствами и эмоциями — это отказ от индальгирования. Отсутствие предрассудков в отношении своей плоти формирует взгляд на единство нашего существа. Понимание места смерти в нашем мире вполне может способствовать преодолению страха смерти, принятию страха как советчицы и т. д. Толтек, как и самореализующаяся личность Маслоу, не склонен критиковать слабости других и не боится их силы. Подобная самовлюбленность и страх — излишества, не имеющие оправдания для внутреннего мира воина.

Непосредственность, простота и естественность. Им чужда демонстративность. При необходимости они следуют установленным правилам и традициям, чаще всего из-за нежелания причинять неудобства другим и *не тратит жизнь на зряшние конфликты*. Однако, когда этого требует ситуация, они решительно ломают устоявшиеся социальные рамки и всяческого рода стереотипы и правила.

Я недаром выделил фразу о “зряшных конфликтах”. Думаю, она лаконично и выразительно описывает отношение толтека к целому ряду социальных условностей. Толтеки следуют условностям, понимая их бессмысленность (*контролируемая глупость*), но способны поломать их, если это нужно для дела, в любой момент.

Сосредоточенность на проблеме. Все без исключения самоактуализирующиеся личности, по мнению Маслоу, центрированы на идеях, которые выходят за пределы их личностных потребностей и составляют экзистенциальную ценность. Они полагают, что это их жизненная миссия и ради нее следует упорно работать. Кроме того, они мало обращают внимание на проблемы, которые кажутся им незначительными, и на этой основе способны четко отличать важное в этом мире от неважного.

Независимость потребность в уединении. Самоактуализирующиеся личности очень оберегают свой внутренний мир от различного рода посягательств, и в этом плане предпочитают одиночество. Вместе с тем они не стремятся устанавливать отношения в зависимости от социального статуса личности. Это позволяет им быть независимыми, устанавливать отношения с другими людьми на основе искренней дружбы и Взаимного расположения. Подобного рода поведение весьма часто воспринимается другими людьми как высокомерие, равнодушие и пр., но самодостаточных людей это мало волнует.

То, что любой человек, практикующий толтекскую дисциплину, регулярно нуждается в уединении, не требует комментариев. Как и то, что при общении с другими людьми воин с полным безразличием относится к их социальному статусу — ему нужна близость интересов, взаимопонимание, плодотворная коммуникация и просто положительные эмоции.

Автономия: независимость от культуры и окружения. Эта черта самоактуализирующейся личности — одно из фундаментальных требований толтекского знания ко всем искателям. “Выход из культуры”, из громоздкой системы символов, за которой стоит груз обусловленностей и искажений человеческого рода, отрицание стереотипов, невовлеченность в обусловленные игры окружающих людей, безразличие к их маленьким ценностям и интересам — без всего этого нагуализм немислим. Нагуализм и к самому себе относится критически, подвергает ревизии те или иные взгляды, оказавшиеся неверными или просто утратившими актуальность. Понимание человеческой культуры как мифа вынуждает толтека использовать ее лишь как ограниченный инструмент. Это не отрицание культуры, но дистанцированность от нее, устранение социального гипноза, неминуемого стоящего за процессом “окультуривания” человека

Свежесть восприятия. Способность к восприятию даже обыденности в качестве объекта удовольствия. Как вы понимаете, это вообще редкое качество среди людей. Толтек культивирует его и развивает, поскольку свежесть восприятия является одной из необходимых предпосылок для расширения того же восприятия и — что не менее важно — для сохранения правильной позиции безупречности, когда “этот мир” не воспринимается как утомительное препятствие, но принимается как источник энергии, источник позитивных переживаний. Таким образом, свежесть восприятия непременно сопровождает толтекскую безупречность и имеет исключительную важность.

Вершинные или мистические переживания. Этот момент вовсе не нуждается в комментариях, поскольку дисциплина, ставящая перед собой цель расширения и усиления осознания, по природе своей включает так называемые “вершинные переживания” как вехи на пути практики.

Глубокие межличностные отношения. Это качество реализуется в стремлении установить глубокие отношения с себе подобными. Круг их друзей бывает небольшим из-за серьезных нравственных и временных затрат, необходимых для поддержания столь высокого уровня межличностных отношений.

Все духовные искатели (и толтеки не исключение) всегда стремились к глубоким отношениям с себе подобными — в данном случае, с единомышленниками. И всегда толтеки были весьма требовательны к своим соратникам. Иной тип общения вообще не принимается в сообществе серьезно настроенных на достижение Цели. В результате — круг единомышленников весьма узок. Иногда его нет вообще. Но если уж есть, безупречный воин стремится сделать общение максимально плодотворным.

Демократический характер. Отсутствие предубеждения к людям любых рас, национальностей, религиозной принадлежности, пола, возраста, происхождения, профессии и пр. Сюда следует добавить равнодушие к социальному статусу собеседника, хотя про это уже говорилось. Толтек с националистическими или расовыми предрассудками — это нонсенс. Так же, как и толтек-сноб, который разговаривает только с людьми определенного уровня образованности. Для личности, занятой самотрансформацией, имеет значение лишь одно — в какой степени у собеседника развита способность понимать и осознавать.

Разграничение средств и целей. Самоактуализирующиеся личности Маслоу четко определяют границы между добром и злом (разумеется, с их точки зрения), дозволенными и недозволенными средствами достижения целей.

Несмотря на то что понятия “добро” и “зло” в нагуализме не принимаются, поскольку они являются “социальными ярлыками”, толтек обязан учитывать этику общества, в котором он живет, и не разрушать ее. Толтеки, по моему глубокому убеждению, не должны вовлекать других людей в свои опыты и манипулировать ими, использовать во вред другим магический потенциал дисциплины. Поскольку целью нагуализма является свобода, толтеки должны соотносить с ней свои тактические ходы и приемы. Внутри группы практиков могут быть установлены иные правила лишь в том случае, если они принимаются всеми членами группы добровольно.

Креативность. Это может выразиться в создании произведений науки и искусства, философских трактатов, монографий, романов, стихов, картин, музыки. Но Маслоу расширяет это понятие и полагает, что креативность может распространяться на самые незначительные и повседневные действия. Сам Маслоу, например, приписывал своей теще креативность, поскольку она по своему рецепту готовила замечательный суп.

В нагуализме креативность — качество, без которого дисциплина практически невозможна. Не обязательно писать картины или музыку, но совершенно обязательно проявлять свою креативность в подходе к конкретным техникам, приемам, методам. Творческий подход — это именно то, что ускоряет ваше приближение к намерению и к новым горизонтам восприятия. Всякое делание и всякое не-делание толтек, по сути, творит заново лично для себя. Нагуализм настолько полон творчества на каждом этапе, что многие считают его не столько дисциплиной, сколько искусством.

Сопrotивление окультуриванию. Самоактуализирующиеся люди, хотя и возвращены в пределах определенной культуры, все же сохраняют с ней некие особые отношения — если хотите, нечто наподобие субъективной автономии, а если к этому добавить уверенность в себе, то становится понятным их независимое поведение в существенных социальных коллизиях.

Об этом уже было сказано выше. Здесь, судя по всему, акцентируется способность актуализирующейся личности сохранить независимость от культуры даже в том случае, если культурная среда агрессивна и в значительной степени меняется. Почти слово в слово эта характеристика Маслоу подходит к толтекам нового цикла.

Какой же следует вывод из этого сравнительного анализа?

Маслоу практически описал если не все, то многие черты правильного тоналя, просто наблюдая людей, склонных к естественному развитию своей природы. Его интересовали типы личностей,

формирующие, по сути, историю Земли, ее общественные структуры, экономику, мировоззрение, культуру. Потому он и назвал их “самоактуализирующимися” — привлекающими весь свой позитивный потенциал для общечеловеческого движения вперед. К разряду таких личностей следует отнести многих выдающихся деятелей культуры, науки и духовности. Среди них, по мнению Маслоу, такие, как Хаксли, Спиноза, В. Джеймс, Гете, М. Бубер, Д. Судзуки и др.

Замечательное сходство эффективного психологического типа, который описал Маслоу, и “хорошего тоналя” в терминологии толтеков наводит на размышления. Напрашивается вывод, что нагуализм — учение, воплощающее в себе лучшие стремления человеческого рода. Это знание, которое вовсе не находится где-то в стороне от магистральной линии развития, и ему не следует приписывать эскапизм, упадничество и самозабвение. Очевидно, нагуализм сконцентрировал в себе знание и методологию, направленные на раскрытие того экзистенциального статуса человеческого существа, который так или иначе всегда казался целью нашего прогресса. Дальнейший путь, таким образом, — это развитие Человека в сторону расширения его видовых и экзистенциальных возможностей.

Те практики, что ищут способы срезать путь, пройти в таинственные области иных полей восприятия, не став Человеком в полном смысле этого слова, рискуют вместо новой гармонии обрести мучительные проблемы, утратить нечто ценное, то, что должно быть сохранено; рискуют превратиться в фанатичных психонавтов с изуродованной психикой. Возросшая способность воспринимать и познавать не получит свободной и ясной объективности, неизжитые недостатки тоналем вновь и вновь будут обманывать их. А магический потенциал обернется безумной и трагической стороной.

Фундамент, отталкиваясь от которого можно прийти к безупречности, — это хороший *тональ* и *упорядоченное осознание*.

Качество тоналя определить легко, и для этого не надо *видеть*. Внешних признаков очень много, поскольку качество тоналя всесторонне проецирует себя на качество жизни человека каждое мгновение.

Хороший тональ склонен мыслить упорядоченным образом и не удовлетворяется поверхностным пониманием. Хороший тональ избегает идей, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, поэтому он не религиозен. Поскольку к своей судьбе он относится таким же образом, то обычно весьма разумно строит ее и чаще всего благополучен психологически, так и материально той мере, какая его устраивает в смысле внутреннего комфорта). Поэтому люди с хорошим тоналем если уж устроились в жизни, то терпеть не могут мистических фантазий и не испытывают необходимости в каком-то там пути самотрансформации. Зачем? Они и так распоряжаются собой в пределах описания мира наиболее продуктивным образом.

Поэтому хороший тональ начинает искать нагуаль только в двух Обычаях:

- 1) когда его крепко “прижмут к стене” (как дон Хуан прижал Кастанеду, а порой роль Нагваля на себя берет Сила в виде обстоятельств судьбы, — в обоих случаях это великая удача);
- 2) когда довольно рано описание мира оказывается на стороне разума и освобождается пустое место, где дыхание Реальности начинает ощущаться, время от времени демонстрируя проблески и инсайты.

Во втором случае решающую роль играет возраст. Если это случилось в юности, человек с хорошим тоналем способен вдохновиться этим дыханием и в дальнейшей своей судьбе руководствоваться не только описанием, но и тем Непостижимым, что лежит за пределами описания. Если подобный инсайт происходит в зрелом возрасте, человек с хорошим тоналем обычно уже не может

преодолеть инерцию своего удобного существования. Его крепкий тональ без труда игнорирует все “потусторонние веяния”, эти “зовы” и “стуки” духа.

Вот почему, как мне кажется, так мало добровольцев в нагуализме — тех добровольцев, которые могут добиться чего-то реального. Это положение меняется лишь в том случае, если человека с хорошим тоналем очарование толтекского пути ловит на заре жизни.

И наконец, хороший тональ последователен. Он не противоречит себе, и в большинстве случаев его дела не расходятся с идеями. Этот момент вовсе не связан с тем, что традиционно называют силой воли, поскольку в данном случае субъект в общем-то ничего не “преодолеывает”. Просто его картина мира устроена таким образом, что поведение беспрепятственно следует за мышлением. Это заслуга мышления, а не результат волевых усилий. Человек с хорошим тоналем имеет сильную мотивацию поступать в соответствии со своими убеждениями или представлениями. Его эмоциональная сфера не противоречит сфере ментальной. Возможно, это главная причина всех перечисленных выше достоинств “самоактуализирующейся личности” Маслоу.

Плохой тональ, разумеется, проявляет себя прямо противоположным образом — поверхностный, хаотичный, склонный впадать в иллюзии и фантазирование, потому что плохо различает реальность и нереальность. Как правило, плохой тональ пребывает во внутреннем разладе — желания, эмоции и мысли влекут его в разные стороны, что соответственно определяет неровную судьбу такого человека.

Эти качества проецируются на тело. Нельзя утверждать наверняка, что есть однозначная связь между качеством тоналя и врожденной физиологической конституцией. Но то, что тональ в конце концов определяет образ жизни, а значит — здоровье, даже осанку или походку, по-моему, вполне очевидно.

Самый первый инструмент тоналя — язык (ибо это инструмент писания). По уровню владения языком легче всего определить характер структуры тоналя. Даже люди, никогда не изучавшие специально риторику или логику, даже те, кто не в ладах с орфографией, выражают дои мысли ясно и последовательно, если у них хороший тональ. Это не абсолютный критерий, но довольно заметный и многое определяющий. Язык — *способ самоосуществления разума* последовательность и гармоничность разума свидетельствует о порядке на острове тональ.

Язык, как ни странно, может упорядочить практически все осознание проявления нашей психики. Недаром вербальное воздействие может быть столь впечатляющим. Психотерапевты и гипнологи при помощи правильных формулировок (семантических и синтаксических конструкций) перенаправляют внимание своих клиентов, в результате чего могут избавить их тональ от искажений либо, наоборот, окончательно испортить. Человек следует за языком. Если его осознание устойчиво и может поддерживать собственные структуры тоналя, он следует за собственной речью. Если же его осознание по каким-то причинам ослаблено, он подчиняется чужому синтаксису и попадает под власть гипноза. Будь то гипноз психотерапевта, вождя или толпы.

Сам феномен осознания является великой тайной. Академическая наука не признает за этим словом особой реальности. Нейрофизиологи и психологи рассуждают об осознании как о качестве психических процессов, и их легко понять. Ведь ученые на самом деле никогда не имеют дело с осознанием как целостностью. Они исследуют аспекты, срезы, фрагменты явления. Каждый из фрагментов познаваем или кажется таковым. Но практика показывает, что целостность в данном случае больше, чем простая сумма элементов. Настолько больше, что академическая Мука просто отказывается об этом говорить. Любые определения сознания, как и сто лет назад, сводятся к общим рассуждениям, трюизмам и тавтологиям.

Толтекские *видящие* подошли к осознанию с другой стороны. Они не разбирали детали и не пытались внедрить рациональные схемы в область Непостижимого. Их интересовала суть целостного

явления. Поэтому они не увязли в рассуждениях, подобно современным ученым либо метафизикам ориенталистского толка. Толтеки хотели понять главное: *какую роль* играет осознание в трансформации человека и *как именно* оно работает. Поскольку сама природа *видения* как интегрального восприятия способствовала этому, они постигли осознание как структурированное свечение, как активность энергетических полей вокруг точки сборки. Они постигли, что осознание — не субстанция, а процесс, который может быть ослаблен, усилен или вовсе прекращен. В основе этого процесса лежит механизм возбуждения, возможно резонансного характера.

Это наблюдение привело к двум крайне важным выводам: интенсивность резонансного свечения может смещать позицию точки сборки, а положение точки сборки — определять характер свечения осознания. Обнаруженная взаимозависимость объяснила самое главное — механизм влияния безупречности на режим восприятия. То, что было открыто эмпирически на толтекском пути воина, стало объективной энергетической реальностью.

Конечно, тайна осознания никуда не делась. Она всегда перед нами и по-прежнему очаровывает. Это наше “внутреннее Непостижимое”, такая же часть нагуаля, как и невероятные проекции пространства-времени, “коконы” и “сосуды”, неорганические существа и намерение. Все это можно воспринять, но невозможно понять. Это совокупность ощущений, а не мысль, объект практики, но не ментального дискурса.

Главное, что у этого откровения есть решающий прагматический смысл, а именно: *безупречность освобождает точку сборки от заданной фиксации через усиление свечения осознания.*

Как же это происходит?

По мере углубления состояния безупречности точка сборки дрейфует в сторону повышенного осознания. Этот процесс протекает медленно и почти незаметно в том случае, если вы уделяете основное внимание самосталкингу и перепросмотру. Но есть иной, более быстрый и драматический путь. Он связан с такими событиями, как *символическая смерть* и борьба с мелкими тиранами (об этом в последующих главах). Благодаря таким подаркам Силы точек не только ускоряет процесс трансформации, но и имеет возможность наблюдать, как его осознание пульсирует и перескакивает с одного уровня интенсивности на другой.

Каждый уровень интенсивности осознания вполне определенно демонстрирует себя во всех видах психической деятельности. Для каждого уровня существует своя эмоциональная атмосфера, изменения в способе восприятия, психофизиологические и энергетические особенности.

Проще всего рассматривать эволюцию безупречности как трехуровневый процесс. Три уровня интенсивности осознания, разумеется, не исчерпывают многообразия тонкостей и оттенков изменяющейся психоэнергетики индивида и все же предоставляют основную систему координат, благодаря которой возможно понять собственное состояние и даже прогнозировать дальнейшие события нашей психической жизни. А эти события, надо заметить, могут вызвать ошеломление и растерянность. Бывают ситуации, когда практик не уверен даже в своем психическом здоровье. Тогда он останавливается и задает себе вопрос: а туда ли я иду? Вот почему необходимо представлять себе хотя бы в общих чертах последовательность грядущих событий.

Первый уровень усиления осознания — это фаза колебания точки сборки вокруг изначальной позиции. Он наступает после того, как страх смерти, чувство собственной важности и жалость к себе перестают быть автоматизмами. Это трудный период, когда выслеживание привычных моделей реагирования идет с переменным успехом, но телесный опыт безупречного самоощущения уже обретен. Психологическая ситуация первого уровня характеризуется “внутренней раздвоенностью”. Погружение в режим безупречного реагирования как правило сопровождается усилием, но время от времени приходит спонтанно. Необычные “приливы” отстраненности приносят покой и ощущение обнаженного пространства, в котором отсутствуют объекты, вызывающие рефлексии. Они на-

поминают порывы ветра, несущего странную свободу. На языке физики это звучит так: когда колебания точки сборки имеют высокую частоту и небольшую амплитуду, свобода сопровождается дискомфортом, безрадостным ощущением утраты своего места в мире, обнаженности и даже незащитности. Тональные схемы и ориентиры достаточно активны и продолжают оценивать переживания, которые уже не подтверждают незыблемость человеческой формы.

Периоды тоски, смятения, подавленности сменяются угрюмой холодностью или апатией. В моменты подобной нестабильности может возникать иррациональная тревожность — обостренная форма страха смерти. На этом этапе происходит спонтанный перепросмотр всего, что связано со страхами и озабоченностью собственной судьбой. Натягивается и начинает разрываться главная нить, привязывающая человеческое существо к социальному миру, к его представлениям о собственной маске, которая выполняет функцию убежища. По тому же сценарию разворачивается ночная жизнь: обычные сны наполняются воинственным и устрашающим содержанием (битвы с монстрами, участие в боевых действиях, погони, угрозы и их преодоление), а в моменты освобожденности и гармонии приходят яркие и осознанные сновидения, в которых сновидцу впервые предоставляется возможность испытать проблески второго внимания.

Нестабильность первого уровня, призрачность достижений и обилие неприятных переживаний — это первое серьезное испытание для воина. Как правило, обстоятельства жизни вполне соответствуют внутреннему разладу. Устоявшиеся отношения рушатся, близкие вдруг становятся далекими — словом, весь мир словно вступает с вами в борьбу. Возникает серьезное искушение остановиться и повернуть назад. Многие так и поступают, поскольку видят лишь массу сложностей, забот и тревог. Будущие достижения кажутся несбыточными, они не приближаются, а удаляются. Конечно, впечатление иллюзорное, но попробуйте убедить себя в этом, когда все старое разваливается, а новое совсем не торопится прийти в вашу жизнь.

Второй уровень интенсивности осознания приходит в тот момент, когда трансформация страха смерти наконец достигает качественного порога. У этого уровня два лика — темный и светлый, интроспекция и просветленность. Здесь точка сборки углубляется в кокон и на поверхность уже не возвращается. Психологический эффект погружения целиком зависит от накопленного к этому моменту намерения. Это состояние новой устойчивости, и здесь особую важность приобретает направление внимания.

В результате длительных борений на первом этапе практик может зафиксировать свое внимание на интроспекции. Его взгляд обращен внутрь, смысл его настроения — упрямство. Он сосредоточен на тех областях своего “Я”, которые не имеют отношения к внешнему и потому не приносят боли. Страх смерти — та сила, что вынуждает человека регулярно направлять внимание вовне и не встречает серьезной конкуренции, — теряет естественную интенсивность. Если взгляд вовремя не обратить вовне, усиленное осознание сужается и находит объект постоянного созерцания в безразличном ко всему внутреннем пространстве. Это *отрешенная интроспекция*. На фоне некоторых мистико-философских или религиозных установок она приобретает обманчивую привлекательность. Буддисты и индуисты полагают, что приближаются к нирване, последователи иных мистических учений и религий видят здесь стабильную отрешенность от всего мирского и высший покой. Потенциально интроспекция второго уровня интенсивности осознания содержит в себе все приписываемые ей возвышенные качества. Более того, она в силу особой сосредоточенности психики на внутренних содержаниях время от времени генерирует инсайты, касающиеся природы эго и бессознательного. Это состояние может быть достаточно продуктивно, являясь, по сути, одним из наиболее мощных инструментов самопознания. Пребывая в этом состоянии, можно писать философские трактаты, иматься глубинным анализом психики и т.д. и т.п. Множество мыслей извлекли из этого типа безупречности свои откровения. В их числе, например, Кришнамурти и Шри Ауробиндо, не говоря уж о целой армии учителей жизни и некоторых великих психологах, исследующих бессознательное, — как, например, Юнг в последние десятилетия своей жизни. Таким образом, отрешенная интроспекция содержит в себе безусловную когнитивную ценность. Но для толтекской Трансформации этого мало.

Мировоззрение нагуализма требует исследования внешних пространств, поскольку источники трансформирующей энергии находятся снаружи, в больших эманациях вселенной. Толтекское знание, так сказать, *экстравертивно*. Это поистине важный момент, поскольку для перехода к просветлению (которое здесь обозначает сосредоточенность на безупречном восприятии внешнего) требуется специальное преодоление чувства собственной важности и жалости к себе.

Если достижение первого уровня интенсивности осознания более всего связано с трансформацией страха смерти, то на втором уровне **ЧСВ** и жалость выступают в качестве бессознательных регуляторов распределения внимания. Их активность не так легко выследить, поскольку очевидные проявления уже смазаны предыдущей практикой. Но остаются полусознательная и бессознательная составляющие. Это автоматические импульсы, почти лишенные семантического наполнения. Символы “важности”, “значимости”, “жалости”, лежащие на поверхности острова тональ, как правило, к этому моменту теряют свою актуальность. Но они слишком долго влияли на схему распределения нашего внимания и содержат огромную силу инерции. Эта инерция и транслируется в виде самопогруженности. Обращенность на себя кажется естественной, ибо внутреннее является основным объектом целенаправленных изменений. Эта идея вписана в инвентаризационный список любого трансформанта: “Внутреннее важнее внешнего”. С данным положением не поспоришь. Правда, мы слишком часто забываем о реальном соотношении сил — внутреннее меняется под воздействием внешнего, внутреннее *зависит* от внешнего. Для достижения трансформации мы обязаны сотрудничать с бытием, но, часто нас губит бессознательный максимализм. Будучи “реалистом”, человек полагает, что его жизнь полностью зависит от внешних сил и обстоятельств. Становясь на почву магического мышления и мистико-окультистского оптимизма, он столь же неудержимо верит в обратное — мол, все зависит от моей воли и моего сознания. Истина же, как всегда, посередине.

Вот почему трансформация **ЧСВ** и жалости к себе приобретает такое значение на данном этапе.

Человек мал и неважен перед лицом неукротимой беспредельности энергетических потоков бытия, ему нечего защищать и жалеть, потому что на самом деле он ничем и не обладает. С точки зрения нагуаля в нем нет и не может быть никакой уникальности, неповторимой ценности, о которой так любят рассуждать религиозные и нерелигиозные гуманисты. Человеческая жизнь — несущественный отблеск свернувшегося энергетического поля, только *обещающий* превратиться в нечто большее. Но для этого превращения ему необходимо обратиться к Реальности, а это означает, что он должен навсегда расстаться с иллюзией *ценности самого себя*.

Если необходимая работа по преодолению инерции **ЧСВ** и жалости к себе проделана, погруженная в кокон точка сборки вступает в резонанс с внешними полями полноценным образом. Свечение осознания начинает плавно расширяться еще на первом уровне интенсивности, вместе с нарастающими колебаниями перцептивного центра. На втором уровне свечение поначалу уходит вглубь кокона (что соответствует интроспективной фазе распределения внимания), а потом довольно быстро направляется вверх, все больше и больше резонируя с полевыми потоками, окружающими энергетическое тело.

Такая эволюция осознания ведет к специфическим феноменам восприятия и самоощущения. Как только трансформация **ЧСВ** и жалости к себе достигает той глубины, которая необходима для реализации второго уровня интенсивности осознания (описание практики и процедур этого см. в соответствующих главах), проявляют себя следующие перцептивные и психологические феномены:

- а) ослабление/изменение восприятия “схемы тела”;
- б) изменение скорости и качества внутреннего диалога;
- в) измененное осознание в момент засыпания и во сне;
- г) возрастание объема сенсорного “шума” по всем каналам;
- д) чувствительность к планетарному полю и неоднородностям временного потока;
- е) пиковые переживания.

К пункту а) относятся феномены спонтанного “исчезновения” тела, необычные чувства “забытья” о положении тела в пространстве и странные изменения чувствительности. Например, в некоторые моменты человек может быть практически нечувствителен к боли, в другие моменты — гиперчувствителен к раздражителям, которые трудно локализовать. Он может испытывать нечто схожее с “фантомными болями” и “фантомными ощущениями”. Само явление хорошо известно, но медики и психологи всегда связывали его с возбуждениями коры головного мозга, отвечающими за ампутированные конечности или удаленные органы. В нашем же случае можно говорить о специфических сенестопатиях совершенно иной природы.

Полевые фрагменты энергетического тела обретают несвойственную нормальному человеку чувствительность. Это трудно понять, если не привести конкретные примеры. Например, вы приходите в дом, где недавно произошло несчастье, — и у вас начинает “болеть сердце”. Вы сталкиваетесь с неорганическим паразитом (ничуть не сознавая этого). Паразит цепляется к нижней части кокона, и вы тут же чувствуете общее недомогание и аморфные боли в пояснице. Иначе говоря, если пациенты, которых добросовестно изучили наши медики, страдают вполне иллюзорными болями (у них “болит то, чего нет”), то ваша сенестопатия — трансляция реальных импульсов энергетического тела, которые раньше просто были недоступны.

Такая чувствительность — далеко не подарок. Люди со скверным тоналем (“треснувшие горшки”, как называл их дон Хуан) превращают ее в настоящую паранойю. Они попадают в эту позицию точки сборки не благодаря безупречности (ибо таковая им практически недоступна), а с помощью механических усилий медитативного толка. И превращают свои необъяснимые ощущения в магию. Впрочем, люди с сильным и правильным тоналем тоже нередко чувствуют дискомфорт от подобного сенсорного изобилия. Иногда приходится применять весьма необычные методы. Древние маги, постоянно имевшие дело с проблемой гиперчувствительности, придумывали экзотические способы защиты — ритуалы, визуализации, амулеты, заговоры и т. п. Все это — ловушки для внимания, уловки переключения и “делания защиты”. Они бесконечно субъективны и редко соответствуют типу и интенсивности угроз.

Но для традиционных магов, которые в любом случае постоянно галлюцинировали, адекватность не имела большого значения. Имел значение результат. И в самом деле — какая разница, строите ли вы вокруг себя воображаемую “стену из света”, “плетете защитный кокон” или читаете заклинание? Главное — *это работает*. Не устранить гиперчувствительность, но поставить ее под контроль — вот главная задача на этом уровне интенсивности осознания.

Изменение скорости и качества внутреннего диалога ведет к спонтанным **ОВД** (*остановкам внутреннего диалога*) и сопутствующим перцептивным феноменам. Главная особенность заключается в том, что безупречность может сама по себе привести к столь глубокому и длительному замиранию внутреннего диалога, что происходит знаменитая “остановка мира”. Она ошеломляет своей кажущейся беспричинностью и связана, прежде всего, с предельным ослаблением **ЧСВ** и жалости к себе. Именно так пережил остановку мира Кастанеда, схожим образом это случилось и в моем собственном опыте (см. “Видение нагуаля”). Очевидно, это общая закономерность.

Засыпание и сон (пункт в) переживаются более осознанно. Инструкция дона Хуана осознать себя в момент засыпания перестает быть абстрактной и непонятной, что делает сновидение более интенсивным и достаточно регулярным. То и дело мы сталкиваемся с феноменами осознанности во время сна без сновидений, улавливаем даже самое минимальное отделение тела сновидения от основного кокона. Кажется, будто каждую ночь мы проводим часть времени в состоянии между сном и бодрствованием. Можно прийти к ошибочному выводу, что вы столкнулись с какой-то формой бессонницы, но это не так. Просто область свечения осознания расширилась и частично захватывает позицию сна. На этом уровне и начинается полноценная практика толтекского сновидения. Вот почему дон Хуан начал обучение Карлоса с пути воина — дисциплины, обеспечивающей ту силу

осознания, где магическое сновидение обретает плоть, становится энергетическим фактом. Без подобной подготовки практик будет иметь дело лишь с люцидными снами, не имеющими трансформирующего потенциала.

Сенситивность к планетарному полю позволяет обнаружить “благоприятные” и “неблагоприятные” места. Этот навык может быть развит при помощи специальных деланий и не-деланий, но в данном случае он просто приходит. Его можно игнорировать, но трудно избежать. Все преимущества этого дара реализуются на продвинутых уровнях дисциплины — в первую очередь, для использования мест силы, энергии стихий и толчка Земли.

Наконец, пиковые переживания (пункт е) — это самые разнообразные смещения точки сборки: спонтанное погружение в сновидение-наяву, всплески видения, безмолвное знание. Сюда относятся непровольные эпизоды перепросмотра, когда какая-то ситуация с необычной силой воскрешает память далекого прошлого. Обычно подобные “взрывы памяти” сопровождаются новым пониманием своей натуры, проясняют закономерности обстоятельств, прошлой и настоящей судьбы. Они шокируют нас, открывая глаза на ничтожество мыслей и чувств, но исцеляют, если принимаются с подобающей безупречностью.

Таким образом, второй уровень интенсивности осознания приносит богатую гамму переживаний, позволяющих на собственном опыте получить общее представление о перспективах возможной трансформации чувств.

Третий уровень — заключительный. Поскольку он во многом опирается на изменившийся характер перцепции, его трудно описать. Собственно человеческие содержания уходят на второй и даже на третий план. Тело сновидения становится доступно наяву, в результате чего психологическая разница между первым и вторым вниманием перестает быть существенной. Очевидно, точка сборки продолжает смеяться вглубь и вверх, а второе кольцо силы пробуждается и работает наравне с первым. На этом уровне безупречность становится императивом, так как иной режим реагирования сразу же приведет к разрушению кокона. Думаю, именно здесь происходит интеграция двух видов внимания и высвобождаются содержания бессознательного. Это позиция повышенного осознания, из которой ясно виден путь к окончательной свободе — третьему вниманию, или огню изнутри.

Осталось сказать несколько слов о влиянии безупречности на характер действий субъекта и на функциональное развитие его энергетического тела. Становление безупречности как особого состояния восприятия себя и внешнего поля в конечном итоге, приводит к усовершенствованию практических возможностей субъекта. Этот эффект — самый очевидный. Его можно свидетельствовать со стороны, что и заставило толтеков назвать культивируемое состояние именно “безупречностью” — если состояние обладает необходимой глубиной и не прерывается, воин никогда не совершает ошибок. Он оптимален во внешних поступках и во внутренних реакциях.

Измененное поведение и необычный характер действия — вот непосредственный результат психической и физической активности человека, полностью использующего ресурсы упорядоченного осознания, но при этом лишенного характерной для нашего вида рефлексии. Чтобы осмыслить это парадоксальное положение, надо сказать несколько слов о соотношении *действия* и *ощущения*.

Прежде всего, ощущения, постоянно достигающие нашего осознания, — это результат биологической и социальной *целесообразности*. И в этом смысле наши ощущения и действия обусловлены друг другом, связаны самым жестким и непосредственным образом (хоть и не всегда эта связь бывает очевидной). А определение целесообразности формируется из данной нам в опыте картины мира, то есть *целесообразность строится тоналем*, естественным центром которого является позиция точки сборки.

С функциональной точки зрения будет справедливо сказать, что “не-безупречность” — та схема реагирования, которая естественным образом отражает комплекс сложившихся целесообразностей

для вполне определенного режима восприятия — того режима восприятия, что является плодом нашей бессознательной или полусознательной эволюции в мире. Каковое ощущение проходит через систему фильтров, сотворенных рефлексией, и сам факт его переживания говорит о том, что *данное ощущение зачем-то необходимо тоналю* в мире первого внимания. Не только толтекским магам, но и академическим психологам известно, что *давление необходимости* осуществляется через ощущения и эмоции, а эмоции образуют интегральные мотивирующие силы, которые принято называть чувствами.

Итак, мы действуем только тогда, когда испытываем некие чувства, провоцирующие нас к действию. Интеллект, как это ни странно, никакой особой роли в этом механизме не исполняет. Как всегда, он занят понятиями и логическими связками, объединяющими понятия в дискурс. И в этом заключается сложность — между тоналем думающим (внутренним) и тоналем действующим (внешним) имеется пропасть, мешающая человеку осуществить собственные идеалы и убеждения. Его умственная искренность натывается на эмоциональную пустоту — и все заканчивается одними разговорами. Психологи в таком случае говорят об отсутствии или недостатке мотивации.

Когда мы рассуждаем о реальных (энергетических) фактах, эта внутренняя пропасть оказывается сущностью нашего бессилия и нашей ограниченности. Порочный круг замыкается — мы не чувствуем и потому не действуем, мы не действуем и потому не чувствуем. Энергетическое тело человека реализует себя строго в рамках заданной целесообразности. Например, чтобы организму выжить в условиях давления того диапазона эманаций, который является насущным полем наших переживаний, содержит основные источники энергии, требующие к себе специального внимания (т. е. возобновляемые лишь посредством специальных действий), он должен видеть, слышать, иметь осязание и обоняние. Кроме того, он обязательно должен перемещаться, а потому иметь представление о положении организма в системе координат, опирающейся на поле тяготения планеты, — то есть тело должно иметь чувство равновесия. И тональ организует себя в соответствии с этими структурными потребностями.

Извне это выглядит следующим образом. Мы получаем поток сенсорного материала через поверхность энергетического тела, а точка сборки организует полученный материал по тем каналам, которые мы называем органами чувств, — поскольку те переживания, что непрерывно достигают осознания, нуждаются в классификации. На самом деле подобная классификация может быть откровенно условной — тому свидетельством являются случаи синестезии, парестезии и прочих отклонений сигналов от принятого маршрута. Для нас подобные отклонения всегда кажутся свидетельствами помрачения сознания и галлюцинирования. Но тональ при этом исходит совсем не из принципа реальности-нереальности впечатлений; ибо этот критерий для тоналя всегда абстрактен. Нет, тональ как продукт эволюции выживания опирается на возможность-невозможность действия, использования сенсориума в целях полезного энергообмена. Говоря проще, мы видим, слышим и осязаем только то, что может повлиять на способность нашего тела к выживанию. Ну а поскольку тело энергетическое и есть то силовое поле, которое является почвой для формирования организма, то мы обретаем в нашем пузыре восприятия соответствующие этой ограниченной целесообразности органы — глаза, уши, нос, нервные окончания в тканях, вестибулярный аппарат.

В данном случае я вовсе не стремлюсь повторить известные всем идеи позитивистов, которые непринужденно подводят нас к сумеркам солипсизма — мол, существует лишь нематериальное “Я”, которое, сообразуясь с самовнушенной галлюцинацией, строит кажущееся тело и кажущийся мир, в котором это тело обитает. Этот субъективный экстремизм совсем не характерен для толтекского знания. Безусловно, есть объективность со своими непререкаемыми требованиями, но эта объективность построена так последовательно, что вызывает *полную, безоговорочную иллюзию замкнутой на себе зависимости*.

Пузырь восприятия обслуживает сам себя — полностью и последовательно. Именно по этой причине человеческий интеллект, его анализирующий, склонен лишь к двум вариантам интерпретации данного поля опыта — либо это и есть *вся реальность* (что порождает материализм, исчерпываю-

щий собой все существующее), либо это *все* есть продукт психики — индивидуальной (солипсизм) или универсальной (объективный идеализм). Этим исчерпывается сегодняшняя парадигма тонального мышления. Либо реальность соответствует органам восприятия и нашим возможностям, либо, наоборот, — органы и возможности сотворены психическим полем.

Толтекский взгляд предполагает *третий* вариант. Этот вариант, как мне кажется, не ведет к бегству от реальности и одновременно не ограничивает реальность полем данного ныне опыта. И именно безупречность открывает перед нами не умственную, а вполне чувственную реальность этого подлинно диалектического отношения.

Дон-хуановское знание демонстрирует зависимость зоны ощущения и действия от качества осознания. Безупречность эмпирическим путем показывает, что *ничто в нас не завершено*. Мы вдруг открываем области чувствительности, которые были вытеснены или вообще никогда не являлись сферой данного нам прагматизма.

Самым ярким и доступным примером здесь оказывается сновидение. Тональ от века позиционировал сновидение как нечто, не имеющее для человека жизненно важного значения. Следовательно, энергетическое тело либо категорически игнорировало этот вид опыта, либо овладевало им в самой минимальной степени, полностью зависящей от хаотических иррациональных импульсов, вызванных ошибками в идентификации. Иными словами, *тональ* реально действовал в сновидении лишь тогда, когда ошибался и на пару секунд принимал сновидческий опыт за реальность. Ошибки такого рода вызывали конвульсии энергетического тела, кратковременные эпизоды действующей осознанности — и этого хватало, чтобы поддерживать смутное недоумение по поводу реальности-нереальности некоторых сновидческих походов. Небезупречность (которая часто кажется нам банальной системой отношений с миром, не более) оказывалась тем энергетическим и перцептивным заслоном, что ограждал нас от всяких иррациональных, бессмысленных допущений и выключал новые типы чувствительности, а значит, безусловно ограничивал возможность действия. Поэтому энергетическое тело в сновидении никогда не обретало соответствующих этому режиму перцепции органов чувств и способностей действовать.

Безупречность меняет все. Большинство начинающих сновидцев ничуть не подозревают, насколько их, казалось бы, сугубо интимная система отношений с внешним миром влияет на эффективность магии второго внимания, на способности энергетического тела чувствовать мир и действовать в нем. Бесконечное самоотражение эго, эго самозабвение в системе тональных ценностей и мотивов даже теперь, после внимательного изучения толтекского подхода к трансформации, многим кажется всего лишь измененной, расширенной версией “надчеловеческой морали”. А ведь ситуация куда проще и определяет все самое конкретное в работе осознания — эго интенсивность и его способность к освоению *биологически излишних* областей.

Магия и магическая трансформация — это и есть сплошное *излишество* с биологической и социальной точек зрения. Телу сновидения вовсе не нужны руки и ноги, оно не обязано уметь летать или перемещаться из одного мира в другой — все эти способности только увеличивают риски и отнюдь не способствуют выживаемости животной формы.

Итак, безупречность влияет на человека с двух сторон. Прежде всего, она ведет к усилению осознания, поскольку расширяет области энергообмена. Мы как бы накапливаем личную силу и проникаем в прежде скрытые области опыта. Во-вторых, что не менее важно, безупречность разрушает внушенную систему предпочтений, зафиксированную в тоне. Иерархия смыслов и ценностей становится абсолютно условной, а мотивация — произвольной, подчиняющейся только личному намерению, а не тональному инвентаризационному списку. Мы освобождаемся от мира первого внимания и строим себя по собственному усмотрению. Жесткие связи “необходимость — действие — результат” исчезают. Все становится равноценным и достойным усилий.

Можно сказать, что безупречность обнажает присущее свободному человеку *намерение абстрактного*. Человеческая форма ни психологически, ни энергетически не связывает работу осознания. Меняются масштабы чувств — близкое становится несущественным, далекое — чрезвычайно важным. Это — внутренняя предпосылка бессмертия, ибо энергетическое тело перестает следовать биологическим и социальным программам. Тело разворачивает “крылья восприятия”, в которых прежде не нуждалось, формирует органы чувств и способности, в которых человеческий тональ никогда не видел пользы. Излишество и “бесполезность” трансформируют и освобождают нас.

Толтек пробуждается от гипнотического сна мира.

Глава 2. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ БЕЗУПРЕЧНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЗАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

"Какими бы знаниями о смерти мы ни обладали, сами смерть не может оказаться в поле известного. Мы протягиваем руку, чтобы ухватить ее, но ее уже нет... Неведомое невозможно сделать известным; привычные действия не могут ухватить смерть. Вот почему появляется страх."

Джидду Кришнамурти

Я настаиваю, что безупречность — это Тайна. Она может маячить у нас перед глазами как *параллельный выбор* на протяжении всей жизни. Безупречность — на “кончиках пальцев”, так же как сама толтекская магия. Но если магия по определению сверхприродна, сверхъестественна, то безупречность *здесь*.

Конечно, если вдуматься, человек тоже *здесь*, и всякая букашка, былинка, какая-нибудь бродячая собака... Тайна *живого* окружает нас повсюду, *осознание* (еще более трудное для постижения) прямо сейчас трудится при чтении этих вот строчек. Разница лишь в том, что безупречность редко встречается — да и по-настоящему понять, что это такое, нелегко.

Я хочу погрузить вас в эту Тайну жизни без страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе. Возможно, это прозвучит пафосно, но тут нет преувеличения, поскольку за безупречностью лежит Неведомое и Непостижимое. Ее полное осуществление и есть выход за пределы личного тоналя, без растений силы и мистического Нагваля, способного летать, “подобно воздушному змею”.

Пусть вас не обманывает сухость и технологичность моего способа говорить. Кастанеда много сделал для предъявления “художественного образа” безупречности, для впечатления и настроения. Пора дать упорядоченное, формальное и методологическое описание этого *подлинно мистического* (да!) элемента пути воина.

Так что шаманские слова “страх смерти”, “чувство собственной важности”, “жалость к себе” уступят место академическому термину “базальные комплексы”. Но ведь суть от этого не изменится — не так ли? Зато мы, возможно, кое-что поймем.

Прежде чем приступить к рассмотрению базальных комплексов, удерживающих точку сборки в фиксированной позиции (*страх смерти, чувство собственной важности, жалость к себе*) в соответствии с энергетическим механизмом, приведенным выше, надо понять, что представляет из себя тональ человека как генератор психоэмоциональных импульсов.

Тональ — не только пузырь восприятия и описание мира. Можно сказать, эти определения указывают лишь на *онтологическую позицию* тоналя. *Структурным* его стержнем является упомянутый у Кастанеды инвентаризационный список, но, когда речь заходит о работе тональных обусловленностей в психологическом мире, правильнее говорить о *матрице*. Матрица — это сложно организованный и, в сущности, неизменный шаблон, который распределяет поступившую энергию, чем детерминирует способ ее утилизации.

“Матрица” универсальна, замкнута, подобно самому пузырю восприятия, так что ее функция сводится к полному использованию всех обновляемых энергоресурсов. В ней нет никаких накопительных резервуаров или аккумуляторов. Энергетические депо, хранящие запасы силы на случай самой чрезвычайной ситуации, существуют не в тоне, а в *теле*. Именно из тела извлекаются впечатляющие резервы — будь то с помощью галлюциногенов, дыхательных, телесных, медитативных упражнений. Что же касается тоналя, то он *потребляет все, что получает*, — даже в том случае, если имеет возможности для оптимизации своей деятельности и экономии.

В этом легко может убедиться каждый. Интенсивность впечатлений, получаемых из внешней среды, ничуть не влияет на энергетический тонус тоналя. Можно вести разнообразную и увлекательную жизнь, наполненную зрелищами, информацией и переживаниями. И наоборот — можно скучать в бесконечном однообразии, серости и апатии. В обоих случаях тональ без проблем сохраняет присущий ему гомеостазис, точка сборки остается неподвижной, а общий уровень психической энергии лишь колеблется в незначительном диапазоне — между хандрой и оптимизмом, умственной вялостью и приступами вдохновения. Режимы измененного восприятия в обоих случаях остаются принципиально недоступны нашему осознанию.

В чем же тут дело?

В “матрице”.

Ее можно представить в качестве пространственного объекта — она имеет координаты, области различной плотности, каналы и т. п. Сложность воображаемой топологии заставляет думать о некоем лабиринте — и это отчасти справедливо. Поскольку энергия движется здесь так же, как путник в лабиринте: либо блуждает, пока не иссякнет, либо возвращается в центр, где используется по назначению (в соответствии с программой тоналя, цель которого — хранить свою замкнутость). Никакие эволюции внутри “матрицы” не способны изменить конечный результат. Энергия либо рассеивается, либо — и это случается намного чаще — идет на укрепление неизменной структуры.

Прежде всего, матрица тоналя гарантирует распределение энергии не только в пространстве восприятия, но и во времени. Чем занимается человек, если его нынешняя перцептивная среда не дает достаточно поводов для рефлексий? Он приступает к моделированию будущих или прошлых ситуаций. Мы многократно обдумываем, что будет завтра или через год, вспоминаем вчерашний, позавчерашний день. Тональ при этом весьма активен. Это не просто воспоминания и не просто ожидания. Это — модели, которые перебираются с высокой скоростью. Это непрерывно растущие лабиринты вероятностей и возможностей. Легко понять такое положение вещей, если речь идет о неведомом *будущем*, о том, что лишь предстоит сделать, — вроде бы мы заняты поиском оптимального выбора (хотя очень часто и это иллюзия: выбор уже сделан, порой сделан неоднократно, а мы все продолжаем поставлять те или иные фантазии, от очевидных до самых причудливых и ни в каком случае невозможных). В отношении прошлого поведение нашего тоналя особенно нелепо — какой смысл перебирать варианты того, что могло с нами произойти, но не произошло? Что мы могли бы сказать вчера и что бы нам на это ответили? Как можно было бы стукнуть кулаком по столу или хлопнуть дверью, простить и пожать руку, повернуться и молча уйти?

Рациональная часть нашей природы осознает, что все эти вереницы слов и образов совершенно излишни, запоздалые эмоции направлены в пустоту, и все же тональ продолжает настойчиво тратить энергию на глупости. Более того, тональ настаивает на своей иррациональности, он навязчив —

попробуйте избавиться от неутомимого потока внутренних содержаний, касающихся прошлого или будущего.

Активность временных координат матрицы тоналя не идет на пользу даже в смысле перепросмотра. Ведь перепросмотр трансформирует и истощает психические напряжения, разрешает внутренние конфликты, в конечном итоге — освобождает. Здесь же ничего подобного. Мы лишь наблюдаем, как ментальные и эмоциональные конструкции размножаются, мутируют, охватывают все большие области значений и даже все большие временные промежутки.

Все это вполне типичный умственный шум, который мы замечаем, оказавшись в ситуации информационного или эмоционального голода. Ибо таково правило тональной матрицы — *если окружающая нас в данный момент среда требует мало психической энергии, освободившаяся сила уходит в прошлое или в будущее.*

Осознание “растекается”. Его интенсивность в любых условиях должна пребывать в определенном диапазоне, иначе сдвиг точки сборки неизбежен, а для биологической формы — это неоправданный риск, от которого биологическая эволюция нас мудро оберегает.

Матрица тоналя работает в соответствии с теми же принципами и тогда, когда сосредоточена на актуальной ситуации. Здесь мы вступаем в область, близкую психосемантикам.

“Ибо каждое мгновение мы окружены объектами. Внутри тоналя объекты — это не энергетические факты, о которых писал Кастанеда. Более того, объекты могут вообще *не иметь за собой никакой реальности.* Не правда ли, странная идея? Но так кажется лишь на первый взгляд. Просто роль реальности в тонале с успехом исполняет условная (подчеркиваю!) информация.

Скажем, по вашей руке ползет гусеница — маленькая и безобидная на вид. Вы безмятежно стряхиваете ее и тут же забываете об этом происшествии. Но если кто-то (друг, мать, жена, знакомый энтомолог) скажет, что эта гусеница может в любую секунду выделить слизь, содержащую смертельный яд, проникающий сквозь кожу... В лучшем случае вы вздрогнете, в худшем — ваши крики могут вызвать настоящую панику среди окружающих. Потом окажется, что гусеницу обвинили по ошибке — но какой эффект (в смысле потраченной нервной энергии)! Или, скажем, попробуйте вычислить разницу между простым разглядыванием (банальный перцептивный акт) будильника на вашей тумбочке, если

а) то будильник и если б) вы уверены, что это адская машина, подброшенная террористами, причем время взрыва вам неизвестно. Мы существуем не столько среди объектов, сколько среди информационных оболочек, к ним прилегающих. В окружающем нас мире очень немного вещей и явлений, которые даны *сами по себе*, то есть в виде сенсорного пучка, перцептивного феномена. Таким образом, мы живем среди *понятий и оценок*. Объект, послуживший причиной данных информационных процессов, теряется в тумане нашего реагирования на *символы*.

Прямым итогом манипулирования символами в матрице тоналя становится совокупность *ценностей и смыслов*, которая укладывается в собственную систему координат. А система координат происходит из всеобщего инвентаризационного списка и личной истории субъекта. В мире описания они неразрывно связаны — как на уровне опыта всего человечества, так и на уровне отдельной личности.

А дальше происходит маленькое чудо. Условный смысл и условная ценность вдруг становятся реальностью.

Обратите внимание на то, что мы бессознательно склонны приписывать смыслам *объективное* значение. Это система, обслуживающая психоэмоциональный комплекс человека, его характерную реактивность. Его не-безупречность.

Мир смыслов — это человеческий мир. Никто не отменяет человеческое мышление и иную активность. Однако, если мы хотим обрести хотя бы некоторую свободу от тональной матрицы распределения внимания и энергии, следует всегда держать в голове, что *всякий* сформулированный смысл — наше собственное человеческое произведение. Мир вне-человека либо вообще не имеет смыслов, либо имеет смыслы, для человека принципиально непостижимые (тогда чего о них говорить). Это и подразумевается в одной заповеди сталкера: “Мир — это Тайна”. “Золотая середина”, которая оставляет место для свободы, заключается в том, чтобы всегда иметь в виду обе позиции (условно говоря, *тональную и нагуальную*).

Все мы прекрасно знаем, что многие философские заблуждения начинаются с приписывания какому-нибудь смыслу универсального, абсолютного значения. (А философские заблуждения — это не шутка. Они иногда определяют судьбы как отдельных людей, так и целых народов.) Так возникают, в частности, религии. Человек настолько жаждет обрести не *условный*, а *абсолютный* смысл, что создает систему, в которой это возможно. В такой системе обязательно должен быть Дух, Вселенский Разум или Бог. Наличием Бога определяется смысл человека.

В технократической утопии смысл человека может быть, например, связан с созданием машин и соответствующей цивилизации. В коммунистической — свои универсальные смыслы (думаю, все их помнят). И так повсюду в мире описания.

Чтобы приступить к работе с тоналем, нужно помнить о дистанции между смыслом и Реальностью. Пока мы пользуемся разумом, мы оперируем значениями и смыслами. Человек, не осознающий Реальности, не *оперирует* смыслами, не *пользуется* ими. Происходит нечто большее — он ими *становится*.

Если мы забудем, что любой смысл существует лишь в данной позиции восприятия, мы утратим саму возможность перехода в иную позицию, в новую область перцептивного опыта.

Иногда это происходит настолько автоматически и бессознательно, что даже начитанные толтеки это не успевают отследить. Мир описания цепок и действует совсем не очевидным образом.

Наконец, самый высокий этаж “матрицы” тоналя, с большим успехом поглощающей всю доступную нам психическую энергию, — *мотивы и цели*. На этом уровне замкнутость тонального описания достигает совершенства. Здесь объединяются все абстракции, рассмотренные выше. Темпоральная координата со своей непрерывной активностью вынуждает оглядываться на прошлое и переживать о будущем. Понятия автоматически соотносятся с ценностями и в результате ряда метаморфоз наделяются смыслом. Полученные ряды смыслов соотносятся со шкалой времени и обретают связь с центральным смыслом — образом нашего “Я”. Так возникают мотивы действий и цели личности. Далекие и близкие, ничтожные и возвышенные.

Эта многоуровневая структура может быть названа очень просто — *озабоченность собственной судьбой*. Здесь можно заметить одну поучительную взаимосвязь — от того, какой характер приобретает озабоченность, зависит и содержание самой судьбы. Причины и следствия в матрице тоналя переплетаются столь чудесным образом, что ряды символов, понятий, ценностей, целей и мотивов, по сути, оказываются “картой нашей судьбы”. Как высшая Карма, она дана нам уже сегодня — и мы можем подробно разглядывать ее без помощи хрустального шара и сомнительных прорицательниц. К сожалению, далеко не всегда это приятное зрелище.

Самое важное открытие, которое можно сделать в процессе данного самоисследования, — это то, что, расшифровав устройство тональной матрицы, мы получаем возможность изменить карту. Поэтому окончательной кармы для существа, наделенного упорядоченным осознанием, не существует. Более того, качество расшифровки матрицы тоналя зависит от силы осознания. А уровень осознания определяется успехами в области безупречности. Высшая безупречность просто стирает карту — и мы обретаем *свободу от человеческой судьбы*.

Мистический лозунг, как видите, обретает вполне постижимый смысл. Это не делает Свободу и Трансформацию ближе, но, возможно, делает Путь к ним яснее. Все сказанное здесь можно назвать своеобразной апологией безупречности — попыткой найти смысл в том, что лежит по ту сторону смыслов. Вооружившись этим пониманием, обратимся к корням.

Базальные комплексы тоналя

Поскольку дон Хуан не был психологом, а Карлос не задавался целью написать подробное академическое исследование о страхе смерти, чувстве собственной важности и жалости к себе, читатель Кастанеды может найти в его книгах лишь “общее нечто” — ряд жизненных наблюдений (иногда очень точных и пронизательных, иногда поверхностных) и массу интроспективных описаний. Людям, одаренным интуицией и сопереживанием, этого хватает — но даже они не всегда представляют себе конкретно, что и как с этими чувствами делать.

Поэтому мы подойдем к делу методично. Во-первых, надо сказать, что упомянутые чувства вовсе не чувства, а комплексы — то есть нечто сложное, иногда состоящее из большого числа компонентов. Этими компонентами могут быть рефлекс, воспоминания, ассоциации, эмоции и чувства. Поскольку мы, вслед за толтеками, считаем указанные комплексы главными фиксаторами точки сборки, назовем их базовыми комплексами тоналя.

Эти психоэнергетические образования поистине фундаментальны не только из-за особой роли, которую они исполняют в поддержании человеческого режима перцепции, но и потому что родились вместе с нашей личностью. Страх смерти родился почти одновременно с конкретным человеческим организмом, чувство собственной важности (**ЧСВ**) и жалость к себе (**ЖС**) — в момент самой ранней социализации, вместе с первыми проблесками самоосознания.

В основе базальных комплексов лежат импринты и условные рефлексы. Если с рефлексами все более-менее ясно, то импринты — явление более глубокое и с огромным трудом поддающееся осознанию. (Пессимисты считают, что импринты вообще не доступны никакому осознанию, хотя успехи экспериментальной психологии и психоэнергетических дисциплин доказывают обратное.)

Поэтому, прежде чем рассматривать проблемы трансформации базальных комплексов, мы должны понять две вещи:

- а) что такое импринтирование,
- б) что такое “импринтная уязвимость”.

Импринтирование (досл. “впечатывание”) — это бессознательное формирование конкретного впечатления (т. е. образа или символа с прилегающей эмоциональной нагрузкой, которая может быть довольно объемной и сложной), которое оказывает решающее влияние на дальнейшие реакции личности, формирование ее ценностей и приоритетов, в конечном счете, — на ее поведение в целом. Обычно последствия импринтирования сохраняются на всю жизнь или на большую ее часть.

Основное импринтирование происходит во время младенчества и раннего детства. Существуют также смелые исследования, которые позволяют предполагать возможность даже *пренатального* (до рождения, в утробе матери) импринтирования индивида. Такие пренатальные импринты детально рассмотрел С. Гроф в своих наблюдениях за психоделическими сеансами и голотропными сессиями. Он назвал их “пренатальными матрицами”. Подробнее про это вы можете узнать из многочисленных книг Грофа и его последователей. Лично я в собственных сновидческих экспериментах имел дело со схожими структурами опыта, а потому не вижу оснований сомневаться в этой концепции.

Состояние психики, во время которого может сформироваться импринт, можно назвать *моментом “импринтной уязвимости”*. Если говорить о младенце или маленьком ребенке, то его импринтная уязвимость настолько высока, что он подвергается импринтированию почти постоянно. С точки зрения толтекской модели, это легко объяснимо. Ибо “уязвимость” связана с неустойчивым или плавающим состоянием точки сборки. Взрослый человек не может просто так обрести новый импринт. Экспериментаторам давно известно, что это происходит лишь на фоне измененного состояния сознания с применением специальных методов.

Впрочем, жизнь обычного взрослого человека вовсе не абсолютно стабильна. Каждый из нас время от времени входит в моменты импринтной уязвимости, и именно после этого мы меняемся — иногда в лучшую, иногда в худшую сторону. Это процесс можно назвать спонтанным реимпринтированием. Он всегда происходит вне ясного сознания, помимо бодрствующего тоналя, и мы ничего о нем не помним.

Ситуации *спонтанного реимпринтирования* — это те самые узловые точки личной истории, которые должны быть вскрыты осознанием в процессе перепросмотра (см. об этом в соответствующей главе).

Второй, не менее важный момент в формировании базальных комплексов — условные рефлексы. Поскольку они возникают чаще всего на фоне сознательного реагирования и поведения, историю их формирования вспомнить проще. Правда, рефлексы тоже стремятся сбежать от глаза перепроsmатривающего свою жизнь толтека, но всегда оставляют “хвосты”, за которые их можно вытащить наружу. Ибо рефлексы связаны с ситуацией первой эмоции, первого выбора или первого решения. От этих ситуаций до самого рефлекса — только один шаг. Процесс формирования условных рефлексов называют кондиционированием.

Импринтирование и кондиционирование в массе случаев связаны между собой самым непосредственным образом. Рассуждая несколько упрощенно (т. е. отвлекаясь от ситуаций ментально-манипуляционного обучения), можно сказать, что вся совокупность условных рефлексов служит, только одному — *непрерывно доказывать тоналю действенность, актуальность и значимость приобретенных импринтов*. Наша эмоциональность и следующая из нее стратегия поведения — это те проявления тоналя, которые как бы говорят нам: “Ты — прежний. Ты — это ты. Ты такой, каким тебя сделала жизнь в первые годы осознания. Я — описание мира — подтверждаю: выводы сделаны верно. Мир именно такой и другим не бывает”.

Чтобы пояснить описанную ситуацию, можно привести какой-нибудь типичный пример из жизни нашего тоналя.

Вот очень грубый пример:

а) Импринт: Боль *от ухода близкого человека*. (Когда вам было три года, мать, прежде никогда не покидавшая вас, ушла на целый день в гости, оставив вас одного. Вы потянулись за игрушкой, упали и *впервые* в жизни очень сильно ушиблись.)

б) Рефлекс Крик (*гнев, истерика*) как *реакция на уход близкого человека*. (Вы затеяли кричать и плакать, когда мама вернулась. С тех пор, когда она уходила куда-то, вы всегда плакали и кричали. Когда вы плакали и кричали очень горько, мать оставалась дома.) Это и есть кондиционирование.

Теперь вы на протяжении всей жизни повторяете этот сценарий. Уходит муж (жена), вы испытываете боль и начинаете кричать. Покидает *близкий друг, учитель, ваш ребенок*, — *вам больно и вы кричите*. Независимо от результата, вы не можете остановить эту модель реагирования. Даже зная, что это ничего не изменит, вы повторяете ее снова и снова. Научение не происходит, приобретаемый опыт лишь усиливает боль и крик. Если вас никто не слышит, вы кричите внутренне и разры-

ваете себе сердце. Здесь невозможно ничего доказать, нельзя переубедить — это голая и неуправляемая иррациональность. Это — кирпичик в стене описания мира.

Очень часто сформировавшийся импринт оставляет небольшой диапазон рефлексов, разрешающих импринтную ситуацию. Отсюда — поведение тоже предсказуемо, ибо включает в себя очень ограниченное число вариантов. В результате после импринтирования и кондиционирования начинается личная история с участием комплекса — какое-то число тропок, внутреннее содержание которых либо подобно, либо даже идентично. Начинается “судьба”, или “карма”. Личная история комплекса подвергается перепросмотру в первую очередь, чтобы можно было в конце концов отыскать корни.

Только не стоит усматривать здесь торжество психоанализа, механистические модели которого так популярны скоро уже столетие. Во-первых, я не аналитик и не психотерапевт — иначе предложил бы куда более подробную и вариативную схему. Во-вторых, я вовсе не делаю акцент на какой-то метафизической энергии — “первостихии” личности (вроде либидо, или Ид в компании с Супер-Эго). И я не хочу свести психодинамику человеческих эмоций и переживаний к общественному невротизму Фромма или социальному программированию.

Напоминаю, мы по-прежнему говорим о вечной толтекской диаде “тональ — агуаль”. В применении к психоэнергетической Трансформации это — “человек-в-описании” и “человек Неведомый” (экзистенциальный, космический, “в себе” и в Реальности). Просто мы вынуждены срезать слой за слоем, чтобы найти Подлинное, а психологические концепции отбираются как инструменты в той мере, в какой они могут оказаться полезны.

Символьную форму базальных комплексов, движение смыслов в психосемантических полях мы рассмотрим позже. Пока же стоит сказать несколько слов о реимпринтировании — то есть методах уничтожения прежних импринтов и формирования новых.

Реимпринтирование (учитывая достижения толтекского знания) возможно двумя способами:

а) аналитическим (“перепросмотр”) и

б) индуцированным.

Первый способ подразумевает работу с памятью и психосемантическими полями. Европейская психология знает этот способ, прежде всего, в виде беседы аналитика с клиентом, где “выговаривание” проблем (с акцентом на символах и ассоциациях) меняет импринты личности. Правда, у аналитиков это редко выходит, но принцип вполне рабочий. То же самое (только намного эффективнее) делает практика перепросмотра, и об этом еще будет сказано.

Второй способ я назвал “индуцированным”, поскольку главный и решающий *агент воздействия* на психику находится снаружи. Он активен, он “провоцирует” изменения, вовсе не занимаясь анализом, моделированием воспоминаний или воображаемых ситуаций.

Агент воздействия может быть человеком или спланированной ситуацией (это часто происходит в экспериментах над животными и испытуемыми-добровольцами). В его роли может выступать *измененное состояние сознания*, вызванное специально, — транс или гипноз.

Особое значение в свете экспериментов последней четверти века приобрели химические агенты — психотропные и психоделические вещества. По самой природе своей состояния восприятия, вызванные LSD-25, псилоцибином, ДПТ, буфотенином и прочими триптаминовыми галлюциногенами, создают ряд моментов импринтной уязвимости. Это, разумеется, вовсе не значит, что любой любитель острых ощущений, добравшись до психоделика, реимпринтирует себя. Вещество — все-

го лишь орудие. Саму процедуру замены импринтов могут производить только специально обученные специалисты (а их пока немного),

И наконец, момент, особо нас интересующий. Реимпринтирование может осуществляться аутогенно — под влиянием глубокого самогипноза, подготовленной медитации и... *остановки внутреннего диалога*.

Все вышеперечисленное (как вы заметили) — разными способами смещенные позиции точки сборки. Иными словами, новые способы собирать мир (миры). Попадая в зоны, где описание рушится или не способно достиг целостности, мы оказываемся в состоянии новорожденного. Некая часть психики как бы убеждается в том, что ее фундамент не столь надежен, не универсален. Сначала бессознательно, а потом и сознательно мы готовы отказаться от прошлого опыта (либо, точнее, оттеснить его в сторону) и научиться чему-то новому.

Это — подлинное, глубинное обучение, ибо речь идет не о навыках манипуляции, не о идеях или мыслительных парадигмах. Речь идет о фундаментальных чувствах — то есть об основе и сущности нашей внутренней жизни.

Наука реимпринтирования — сложна, и во многих аспектах недостаточно проработана. Даже профессионалы часто не могут добиться стабильного замещения одного импринта другим сразу. Часто требуются длительные и многократные психоделические сеансы, медитативные погружения или занятия самогипнозом.

Мистико-окультурные традиции чаще всего шли по этому пути без спешки. Они не знали умных профессорских слов и не строили психологических схем, но могли добиться своего, потому что брали проблему “на измор”. Годы, иногда десятки лет медитаций, испытания инициацией, шаманские трансы с психоделиками или без — в общем, это долгий путь. Когда он приносил плоды, адепт чувствовал себя заново рожденным. Безупречный Путь Воина, о котором поведал Хуан Матус, — из серии тех же практик. Его исключительность — только в постановке истинных целей. Толтеки в своем поиске нашли именно то направление.

Кроме того, толтекам помогло использование своих психоэнергетических знаний. Они понимали, что всякая эмоция немного смещает точку сборки (т. е. для каждой эмоции есть своя позиция). Знали, что те же эмоции (и в первую очередь, страх) открывают “просвет”. Помимо этого, они знали массу всего, так как веками занимались *видением* своих и чужих коконов.

Более того, дон-хуановские маги четко представляли себе, как функционирует восприятие и описание мира. Этим восприятием создано. Опираясь на знание об устройстве тоналя, толтеки постигли сущность механизма магического делания, его детали, тонкости и хитрости. Они могли полноценно использовать свои технологии для эффективного применения техник, основанных на обратной связи. Даже движения физического тела (те самые “пассы”), если верить Кастанеде, были построены, чтобы сфокусировать их на достижении особых состояний осознания — в частности, обеспечивающих реимпринтирование. (О психоэнергетическом аспекте вы еще прочитаете.)

Совокупность перечисленных здесь преимуществ сотворила из древней индейской магии чудо “новейших (древнейших) технологий”. Наша задача — восстановить хоть часть из утраченного мастерства, поскольку книги Кастанеды, давшие ни с чем не сравнимый толчок исследователям Трансформации, дали нам выразительный, но беглый взгляд на незнакомое миру учение.

Трансформация базальных комплексов: алгоритм

Для начала коротко рассмотрим алгоритм трансформации базального комплекса тоналя на уровне описания (символьно-эмоционального и ментально-манипуляционного, согласно известным “контурам” Тимоти Лири). Трансформация комплекса происходит в следующем порядке:

1. Пристальное и всестороннее рассмотрение центрального символа комплекса (“созерцание-изучение”).
2. Вычленение основных компонентов описания центрального символа (символы, ситуации, эмоции — то, что является предметом толтекского *перепросмотра*).
3. Определение оппозиций вычлененным компонентам (нейтрали-заторов). В результате — создание “альтернативного описания”.
4. Признание двух параллельно существующих описаний центрального символа и его компонентов (“равное приятие”). В результате — чувственно-эмоциональное открытие условности обоих видов описания.
5. Принятие центрального символа и его компонентов. Полное и безоговорочное переживание, доведение его до логического конца внутри переживаемого поля. (“Универсальный растворитель”.)
6. Полноценная трансляция принятого переживания на уровень чувства тела. (“Смещение точки сборки”.)

(1) Даже “пристальное созерцание” дается не так уж легко. Обычно тональ всеми способами бежит от актуального комплекса, от чувств, с ним связанных. С одной стороны — это известный аналитикам психодинамический процесс, который можно назвать вытеснением или блокировкой. Если комплекс действует в поле осознания и бессознательного со всей свойственной ему мощью, блокировка распространяется на обширные зоны личности. Не только на эмоции (как можно подумать), но и на поведение, включая стратегии выбора целей и ценностей, более того — на само восприятие.

Существует система запретов на восприятие тех или иных явлений (объектов), которые внутри описания (психосемантически) связаны с ядерными компонентами базальных комплексов, вызывающих у субъекта чрезмерные переживания. Не стоит думать, что перцептивные запреты — это что-то из области экспериментальной психологии. Они сопровождают каждого из нас в повседневной жизни. Надо лишь внимательно понаблюдать за собой, и вы откроете в своей психике эти странности.

Например, далеко не каждый способен разглядывать внешность покойника, лежащего в гробу, — аккуратно ли зашиты его губы, достаточно ли наруганы щеки, не торчит ли где вата и т. п. Обычно родственники и знакомые бросают взгляд украдкой и просто отмечают, что труп на месте — можно начинать церемонию погребения. Исключение составляют специалисты из соответствующей конторы.

Человек вообще не любит рассматривать мертвые тела — даже животных (если он не мясник). Если попадается раздавленная грузовиком собака, не все потом смогут вспомнить даже цвет ее шкуры.

Точно так же работает наше осознание, когда мы сталкиваемся с центральными компонентами комплекса **ЧСВ** или жалости к себе. Если вы встречаете прохожего, который болезненным образом обижает (оскорбляет) вас, то вы удивительно быстро забудете детали его внешности (зато испытанную горечь запомните надолго). В экстремальных ситуациях запреты могут вызвать так называемое отрицательное галлюцинирование — иными словами, можно совсем не воспринять объект, связанный с негативным содержанием.

Для того чтобы приступить к работе по трансформации базального комплекса, его надо сначала *хорошо рассмотреть*. Это действие само по себе станет отрицанием, ломкой стереотипов работы внимания. “Обратитесь лицом к источнику своего страха”, — советовали древние. И это касается

не одного только страха. Взгляните в лицо злости, обиде и жалости, и вы поймете, что их физиологии не менее уродливы. Принцип этого пункта трансформационного алгоритма можно сформулировать так: “*Научитесь удерживать стабильное и осознанное внимание на предмете (области, явлении), от которого бессознательное привыкло отталкиваться*”. Созерцайте его, а это значит — изучайте (ибо внимание требует пищи).

(2) Чтобы произвести правильное изучение (вычленение основных компонентов комплекса), надо исходить из простого положения: комплекс неоднороден, он имеет центр и периферию, более того — он имеет структуру (цепочки внутренних корреляций и взаимосвязей). В нем мы находим *символы, ситуации и эмоции*. Символы, как правило, — отражения импринтов (ранних или поздних). Тональ окружает символы сетью из понятий, представлений и ценностей (значимостей). Символом страха, например, может служить паук. Неважно, ядовитый он или безвредный, агрессивный или мирно сидящий в темном углу. Так или иначе, вы сначала испугаетесь и лишь потом будете разбираться. Таким же символом может быть определенное выражение лица, темнота, кровь, высота и т. д. и т. п.

Если принцип устройства сети вам понятен, никакого труда не составит проследить, из какого символа выросло то или иное представление, та или иная ценность, мотив. Скажем, друг решил поделиться с вами чем-то очень личным, но он такой скромный, что повел вас в темную аллею (допустим, в вашем городе нет бандитов) или просто в темную комнату. Через небольшое время вы испытываете нервозность, вам хочется уйти (слушать приятеля вам уже неинтересно), он настаивает — в результате разгорается отчаянная ссора. Друг считает, что вам наплевать на его сокровенные переживания, вы считаете, что он — эгоист и глуп как пробка. Ситуация — банальная до предела. А дело-то заключалось в темноте, которая для вас является символом страха.

Из символа выросла эмоция, которая определила все ваши поступки в этот злосчастный вечер. Точно так же генерируются представления. Один и тот же фильм, который вы посмотрели в темном кинозале и дома у телевизора, оставит *разные* впечатления. Это, как писал Лири, “роботизированное поведение”. Мы — роботы, только не знаем собственных программ.

Из одного символа-импринта вырастает целый лес понятий, оценок, линий поведения. Целая область описания мира. Она принадлежит только нам и никому другому. Это — наше сокровенное, наша личная жизнь, за ней чаще всего не стоит ничего, кроме импринтов и условных рефлексов, про которые мы давным-давно успели позабыть.

Чтобы произвести правильный перепросмотр базального комплекса, необходимо всесторонне проанализировать его. Чем ближе подбираетесь вы к ядру комплекса, тем больше препятствий. Это — моменты так называемого “необъяснимого забывания”. Обратите внимание на такую простую штуку: каждый день мы забываем не менее 10 — 15 % всех полученных впечатлений, и это в случае *целенаправленного перепросмотра*. Обычный человек забывает почти половину.

Всякий раз, когда наша неуловимая и капризная память встречает символы и ситуации, привязанные к трем базальным комплексам, приступ склероза неизбежен. При этом важно иметь в виду, что ситуации и поведение остаются в памяти намного чаще — это банк опыта, без которого человек не может обойтись: пропадают из памяти символы, т. е. триггеры (включающие механизмы). Мы часто помним, что именно сделали, куда пошли, помним, что разозлились или обиделись, испугались или продемонстрировали презрение, — мы не помним, ПОЧЕМУ это сделали. Каков был перво-толчок, ЧТО в единый миг вывело нас из равновесия?

Когда вы впервые открываете для себя источник, это почти откровение. Ибо символ-импринт — ключ ко всему связанному с целой гаммой эмоций и отреагирований, областью поведения. Запомните его раз и навсегда, внесите его в список фундаментальных идей вашей уникальной личности. Ибо это — только ваше, оно работает только для вас и только одним определенным способом. Это — основа вашего личного тоналя.

Ситуации и эмоции относительно просты для перепросмотра. Обычно есть всего лишь *несколько* цепочек события и *несколько* вариантов эмоционального отреагирования, связанных с символом-импринтом. Составляя список личной истории тоналя, вы без труда заметите их и поместите в отдельную рубрику. Только не надо думать, что тональ прост и механистичен. Страх смерти может вызывать не один лишь страх, но и злость, агрессию, ненависть, обиду, отвращение и др. Главное — обнаружить триггер. Жизненные ситуации демонстрируют нам буйное разнообразие в заданных границах. Точно так же отвечает на это тональ, Ты посягаешь на то, что мой страх не достоин страха (вдумайтесь)? Получи в ответ мой гнев. Ты полагаешь, что моя скромность недостаточно скромна? Получи оскорбление, моя жалость не адекватна? Получи презрение.

Человек удивительно сложен внутри собственной, самодельной конструкции. И он же удивительно прост, когда мы открываем главные принципы его механистичности.

Если вам удалось не только всмотреться в ядро комплекса, но и расписать ситуации и эмоции, с ним связанные, — это уже половина дела.

(3) Сама Трансформация комплекса начинается лишь с третьего пункта. Здесь мы только начинаем понимать, с чем реально придется иметь дело. Ибо перед нами появляется картина, которую необходимо вывернуть наизнанку.

Для начала вернемся к энергетической модели и вспомним, что всякая эмоция (как и всякая работа) — есть энергия. Она куда-то движется (у нее есть импульс), она во что-то превращается (у нее есть цель). Обычный человек — это существо эмоций, и именно эмоции определяют, тратит он энергию или сохраняет ее, излучает или поглощает. Как вы догадываетесь, самой энергии совершенно все равно, куда двигаться. Она подчиняется нашим командам, а команды человека суть команды *семантические* (прежде всего), команды описания мира.

Потому всякое описание, пока мы не достигли Свободы, нуждается в альтернативном описании, способном нейтрализовать пагубные последствия обыденного описания человека. Дон Хуан для этой цели предложил Кастанеде причудливое описание магов. О нем следовало бы написать отдельное исследование, но я этого делать не стану — просто потому, что описание магов самостоятельной ценности не имеет. Оно исполняет роль нейтрализатора: предлагает вместо страха смерти “смерть-советчицу”, вместо чувства собственной важности — отрешенность, вместо жалости к себе — безжалостность. “Магическое описание” прекрасно справляется со своей ролью, оно все объясняет (в той мере, в какой это необходимо начинающему толтеку). Более того, оно предоставляет по-своему замечательный миф об Орле и миф о магическом отряде. Все перевернутые ценности жизни находят для себя новое — вполне комфортное — место.

А теперь задайте себе вопрос устраивает ли вас новое комфортное положение. Нам нужны оппозиции (противоположности) — это понятно. Нам нужны новые смыслы и ценности. Но разве современный толтек всерьез полагает, что существует Орел, мимо которого он должен проскочить? После всех размышлений о Непостижимой Реальности, которую Кастанеда с таким пафосом назвал “темным морем осознания”? После всех признаний об относительности и исключительной прагматичности толтекский знаний?

Уверен, мы прекрасно отдаем себе отчет в дидактичности и, если хотите, психотерапевтичности сообщений Хуана Матуса (Кастанеды). Мы просто нуждаемся в модели, которая сняла бы противоречия и ограничения человеческих представлений о себе и Мире. Нам нужны оппозиции — образы-символы, которые убедительно покажут нам несущественность страха смерти, чувства собственной важности, жалости к себе. Эти образы могут быть разными. Их роль — служить нейтрализаторами.

Это — этап трансформации базальных комплексов. Мы используем идеи, концепты лишь потому, что обратиться напрямую к чувствам не способны. Человек слишком далеко ушел от фундамента

собственного описания. Сегодня он способен обратиться к *чувственному фону* лишь при помощи глубокого аутотренинга или гипноза. Поэтому мы придумываем идеи. Если мы отказываемся от страха смерти как непродуктивного и энергоемкого образования в собственной психике, то нуждаемся в таком образе смерти, таком символе, что породит бесстрашие, свободную активность, новые возможности разрешать ситуации и при этом не тратить энергию, а сохранять ее.

Если мы хотим отказаться от чувства собственной важности, то проще всего принять идею равноценности всех вещей и явлений Мира, разговаривать с растениями, извиняться перед муравьем, думать о том, что Земля — живая, и всегда помнить, что ее огромные нужды бесконечно важнее наших маленьких потребностей. Нам непременно надо знать, что все люди имеют право быть такими, какими они стали, что “Знание не распространяется”, оно “просто живет”. Ведь если Знание распространяется, то каждый, не принявший его, — человек второго сорта? А эта мысль никак не может сочетаться с безупречностью толтекского воина. Вот почему дон Хуан не признавал никаких гуру, “учителей жизни” и прочих энтузиастов от духовности. *Мир всегда такой, каким он и должен быть*. И улитка сама переползет через дорогу, и ученик сам окажется перед Нагвалем. Никто не распространяет Знание. Это — мудрость подлинной Трансформации. Нельзя с помощью воспитания избавить учеников от базального комплекса. Это — парадокс описания. Так или иначе, последователи просто придут (и никого не спросят), а Знание будет доступно искателям, ибо таково их намерение. Но трансформант не свяжет себя с их судьбой — его задача иная,

Итак, список оппозиций составлен. Он всегда проще, чем то, от чего он отталкивается. Покой, бесстрашие, доброжелательность, неприятие — все это простые эмоции. “Смерть-советчица” или “смирение воина” — намного проще, чем длинные списки реакций на опасности или разнообразных врагов. Тональ, вступив на путь Трансформации, упрощает себя. Ибо его Большой Мир, как бы он ни был разнообразен, — проще и однородней мира человеческого, социального, где всякий пустяк становится предметом специальных страстей и длительных переживаний.

По этой самой причине я не стану приводить здесь примеры альтернативного описания. Во-первых, они чрезвычайно субъективны, во-вторых — сводятся к ряду универсальных символов, которые ничего не скажут теоретику. А практик в таком списке не нуждается.

Единственное, что здесь важно отметить, — альтернативные символы нового описания должны стать чувствами. Как правило, идеи и символы не становятся чувственными переживаниями, и это прекрасно знают психологи-практики. Пока идея существует на рациональном уровне, она остается предметом ментальных спекуляций, и не более того. Для нашей целостной психики она, можно сказать, вовсе не существует. Ибо человек тысячелетиями манипулирует образами собственной мысли и как правило, не исходит из этого материала, когда начинает чувствовать или действовать.

Толтекские маги поступали самым простым образом — заставляли ученика принимать растительные психоделики и на этом фоне впечатывали в его сознание новые символы, обеспечив их необходимым эмоциональным аккомпанементом. Это же делали последователи йоги или дзэн, вынуждая учеников годами переживать измененные состояния сознания. Однако новые видящие могут сделать то же самое без химических агентов и без специальных медитаций. Они либо сбивают точку сборки своими нагвальскими приемами, либо вынуждают адепта к измененному реагированию, используя символную манипуляцию. Если первый способ нам недоступен, то мы в полной мере можем использовать второй — и именно такой символно-ментальный способ рассматривается в приведенном здесь алгоритме трансформации комплексов.

Именно на уровне символов — на уровне семантики, того поля значений, которые мы сами для себя сформулировали, связали другими значениями и ассоциациями, — возможно говорить об альтернативном описании. Список самых элементарных оппозиций отчасти уже приводился. Наприм:

страх

— **бесстрашие**

тревожность	— покой
обида	— бесстрастие
гордыня	— смирение
злоба	— доброжелательность
зависть	— радость за всякое живое существо
жалость	— безжалостность

Это даже не список, а только наброски. Проблема в том, что всякая черта личности, получая в процессе межличностных взаимодействий подкрепления и неприятия, способна вырасти в отдельную структуру. По дороге она переплетается с иными базальными комплексами, что превращает внутрличностное пространство в почти непроходимый лес. Взять, скажем, пару противоположных качеств: “уверенный в себе — скромный, застенчивый”. Она может быть простой и иметь в своем корне единственный базальный комплекс — например страх смерти или чувство собственной важности. Но эта же пара оппозиций может происходить из адской смеси импринтов и рефлексов самого разного происхождения. Конечно, последовательный перепросмотр рано или поздно препарирует эти джунгли. Я могу назвать лишь общие ориентиры, симптомы, категории и признаки — детали всегда останутся вашей личной тайной, а значит — и спецификой личного пути.

На более высоком уровне, где обитают абстракции, возникают две фундаментальные оппозиции, которые содержат в себе все:

обусловленность	— свобода
эго	— безличность

“Свобода” и “безличность” — *окончательные условия* психоэмоционального бытия донхуановского воина. То и другое подразумевает выход из социальной игры, который возможен, как считают многие, уже *за пределом* человеческого вида. Это “святость”, это великие души (махатмы) и даже “вочеловечивание Высшей Силы” (аватары). Пессимисты полагают, что речь идет о невозможном. Т. Лири, в частности, написал: “*Духовные призывы трансцендировать эго тщетны. Это существует точно так же, как и любой другой уровень сознания. Как существует карма. Мы можем лишь поставить сознание эго “в центр” и увидеть его реальное взаимодействие с остальными нашими “я”. “Социальное эго” ужасно тривиально по сравнению с “атомным я”, “генетическим я”, но в этом и состоит великая мистификация игры в космические прятки, в которой “социальное эго” сумело завоевать такую огромную и бесполезную власть, что ему оказалось под силу отправить все остальные наши “я” в дальние уголки сознания. Так что помолимся: всемогущее эго, отпусти меня! Освободи! Всемогущее эго, разреши моим глазам видеть!*”

Но эго не нуждается в “растворении” или “трансцендировании” — даже ради тотальной Трансформации существа. Эго нуждается только в изменении, Ведь речь идет о структуре психоэмоциональных содержаний, которая обслуживает чувство нашего отдельного и уникального “Я”. Как уже многократно было сказано выше, путь толтеков не ставит целью растворение субъекта. Путь магов призывает сохранить отдельное “Я” в таком виде, чтобы оно обрело свободу и бессмертие. Значит трансформант по-прежнему нуждается в эго.

Просто эго безупречного воина имеет слишком мало общего с тривиальным эго социального человека. Безличность, о которой мы говорим в рамках толтекской безупречности, — это способность переживать собственное “Я”-как-оно-есть, без оценок и “оценщиков”, вне условий и ограничений, вне эмоций или чувств, порождаемых биосоциальной стихией, суть которой всегда — конкуренция, борьба за выживание, и в дальнейшем, за лидерство. Иными словами, битва за социальную роль.

Понять простую вещь — это способно реализовать себя вне социума, его мнений, оценок и навязанных отношений — мысль, выходящая за пределы мировоззренческой парадигмы нынешнего мирового тоналя. Древняя индуистская мантра “Я есмь” (Ахам асми), цель которой заключалась в постижении себя вне условностей социального и биологического мира — такая простая и как бы очевидная, — сак” по себе настолько изменяла структуру человеческого эго, что йоги не могли смириться с европейским понятием эго. Они отделили “Я” от эго, ибо находили между ними очень мало общего.

И все же мы должны понимать, что йоговское “Я” — тоже эго. Тот самый Атман, который есть Брахман, — новое чувство себя, сопологающего собственную очищенную суть с тайфуном мировых энергий. А потому безличность, достигнутая в результате специальных медитаций, — тоже личность. Она предстает в новых, чистых и прекрасных одеждах, она — как верховный жрец и высший судья в человеческом мире, но так и не превратилась в сверкающую птицу или молнию, отправленную к Солнцу через бездны пустого и безразличного космоса. Это — эго, оно просто переродилось, как гусеница превращается в бабочку. И нет у нас права называть ее, например, “Божественным присутствием”, если мы не хотим воспоследовать за мировыми религиями.

Давайте говорить “превращенное эго” или “трансформированное эго”. Пусть эти неуклюжие словосочетания напоминают нам о родине — о той колыбели, из которой мы выбрались, чтобы отправиться в полет. Если же слово “эго” вызывает у вас неприязнь, подумайте, отчего это произошло? Нет ли здесь внушения — того самого социального гипноза, который превращает нас в марионеток, провозглашая замечательные ценности “свободного общества” и “нового сознания”?

(4) Допустим, чудесное свершение осуществилось. Перед нами два описания — социальное и магическое. При нормальном развитии событий одно из описаний автоматически принимается как базовое, второе — как дополнительное. Это стереотипно, а потому неверно.

Почему это так? Базовое описание всегда бессознательно принимается как основа для энергообмена нашего целостного существа с целью функционирования и выживания. В общем, это — развитие уже имеющейся ситуации. Безо всякой магии мы имеем два описания — явь и сновидение. Излишне говорить, что явь неизменно побеждает даже в том случае, если ваши сны отличаются необыкновенной осознанностью и посещают вас каждую ночь.

Тональ не принимает их как равноценные. Оппозиция “основной — дополнительный” (по поводу режима перцепции) — типичный стереотип распределения внимания и энергии; можно сказать, это — наша базовая структура. Мало ли чего там привидится! Можно поесть мухоморов или принять ЛСД, можно курить марихуану или опиум — что это меняет в нашем существовании? Да ничего. Ибо внимание в самом раннем детстве обучено воспринимать иные режимы реагирования и восприятия как *отклонения*.

Это — основа нашей ригидности. Сколько подобных примеров мы наблюдаем в среде начинающих духовных искателей! Они усердно и непрерывно практикуют безупречность, не-делание и сновидение, они самозабвенно предаются stalkingу — но результатов нет и быть не может. По простой и понятной причине: их *тональ не принимает альтернативное описание как равноправное основному*. Если вы под действием галлюциногена встречаете на улице союзника, можно подвергнуть его допросу с пристрастием, узнать что-то полезное, и все же — через 12 часов вы снова здесь, среди неизменных социальных существ. Более того, вы сами вновь становитесь ими.

Психоэнергетическое объяснение этому феномену очевидно: точка сборки входит в резонанс с окружающими нас представителями вида. Действие химического агента закончилось, он метаболлизировался, а давление собратьев не иссякает. Но что толку от подобных объяснений? Цель толтека, идущего по пути безупречности, — найти внутренний механизм растождествления с теми цепями, что влекут нас в исходное положение.

Намерение и остановка внутреннего диалога — вот эти механизмы. Мы не можем в одночасье перейти в иную парадигму мироощущения, но мы способны *остановить себя в момент отождествления*. Мы можем не пустить символ-импринт и прилегающий к нему сценарий реагирования-поведения внутрь. Пусть вся эта машина останется за порогом. И магическое описание пусть также побудет за порогом. Дайте нам отдохнуть, сделать паузу, чтобы понять, насколько они условны и по большому счету равноценны.

Это открытие должно быть *чувственно-эмоциональным*. Ибо умственные откровения такого же масштаба ничего не дают, кроме глубокого удовлетворения по поводу собственной интеллектуальной свободы и способности допустить то, чего никогда не видел и не испытывал.

Для нашего психического пространства ментальные символы — пустое место. Мы нуждаемся в переживаниях, в эмоциональных порывах и чувствах. Разве можно ментально познать бесстрашие, смирение или безжалостность? Их можно просто назвать и положить на полочку в колоссальный архив, где хранятся, помимо всего прочего, “зеленые человечки”, “Атлантида” и, например, “категорический императив” Канта.

Одна лишь “чувственность”, “эмоциональность” принимается в расчет. Живой и непосредственный опыт — вот в чем мы нуждаемся.

Когда альтернативное описание обуславливает наши поступки, когда мелкие тираны получают достойную отповедь, а злые собаки улепетывают от нас со всех ног — вот когда можно говорить о бесстрашии. Мир ответит нам должным образом, если мы не разговором, а прямым действием вынудим его к этому.

Переход из одного описания в другое не должен вызывать затруднений. Они равноценны, они одинаково функциональны. Здесь ни в каком смысле не участвует воля, а потому, строго говоря, это не сталкинг. Это переключение внимания — не более значительное, чем быстрый переход с одного языка на другой (допустим, вы — полиглот).

(5) Следующий пункт Трансформации относится к так называемым “высшим этапам”. Он связан с измененными режимами восприятия (в частности, с видением и сновидением), но сказать о нем необходимо.

Его сущность (принятие центрального символа базального комплекса и его компонентов) связана не столько с переживанием как таковым, сколько с таинственным высказыванием дона Хуана о “пути сердца”. Ибо принятие — это не переживание. Это — исключение из картины мира иных способов поведения и реагирования. Можно сказать, это — воплощенная магия. вспомните, как Хуан Матус говорил про себя и своих соратников: “Мы не можем отказаться от пути воина, потому что иначе мы умрем”. Загадочное и фаталистическое высказывание. Оно кажется изрядным преувеличением или кастанедовским “поэтизмом”. Но это не так.

Усиленное осознание (в том числе с помощью сновидения и видения) показывают толтеку, что никакого выбора у него нет. То есть у него есть масса частных выборов, есть множество вариантов конкретного разрешения той или иной ситуации. Однако с Пути сойти он уже не в состоянии. На этом этапе он окончательно понимает смысл выражения “я отдан Силе, что правит моей судьбой”. Ибо дон-хуановский маг становится частицей универсального Намерения. Никакие альтернативные описания не помогут ему сбежать от воли безличных энергетических ли. Он обречен на безупречность. Это состояние можно назвать “универсальным растворителем” — потому что намерение абстрактного растворяет комплексы личной истории и базальные комплексы вида.

(6) Полноценная трансляция принятого переживания на уровень чувства тела — не что иное, как переход тональной энергии на весь объем человеческого кокона. Это стабильное и необратимое смещение точки сборки. Частично это происходит еще здесь — в мире первого внимания, но ос-

новая Трансформация (уже не это и не базальных комплексов, а целостного существа) — содержание последних шагов к “окончательному путешествию”.

Энергетические потоки универсального *намерения*, видение эманаций — все это так влияет на психический мир, что повседневный, социальный человек просто перестает существовать. С ними трудно иметь дело, с ними — великими Трансформантами, которые отправляются в Неведомое — практически невозможно общаться.

Безупречность лишает этих сверхлюдей последней шелухи социальности. Они чересчур просты и жестоки. Они видят так много, что не могут выделить из Большого Мира крохотные интересы своих собратьев, их ничтожные эмоции. Не стоит думать, будто они надменны или способны на обдуманную жестокость. Это иной психологический тип — необыкновенно великодушный, терпимый, любопытный и чувственный.

Но что между нами общего, если они чувствуют всем телом “толчки” Земли или миграцию неорганических существ через наш диапазон восприятия? Что мы можем сказать друг другу?

Толтекские маги, достигшие Трансформации, холодны и далеки для нас — социальных “человеков”. Более того, они пусты и слишком абстрактны, ибо им нечего нам предложить. Это другой вид. Они подобны звездам — каждый школьник знает, как они далеки и огромны, сколько энергии бушует внутри этих раскаленных сфер... Тем не менее судьба звезд — Космос, а мысли их длятся иногда миллионы лет — что нам сказать друг другу?

Так и толтеки. Они уходят, мы остаемся. Их намерение прекрасно и непостижимо, как и их судьба. Ну а наша судьба — проста и банальна. Настолько банальна, что порой спросишь себя: а стоит ли называть себя Человеком?

Глава 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАХА СМЕРТИ. “МЕРТВЫЕ ВОИНЫ”.

"Смерть вызывает тревогу, потому что затрагивает самую суть нашего бытия. Но благодаря этому происходит глубинное осознание себя. Смерть делает нас личностями."

Хайдеггер

"Прикосновением смерти завершается всё, и всё, чего она коснулась, становится Силой."

Карлос Кастанеда

Начнем с главного базального комплекса, корня человеческой формы — со *страха смерти*.

Психология страха смерти — одна из самых интригующих тем в изучении внутренней жизни человека. Она неисчерпаема и так же плохо поддается изучению, как все базальные феномены психического бытия — сон и сновидение, внимание и восприятие, воля и мышление. О смерти размышляли древние мудрецы и религиозные пророки, ей посвятили тома философы как древних, так и новейших времен — от Платона и Пифагора до Киркегора, Юнга и Грофа. Страх смерти был и остается предметом пристального интереса со стороны психотерапевтов, изучающих “феномен Человека” в его целостности — как, например, В. Франкл или Э. Кюблер-Росс с описанием “стадий встречи со смертью”.

Однако, если в прежние века отношения человека со смертью наталкивали мыслителей на подлинные шедевры мудрости, то в последнее время эта проблема, как и все, касающееся экзистенции, по большей части рассматривается богословами и учителями жизни. Современная наука предпочитает отделяться общими рассуждениями, заимствованными у великих предков, либо топтаться вокруг частных, которые именуют эмпирическими исследованиями. Смерть, как и Жизнь, хранит свою Тайну, и наше отношение к смерти в полной мере отражает извечное остолбенение человека перед непостижимой Реальностью.

С одной стороны, общим местом стала мысль, что “человек начинает жить подлинной жизнью, лишь осознанно принимая неотвратимость смерти”. Это как бы лежит на поверхности, но подобная мудрость немного стоит, ибо остается декларацией, весьма редко превращаясь в живую эмоцию.

Прежде всего нас пугает неизвестность. И здесь наблюдается парадоксальность нашего восприятия мира. “Нам ничего неизвестно о нашей судьбе, кроме достоверного факта конца нашего земного существования. И эта абсолютная неизбежность вызывает в нас сильнейшее чувство тревоги, настолько сильное, что мы не можем его вынести. Мы предпочитаем неведение. Как можно ощущать себя, зная, что рано или поздно тебя не будет? Как жить, творить и действовать в мире, зная, что все закончится для тебя? Как общаться с людьми, зная, что каждый из них раньше или позже будет закопан в землю?” — восклицает С. Белорусов в статье “Психология страха смерти”. Он же цитирует “современную духовную писательницу”, которая заметила: “Смерть бьет человеческое существо в самую сокровенную его сердцевину так унижительно, так ужасающе радикально, что его спонтанной реакцией может быть только бегство (в мучение или презрение), которое “спускает с цепи” всякое зло. Смерть ужасна. Она — злейший враг. Несмотря на все научные объяснения, смерть остается непостижимой. Внезапно предстающая жуткая картина собственной смерти со всей ее неизбежностью вызывает шок. В самой глубине личности открывается незаживающая язва...”

Человек “хочет не знать” о смерти. Он убегает от знания. Цивилизация помогает ему в этом. Общество вырабатывает нормы приличия. Разговоры о смерти неприличны. Знание о том, что человек умрет, отгоняется далеко на периферию сознания, часто даже в область бессознательного. Простая психологическая защита устраняет невыносимое знание и человек отказывается от “единственного достоверного знания о себе”.

Х. Ортега-и-Гассет полагал, что вся человеческая культура и искусство возникли для преодоления страха смерти. Известный социолог и антрополог Э. Беккер утверждает, что структура человеческого характера есть не что иное как система защиты от невыносимого страха смерти. По его мнению, знание о собственной смертности может привести человека даже к безумию (!). Из этого растет практически вся человеческая личность, все оборонительные сооружения нашего эго предназначены для самосохранения этого скопища иллюзий на свой счет. Наша реактивность, по мере формирования личности определяющая характер, есть в этом свете не что иное, как набор скрытых психозов (Ш. Ференчи). Здесь аналитики недалеко от истины, так как страх смерти производит столь масштабные и разнообразные метастазы, что без преувеличения можно сказать: страх смерти есть причина большей части человеческой эмоциональности.

Основные проявления и модификации страха смерти я уже перечислял в “Тайне Карлоса Кастанеды” (гл. 6) и не стану здесь повторяться. На данном этапе нас интересует более глубокое понимание феномена, связь этих глубинных реакций с формой энергетического тела и изменением восприятия, а главное — методы практической трансформации страха смерти, который, как мы увидим, в превращенном виде может быть использован как источник личной Силы толтекского мага. Страх приводит к такому отчаянию перед утратой контроля за своим существованием, что человек прекращает это существование.

В первую очередь, усиленное внимание к смерти и страху перед ней питает сознание духовное, философское и религиозное. Причем религиозное сознание, будучи в этом ряду наиболее влия-

тельным, часто формирует самые ранние установки личности, по сути, гипнотизируя нас. Это происходит даже в том случае, если человек вырос в атеистической среде и не склонен к потусторонним исканиям. Влияние это настолько опосредованно, что кажется почти мистическим. Мне придется уделить этому феномену некоторое внимание по следующим причинам:

- а) религиозный миф — один из самых древних, самых укоренившихся и сильных в поле коллективного бессознательного человечества;
- б) смерть, будучи элементом Неведомого и Непостижимого в нашем пузыре описания, прежде всего становится предметом трепета, а именно трепет — в ряду важнейших источников религиозного чувства;
- в) смерть, будучи явлением пограничным и завершающим явную жизнь человеческого существа, всегда рассматривается в ряду фундаментальных смыслов, а вопрос об окончательном смысле человека — ядро всякой религиозной доктрины.

Конечно, нет никакой возможности в рамках этой книги подробно изучить страх смерти и ее смысл в свете многочисленных религий. Да в этом и нет нужды, поскольку мы повсюду встречаемся с относительно небольшим набором стереотипов. Следует сказать лишь несколько слов об интересующем нас аспекте христианского сознания (поскольку мы живем внутри этой цивилизации) и найти некоторые параллели с общечеловеческими идеями на этот счет, влияющими на нас повсеместно.

Вот как религиозное сознание пытается утешить человека перед лицом страха смерти: “Но Тот, Кто выше нас, не забывает нас. Бог возвращает нас к знанию о том, кто мы есть. Он не навязывает нам Своей воли. Он предлагает нам понять Свой замысел о мире. Понять, насколько мы в силах, насколько хватит нашей решимости. Убежать всегда в нашей власти, и это было и в мировой истории, и в жизни каждого из нас. Бог не насилует никого. Слово Его — Евангелие — переводится как Благая Весть. Поверив Ему, мы услышим только хорошие новости: Не жестоко ли со стороны Бога отнимать у нас жизнь? Вовсе нет, потому что если мы верим в Него, то верим и в возможность “оставления грехов и жизни вечной”. Блаженный Августин писал: “Мы не боимся умирать, потому что имеем доброго Бога”. Итак, мы умрем... и не умрем: Для христианина смерть — это не конец, а завершение какого-то этапа, рубеж, а для праведника — рождение в новую реальность.” Более того, в христианских текстах, писаниях старцев и трактатах богословов мы можем найти рассуждения, что смерть всегда приходит в самый оптимальный момент жизни личности, что смерть — это окончательная реализация души на Земле, премудро посланная нам Всевышним для обретения потустороннего счастья.” (С. Белорусов. Там же.)

Религия, во многом сосредоточенная на страхе смерти, пестующая этот страх как некий даже духовный стержень, находит множество рационализаций смерти, оправданий для нее. Можно сказать, религия и большинство духовных учений весьма последовательно *выстраивают Миф о Смерти*. Иногда этот миф состоит из череды тривиальностей, иногда — включает изящные и даже неожиданные идеи. Смерть, как утверждается, смиряет человека. А смирение ведет к осознанию потребности диалога с Богом — мысль довольно предвзятая в психологическом смысле и опирающаяся не на здравый смысл, а на конкретную метафизическую конструкцию. Оправдывается эта идея тем, что чувство смертности указывает на “бессилие человека спасти самого себя”. Иными словами, смысл смерти заключен в непрерывном подтверждении ограниченности нашей природы и наших возможностей.

Я специально хочу обратить ваше внимание на эту мысль, поскольку она весьма красноречива и заключает в себе некую квинтэссенцию религиозного отношения к смертности, будучи диаметрально противоположной тому настроению, что культивирует толтекская магическая практика.

Смерть ограничивает и вынуждает полагаться (уповать) на Высшее, пребывающее по ту сторону бытия — вот пафос мировой Церкви. Нагуализм же, будучи принципиально не-религиозным направлением духовного поиска, говорит совсем иное: *смерть вынуждает нас к мобилизации всех усилий, это — единственный стоящий противник, фундаментальный вызов, брошенный человеку Мирозданием. Смерть — это та грандиозная Сила, что толкает нас на путь Трансформации.*

Часто подчеркивается, что смерть вынуждает нас жить “при свете вечности”, видеть подлинные ценности, помогает не забываться в суетных и мелких делах. Это, безусловно, правда — но для толтекского воина очевидная банальность. Ибо вопрос не в том, чтобы *помнить о вечности* (по большому счету, какое нам до нее дело, если она простирается за границами растущего человеческого осознания?), дело в том, *как использовать* брненное и совсем не вечное тело, чтобы вечность перестала быть всего лишь праздной мыслью, а *превратилась в подлинную потенциальность, реальную перспективу, в которой есть место Жизни и сопутствующим ей изменениям?*

Рассматривая концепцию смерти с двух сторон — со стороны религии и со стороны учения о Трансформации, ярчайшим образцом которого является знание толтеков, — мы находим два типа *ars moriendi* (искусства умирать). В таком названии кроется великий парадокс человеческого осознания. Ибо на уровне Предназначения Человека и человеческого вида *всякая наука жить сводится к науке смерти*. Ведь именно отношение к смерти определяет способ и качество жизни. Между этими двумя полюсами хранится напряжение подлинного *намерения*, делающего нас теми, кто мы есть.

Эта мудрость родилась на заре эона. Было сказано: *“Тот, кто не умирает до того, как он умрет, пропадет, когда умрет”*. Разные духовные и религиозные традиции использовали ее, приспособивая к собственной системе понятий и ценностей. В речах дон-Хуана эта максима предстает в обнаженном и, возможно, наиболее пугающем виде. Нечто сходное можно обнаружить в идеологическом кодексе японских самураев или у воинствующих даосов. Но даже там мысль о Смерти, будучи вполне трезвой и реалистичной, не приобретает *настолько* стимулирующего и (как ни странно) *оптимистического* звучания.

Религиозный Миф с готовностью говорит о Смерти как о рубеже и непременно напоминает, что это не конец. Таков оптимизм религиозного толка. Дон-хуановский воин не уповает, он смотрит в глаза Реальности и отдает себе отчет в том, что смерть может быть окончательным и бесповоротным прекращением. Оптимизм толтека пребывает на непредставимой для религиозного сознания высоте — *толтек опирается на ту точку осознания, где торжествует сама Реальность, где разница между жизнью и смертью вновь становится простым фактом-вне-нас, не нуждающимся в рефлексии и никак не связанным с эмоциональным страданием.*

Стереотипно мыслящему и чувствующему человеку это действительно трудно представить. Внутри общечеловеческого *тоналя* смерть неотделима от эмоционального балласта, в который входит не только страх, но и благоговение, преклонение перед Непостижимым, которое сопровождается болью и предельным отчаянием. Толтекское “искусство смерти” устраняет этот нестерпимый груз, и мы в конечном итоге предстаем лишь перед фактом битвы — самой важной битвы, и все же не более того. На этом уровне личной Силы в некотором смысле смерть перестает быть субъективным Апокалипсисом, поскольку на первый план выходит задача сохранения светимости, или энергетической структуры, здесь более нет привязанностей и страстей.

Буддисты могли бы сказать, что достижение такой позиции глубинного бесстрашия уничтожает кармическую цепь, сжигает груз обусловленностей, а значит — останавливает колесо Сансары.

Чтобы помочь себе в принятии толтекского осознания смерти, следует быть внимательным и не смещать акценты. Порой воины, вставшие на путь нагуализма, бессознательно полагают, что конечная цель дисциплины — победа над смертью. Или, выражаясь языком дон-Хуана, “наша цель

— проскочить мимо Орла”. Это верно лишь с поверхностной точки зрения. Настроение воина заключается не в этом.

Победа над смертью — *всего лишь высшее испытание* на Пути. Это как бы “выпускной экзамен”, который демонстрирует глубокое и всестороннее усвоение науки Трансформации. Но не в этом смысл и суть предпринятой магической работы. Важно постоянно помнить, что все самое главное на пути воина происходит сегодня. *Нынешнее мгновение осознания* — вот непосредственной объект, на который направлено *несгибаемое намерение* толтека. В противном случае намерение просто *не может* стать несгибаемым.

Неверно думать и ощущать, будто воин всю жизнь копит силу для некой окончательной кульминации, драматического поединка со смертью, который состоится “завтра”. Если вы именно так распределяете свои усилия, ваша энергетическая форма всего лишь *готовится* к действию, но никогда по-настоящему не действует. *Все подлинно значимое происходит в нашей жизни сейчас. Сегодня.*

Каждую минуту мы отвечаем на вопросы, поставленные перед нами жизнью. И наш смысл заключается в том, чтобы *всякий раз отвечать наилучшим образом* — *вот чему учит безупречность*, вот в чем наивысший труд пути дон-хуановского воина. Виктор Франкл, основатель экзистенциального анализа в психологии, красноречиво выразил эту идею практически теми же словами: “Спрашивать о смысле жизни вообще — ложная постановка вопроса, поскольку она туманно апеллирует к общим представлениям о жизни, а не к собственному, конкретному, индивидуальному существованию каждого. Возможно, нам стоит вернуться назад и воссоздать исходную структуру переживания: А именно: сама жизнь (и никто иной!) задает вопросы людям. Не человеку вопрошать об этом; более того, ему было бы полезно отдать себе отчет в том, что именно ему держать ответ перед жизнью; что он вынужден быть ответственным перед ней и, наконец, что ответить *перед* жизнью можно только отвечая *за* жизнь.”

Конечно, выдающийся психолог, говоря об ответственности, опирался на ценности описания, и потому, как бы глубоко ни анализировал человеческую экзистенцию, не мог выйти за рамки стандартного осознания. Его подход, безусловно, эффективен, а взгляд пронизателен — и все же исходная структура переживания сводится к воспроизводству общих схем жизни (или, выражаясь терминами толтеков, инвентаризационному списку тоналя). Это особенно важно, поскольку он же, размышляя о смысле жизни и смысле смерти, приходит к справедливому выводу, что ценность и глубина смысла определяется, прежде всего, *уникальностью и неповторимостью* ситуации личного бытия. Рассуждая общим, теоретическим образом, можно найти такую неповторимость абсолютно повсюду — но наш тональ, к несчастью, подсознательно осведомлен об утомительном однообразии бесконечного самоповторения. Наверное, здесь и заключена причина неубедительности психотерапевтических рецептов такого сорта.

Неповторимое, уникальное и таинственное — это скрытая от обычного сознания перспектива. Она всегда присутствует за каждым опытом, за каждым переживанием, но весьма редко осознается, так как для ее осознания нужна особая сила и специальное *намерение*. Это — пронзительное и вечно свежее дуновение нагуаля, которое дано нам в каждом дыхании. Безупречность открывает нам доступ к этому чудесному Непостижимому, а Непостижимое обеспечивает безупречность смыслом. Так они взаимно осуществляют друг друга, представляя собой единый и непротиворечивый Путь. И это Непостижимое вовсе не скрывается только в измененных режимах восприятия, в экзотических полях опыта, среди гипнотизирующего мерцания эманаций. Оно здесь — прежде всего, внутри, в самом акте резонанса энергий, производящих процесс осознания. Для полного своего проявления оно нуждается лишь в *интенсивности*. Потому я называю его Внутреннее Непостижимое. Это Тайна Мира, скрытая в нашем взгляде на него. То, что всегда перед нами, и потому является преддверием к магическому сновидению. Это наш “дневной Сон”, постижение которого непосредственно вводит нас в состояние stalking (о чем подробнее будет сказано ниже). А смерть в этом “Сне” — только решительный сюжетный поворот, срывающий маски с нас и со

всего окружающего. Его ценность непревзойденна даже тогда, когда сюжетный поворот оказывается заключительной развязкой, так и не получившей продолжения.

Важно также заметить, что страх смерти вырастает из двух представлений человеческого тоналя — представления о Времени и представления о своем эго (о себе). Мыслители, которых занимала эта воображаемая оппозиция “смерть — бессмертие”, рассуждая внутри данного нам описания мира, приходили к безысходности и отчаянию. Мыслимая смерть вызывает ужас, а мыслимое бессмертие навеивает тоску и скуку, поскольку наше воображение не знает ничего, кроме самоповторения, и полагает бессмертие “я” дурной бесконечностью. Эта противоречивая ситуация веками томит человека. С одной стороны он, подобно Унамуно, то и дело трагически восклицает: “Я не хочу умирать — нет, я не хочу ни умирать, ни хотеть смерти; я хочу жить во веки веков. Я хочу, чтобы это “Я” жило — это бедное “Я”, которым я являюсь и ощущаю себя здесь и теперь:” Но такой формулой человек автоматически обрекает себя на непрерывную тоску монотонности, которая в перспективе бесконечности рано или поздно превращается в вынужденное страдание узника. И, вообразив себе эту нескончаемую череду повторяющихся переживаний, человек склонен вслед за античными мыслителями провозгласить *felix opportunitate mortis* (“счастлив возможности умереть”)!

Проблема в том, что человеческий тональ *не имеет никакого опыта свободы*. Более того, он не имеет даже умственного представления о ней. В результате все размышления человека о смерти и о бессмертии ограничены детерминированным, не-свободным пространством. Человек знает про *длительность и ограниченный отрезок длительности*. Он опирается на сотворенный им самим пузырь восприятия, из которого нет выхода в новое поле, а есть лишь репликация, бесчисленное повторение выделенных фрагментов с бессознательно заданными свойствами.

В таком пузыре бессмертие может быть лишь неограниченным по сроку заключением — бессмысленным пребыванием в “местах лишения свободы”. Даже в том случае, если речь идет об ученом, которому навеки предоставили инструменты и лабораторию, он обречен на вечное самоповторение. Такой естествоиспытатель может быть поражен *самозабвением* в процессе своих нескончаемых опытов, но однообразие собственного эго пожрет его рано или поздно. Ибо для вечной Жизни необходим не только бесконечный опыт внешнего мира, но и *бесконечная изменчивость собственного “Я”*. Не реинкарнация, где психологическое единство субъекта периодически прерывается, а *плавная изменчивость роста целостного осознания*. Обычный человек знает это переживание — оно сопровождает его недолго и связано с биологическим ростом и социальным становлением. Недаром каждый зрелый субъект считает свое детство и юность если не самыми счастливыми, то самыми яркими временами жизни. Это и есть мимолетный фрагмент того толтекского бессмертия, которое является подлинным антиподом смертности — не опытом по механическому приращению срока жизни, а процессом неустанного обретения все новой и новой свободы. Свободы количественной и качественной, каждый раз меняющей все, кроме *принципа непрерывности* изменений внутри целостного энергетического тела.

Так устраняется проблема страха смерти и бессмертия. Так разрешается диалектическое противоречие, долгие времена казавшееся человеку тупиком мысли и чувства. Восприятие свободы — перцептивной, функциональной, энергетической и психологической — становится универсальным растворителем тональных преград. Заслуга толтекского нагуализма и здесь оказывается неоценимой. Парадигма толтекского знания просто требует внимательной разработки, и мы находим фундаментальные решения извечных проблем человека — системные и подлинно диалектические. Даже в том случае, если они оказываются умственными, философскими, они содержат практическую потенциальность, поскольку предполагают эмпирическое содержание — ту конкретику чувств, ради которой исполняется дисциплина.

Ибо век умственной философии кончился. Все становится предметом психологической практики, энергетических опытов и реальных чувств. Путь воина обнажает экзистенциальную ситуацию человека, тем самым превращая философию в непосредственный опыт каждого практика. Он преодолевает нашу *социальность*, и это выглядит естественным продолжением нашей эволюции.

(Э. Фромм несколько десятилетий назад прекрасно сформулировал “ситуацию человека”. Я процитирую его дефиницию, и вы определенно увидите, что толтекское знание Трансформации просто *логически продолжает* осознанную этим психологом тенденцию: “Эволюция человека основывается на том, что он утратил свою первоначальную родину — природу: У него теперь только один путь: покинуть свою естественную родину и искать новую, которую он сам себе создаст. В соответствии с этим проблема человеческого существования — единственная своего рода проблема в природе: Он отчасти как бы бог, отчасти — животное, отчасти бесконечен и отчасти конечен. *Необходимость искать новые решения противоречий его существования, все более высокие формы единения с природой, окружающими людьми и самим собой выступает источником всех психических сил, которые побуждают человека к деятельности, а также источником всех его страстей, аффектов и страхов.*” Продолжая мысль Фромма, мы видим, что человек утратил не только первоначальную природу, но и собственно человеческое — эту адскую смесь физиологии и знаковой информации, порожденной социальным гипнозом. Ступая на путь толтекского знания, он двинулся дальше — в область очередного пресуществления себя, и оказался на ступени, где прежние его манифестации демонстрируют только отсутствие свободы и ограниченность вида. Здесь нет ничего неестественного, а только интеграция прежних потуг, проявивших себя во всей полноте на следующем уровне. Ничто не утрачено. Безупречный воин только приобретает — свободу от социума и новые перспективы восприятия.)

Итак, эволюция человека даже логически (не говоря уж о законах развития энергетического тела) подразумевает преодоление социальности. А страх смерти прежде всего *социален*. Он порожден нашими бессознательными проекциями на будущие взаимоотношения с окружающей социальной средой. Размышляя о смерти, любой человек сначала думает о прекращении контактов с себе подобными и лишь потом о прекращении потока впечатлений *вообще*. Это вынуждает нас поговорить об одиночестве.

Переживанию такого специфического состояния, как одиночество, в жизни безупречного воина есть место — правда, оно приобретает иную окраску (можно сказать, становится позитивным), но приобретение новых акцентов в самоощущении происходит далеко не сразу. Поначалу все мы сталкиваемся с одиночеством во всем его пасмурном и даже трагическом облачении. Это болезнь роста, свидетельство внутреннего удаления и, если хотите, переживание откровения — воин оказывается лицом к лицу с бесконечностью и обнаруживает свою внесоциальность, более того — свою надмирность, что вызывает неоднозначные чувства. Вряд ли это можно назвать восторгом, ибо печаль путника сопровождает его вплоть до окончательной трансформации.

Возникновение такого рода эмоций объяснить несложно. Обычный человек, далекий от толтекской идеи безупречности, полностью погружен в описание мира, сотворенное тоналем. Совокупность тональных представлений о самом себе всегда опирается на некую сетку социальных координат — индивид может идентифицировать себя только в процессе взаимодействия с подобными ему существами. В этом — главная причина непереносимости одиночества. Тональ, творящий иллюзию личности, отказывается функционировать вне социальной сети: большая часть его ценностей и идей девальвируется, из-за чего само представление о себе становится почти призрачным. Можно сказать, что страх одиночества есть не что иное как страх утраты личности — иными словами, проекция страха смерти. Так что, глубинная связь этого чувства с тремя ядерными структурами эго — страхом смерти, чувством собственной важности и жалостью к себе — теми структурами, что являются главными объектами трансформации в безупречности, несомненна. Внимательный психологический анализ обнаружит генетические связи практически всех эмоциональных проявлений эго с этой классической триадой, провозглашенной толтеками.

Чувство одиночества (то самое чувство, которое заставляет толтекских магов говорить о “тоске воина”) является, к сожалению, неотъемлемой частью спектра психоэмоциональных состояний, который характеризует известный этап становления безупречности. Конечно, оно не должно вызывать угрюмость и озабоченность, если же такое настроение возникает, то можно с уверенностью сказать: преобразование стереотипов реагирования еще не достигло того качественного порога, за которым обнажается чистое и безупречное сознание воина. Ценности тоналя все еще актуальны и продолжают терзать личность, погруженную в мир иллюзорных отношений, порождаемых ограниченностью сознания и восприятия. Рэлф Оди, исследовавший в свое время проблему одиночества, ярко описал эту ситуацию: “...Неожиданное развитие человеческого разума сначала позволило человеку выделить себя как нечто совершенно отдельное от живой системы вокруг него; потом — назвать ее “окружающей средой” и почувствовать способность управлять ею и подчинить ее себе; затем — накопить силы для ее уничтожения и еще больше отдалиться от той системы, в которой он — всего лишь один из компонентов. Потому, что наряду с перечисленными достижениями часть мозга человека, находящаяся в прямом сенсорном контакте с окружающей средой, гипертрофировалась в сознании и утратила в основном свою способность поддерживать связь с глубинами другой части мозга; наконец, потому, что вместе с этим человек создал общества и сопутствующие структуры, в которых из-за недостатка понимания его сущности его человеческие способности были упущены из виду. Ему негде преклонить голову — вокруг лишь холодные и не вызывающие в душе отклика пространства”.

Хотя данный автор, безусловно, вовсе не исходил из концепции нагуализма, легко заметить, что на самом деле стоит за фразой “часть мозга, находящаяся в прямом сенсорном контакте с окружающей средой”. Мы называем ее тоналем — именно раскрепощение и трансформация тоналя (что и есть цель безупречности) устраняет переживание одиночества как истощающего и порождающего депрессию состояния, оживляет естественное чувство единения с бесконечным разнообразием мира. Безупречность воскрешает в человеческой психике чувство однородности внешнего и внутреннего, и это чувство, в отличие от эгоистических эмоций повседневного существования, отражает действительно *реальное* положение дел, а не самодельные иллюзии, придуманные для поддержания нашего привычного описания мира.

Откуда же тогда время от времени возникают приступы тоски воина даже в том случае, если он окончательно укрепился в своей безупречности? Опыт показывает, что чувство одиночества может иметь разнородные причины. Ведь в основе функционирования осознания лежит некоторая совокупность операций информационного типа. Осознание осуществляет себя, превращая поступающие извне сигналы в структуры, и завершенность (полноценность) этих структур подразумевает наличие активно реагирующей стороны, чтобы осознание могло манифестировать себя, воспринять отражение этой манифестации и сравнить разнородные впечатления, полученные таким образом. Тот же Рэлф Оди сформулировал данное положение так: “Структура гармонического баланса у людей и животных требует хотя бы некоторой реакции со стороны внешнего мира в виде восприятия предметов, запахов, в особенности осмысленных социальных контактов или взаимодействия. Общая для людей и животных *жажда информации* была точно установлена путем наблюдений и экспериментов”.

Обратите внимание на то, что подобная “жажда информации” свойственна не только людям, но и животным. Устранить ее невозможно и ни в коем случае не следует к этому стремиться. Ведь именно это качество осознающей природы подталкивает всех людей, без исключения, к деятельности по изменению мира и самих себя. Та же жажда влечет толтеков и поддерживает в них намерение бесконечно расширять свои возможности восприятия. Тоска воина — результат неминуемых затруднений, связанных с постепенной перестройкой типа обрабатываемой информации. Все мы скованы громоздкой цепью привычек, и в их число входит привычка получать наибольшее количество впечатлений от *социально обусловленных взаимодействий*. Хочу подчеркнуть: не просто от подобных себе существ (поскольку такая привычка имеется и у животных), но именно от *социальных игр*, условности и правила которых однажды создал и увековечил наш тональ.

Последовательная и всесторонняя практика безупречности, безусловно, разрушает этот стойкий стереотип. Безупречный воин обращается к впечатлениям иного рода и из них черпает материал для полноценного самоосуществления осознания. Любой контакт с внешним становится, в первую очередь, источником первичных ощущений и достигает удовлетворительной полноты за счет расширения объема необусловленного восприятия (вплоть до переживания полево-энергетических взаимодействий, природная сложность которых значительно перевешивает монотонную работу последовательно включающихся социальных шаблонов и сценариев). Освоение гармоничного использования таких, прежде малоосознаваемых сигналов, которые никогда не были для нашего тоналя основным источником сознательного перцептивного опыта, часто требует длительной адаптации. В той или иной степени трудности, вызываемые ею, дают о себе знать в течение многих лет, а порой и десятилетий. В такие мгновения и приходит тоска воина.

Не следует, однако, думать, что эмоциональные разряды подобного рода — только атавизмы, которые надо непременно изжить, изгнать из своего внутреннего мира. Как ни странно, они вовсе не являются признаками наших несовершенств — скорее, наоборот, полное их отсутствие вполне может быть тревожным признаком сужения перцептивного поля, а значит, и сферы энергообмена с внешним полем. Правильный процесс интеграции всех режимов восприятия, который является обязательным условием гармоничной трансформации энергетического тела, требует периодического оживления эмоциональных состояний, характерных для изначальной фиксации психики. По сути, это означает, что точка сборки должна время от времени пересекать различные полевые слои, возвращаясь к своей стартовой площадке — в этих условиях все доступные человеку виды реагирования естественным образом займут свое место в новой, расширенной структуре сознающего существа. Безупречный контроль, направленный на сохранение и накопление энергии, здесь должен проявлять себя только для того, чтобы переживание не закрепилось вновь и не привело к возобновлению работы преодоленного уже комплекса психических автоматизмов. (В одной из книг Кастанеды есть очень яркий эпизод, описывающий успешное применение безупречного контроля в подобной ситуации. Я имею в виду одну из заключительных сцен “Путешествия в Икстлан”, когда дон Хуан и Хенаро как бы “остановили волну” нахлынувшей на них тоски и всепоглощающей ностальгии.)

Кроме того, даже в данном случае, когда речь идет о довольно тягостном чувстве “тоски”, превращенность и богатство эмоциональной жизни безупречного воина проявляется довольно ярко. Недаром приходится заключать слово “тоска” в кавычки — неоднозначность реагирования и связанные с этим затруднения адекватно описать его связаны с неустойчивым положением точки сборки, которая уже утратила прежнюю жесткую фиксацию. Каждое эмоциональное переживание, возникающее на фоне подлинной безупречности, приобретает множество оттенков и, кроме того, несет на себе отпечаток фоновой отрешенности, так как точка сборки все время совершает плавные колебательные движения. Эта специфическая отрешенность, которая словно пребывает на заднем плане чувственной активности, создает пространство — дистанцию, наполненную воздухом и объемом. С точки зрения субъективного восприятия, именно здесь находится полнота самоощущения и свобода выбирать различные типы отношения к предложенной ситуации жизни. Искусство сталкинга, которому посвящен один из разделов этой книги, невозможно без этой внутренней дистанции, без пространства, где могут свободно существовать различные стереотипы реагирования, в одинаковой степени готовые к использованию. Таким образом тональ получает гораздо более широкий выбор сценариев поведения и одновременно теряет свойственную ему жесткость и однозначность интерпретационных схем. Мы видим, что свобода восприятия и свобода реагирования обусловлены друг другом. Что же касается техники *безупречности*, то она оказывается одним из самых эффективных инструментов для формирования такой внутренней свободы, без которой полное освоение толтекской дисциплины вообще невозможно.

Недаром все экзистенциальные поиски собственной сущности начинаются с уединения. Созерцание пустынных просторов помогает осознанию постичь простое переживание, лежащее в его основе: основной источник впечатлений — не взаимодействие тоналей между собой, а давление безличных энергетических полей, существующих помимо наших оценок и вне придуманной сетки ко-

ординат. Эта пустота и есть один из ликов смерти, поскольку угрожает тонулю разрушением. Это щемящее чувство мы именуем *одинокостью*.

Это крайне важное переживание для воина как *экзистенциального*, а не социобиологического существа. Почему? Да очень просто, и частичное объяснение этому положению мы можем найти у самого Кастанеды. Окончательная фиксация точки сборки в человеческом мире возможна лишь благодаря последовательной социализации. Личность собирает себя саму в поле определенных коммуникаций, и каждое восприятие, изначально данное как некоторая неопределенность, становится завершенным фактом благодаря многократному сравнению и подтверждению со стороны наших сородичей. *Мы никогда полностью не доверяем себе* — вот в чем проблема фундаментальной несамостоятельности тоналя.

Здесь скрывается одна из сложностей, на преодоление которой нацелена практика безупречности. Где-то в недалеком бессознательном скрывается внушенное нам чувство беспомощности. Это — детский импринт, невыслеженный и позабытый во взрослом состоянии *фиксатор* точки сборки. Всякий раз, когда мы что-то воспринимаем, мы нуждаемся в объективном наблюдателе — “оценщике” со стороны. Всякий опыт имеет ценность лишь тогда, когда подтвержден собратьями по виду, и это — единственное доказательство нашей адекватности.

Человек, не практикующий толтекскую безупречность, редко замечает данный тип перцептивной несамостоятельности. Для нас вполне очевидна зависимость *социальных* аспектов восприятия — особенно моральных. Мы готовы согласиться, что понятия “хорошо” и “плохо” имеют значение лишь в среде общения, но это далеко не все. На самом деле, большая часть воспринимаемых характеристик обусловлена реальными или воображаемыми мнениями других. Восприятие цвета, размера, формы, и шире — пространства и времени (то есть, принципиальные параметры перцептивного поля), обретают однозначность благодаря взаимоподтверждающей коммуникации.

Одинокость лишает нас подтверждений. Одинокость — источник неуверенности и опасений. Наш статус как воспринимающего повисает в воздухе, а это психологически равноценно погружению в измененное состояние сознания — ведь только там мы можем иметь дело с никем и ничем не подтверждаемой субъективностью. И если в течение некоторого времени тональ способен выдержать абсолютное одиночество, опираясь на опыт сновидения, то впоследствии он начинает паниковать.

Потому что сновидение, не имеющее обозримого конца, — ничто иное как *смерть*. Вот на каком глубинном уровне одиночество и смерть сливаются в единый образ и вызывают слишком похожие переживания.

Не сенсорный и эмоциональный голод, не подавление чувства собственной важности, возможной лишь на фоне социальных коммуникаций (хоть каких-то, пусть самых скромных) и не инстинкт продолжения рода делают одиночество невыносимым. Причина в другом — в снижении фиксации точки сборки, если следовать терминологии Кастанеды. Вызванная этим не столько психологическим, сколько энергетическим процессом неопределенность восприятия автоматически вызывает неустойчивость самой формы энергетического тела, и значит, ставит под сомнение выживаемость личности. Близость смерти становится неотступным фактом каждодневного опыта.

Отсюда становится понятным, почему трансформация (преодоление) страха смерти столь радикально меняет отношение человека к одиночеству. Более того, мы даже можем согласиться с тем, что бесконечное одиночество путешественника в третьем внимании — опыт, нам принципиально не известный, — не должен сопровождаться печалью, тоской и страданием даже в том случае, если трансформант обречен никогда не вступать в контакты с подобными себе. Окончательная реализация безупречности (без чего достижение третьего внимания невозможно) наконец-то делает существо *абсолютно самостоятельной воспринимающей единицей*, способной выбирать миры и способы их чувственной интерпретации без оглядки на прежний человеческий опыт. Понятно, что опыт

вида учитывается и интегрируется, но этот способ упорядочивания впечатлений становится только одним аспектом, одной из многочисленных граней перцептивного конструирования. Он обслуживает некий уровень действия, но теряет былую категоричность. Перцептивный опыт человека становится условностью.

Сама возможность столь странного расширения и углубления восприятия, его раскрытие и превращение в нечто пластичное и изменчивое, лишенное надежной опоры, открывается толтекскому воину в результате преодоления страха смерти. Таким образом, практический порядок дисциплины часто имеет следующий вид — *сначала* трансформация страха смерти и лишь *потом* растворение перцептивных барьеров первого внимания через осознанное сновидение и значительные сдвиги точки сборки.

Страх смерти вообще проявляет себя в психической жизни социального человека весьма многообразно, и страх одиночества — здесь самая простая и очевидная проблема. Кроме того, страх смерти порождает а) привязанности, б) влечение к впечатлениям, в) страх потери времени, г) страсть к деятельности и, наконец, д) волю к власти и борьбу за лидерство.

Когда мы примемся анализировать историю страха смерти, станет понятно, каким импринты отвечают за этот сложный чувственный фон. Скажем, привязанность — не столько результат страха одиночества, сколько желание иметь убежище. Влечение к впечатлениям не имеет почти ничего общего с физиологической чувственностью, а страх потери времени напрямую связан с реализацией социобиологической роли. Иначе говоря, слова часто вовсе не называют подлинный характер страсти или переживания. Что же касается воли к власти, то ее обретение есть высшее подтверждение исполненности социобиологической роли индивида. Особенно ярко эта социальная страсть демонстрирует себя у тех, кто по каким-то причинам не получил более простого и доступного подтверждения. Вот почему аналитики часто говорят о стремлении к власти как определенной компенсации имеющегося комплекса неполноценности.

Социум и государственность, как видите, базируется на страхе смерти и различных его формах. Это главный рычаг, с помощью которого можно манипулировать личностью и таким образом строить общественный порядок. Поэтому всякая технология трансформации страха смерти обществу неужодна и должна считаться социально опасной. Этот парадокс смогли частично преодолеть в китайском и японском обществах. Чтобы уравновесить антиобщественное бесстрашие даосов в Китае и самураев в Японии, пришлось прибегнуть к самой абстрактной системе долга и космической социальности — конфуцианству. Свободу потребовалось уравновесить высшим порядком.

Нынче распад социальных структур нам не угрожает по той простой причине, что мировой тональ создал избыточную массу автоматических существ — полностью одурманенных производителей и потребителей. В нашем обустроенном, монотонном мире ни одна религия, философская школа, мистическое учение или оккультная практика не станут массовыми и не пошатнут устоев. Страх смерти, чувство собственной важности, жалость к себе — это фундамент массового человека, уйти от которого могут лишь единицы.

Непосредственно, без социальных масок и тональных проекций, страх смерти в психическом пространстве человека манифестирует себя двояко. Чтобы провести тщательный перепросмотр этих глубинных эмоций, надо сказать об этой двойственности несколько слов.

Как бы мы ни стремились вообразить смерть, сколько бы ни размышляли над ней, мы все равно имеем на этот счет исключительно умственное представление. Можно сказать, что сама смерть не присутствует на острове тональ, там есть лишь *идея смерти*. Чаще всего именно идеи смерти мы и боимся. И это первый, наиболее очевидный и лежащий на поверхности вид страха смерти.

Для человеческого организма смерть — это, так сказать, самый сильный и завершающий его существование стресс. Последний миг умирания во всех случаях сопровождается нестерпимой болью.

Чаще всего человек приходит к этому мгновению в состоянии уже настолько помраченного сознания, что просто не способен ощущать боль. Сборка ощущений отсутствует либо полностью, либо в весьма значительной степени. Однако тело умирает, и знание тела о смерти вполне исчерпывающе, как и знание о рождении.

Рождение и смерть окружают биологическую стихию. Эти события в колоссальной массе своей отпечатываются на полосах эманаций, являющихся нашим строительным материалом. Если рассуждать в рамках юнгианской терминологии, то это, судя по всему, составляет значительную часть содержания коллективного бессознательного нашего вида. А коллективное бессознательное на своем уровне непрерывно воздействует на личное бессознательное каждого из нас.

Дон Хуан сказал бы, что опыт смерти доступен нам как часть *безмолвного знания*. Окружающая нас смерть подавляет, тревожит, вызывает смутные, пугающие предчувствия. Поскольку все это происходит вне сферы бодрствующего сознания, нам, как правило, довольно трудно идентифицировать реальный источник своих беспокойств. В сновидениях эти ощущения предстают в виде устрашающих или бесконечно мрачных образов, в измененных состояниях сознания порождают бурные телесные реакции и насыщенные галлюцинации, являющиеся буквально квинтэссенцией страха. Именно это давление бессознательного и вызывает второй, глубокий вид страха смерти.

Подводя итоги описанию страха смерти, можно заключить, что как факт тоналя он выражен в двух плоскостях — *социальном* и *экзистенциальном*. Как факт нагуаля страх смерти выражает себя биологически, в виде знания тела. Итак:

Социальный аспект страха смерти.

Сплавлен с одиночеством, необходимостью иметь “оценщика”, с привязанностями (иногда чуть ли не экстатическими, что находит выражение в *чувстве любви*). Выражает себя в тоске и печали, в абсолютной невозможности существовать без социальных реализаций, без определенного социального статуса (в гипертрофированном виде становится *волей к власти*).

Экзистенциальный аспект страха смерти./P>

Дан как невыносимое пред-ощущение прерывания потока самосознания, неминуемого конца личного Времени, боязнь пустоты, отсутствия впечатлений, ощущений и чувств. Глубоко связан с вытесненной памятью о “травме рождения”. Выражает себя в страсти к деятельности, любому виду занятости (даже нерациональному), зрелищам, развлечениям, в спешке жить.

Телесный страх смерти (факт нагуаля).

Не может быть рационально описан. Выражается в давлении энергетических потоков, воспринимаемых как невыносимое чувство, в возбуждении бессознательных содержаний психики. Перепросмотр не способен открыть эпизодов из личной истории, поясняющих его происхождение. В измененных состояниях сознания транслируется *только* архетипическими символами (как правило, космического масштаба).

Методы трансформации.

Каждый из этих аспектов требует собственных методов трансформации. Третий (нагуальный или телесный) аспект принципиально отличается от первых двух. По сути, он даже не трансформируем, поскольку источник чувств, им вызываемых, расположен *вне* энергетического тела человека. О нем я скажу отдельно.

Говоря о методах, мы не должны забывать, что безупречность, stalking и перепросмотр — дисциплины, связанные неразрывно в повседневном практике воина. Их нельзя разделить и добиться ус-

пека. Каждая задача, которую мы ставим перед собой в практике безупречности, для исчерпывающего разрешения требует привлечь технические принципы stalking себя и перепросмотра.

Ведь всякий психоэмоциональный комплекс осуществляет себя во многом автоматически. Внимание не привыкло пристально следить за его активностью, а осознание размазано сразу по нескольким координатам матрицы тоналя. Чтобы справиться с этой вялостью и полусознательными повторениями привычных движений, нужно потратить время на развитие способности stalking самого себя.

С другой стороны, каждый комплекс (в том числе, страх смерти) имеет историю. История формирует механизмы бессознательного — те самые механизмы, которые обладают наибольшей инерцией. Вспомнить ключевые эпизоды истории страха смерти, прожить их заново и лишиться их этим темной автоматической энергии — тут без перепросмотра не обойтись. Я постараюсь детально описать методику этого дела в соответствующем разделе.

История базального комплекса “страх смерти”.

Поскольку страх смерти относится к базальным комплексам социальной личности, являясь стержневым в мире описания (тонале), его история охватывает большую часть самых важных содержаний эмоциональной памяти — сознательной, подсознательной и бессознательной.

Для полной трансформации комплекса, его история должна быть перепросмотрена со всей тщательностью — в соответствии с теми толтекскими правилами, что коротко описаны в книгах Кастанеды.

История базального комплекса состоит из одиночных импринтов либо из их констелляций, которые охватывают как досоциальный период существования индивида, так и социальный, поскольку страх смерти — не только результат социального научения, но и свойство любого биологического существа с развитой нервной системой.

До-социальные импринты и их констелляции.

- (1) Натальный импринт. Чувство без описания.
- (2) Страх утраты убежища (выход из материнского лона).
- (3) Опыт бессознательности, полученный во время сна без сновидений. Страх необратимой фиксации точки сборки в позиции, где сборка сенсорного материала невозможна.

Социальные импринты и их констелляции.

- (4) Страх потери, разлуки (первый опыт расставания с матерью или отцом в период ранней социализации).
- (5) Страх боли (в результате собственного опыта и наблюдения за опытом других).
- (6) Страх разрушения тела и уродства. “Страх гниения”.
- (7) Страх беспомощности (социализированная форма “страха утраты убежища” — развитие второго импринта).
- (8) Страх утраты контроля и безумия.

Импринты 5-8 могут следовать в разном порядке или возникать одновременно. Их формирование обусловлено личной историей субъекта, в малой степени отражая объективные закономерности роста энергетического тела и осознания.

Приведенный здесь порядок отражает, скорее, не хронологическую последовательность, а локализацию психоэнергетических напряжений:

Страх боли — центр пупка

Страх разрушения — солнечное сплетение

Страх беспомощности — горловой центр

Страх утраты контроля и безумия — центр межбровья.

Напомню: *перепросмотр импринтных ситуаций* (как и всякий перепросмотр) *производится в обратном порядке* — его начинают с сегодняшнего момента и ведут к максимально удаленным по времени воспоминаниям. Поскольку этот порядок может варьироваться и зависит от личной истории конкретного субъекта, мы для удобства опишем импринты в прямом хронологическом порядке (насколько это возможно).

(1) Натальный импринт. “Травма рождения”. Переживается как психический и соматический взрыв впечатлений.

В этот момент — момент наивысшей импринтной уязвимости человека — в его тональ входит неимоверное число символов. Каждый из них впоследствии определяет какие-то аспекты его судьбы. Но нас, разумеется, интересует только та символика, что непосредственно связана со страхом смерти. Физиологически это — отделение от пуповины и асфиксия (удушьё).

Центральные символы-импринты наилучшим образом открываются сознанию во время пиковых психоделических переживаний. (Об этом см. подробно у С. Гроф, Дж. Галифакс, Дж. Лилли, Т. Лири и др. авторов.) Во время сеансов сильно измененного сознания импринт демонстрирует всю сопутствующую ему соматику, типичные паттерны реагирования — вплоть до уровня позы, жестов, всей гаммы мышечных напряжений и проч. Эмоционально-чувственный фон присутствует в самых ярких, иногда гротескных формах, порождая экстатические или кошмарные галлюцинации.

Хочу, однако, подчеркнуть: выявление импринта (даже столь глубокого) возможно и без использования психоделических агентов. Более того, даже без использования знаменитого голотропного дыхания, предложенного в качестве альтернативного метода С. Грофом.

Сама практика безупречности открывает эти возможности. Ведь в чем-то дисциплина безупречности схожа с медитацией. Правда, здесь особая форма сосредоточения — это сосредоточение на намерении. Иными словами, сама сущность магии. Об этом надо сказать несколько слов.

Не будет большим преувеличением заявить, что безупречность — это *развитие и усиление намерения в первом внимании*. Часто начинающие адепты нагуализма замечают странные перемены, которые нельзя приписать ни неделаниям, ни “безмолвию ума” (т.е. ОВД), ни иным специальным техникам. Просто *изменяются привычные характеристики восприятия*. Интуиция, изменение повседневных обстоятельств, даже влияние на людей — все это демонстрирует себя на каком-то простом, обыденном уровне.

Вы можете поставить над собой простой опыт: практикуйте *только* безупречность на протяжении нескольких месяцев. Сосредоточьтесь на безупречности все свои помыслы, настроения, внимание. Будьте бдительны каждый день — с момента пробуждения до момента засыпания. Если ваше настроение следовать безупречности будет иметь нужную интенсивность, в качестве побочного эффекта вы получите целую гамму магических или околomagических феноменов. Фактически вы будете жить в измененном состоянии сознания — не пробираться туда на пару минут, а полноценно жить в нем с утра до вечера.

Таким образом, дисциплина безупречности (дон Хуан сказал бы “настроение новых видящих”) будет сама по себе вызывать “вскрытие” позабытых и ушедших в бессознательное импринтов.

Натальный импринт, следуя логике перепросмотра, выходит на поверхность последним. Поскольку он завершает историю страха смерти, его драматическое появление вполне можно сравнить с “потерей человеческой формы”. Помните, как описывал этот феномен Кастанеда?

Карлос не нуждался к тому времени ни в психоделиках, ни в голотропном дыхании. Он просто однажды проснулся и почувствовал, что с ним что-то происходит. (Эта деталь тоже весьма характерна: любое завершение трансформационного процесса чаще всего случается либо сразу после пробуждения, либо в полудремотном состоянии, когда точка сборки менее всего зафиксирована всей совокупностью наших человеческих щитов.) В случае с молодым Нагвалем трансформационные процессы имели всеобщий характер — они завершали исход не только страха смерти, но и ЧСВ, жалости к себе, а также всего груза привязанностей и личной истории. Так что, его описание нельзя отнести собственно к трансформации страха смерти.

В описываемом нами случае соматика весьма конкретна. Это спазм живота и удушье. Человек стремится принять позу эмбриона, свернуться калачиком, поскольку это — поза максимальной защищенности. Она, правда, не спасает, но смягчает переживания и отвлекает от болей, пронизывающих тело.

Страх смерти покидает нас через конвульсии и тотальный спазм всего дыхательного аппарата. Его зрительный эквивалент — “взрыв однородности”. Словно вас десятилетиями держали в пустой и совершенно темной (ослепительно белой) комнате, а потом взорвали ее вместе с вашим несчастным телом. Это -провал в бездну, которая ничего хорошего не сулит; разве что избавление от мучений.

На уровне символа можно сказать, что это положение абсолютной смертности и незащищенности. “Просвет” максимально открыт, дыхание (единственный вид произвольного энергообмена) заблокировано, тело не способно двигаться. Мы впускаем в себя накачивающую силу смерти и ничем не можем ей противостоять.

Если вы принимаете участие в сессии голотропного дыхания или в ЛСД-терапии, ваше осознание помнит спасительный ответ: “Это всего лишь реакция на дыхание (препарат). Это пройдет.” Здесь ситуация не подразумевает никаких вариантов мнимого спасения и потому сжигает страх смерти полностью и без остатка. Вы знаете, что *МОЖЕТЕ* действительно умереть, более того, вы вполне допускаете, что это не “потеря формы”, а тривиальный сердечный приступ (инфаркт или инсульт), что ничего не закончится по приказу психоделического агента, а может продолжаться до самой что ни на есть *РЕАЛЬНОЙ* смерти.

Это последний импринт, последний бастион вашего человеческого страха. Если вы преодолели его, то свободны от страха смерти навеки. На его месте формируется новый импринт, который сводится к формуле: “я все могу преодолеть, даже это.”

Я и сам имел подобный опыт. Когда случился этот кошмар, я даже не знал, что уходит последний импринт страха смерти. Это все равно что перейти Рубикон. Никогда после этого Вы не будете таким, как прежде. Вы станете другим — не лучше и не хуже, просто *другим*; словно из вас вынули одно сердце и поставили вместе него другое. Этот опыт — вне описания.

(2) Страх утраты убежища (выход из материнского лона). Когда младенец покидает утробу матери и наконец перестает страдать от ужаса накачивающей силы, начинается другой вид страданий. Ребенок уже может обойтись без пуповины и принимать сенсорный хаос извне, но ему по-прежнему необходимо чувствовать оберегающие его руки, тепло и т.п. Он должен чувствовать, что после каждой прогулки по чужому и холодному миру ему есть где укрыться хотя бы на время, чтобы полу-

чить пищу и поспать. Этот импринт убежища формируется после того, как мать хотя бы на минуту отпустит свое дитя, а потом вновь прижмет к своей груди. С тех самых пор ассоциация “смерть — утрата убежища” становится универсальной констелляцией импринтов. Позже она изменяется, ее наполняют социальные и иные символичные содержания, но суть отношения возникла до социума, и касается только исключительного тандема “мать — ребенок”.

Стоит вам оказаться одному в лесу (горах, на необитаемом острове), как возникает этот вид страха. Поначалу это страх оказаться вне социума (что является более поздним импринтом) и выражается он социально — вы начинаете вести дневник, заводите свой календарь, творите систему координат, имитирующую пребывание в социуме. Потом выясняется, что этого крайне мало (бедный Робинзон Крузо!). Некоторые сходят с ума, другие заводят домашних животных, которым всячески докучают своим вниманием (бедные козочки!).

Так или иначе, человек страстно ищет убежища в биологическом смысле. В нынешнем социуме форму такого убежища принимает семья. Если вы много лет женаты, попробуйте пожить одному хоть пару месяцев. Беспочинные кошмары во сне и гнетущая тревожность наяву вам обеспечены.

Всмотритесь пристально в причину этого страха, и найдете там оскал Смерти. Рассмотрите альтернативное описание, где одиночество — Жизнь, а не Смерть, примите такое описание, почувствуйте его.

Относительно натального импринта этот — перепросматривается значительно легче. Ищите момент импринтной уязвимости — в данном случае это будет момент продуктивного одиночества, а мир вокруг — излишнее беспокойство.

(3) Опыт бессознательности, полученный во время сна без сновидений. Этот импринт особенно мешает сновидящим. Он вынуждает их выскакивать из сна, он обуславливает их характерную тревожность по поводу чрезмерной яркости восприятий в толтекском сновидении.

Есть один способ, который годится для реимпринтирования. Технически он прост, но в исполнении весьма сложен. Достаточно почувствовать, что вы можете остаться в приснившемся вам мире навсегда, и, внимательно сосредоточившись на такой возможности, сохранить покой, отрешенность и бесстрашие.

Тот способ, что применяется наяву, — требует очень долгих усилий. Здесь надо обмануть тональ, чтобы он поверил, будто ваша жизнь наяву — всего лишь сновидение. Через многие годы он обязательно сработает. Достаточно попасть в момент импринтной уязвимости — в то единственное мгновение, когда тональ готов поверить во что угодно.

Социализированные импринты рассматриваются проще. Возьмем, к примеру **(4)** и **(5)**: страх потери, разлуки (первый опыт расставания с матерью или отцом в период ранней социализации) и страх боли (в результате собственного опыта и наблюдения за опытом других).

Всякий раз, когда вы впадаете в панику от возможности утраты близкого человека (на время или навсегда — неважно), всякий раз, когда вы боитесь испытать боль (физическую или душевную) — ситуация на виду. Опишите условия, вызывающие страх, обратите внимание на символы и сигналы (выражение лица, тон голоса, неизбежность ситуации) и произведите эмоционально-чувственное действие прямо противоположного — покой вместо гнева, бесстрашие вместо паники и т.д. и т.п. Манипулируйте собой, пока не усвоите условность любого типа реагирования. Главная задача сталкинга в этом случае — проследить цепочку эмоций и реагирований от центрального символа до его действующих в каждой ситуации компонентов.

(6) Страх разрушения тела и уродства. “Страх гниения”.

Вот о чем надо сказать специально. Мы иногда отвлекаемся от конкретной физической формы смерти, ибо абстракция — это некий аморфный символ конца или прекращения. С абстракцией можно играть бесконечно. Но мы — люди, и в человеческом (биологическом) мире смерть — это весьма конкретная, чувственная штука. Только социум с его патологическим страхом не позволяет нам основательно продумать: что же есть смерть в нашем человеческом случае?

Буддистские монахи, пытаясь избавиться от страха смерти, годами медитировали на разрушении собственного тела во всех отвратительных подробностях. Они понимали, что не бывает смерти вообще. Бывает конкретный труп, изуродованный самим фактом смерти, с которым Время поступает омерзительно. Смерть — это *ГНИЕНИЕ*. Куски мокрой протоплазмы, источающей тошнотворный запах, гной, черви и иные паразиты — вот что такое смерть. Мы знаем, но отмахиваемся от этого тления под лозунгом “мало ли что будет с моим телом, когда самого меня уже не станет!”

Это отговорки. На самом деле люди чудовищно, панически боятся всякого уродства, деформации, тления. Их пугает проказа, рак кожи, ампутации и т.п. Ибо все это — символы Смерти. На них существует сильный запрет восприятия. Каждый раз, когда он почему-то нарушается, тональ испытывает шок.

Кто из вас часами рассматривал полуразложившийся труп? Если случится увидеть — помните: *ЭТО ВЫ ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО КОЛИЧЕСТВО ЛЕТ*. Гниение — обратная сторона нашей жизни. Нам следует знать ее во всех деталях. Оно не должно вызывать эмоций. Не только страха, но и отвращения, брезгливости и т.п.*

Потому что все негативное, что вы испытываете, разглядывая бывшего человека, — маски страха смерти.

Безупречность настолько далека от человеческого, что принимает уродство и гниение как факты, равные всему остальному. Безупречность не выбирает.

О “страхе беспомощности” (7) мы уже говорили в его до-социальной форме. Здесь другие импринтные ситуации, здесь изначальный страх привязывается к социальной роли, и ее реализации, к оценке, оценщику, подтверждению или опровержению. Выследить его просто — он возникает от сознательного общения с себе подобными и может обновляться на протяжении всей жизни.

(8) Страх утраты контроля и безумия. Он настолько распространен среди массового человека, что даже получил психиатрическое название “лиссофобия” (страх безумия). Во многом, это уродство и разрушение, перенесенное на психический план. Шизофреник “гниет” изнутри, прокаженный — снаружи. Иными словами, это *страх смерти заживо*.

Трансформировать его несложно (просто следуйте описанному выше алгоритму трансформации). Единственное, о чем надо помнить, — о связи этого страха с социальностью в самом широком виде (а значит, с ЧСВ и жалостью к себе). Сегодняшний мировой тональ слишком часто деформирует изначальные понятия и символы. Иногда сойти с ума — это не столько потерять свою личность, сколько потерять социальную роль, имидж, уважение, престиж и т.п. Страх не справиться с ролью (ответственностью, оказаться “неудачником”) — вот движитель страха безумия. Ибо контроль и адекватность превратились в манию социального человека. А всякая причуда — повод для недоверия и подозрительности. Об этом аспекте страха безумия нам придется говорить в разделе, посвященном чувству собственной важности.

“Смерть — советчица”

Этот, очевидно, довольно древний прием толтекских воинов относится к простому, но эффективному способу перепрограммирования.

Если выражать идеи трансформации тоналя языком программ и программирования, то следует иметь в виду, что триггером (включающим механизмом) программы является символ-импринт либо последовательность, которую в нейролингвистическом программировании именуют “якорем”.

Каждая конкретная программа реагирования и поведения может быть усилена или ослаблена, нейтрализована либо трансформирована. В первых двух случаях ядерный символ-импринт превращается в цепочку импринтов. Поскольку наша психика может содержать большие конstellляции и последовательности импринтов. Чаще всего такие совокупности становятся цепочками; каждый следующий символ, вошедший в структуру в мгновение импринтной уязвимости либо *подтверждает* предыдущей (и этим усиливает его воздействие), либо *отрицает* (и этим ослабляет реагирование).

Далее следует исполняющая часть программы и, наконец, часть обратной связи (сюда относится оценка эффективности предыдущих программных действий и завершающее впечатление. Это впечатление настолько значительно, что может превратиться в новый импринт, служащий усилению или ослаблению программы). Разумеется, тональ человека прежде всего работает на *подтверждение* импринтированного в первые годы жизни опыта.

Надо сказать, что в значительной степени и по сегодняшний день практическая психология предпочитает иметь дело с исполняющей частью программы поведения. Тому яркие примеры — эриксоновский гипноз, НЛП, гештальтпсихология и та аморфная область психотерапии, которую принято называть “традиционной”. Все они, видимо, полагают *последовательности* реакций и действий, условные рефлексy, акцентирование волевых способностей человека (“взять себя в руки”, “вспомнить о долге, о семье, о близких” и проч.) — наиболее податливой частью внутреннего мира человека. При этом их успехи вовсе не внушают оптимизма.

Аналитическая психология обращается к символам и содержаниям, то есть к триггерам поведенческих программ. И этим чаще всего ограничивается. Пытаясь клиентов детскими воспоминаниями и ассоциативным допросом, эти психологи много узнают о субъекте, но по-прежнему мало изменяют его. И проблема здесь не только в неполном представлении о психологическом механизме, но и в тех областях, с которыми психотерапевт и аналитик (каким бы талантливым он ни был) принципиально *ничего сделать не может*. Ибо человек попросту *не хочет меняться*. Даже в том случае, когда он глубоко несчастен, ужасающе не адаптирован, когда его психологические дефекты грозят полностью разрушить личность: Тональ предпочитает неизменность и бесконечное самоподтверждение. Можно, подобно нашим психологам, испытывающим влечение к мифологии, приписать человеку страсть к смерти, но это лишь метафора, красиво называющая проблему — кому от этого толк? Человек по-прежнему живет и выживает, терзается и медленно убивает себя, не переставая уповать на спасение.

Перепрограммирование, которое используют толтекские воины, идущие к безупречности, опирается на символы-импринты, которые формируют триггерную цепочку подтверждений. Эти символы вторичны по отношению к ядерному импринту и в большей мере связаны с осознаваемыми восприятиями и ситуациями.

В случае со “смертью-советчицей” это работает приблизительно так:

(1) Непосредственно за самим страхом смерти (базальным комплексом) стоит импринтированное усиление — запреты на восприятие, мотив убления от опасности, импринт “симуляции комы” или “маленького ребенка”, разрешение ситуации через агрессию.

Мы уже говорили, что все полюбившиеся тоналю сценарии реагирования и поведения служат единственной цели — устранить психологически неприемлемое переживание. В этом смысле то-

нальный аппарат ведет себя, как обычный debil или как наркоман, способный совершать действия лишь для того, чтобы избавиться от невыносимой “ломки”. Переживание страха смерти подобно абстиненции наркомана или страшной зубной боли в кресле дантиста. Ситуация *НЕМЕДЛЕННО* должна быть изменена таким образом, чтобы переживание исчезло — вот ведущий сигнал тоналя в случае посягательства на его базальный комплекс.

(2) Обращение к символу “смерти-советчицы”, прежде всего, разрушает запрет на восприятие, во-вторых, не допускает симуляции комы и агрессию (как и всякое хаотичное, непродуманное поведение). Пользуясь уже описанным алгоритмом трансформации комплекса, мы условно принимаем новый компонент (“смерть-советчица”) за основной и начинаем а) пристально изучать его, б) вычленять основные компоненты, в) принимать его сначала семантически, а затем и чувственно. Для этого мы можем осознанно пользоваться известной толтекской метафорой, что “смерть находится за левым плечом каждого из нас”.

Начинать лучше со снятия запрета на восприятие. Пристальное созерцание этой пары, которая вечно у нас перед глазами (смерть и смерть-советчица), должно открыть как два вида чувственно-эмоциональных переживаний по одному и тому же поводу (что уже, по сути, является не-деланием стереотипа), так и двух способов действия в ответ на работу страха смерти. Испугаться или понять причину страха? Бежать или наблюдать? Разозлиться или сосредоточиться?

Первая реакция тоналя на раздвоенность символа — неподвижность. Надо иметь в виду, что это никак не бесстрашие, а еще одна ловушка. Так как неподвижность через несколько мгновений может включить паттерн имитации комы. Покой перейдет в апатию, осознание сожмется, а тело примет одну из инфантильных защитных поз и победа над страхом смерти станет простым ожиданием смерти. Но разве *ЭТО* советует нам смерть?

Настоящая противоположность стандартному реагированию на страх заключается не в неподвижности и даже не в отрешенном выражении лица. Нет, суть достижения заключается в *осознанности действий*. Ведь страх (как и любая сильная эмоция) снижает качество и силу осознания, это триумф автоматизмов, помраченности и почти беспомысленности. Потому смерть именно “советчица” — не “утешительница” и даже не “победительница всех врагов”. Роль этого символа заключается в верном направлении действий — обдумывание, планирование, прогнозирование вариантов, решение поставленных задач.

“Смерть за левым плечом” — это не холод безразличия, а ясный свет Мудрости. Как поступает безупречный толтек, узнав, что жить ему еще только два часа? Он просматривает список несделанных дел, нерешенных проблем и выбирает те несколько пунктов, которые действительно может выполнить за столь короткий срок. Он выражает свою любовь и благодарность тем, кто рядом и кто должен это услышать; он пишет то, что должен написать; прощается и отдает долги. Он смотрит на мир и подводит итоги, выражая уважение к человеческому духу.

Все это невозможно исполнить, если вас охватила холодная апатия и бездумный паралич. Нельзя оценить Смерть и ее Силу, если безразлично отмахиваешься от Жизни и ее Движения.

Нечто подобное происходит всегда, если воин призывает смерть-советчицу. Не имеет значения, сколько ему осталось бродить по этой Земле — час, день или десятилетие. Он выполняет все необходимое и открывает для себя чувство правильной завершенности.

Если все получилось, как надо, произошло перепрограммирование комплекса страха смерти. Ибо здесь принимали участие все компоненты программы — измененные по содержанию, смыслу и итогу. Цепочка символов-импринтов привела не к ужасу, панике, бегству, злобе и хаосу — она вышла на символ действенной мудрости. Действующая часть программы вместо того, чтобы быть крайне эмоциональной и беспорядочной, обрела структуру и определенность. Обратная связь под-

твердила, что избранный тип реагирования и поведения был эффективным и целесообразным, вызвал в конечном счете чувство равновесия и удовлетворенности.

К сожалению, чтобы все так удачно сложилось, требуется далеко не одна попытка. Тональ упрям и может не соглашаться с новым сценарием долгие годы. Он все принимает как дополнения, необязательные вариации, стечения обстоятельств или особые случаи.

Прибегая к данному методу трансформации комплекса, мы должны, во-первых, максимально универсализировать его — то есть, психологически связать его с таким числом положений и исходных эмоциональных состояний, чтобы вынудить тональ забыть про его условность, во-вторых, мы обречены на множество попыток хотя бы потому, что ищем моменты собственной импринтной уязвимости.

Символ “смерти-советчицы” в конечном итоге должен стать импринтом, который дополнит цепочку или заменит непригодный в новых условиях символ-импринт. С этого момента вы будете вправе сказать, что “сила смерти-советчицы на кончиках ваших пальцев”.

“Символическая смерть”

Это самый радикальный метод трансформации базального комплекса страха смерти. Его нельзя моделировать или имитировать, но, как ни странно, он часто происходит с толтеками, направившими свое намерение на безупречность.

“Символическая смерть” универсальна. Она распространяется на все аспекты и формы страха смерти, она перепрограммирует все импринтные ситуации единым махом. Это становится возможным по одной простой причине — иницирующая ситуация, чтобы вызвать “символическую смерть”, всегда бьет по самым уязвимым компонентам базального комплекса. Можно сказать, это “универсальный растворитель”. Символическая смерть предлагает комплект символов-нейтрализаторов, каждый из которых влияет на всю триггерную цепочку.

Каждый из нас обладает собственной уникальной конфигурацией тоналя в отношении комплекса страха смерти. Из перечисленных восьми импринтов один может проявлять себя слабее, другой — сильнее. А “символическая смерть” абсолютно симметрична. Она влияет на те компоненты, которые более других нуждаются в трансформации, и оставляет в покое те, что легко покинут нас без посторонней помощи.

Поэтому принято считать, что “символическая смерть” — это подарок Духа. Обычно это специальный порядок синхронистичностей, вызванных к жизни по воле несгибаемого намерения воина.

“Мертвые воины”.

Здесь я не собираюсь пересказывать дисциплину некоей “школы мертвых воинов” — по той простой причине, что она нам не известна. Название это родилось случайно, и во многом благодаря многократным попыткам *увидеть* во втором внимании, какими путями шли толтеки на протяжении своей многовековой истории.

Что-то из увиденного таким образом показалось мне достоверным, что-то — обычными фантазиями доморощенного антрополога, желающего реставрировать духовные искания уничтоженных культур. В любом случае мы знаем важнейшее методологическое основание, на котором строилось толтекское знание о *страхе смерти*. Мы знаем, что *уничтожить страх смерти нельзя*, ибо он — неотъемлемая черта нашего психологического портрета в присущей человеку позиции точки сборки. Если же мы испытываем иллюзию, будто уничтожили страх смерти в собственном существе, на деле это означает лишь то, что мы основательно вытеснили его в самые мрачные, самые подавленные глубины бессознательного. Следствием такого поступка станет либо разрушительный нервный срыв, либо — патологическая инверсия страха смерти, то есть влечение к смерти в полусознанном, а значит — наиболее опасном и неконтролируемом виде.

В конечном итоге оба варианта — в равной степени деструктивны и направлены на самоистребление. Нервный срыв принимает форму депрессии, которая (зачастую без всякого сознательного повода) ищет выход в какой-нибудь форме самоубийства: ожесточенное стремление навредить себе, разорвать жизненно необходимые связи (“нажить врагов”), влечение к самоистощению (отказ от пищи, сна), к разрушению своей психики и тела в изнуряющем и бессмысленном труде, — словом, желание создать невыносимые условия и наполнить внутреннее пространство негативными переживаниями до отказа. Влечение к смерти (танатофилия) стремится проявить себя в таких поступках и таком образе жизни, где постоянно присутствует риск для жизни. При этом человек балансирует на грани возможной гибели, наслаждаясь мнимым равнодушием к собственной судьбе — ему кажется, что все эти самодельные испытания, которым он себя подвергает, доказывают безупречность и бесстрашие его духа. На самом же деле подобный толтек в тайне от самого себя наслаждается именно угрозой смерти, ее реальной близостью. Рано или поздно его стремление реализуется, и он гибнет. Окружающим его смерть может показаться глупой или героической, но суть дела от этого не меняется.

Таким образом, страх смерти не может быть уничтожен (читай: *вытеснен*), если толтек желает достичь состояния принципиально новой гармонии с окружающим миром. Страх смерти может быть только *трансформирован*. Дон Хуан Матус в кастанедовском эпосе говорил о “смене фасадов”. По сути, я говорю о том же.

Фокус “мертвых воинов” заключается в том, что они полностью принимают факт своей смерти еще при жизни, — прямо сейчас. Можно сказать, это предельная актуализация символа “смерть-советчица”. Особенность этой концепции заключена в специальном использовании Времени.

Любая эмоциональная реакция (даже такая стремительная, как страх смерти) нуждается в некоторой “отсроченности” объекта эмоции, во временной дистанции. Тональ должен прогнозировать и пред-ощущать, поскольку всю свою активность разворачивает в пространственно-временном континууме. Если временной дистанции нет, эмоции уходят — наступает время действовать. Это общий закон тоналя. Дело в том, что *рефлексия по поводу ожидания* возникла в тоне намного позже, чем способность к сиюминутной реакции. Мы пытаемся совместить два эволюционных уровня, но больших успехов здесь не видно.

Когда мы превращаем смерть в факт не будущего, а настоящего, настройка тоналя сбивается. Ему необходимо выбрать одну из двух программ реагирования (“позднюю” или “раннюю”). И здесь срабатывает закон, который хорошо известен специалистам по информационным системам, — в случае перегрузки системы или в ситуации неопределенности система деградирует, т.е. выбирает менее сложную программу. Иными словами, тональ прекращает рефлексии и ожидания, он начинает действовать по принципу сиюминутной реакции.

Человек, увидев нападающую на него пантеру, не успевает по-настоящему испугаться, — он просто бросается наутек. Точно так же “мертвый воин” не боится смерти, а выбирает такой тип поведения, чтобы смерть не прекратила его осознание.

Здесь как бы используются два приема, парадоксально дополняющие друг друга. Один — равновесие пассивности (я уже умер и ничего хуже этого со мной не случится), другой — равновесие активности (смерть еще не коснулась меня, каждый миг я должен сделать лучшее в своей жизни до ее прикосновения).

Это положение автоматически отвечает на вполне объяснимые сомнения критиков — а не станет ли человек, полагающий себя “мертвым”, существом бездеятельным, бесцельным и бессмысленным? Нет, совокупность ранних программ тоналя не позволит ему замереть в придуманной коме. Скорее, он рискует стать чересчур деятельным, обрести ложную ясность и пойти на поводу у чувства собственной важности. Но все эти опасности в равной мере подстерегают воина на любом другом пути избавления от страха смерти.

Технически путь мертвого воина не сложен. Культивировать особое настроение и мировоззрение, моделировать “мертвость” некоторых частей своего тоналя — это не проблема. Навык stalking и перепросмотра используется здесь, чтобы вовремя выследить желание или реакцию, протестировать ее (соответствует ли она образу “мертвого воина”), а затем принять или отвергнуть.

Подлинная сложность этого пути в том, что он вовлекает в работу *намерение*. Как это происходит, никому неизвестно. Тайна совершается в некий неопределенный миг — в течение нескольких месяцев или нескольких лет вы уговаривали свое энергетическое тело стать “мертвым воином”, и вдруг это случается.

Конечно, на самом деле ничего не бывает “вдруг”. Предвестия этого знаменательного поворота судьбы (радикального смещения точки сборки) можно заметить. Ведь намерение — это именно та часть нашего существа, которая непрерывно манипулирует миром и незаметно изменяет его. Меняются обстоятельства, общая линия судьбы, встречаются необычные попутчики, уходят друзья и возлюбленные: Множество знаков говорит о том, что Мир так или иначе уже полагает вас “мертвым”. Вы, конечно, по-прежнему считаете себя обычным человеком, который посвятил жизнь экзотической форме аутотренинга, — не более. И окружающие перемены полагаете стечением обстоятельств или даже мстостью мирового тоналя за то, что вознамерились сбежать из его тюрьмы.

Есть еще один важный момент — сопротивление тоналя. Несгибаемое намерение “мертвого воина” противоположно центральной программе выживания тоналя. Это поистине неравная схватка. Намерение (будучи частью нагуаля) не может быть видоизменено тональными методами, его нельзя уговорить или поставить на место, оно по природе своей не способно понять, что такое компромисс. Тональ ригиден и готов использовать все свои силы в борьбе с чуждым ему намерением. Поскольку рациональность здесь не работает, тональ генерирует эмоции, сила которых способна остановить практикующего.

Тональ включает иррациональный и гипертрофированный страх смерти. Это может случиться через две-три недели или через год. Это чудовищный кризис, который надо преодолеть. Иногда сила намерения использует кризис в собственных целях и создает условия для “символической смерти”. Может случиться что-то совсем неожиданное. Просто имейте в виду — тональ в результате практики “мертвого воина” когда-нибудь взорвется страхом смерти. И вам придется это пережить.

Но вот наступает особый миг, и вы вдруг ясно понимаете, что задуманное свершилось. Вы мертвы, а значит, почти свободны.

Последствия произошедшей перемены только впереди — соматические реакции, психоэмоциональные блоки, все это будет вырываться из вашего тела со всей сопутствующей болезненностью. Но главное случилось — трансформация страха смерти произошла.

* * *

Всесторонняя трансформация страха смерти, необходимая для достижения безупречности дон-хуановского воина, ведет к ощутимым психоэнергетическим сдвигам в энергетическом теле. Частично мы уже обсуждали изменения полевых структур в коконе в результате практики безупречности, но эти абстрактные схемы не дают конкретного представления о самоощущении бесстрашного толтека.

Во-первых, разные аспекты страха смерти, на которые было указано выше (социальный, экзистенциальный, телесный) поддаются перепрограммированию с различной скоростью. Возможно, на темп трансформации влияет степень их доступности осознанию. Так или иначе, перекося возникает в процессе работы даже тогда, когда все ваше внимание сосредоточено только на одном базальном комплексе.

Экзистенциальный страх смерти трансформируется рывками, со страданием и болью. Они могут иметь столь яркую соматику, что все социальные страхи — пустяки перед лицом этого монстра. Перепросмотр ядерных символов-импринтов требует всей нашей силы и внимания, ибо в нем скрывается целый тайфун Энергии. Неудивительно, что после таких подвигов в борьбе воина наступает затишье. И на поверхность выходит, наконец телесный (нагуальный) страх.

По поводу нагуального страха смерти надо заметить, что ослабление двух предыдущих комплексов его лишь усиливают, ибо — обнажают. Здесь нет никакого парадокса; энергетические движения, его генерирующие, приходят извне, и сила их восприятия во многом зависит от степени нашей чувствительности. Как будет еще неоднократно отмечено, в результате практики безупречности чувствительность энергетического тела неуклонно возрастает.

Если смерть как тональное понятие, как представление с комплексом внушенных условностей, понемногу теряет власть над нашей реактивностью и эмоциями — после многолетнего использования описанных выше приемов, то ее присутствие снаружи становится отчетливым и подлинно угнетающим.

Именно в этой ситуации “смерть за левым плечом” почти перестает быть метафорой. Она сковывает и источает холод. Если на той стадии, когда мы работаем с тоналом, она стимулирует и выступает в роли советчицы (мудрости), то здесь она парализует и является воплощенным безмолвием. Можно сказать, что смерть здесь — реальная Сила, пучок эманаций, излучаемый спектром органических существ. Каждая волна накатывающей силы, рвущейся в “просвет” нашего кокона, несет с собой эхо океана смерти. Это — последний барьер, и его в человеческой позиции просто *невозможно* преодолеть.

К счастью, давление Смерти становится невыносимым лишь на самых продвинутых этапах толтекской безупречности. Природа даже здесь снисходительна к искателям Трансформации, подтверждая древнюю истину всех учителей духовности: мир ставит перед нами только те преграды, которые мы способны преодолеть.

Поэтому я скажу то, что, возможно, обескуражит новичков — *нагуальный страх смерти побеждается целенаправленным смещением точки сборки.*

На самом деле, все не так уж недостижимо. Когда тональ достиг нужного уровня чистоты, и все формы страха смерти, присущие “описанию”, перестали выкачивать из него энергию, происходят две удивительные вещи, неразрывно связанные друг с другом. Во-первых, толтек начинает чувствовать накатывающую силу, ибо его “просвет” стал шире, а общая чувствительность возросла. (Эти новые ощущения могут поспособствовать обретению *воли*. Возможно, дон Хуан, сосредоточивший внимание Карлоса именно на этих идеях старых магов, надеялся обратным путем спровоцировать у своего ученика ускоренную трансформацию страха смерти и поставить его на путь

воина окончательно и бесповоротно.) Во-вторых, вместе с накапывающей силой воин открывает давление всеобщей органической смерти. И его точка сборки, подталкиваемая большими эманациями, бежит в то место, где дыхание органической смерти ослабевает.

Эта новая позиция точки сборки не обязательно должна собирать мир неорганических существ или еще какую область второго внимания, куда эхо смерти почти не доносится. Довольно и того, чтобы форма кокона изменилась так, как это не свойственно ни одному из нормальных органических существ, обреченных на разрушение.

Дон Хуан рассказывал Кастанеде, что у неорганических существ коконы имеют “трубчатую” форму. Не знаю, как там насчет “трубчатости” в буквальном смысле слова, но то, что они обладают гораздо большей *проницаемостью* для внешних энергопотоков, — это можно заметить даже при самом поверхностном с ними знакомстве. Но и среди органических структур есть существа с высокой проницаемостью. Начиная с бактерий и амёб вплоть до ряда растительных форм — вроде грибов или водорослей.

(Особенно поражают воображение грибы — их энергетические тела огромны, а их каналы энергообмена почти полностью открыты планетарному полю Земли. Более того, если у человека, млекопитающего, большинства позвоночных, даже у растений — стержень кокона может быть только один, то энергетическое тело грибницы, в зависимости от насущных энергетических потребностей, разрастаясь, постоянно формирует все новые и новые “стержни”. Любопытно, что псилоцибиновые грибы при этом имеют, возможно, самую большую скорость энергообмена, исключительную плотность кокона и, к тому же, чаще других меняют форму энергетического тела. Изменчивость формы — это вообще одно из преимуществ грибной жизни, но наши псилоцибиновые “поганки” просто фонтанируют. Остается пожалеть, что мне так и не пришлось видеть живую строфарию или классическую *Psilocybe mexicana*. Не связана ли их способность вырабатывать психоактивные триптамины с необычной активностью энергетической формы?)

Все эти (вполне органические) существа не сталкиваются со смертью, а если все же сталкиваются, то не хранят в себе энергетической “памяти” о ней. И воин, убегая от позиции давления, приходит к структурным трансформациям кокона, напоминающим тех “бессмертных”, что обитают в одной полосе вместе с нами. У него активизируется целая сеть каналов, по своей мощности способных конкурировать с “просветом”, а его энергетическая связь с Землей многократно возрастает.

Во многих случаях позиция точки сборки, отвечающая новой структуре поглощения и распределения энергии, близка к позиции повышенного осознания. Специальные неделания и остановка внутреннего диалога доводят процесс до конца, и позиция повышенного осознания становится как бы “второй родиной”, так как достигается регулярно. И эта эволюция на данном этапе уже необратима.

Вообще-то локализация точки сборки внутри кокона — это в некоторой степени условность. Во-первых, потому что пространство на уровне *видения* энергетических структур воспринимается неоднозначно, всегда демонстрируя условность развертки сигналов в аппарате интерпретации. Во-вторых, потому что сверхсложная топология энергетического тела обуславливает механизмы влияния точки сборки, которые невозможно напрямую привязать к рисункам и даже трехмерным моделям. И в третьих — а кому это, собственно, надо? Только *видение* может объяснить, как именно связана конкретная позиция ТС с трансформационными процессами в психоэнергетике субъекта. Но каждый практик идет собственным путем, и, возможно, информация о точной позиции точки сборки кому-то покажется важной.

В описанном выше состоянии ухода от давления органической смерти точка сборки поднимается к основанию шеи, устанавливается на центральной линии (за позвоночником) и погружается почти на целую ладонь, считая от поверхности энергетического тела. Если она продвинется вглубь еще чуть-чуть, толтек переключится на повышенное осознание.

Для этой позиции характерно а) отсутствие естественного для любого человека правого смещения ТС, а значит, затрудненность вербально-логического мышления, б) экстремальная активизация вершины кокона (центр макушки) в режиме поглощения, в) неожиданное включение каналов энергообмена, которые прежде не работали — вдоль обеих ног, перед верхней частью фронтальной пластины (грудь и горловой центр, который обычно излучает, а не поглощает), перед лицом.

Ничего удивительного, что в этой позиции вы ощущаете неожиданную близость к растениям, обостренно чувствуете Землю и солнечный свет. Волны, идущие из области просвета, не теряют плотности, но становятся как бы более упорядоченными. Короче, это новый взгляд и новое ощущение существа, практически полностью трансформировавшего страх смерти. Накатывающая сила, которая несла активную тревожность, неустойчивость и чувство грядущего разрушения, теперь несет рост и изменение.

Давайте рассмотрим возможные изменения в самоощущении тоналя бесстрашного толтека упорядоченно. Здесь также будут учтены психоэнергетические процессы, но лишь схематически и в той степени, в какой они влияют на мироощущение воина целиком.

Прежде всего, изменения, о которых сейчас пойдет речь, не наступают сразу же после трансформации комплекса. Они уже *есть* и их *как бы нет*. Ибо тональ (суть которого — консерватизм во всех впечатлениях) не допускает к осознанию феномены, откровенно чуждые стандартному описанию как внешнего поля, так и себя (последнее даже более важно). Отсюда в течение некоторого буферного периода мы чувствуем неясное присутствие перемен, но не в состоянии понять, каких именно перемен. Происходит это следующим порядком.

(1) *Общее возрастание чувствительности.* Поскольку чувствительность энергетического тела не распознается, она интерпретируется как накатывающее давление.

“Просвет” расширяется и значительно снижает частоту пульсаций. Вся фронтальная пластина испытывает волны энергетического возбуждения. Источником таких волн является не только “просвет” (центр пупка), но и область промежности, которая принимает сильные импульсы от планетарного поля. Центр фронтальной пластины — солнечное сплетение, сердечный центр подвергается мощным атакам сенсорных импульсов, вызванных возмущениями пупочной и тазовой области. Иными словами, сердечный центр пребывает в состоянии фонового напряжения, *идущего изнутри*. Этот момент важно понять. Проблема в том, что *solar plexus*, как правило, предназначен для получения волн от среды. Фокус его энергетического внимания — другие люди, их настроения, эмоции, намерения, их сила или слабость. Но в случае трансформации страха смерти сердечный центр начинает волноваться по причине нестабильности собственного кокона, что влечет за собой весьма специфическое галлюцинирование.

(2) *Метаморфозы социальных чувств.* Толтеку начинает казаться, что изменились чувства окружающих его людей. Во-первых, эти чувства (отношения) стали значительно менее определенными. Отсюда сам образ окружающих становится неоднозначным. При этом повышенное качество осознания вызывает впечатление ясности, иногда даже откровений по поводу мнений на ваш счет, оценок, эмоций и т.п.

Важно понять, что это ничем не подобно паранойе. Ощущения подлинны, вводят в заблуждения наши оценки обретенных впечатлений. Если толтек наделен мудростью, то он быстро понимает — *люди никакие* (не в смысле философской концепции, а в смысле конкретных отношений в его адрес). Они и раньше не так уж любили его, не так уж ненавидели. Человек только формально погружен в социальные взаимодействия, даже здесь, на самом главном его поприще, преобладают автоматизмы и шаблоны, за которыми чаще всего стоит скука. Поэтому, когда воин чувствует, что раньше люди принимали его, а теперь повернулись к нему спиной, — это обычное галлюцинирование, вызванное напряжениями в солнечном сплетении.

(3) *Усиление ЧСВ*. Второе следствие трансформации страха смерти парадоксально. Когда волна возбуждения фронтальной пластины достигает горлового центра, ЧСВ как бы усиливается. Толтек становится надменным — окружающие вызывают у него брезгливое отвращение, они суетны и никчемны, и таковы все их дела. Психологически кажется, будто победа над страхом смерти сделала тебя выше остальных людей, ты — лучше, более того, ты — избранный. (Ср. с описанным выше “комплексом Зверя” — здесь можно найти его корни.) Потакая себе в молчаливой гордыне, толтек на самом деле всего лишь перенаправляет обретенный избыток энергии. Сила уходит через горловой центр. Как вы понимаете, для этого совсем необязательно разговаривать. Метафорически выражаясь, горделивое молчание — всегда разговор о собственном превосходстве с самим собой. Это — ловушка на пути безупречности.

(4) *Нисхождение безмолвного знания*. Наконец, третье следствие трансформации страха смерти — откровения безмолвного знания. Она усиливается всякой медитацией, любой остановкой внутреннего диалога, неделанием. Но даже без использования медитативно-технологических “ключей” откровение нисходит на вас — точно так же, как нисходило на апостолов в виде Духа Святого. Если ЧСВ и жалость к себе не трансформированы надлежащим образом, если дисциплина практикуется фрагментами на свой вкус, а не в той необходимой целостности, которой учил Хуан Матус, откровение становится экстазом, а потом вызывает печаль, подавленность, скорбь.

Пока вы остаетесь человеком, Знание о сути бытия, об уродливости окружающих людей, о грядущем тупике Истории, о вашей исключительности и единичности — приносит не радость, а безысходное отчаяние. Вы покинули гнездо для того, чтобы узнать про никчемность своего вида, про бесконечную чужеродность открывшихся вам просторов? “Нет мне гавани, нет мне приюта...” — повторял Карлос. А Нагваль учил его: “Это только слова”. Конечно, только слова — для тех, кто трансформировал чувство собственной важности и жалость к себе.

Вот и еще одна причина, поясняющая, почему воин должен делать все одновременно. Наша психоэнергетическая структура сложна — в ней не найти изолированных элементов, и благотворная сама по себе трансформация одной лишь области ЭТ может навредить целостности и даже погубить ее.

Поэтому дальше речь пойдет о двух других базальных комплексах, формирующих вместе со страхом смерти единый канат, который удерживает нас на привязи и порабощает нас. А ведь нам нужна свобода для странствий в океане нагуаля. Его ветер уже ощутим, и мы уже бесстрашны — только гавань все еще держит нас, та самая гавань, о которой говорил Карлос Кастанеда.

Глава 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧУВСТВА СОБСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

"Беспокойство мне доставляют не вещи сами по себе, а те мнения, которые мы имеем об этих вещах."

Эпиктет

Если страх смерти — это главный компонент тоналя, оберегающий режим восприятия, позицию точки сборки и, следовательно, выживаемость биосоциального существа, то чувство собственной важности (ЧСВ) — опора и стержень нашей социальности.

Зачатки этого чувства можно найти у всех высших млекопитающих, живущих коллективной жизнью. Конечно, у животных все это устроено немного иначе, но основные сценарии эмоционального реагирования проследить можно. Они, как и люди, испытывают гнев, зависть, ревность, они готовы бороться за ту или иную социальную позицию. Нет гориллы, которая не хотела бы стать вожаком стаи. Нет моряка, который не мечтал бы стать капитаном. Не правда ли, мы похожи?

Однако человеческий тональ много сложнее тоналя волка или обезьяны. Проблема в том, что люди опираются на чрезмерно развитую семантику. Чувство собственной важности — *чувство семантическое*. Оно состоит из символов, значений, ценностей и целей, поощряется и подавляется условными знаками.

Можно сказать, что ЧСВ — это разросшаяся в семантическом поле человека манифестация “социополового контура” (по классификации Тимоти Лири). Непосредственно к нему примыкает “чувство безопасности” — импринт, общий для страха смерти и исполнения роли — но получивший общественную окраску. Проще говоря, “роль” исполняется по двум глубинным причинам 1) чтобы обеспечить собственную безопасность, 2) чтобы получить максимальный доступ к самкам своего вида и сделать свою генетическую линию доминирующей.

Если говорить о животных, то они прекрасно справляются с этой незамысловатой задачей. Те, что сильнее, ловчее и привлекательнее, становятся вожаками, успешно размножаются, получают больше пищи и самые удобные места для устройства нор (берлог). Слабые, неказистые и глупые — вымирают, хоть никто не называет их неудачниками.

Понятно, что с человеком все обстоит не так. Я упомянул животных по одной причине — чтобы мы увидели изначальный примитивизм чувства собственной важности. Оно начинается с простых целей. И декларируется лишь двумя лозунгами, которые мы давно вытеснили из своего сознания: “Я — хозяин территории (пищи, самки, норы или берлоги)” и “Я — вожак данной группы (получаю больше всех и отвечаю за остальных)”. Животная социальность становится фундаментом человеческой социальности.

Эти базальные чувства обретают плоть под влиянием главного содержания человеческого тоналя — *ментально-манипуляционного*. Ибо в нашем сообществе ценность имеют навыки, умения, знания. Мы хотим быть осведомленными и специализированными существами. Мы построили знаково-символьную цивилизацию. Физическая сила, ловкость, мудрость охотника и земледельца утратили свое значение. Ведь мы живем в системе *опосредованных* отношений с внешним миром. Отношения опосредованы набором знаний и соответствующих умений.

Никто не ждет от президента страны особой ловкости в погоне за дичью. Никто не ждет от программиста умения выращивать большие урожаи зерновых. Даже простой водопроводчик не обязан уметь ставить силки на зайцев или ходить с рогатиной на медведя.

Мы невероятно далеки от природной среды, где живое благодаря своим стремлениям становится более живым. Мы живем в мире знаков, в мире семантики. Поэтому человеческое чувство собственной важности не имеет прямого отношения к выживаемости — более того, оно не имеет отношения ни к чему Реальному, только к отношениям между людьми — бесконечно искусственным, условным, химерным.

Безусловно, человеческая ментальность — образование позднее. Значительная часть популяции с ней до сих пор не свылась — т.е. не постигает, но учитывает. Это как любой крестьянин хотел бы выучить сына на профессора — ему непонятно, зачем, но он убежден, что это хорошо и вызовет уважение односельчан. Ментальность (т.е. освоение символично-абстрактного мышления) в нашей модели цивилизации обеспечивает исполнение социальной и социополовой роли. Сколько людей бросило бы учиться в наших университетах, если бы им просто сказали, что плотником быть более почетно, чем профессором!

Это — символы, это социальные ценности, это — фундамент нашей технологической жизни. Никакой кризис и никакая революция не могут изменить данного положения дел. Главное знание цивилизации — *ментально-манипуляционное*, и это не зависит от жалования, от сиюминутных общественных приоритетов. Это — парадигма цивилизации как таковой. Программист “лучше”, чем

комбайнер. Ядерный физик “лучше”, чем копатель могил на городском кладбище. (Независимо от зарплаты.) А почему, собственно?

Потому что общество делает само себя не с помощью охотников и гробокопателей, а с помощью ученых, специалистов и руководителей. Это заложено в самой модели. Нередко успешный бизнесмен, заработавший целое состояние, продолжает завидовать какому-нибудь биохимику, который за всю свою жизнь ничего не видел, кроме пробирок и единственного микроскопа. Потому что ранний импринт социальной роли у этого бизнесмена заключается в *умении делать то, чего другие делать не умеют*. Ментальное умение служит исполнению социальной (цивилизационной) роли. Любое иное умение бесплодно и бессмысленно. Конечно, мы ловко обманываем сами себя — недаром сотворили цивилизацию знаков и символов! Мы можем сказать, что высший смысл человека — “делать деньги” или “возглавить социальную структуру”. Более того, мы способны в это поверить. Люди могут быть удивительными чудаками — всю жизнь потратить на собирание марок, на построение домиков из спичек, на отращивание ногтей или волос. Но суть проблемы от этого не меняется — мы хотим делать нечто важное, чтобы испытать гордость за свое имя, свой род, свое участие в миротворении.

Наши попытки найти место или просто достойное выражение лица в мировом процессе, не нами начатом и не по нашим правилам, — вот реальная суть *чувства собственной важности*. Масштаб может быть самым разным, как и уровень притязаний. Один стремится быть вождем народов, другой — хорошим отцом или мастером по починке стиральных машин.

Так или иначе, двигателем всех социальных действий оказывается чувство собственной важности. Именно это чувство создает культуру, социум, цивилизацию. Его детище — *образ себя и личная история*. Его сила — *озабоченность собственной судьбой*. Его конечным продуктом становится *полноценное эго*.

Следует верно понять масштаб трансформационного замысла толтеков — избавить человека от ЧСВ, значит лишить его роли в человеческой цивилизации. Для социального мира это даже страшнее, чем победа над страхом смерти. Это вовсе не христианское смирение, это — игра, где каждый имеет возможность попробовать себя в любой роли. Огромная сила, которая поддерживала ЧСВ, никуда не исчезает — она просто получает бесчисленное множество выборов, ролевых игр, она делает нас разными и подлинно свободными. Условность роли резонирует с условностью самого человеческого мира — в такой ситуации возможно все.

Лозунг этой трансформационной игры — *“нет ничего более важного, чем остальное”*. Ниже мы подробно рассмотрим суть импринтов, лежащих в основе чувства собственной важности. Но сначала необходимо понять специфическую сложность перехода из мира важных символов и знаков в мир широкий и неопределенный.

Личность, трансформировавшая ЧСВ, становится проще. Это парадоксальная простота, поскольку она приносит с собой новые ощущения и восприятия, новые нюансы и перспективы, особое не-социальное пространство подлинной жизни. Здесь можно много говорить об измененной психоэнергетике и перцептивных феноменах. Мир-вне-человека демонстрирует насыщенность своего бытия. Вы обретаєте чуткость, которая прежде маскировалась непрерывными заботами о важном.

Однако социальная часть личности, несомненно, становится более однородной. Противоречивые мотивы и стремления, тревоги, суть которых направлена на подтверждение себя и опровержение другого в социальной игре — все это обретаєт одинаковую степень условности. Выражаясь фигурально, повседневная красота солнечного заката и пыльные невыразительные пейзажи становятся предметом более пристального внимания, чем поиск признания и уважения в компании самовлюбленных попутчиков. Осуществить выгодную сделку, подняться по служебной лестнице, получить научную степень, соблазнить надменную красотку — это принципиально подобные действия. Это наше “делание”, привычное, однообразное. Это — повторение самого себя. Даже пристальное на-

блюдение за ползущим жуком в этой ситуации становится “неделанием”, проходом в иной, более широкий и свободный мир.

Искусство толтека заключается в том, чтобы на фоне удивительного открытия Большого Мира, лежащего за стеной чувства собственной важности, его заманчивой свежести, его новизны и странных тайн, личность не стала пассивной, не обратилась к созерцательности, отказавшись совершать любые социальные усилия и поступки. “Игра” продолжается, она лишь меняет свое качество. Более того, она ведет к иным результатам.

Как это происходит? *Социальное действие теряет свою самооценку*. Этот прискорбный факт заставляет критиков нагуализма и защитников общественных интересов усматривать здесь потенциальный вред. Ибо если утрачена искренняя вера в абсолютную важность общественного бытия, то как социум обеспечит себя энергичной поддержкой индивида? Естественным кажется вывод о полном безразличии людей, лишенных ЧСВ, к дальнейшей деятельности, грядущей остановке истории и массовом бегстве бывших граждан в пещеры, пустыни и поля.

В случае религиозного искания так и случается. Но для толтека социальное действие не исчезает, оно всего лишь *становится действием экзистенциальным*. Безупречный воин совершает усилие в качестве упражнения по развитию внимания, восприятия и самоконтроля. Более того, он знает, что только взаимодействие с общественными людьми, этими рабами эго, дает необходимый навык по управлению собственной энергией и режимом перцепции.

Эффективность межличностных взаимодействий в толтекском знании оказывается критерием развития в области сталкинга и безупречности, без которого на определенном этапе невозможно обойтись.

Во-первых, это постоянный тест на трезвость и критичность мышления. Человек, следующий Путем Воина, не имеет права казаться “странным”, “чужаковатым” или эксцентричным. Концепция стирания личной истории требует, чтобы вы не привлекали к себе специального внимания. Свобода нуждается в незаметности. А что может быть незаметнее, чем человек, идущий вслед за остальными путем стандартного социального реагирования и поведения? Невольно напрашивается аналогия с просвещенным китайцем, который, живя в Поднебесной, считал себя гармоничным существом, если внутри был человеком Дао, а снаружи — уважаемым конфуцианцем. Точно так же дон Хуан хотел, чтобы его ученики были снаружи тоналем, а внутри — нагуалем. Чтобы показать искусство своего контроля, он, как вы помните, даже красовался перед Кастанедой в специально сшитом на заказ костюме. Иными словами, чтобы освободиться от мира тоналя, надо искусно исполнять навязанные тоналем роли, ни на миг не забывая про их бесконечную условность.

Во-вторых, эффективность межличностных взаимодействий имеет чисто техническое обоснование. Рассуждая про искусство сталкинга, дон Хуан уделил особое внимание проблеме маленьких тиранов. (Подробнее я еще скажу об этом в соотв. главе.) Если мы вдумаемся в суть отношений с себе подобными, то быстро поймем: “Почти все окружающие нас люди так или иначе исполняют роль маленьких тиранов.” Лишь самые близкие в духовном и эмоциональном плане люди могут стать редким исключением из этого неприятного правила.

Таким образом, хоть социальная мотивация и теряет свою актуальность для безупречного воина, он по-прежнему активен и следит за эффективностью своего поведения. Условности социума не так просты, как может показаться, они требуют развитого внимания и повышенной бдительности. Это требования энергии первого кольца Силы, которые невозможно игнорировать, — иначе свобода превратится в забвение, а расширенное восприятие — в непрерывную галлюцинацию.

Вот почему бытие в среде общественных игр и социальных символов сопровождает воина до самых высших уровней Трансформации. Дон Хуан называл это состояние контролируемой глупостью. Карлос узнал об этом приеме только после признания самого Нагваля, иначе он никогда не

усомнился бы в социальной эффективности дона Хуана, исполнявшего роль шамана-учителя. С таким же успехом можно исполнять роль профессора Калифорнийского университета или агента по продаже недвижимости. Социум не пострадает, скорее уж, выиграет, ибо приобретет подлинно эффективного участника общественного процесса.

Чувство собственной важности — не просто наша воплощенная социальность. Оно оказывает весьма значительное влияние на все устройство нашего тоналя, по сути структурируя пузырь восприятия, и определяет конституцию нашего энергообмена.

Очень важно понять эти два момента, поскольку мы привыкли считать ЧСВ чем-то вроде гордыни, источника субъективных оценок самого себя и других, а также предрассудков по поводу отношений с социальной средой. Все это так, но это лишь верхушка айсберга, скрывающая нашу сущностную порабощенность миром первого внимания.

Чувство собственной важности — это генератор все системы координат для нашего поля восприятия. Если страх смерти ограничивает и консервирует нашу энергетическую форму, то ЧСВ, опираясь на закупоренную страхом “консервную банку” тоналя, строит внутри нее систему блоков, комплексов, определяет центр и периферию, важное и второстепенное. Чувство собственной важности — это строительный материал, определяющий размеры и консистенцию “кирпичей”, это наполнение формы.

Тональ, в котором нет ЧСВ, практически пуст. У него есть лишь внешние границы и бесконечное стремление восприятия повторять само себя. Это — каркас, сотворенный страхом смерти. В таком аморфном поле пребывают многие виды животных. Здесь нет (или почти нет) символов, внутренних координат, в поле которых возможны внутренние эволюции — только наслаждение и боль, пища и голод, размножение и смерть. Если страх смерти обеспечивает наш гомеостазис, то ЧСВ наконец-то делает нас людьми — теми противоречивыми существами, которые, по словам дона Хуана, вызывают ужас и восхищение одновременно.

ЧСВ — стержень личности и фундамент ее мотивации в человеческом мире. В этом чувстве кроется поистине гигантская сила, которая придает законченность человеческой форме. Это — самый сильный наркотик, поскольку нет ничего, вызывающего более мощную и почти непреодолимую зависимость. Почти любое социальное действие мотивировано чувством собственной важности — ради этого сомнительного “кайфа” мы работаем и живем, богатеем и творим, гонимся за политической властью или за престижными приятелями. Именно по причине ЧСВ мы все — конкуренты на этой маленькой Земле, какие бы формы эта конкуренция ни принимала — от самых возвышенных, приличных и благородных, до низменных, беспринципных, отвратительных.

Просто в какой-то миг маленький монстр в нашей голове говорит: “Этого я хочу, а этого — не хочу. Это — важно и приятно, а это — никому не нужно и толку от него никакого.” Это — перцептивная позиция, внушенная вечно воспроизводящим себя социумом. Это — позиция восприятия, построенная на условностях, нацеленная на условности, искаженная и извращенная одним великим гипнотизером по имени “общество”.

Данная позиция целиком построена на символах. Кусок желтого металла или бумажка с изображением какого-нибудь президента оказывается *ВАЖНЕЕ* привязанности или благодарности, здоровья, покоя, самого человека. Диплом, аттестат, статья в журнале, собственное имя на лавке автозапчастей, счет в банке — за все это можно пожертвовать не только достоинством, но даже свободой. (Иногда за это способны убить.)

Это — наша система координат. С течением жизни она становится все подробнее и сложнее. Каждый пункт включает в себя подпункты, категории превращаются в разветвленные системы оценок. В конечном итоге внутри поля нашего восприятия не остается ни одного объекта, который не был бы помечен согласно придуманной шкале чувства собственной важности. И это вовсе не абстракт-

ция, которую мы держим в затылке про запас, — это непрерывная цепь подтверждений или отрицаний, от которой зависит сила (слабость) любого конкретного восприятия.

Мы в первую очередь воспринимаем то, что важно; неважное мы чаще всего не замечаем совсем. Любому ясно, что нет вещей важных или неважных *помимо* человека. Именно чувство *СОБСТВЕННОЙ* важности программирует важность окружающих полей восприятия. Это правило универсально. Оно распространяется даже на самые мелкие пустяки, хотя мы сами можем этого не замечать, ибо значительная часть подобной селекции воспринимаемого осуществляется бессознательным.

Наш мир “важного-неважного” чрезвычайно искусственен. Вот почему даже простой “разговор с растениями” вызывал у Кастанеды сначала полное недоумение, а потом нервный смех. Координаты “важности” заданы слишком жестко. Лишь на первый взгляд кажется, что это — обычные предрассудки, которые легко преодолеть.

Попробуйте для начала просто прилечь на тротуаре, безмятежно разглядывая снующих туда-сюда людей. Или написать у себя на лбу “дурак” и прогуляться по центру города... Как вам это понравится? А ведь это самые простые примеры игнорирования чувства собственной важности. Никто вас не убьет, не посадит в тюрьму — но даже такая лихость станет серьезным испытанием для вашей безупречности.

Структура всего нами воспринимаемого — результат чувства собственной важности. За исключением самых фундаментальных параметров, определяющих биологическую выживаемость, все остальное — проекции ЧСВ на воспринимаемый материал. Фокус внимания (прежде всего, произвольного) всегда совпадает с областью “самого важного” в мире социальных координат. Размеры, форма и длительность — все подвергается здесь определенной интенсификации. Ибо ошибка тут, по мнению социального тоналя, может быть почти фатальной.

Обратите внимание, что страх безумия (о котором мы коротко сказали в связи со страхом смерти) в большинстве случаев имеет вполне социальный подтекст. Ибо страшит не безумие как таковое, страшит *утрата адекватности*, т.е. утрата социальной роли. Безумие отступает на второй план. Любой невротик, который хоть раз испытывал приступ лиссофобии, знает, что наедине с собой он переживает данную фобию иначе (если его не преследует страх одиночества, то лиссофобия как бы отступает). Ужас безумия сильнее всего преследует человека, когда он думает о восприятии окружающих. Для них он всегда должен оставаться адекватным.

Контроль и адекватность превратились в манию социального человека. А всякая причуда — стала поводом для недоверия и подозрительности. Никого не интересует на самом деле, что происходит у вас в голове. Просто сделайте вашу паранойю (фобию, навязчивость) незаметной для социума.

Основатели нейролингвистического программирования Гриндер и Бэндлер в своем подходе прямо-таки проповедовали подобный цинизм. (Например, если ваш клиент — шизофреник и слышит “голоса” из электрической розетки, просто научите его “общаться” с этими голосами незаметно, чтобы они не влияли на его поведение. Стоит убедить его скрывать свои “контакты” с розеткой — считайте, пациент здоров. И в самом деле, а что еще нужно?) Главное — не потревожить ядро чувства собственной важности.

Вы страдаете фетишизмом и коллекционируете ношенные колготки, которые выбрасывают на свалку? Не беда — просто делайте это так, чтобы вас не поймали, и будете успешно возглавлять министерство.

Наша цивилизация достигла порога собственной условности. Шизофреники и аутисты открывают этот факт самым непосредственным образом. Они знают, что могут делать все что угодно, пока их не поймали. Пока их не обвинили в нарушении правил. Психиатры прекрасно об этом осведомле-

ны. Эти пациенты механически воплощают идею чувства собственной важности — чувство роли, исполнение которой должно соответствовать принятым правилам. Их осознание разрушено, и они больше не живут для самих себя. Оставаясь наедине со своей психикой, они превращаются в животных.

Нормальный социальный индивид напоминает шизофреника. Он тоже не живет для себя, он — холодная функция, набор поведенческих программ. Он — чувство собственной важности, которое ставит перед собой адекватные цели и добивается их адекватными средствами. Например, он желает стать президентом торговой фирмы — и это становится содержанием всей его жизни. Все измеряется этим, все служит этому. Когда никто не видит, он упивается мексиканскими сериалами или собирает открытки с изображением бейсболистов. Разве этот человек не шизофреник? Его осознание точно так же сужено до минимума, он точно так же различает “правила” и “личную жизнь”, а главное — он так же бессмысленен во всех отношениях. Он — только совокупность ролей: сотрудник фирмы, муж, отец, филателист, душа компании среди таких же, как он (так как знает несколько анекдотов и может много пить, не закусывая). Кроме того, ему, как и всякому шизофренику, никогда не хватит духу трезво взглянуть на самого себя.

Помните прекрасную притчу Кастанеды про крестьянина, который всю жизнь ухаживал за кукурузным полем, доставшимся ему в наследство от отца? Дон Хуан еще сказал, когда послышался волчий вой, что это воет “тот самый фермер”. Это и есть сущность чувства собственной важности. В нем нет никакого величия, как думают некоторые, оно не зовет к великим свершениям, которые всегда — удел одиночек. В массе своей это просто рабство. Безоговорочная порабощенность собственной ролью, которая имеет в принятой модели мира некое специальное значение, или важность. Всякий раз, когда вы говорите себе, “я должен быть строителем (механиком, профессором, оленеводом), потому что так делают другие, чтобы прокормить семью, вырастить детей, построить дом и т.д. и т.п.” — это чувство собственной важности. Это ваша тюрьма, где все содержания восприятия заранее обусловлены, их цена назначена, все распределено, мир завершен. “Пузырь восприятия” закрылся.

Это чувство может расширяться и, наоборот, сужаться. Оно может захватывать частности и строить модели до бесконечности, а может избавиться от пустой и вредной символики, оставив для переживания одну лишь суть.

Экспансия чувства собственной важности порождает гнетущее чувство озабоченности собственной судьбой.

Редукция (сужение) чувства собственной важности устраняет все социально обусловленные компоненты и обнажает “внутреннее Непостижимое”, которое заставляет нас признать (а главное, почувствовать), что “человек — это Тайна”. Отсюда возникает особое ощущение, которое дон Хуан назвал “уважением к человеческому духу”.

Подобное уважение — совершенно не-социально. Оно никоим образом не связано со статусом или ролью, с успешностью или безуспешностью в реализации собственной судьбы, с системой оценок и координат в социальном пространстве. Оно отталкивается от универсальной доступности человеческого осознания Абстрактному, Бесконечному. Дон Хуан как-то указал Кастанеде на нищих индейских детей, которые рылись в мусоре, и сказал: “Каждый из них может стать человеком знания”. Презрение или жалость здесь неуместны. Перед лицом Реальности все мы равны — вплоть до заключительной схватки со смертью.

Апофеоз уважения к человеческому духу — Любовь. То, что нагуализм через безупречность культивирует бескорыстную Любовь к миру, Земле, Природе, — совершенно очевидно. Любовь к людям, однако, — дело иное. Ибо социальный человек, как правило, демонстрирует искаженный и уродливый мир эго, мир маленького человеческого тоналя, которому нет никакого дела до прекрасной Реальности-снаружи. Разглядеть за этими деформациями, за этим убожеством сокровище

осознания — вот где нужна высокая безупречность. Понять условность ограничения условного мира — это достижение по-настоящему широкого и чистого восприятия. Рано или поздно это чувство приходит, и тогда *видение* человеческого мира все ставит на свои места. Понятно, что здесь нет ничего от сентиментального умиления и слезливого потакания сирым и убогим. Это — понимание и принятие человеческого уродства наравне с его красотой. Его не объяснить и не описать. Факт осознания свидетельствует сам себя и не нуждается в описании.

Скованность восприятия и энергии, которую вызывает ЧСВ, поистине масштабна. Здесь, благодаря особому механизму перераспределения психических напряжений, скрывается огромная сила. Поэтому любое потрясение основ системы чувства собственной важности генерирует богатейший спектр эмоций. Из трех базальных комплексов ЧСВ — самое продуктивное. Страх и жалость намного проще.

Вот лишь небольшая часть из того списка эмоциональных реакций, которые характерны для чувства собственной важности:

Уважение; гордость; признание; благодарность — инстинкт “приятия”.

Надменность; злоба, ненависть — инстинкт “неприятия”.

Зависть; ревность; жадность; желание владеть — инстинкты “хозяина территории”.

Униженность; ничтожность; преклонение; стеснительность; желание подчиняться — инстинкт “подчинения”.

Честолюбие и тщеславие — инстинкт “борьбы за территорию”.

Весь этот многообразный эмоциональный спектр сильно влияет на восприятие, выполняя роль строительного материала для большей части “матрицы тоналя”. Благодаря этой энергетической подпитке существует центр тоналя в виде самого важного элемента — Я, или образа себя. Благодаря ей же формируется стандартная проекция себя во времени. Подумайте: как мы воспринимаем себя в прошлом, настоящем и будущем? Только как череду важности — неважности.

Перепросмотр особенно ярко обнажает этот принцип.

Мы существуем во Времени как *постоянно возрастающая важность* — это оптимальная позиция для личности. Мы исполняем роль, в которой следующая сцена важнее предыдущей, подтверждает наши достижения, закрепляет их и поднимает нас на следующую ступень воображаемой лестницы.

Если мы осуществили значительную часть своих притязаний, то согласны неопределенное время ограничиться простым подтверждением. Время выступает в роли фиксатора — и чем меньше наша уверенность в исполненности роли, тем чаще мы ищем ее подтверждения. С этой целью мы обращаемся к социальному окружению, совершаем различные поступки и ждем одобрительной реакции. Каждодневная активность такого рода выматывает, требует бесчисленных усилий — но социальный человек не в силах остановиться.

Третий вариант — это кризис и катастрофа. Если человек вдруг открывает, что его существование во Времени — не возрастающая, а убывающая важность, он становится глубоко несчастным. Утрата социального статуса, изменение роли в сторону менее значительной — все это повергает в шок даже в том случае, если это не связано с выживанием непосредственно. Чем абстрактнее достижения и лишения, тем проще заметить, до какой степени человек поработен тональным миром символов. Директор становится простым инженером и впадает в тяжелую депрессию. Министра лишают должности и отправляют послом в Уганду. Главного ассенизатора лишают высокого доверия

и отправляют чистить обычные нужники, хотя прежде он чистил лишь правительственные уборные. До какого абсурда бы ни дошло, человек искренне страдает.

Деструктивные эмоции пораженного ЧСВ ведут к ослаблению осознания и сильному сужению воспринимаемого поля. Пребывая в состоянии угнетенности, вы мало замечаете окружающую реальность. Внешние впечатления вообще теряют значение, становятся бесцветными и унылыми. На это стоит обратить специальное внимание. Дело в том, что обычный человек испытывает сковывающее влияние ЧСВ *практически непрерывно*. Только отобранные по признаку важности (прежде всего, социальной) сенсорные сигналы достигают осознания. Это — сигналы-символы, это знаки, которыми можно манипулировать и использовать их опять-таки для поддержания чувства собственной важности. Чувственные сигналы либо полностью блокируются, либо вытесняются на периферию собранного мира.

Энергетически это выражается в культивируемой инертности всей фронтальной пластины кокона. С другой стороны, этим обусловлена крайняя жесткость позиции точки сборки, поскольку важный для нас набор символов может быть собран и интерпретирован исключительно в заданном режиме восприятия. Мы бесчувственны и сосредоточены на сборке собственной важности. В этом крайне узком диапазоне мы постоянно реагируем на пустяки, строим из них все здание своей эмоциональной жизни, здесь — наша судьба. Сюда уходят все наши силы, из-за чего мы так ничтожны и переполнены мыслями о себе.

История базального комплекса “чувство собственной важности”.

Все импринты, составляющие комплекс ЧСВ, — социальные. Это делает их сложными и способствует образованию масштабных констелляций. При перепросмотре в этом отношении наиболее четко различаются “ранние” символы-импринты и “поздние”. “Ранние” импринты связаны с наиболее однозначными ситуациями и вызывают самые сильные и неуправляемые эмоции. Их сложнее всего трансформировать, но и число связей, ими образованных в нашем бессознательном, относительно невелико.

К “ранним” импринтам относятся:

(1) *Импринт “хозяина территории”*. Обычно он формируется в первые годы жизни и связан с конкуренцией за внимание родителя (матери или отца). О нем любят говорить фрейдисты, находя здесь причину “эдипового комплекса”. Мы не станем, вслед за психоаналитиками, ссылаться на раннюю сексуальность, поскольку личная история индивида чаще всего ни в малейшей степени это не подтверждает.

Просто ребенок ведет себя, как любое коллективное млекопитающее, обретшее первый опыт роли. Если опыт показывает, что ты — центр группы, которому по статусу положено иметь больше внимания (ласки, ухода, пищи), чем другим, существо впервые на чувственном уровне знакомится с представлением о собственной важности. Какое-то время ребенок находится вне конкуренции — на его крик сбегаются взрослые, чтобы утешить малыша, мать чаще прижимает его к груди, чем мужа или более взрослых детей, за ним ухаживают, его ласкают и успокаивают. Он — хозяин территории.

В случае явного пренебрежения интересами ребенка еще в период младенчества, у него развивается инверсия импринта, которую можно сформулировать “я — чужой”. Это может вызвать социопатические отклонения, аутизм в той или иной форме, выявить шизоидные черты, которые выражаются в бессознательном убеждении “я — вне правил”. Все это наносит психологический ущерб. Личность с инверсией раннего импринта ЧСВ может быть лишена целого комплекса переживаний, в том числе жалости к себе и жалости к другим. Как правило, это ведет к явной или скрытой пси-

хопатологии. Не следует ожидать, что из такого ребенка вырастет личность, более способная к безупречности, безжалостности и Пути Воина. Чтобы трансформировать ЧСВ, его надо сначала вырастить и правильно сформировать.

Правильное формирование в данном случае — это постижение, что такое “хозяин территории”, вместе с прилагающейся к роли системой координат. Иными словами, это установление иерархии важностей. Сначала ребенок находится на вершине пирамиды, но постепенно узнает, что существуют ситуации, когда он может оказаться на втором, третьем и даже последнем месте. Сопоставление позиций делает его тональ упорядоченным, обустроивает структуру.

Опыт этого импринта и следующих за ним констелляций обучает человека самому понятию “территории”. Здесь (в данный момент, в данном окружении, в данной ситуации) я — самый важный, поскольку это “моя территория”. Но меняется ситуация, приходят новые люди — взрослые и сверстники — и это уже другая “территория”. Все это крайне важно, потому что из этих, казалось бы, простейших впечатлений формируется социальная сеть, пленником которой мы оказываемся во взрослой жизни.

(2) Импринт “подтверждения роли”. Он формируется в момент борьбы за внимание, в момент посягательства на “территорию”, узаконенную предыдущими импринтами. Констелляция импринтов на почве подтверждения роли может называться “импринтом манипуляции”.

Это своего рода исполнение закона и справедливости. Проще всего объяснить на примере. Скажем, у ребенка 4 лет его сверстник отбирает любимую игрушку. Ребенок уже знает, что игрушка — это его территория. Он также знает, что сверстник, в отличие, например, от отца или иного авторитетного вожака, не имеет никакого права на данную игрушку (территорию). Его первая реакция обусловлена предыдущим импринтом — он попросту начинает кричать и плакать, призывая авторитетную фигуру навести порядок, восстановить его поправленные права, его собственную важность. Однако поблизости никого нет. Ребенок понимает, что справедливости не дождешься, и начинает драться с самозванцем. В конце концов он возвращает себе отнятую игрушку, и с этого момента импринт подтверждения роли начинает работать. Отныне он всегда будет выражаться в гневе и агрессии, активном противостоянии сопернику-самозванцу.

Это лишь один из возможных вариантов. Бывают случаи, когда подтверждение роли впервые достигается хитростью, интеллектуальным превосходством, убеждением и т.п. Кондиционирование импринта может быть разным, но в любом случае подтверждение роли оставляет эмоциональный след на всю жизнь. Предпочитаемая модель поведения уменьшает число выборов, вынуждая действовать автоматически. Гнев и агрессия возникают раньше, чем осознание и планирование. Эмоция, источник которой давно забылся, импульс, успешность которого доказана мимолетной дракой в трех-четырёхлетнем возрасте, продолжает давить на наши ощущения через 10, 20 и 30 лет.

(3) Импринт “ценность себя”. Последний из ранних импринтов ЧСВ. Его смысл сводится к простому лозунгу — “мое существование доставляет радость ближним, я нужен им, без меня они несчастны”.

Как правило, это принципиальное открытие собственной важности делает ребенок, у которого уже сложился начальный уровень самосознания. Для этого достаточно простой наблюдательности.

Тривиальные ситуации могут послужить триггером для такого импринтирования. Достаточно ребенку потеряться и вызвать этим серьезную тревогу у родителей, заболеть, даже просто надолго уехать (например, к бабушке), а потом увидеть, как радуются близкие его возвращению или выздоровлению, увидеть их тревогу, озабоченность или страдания. “Я ценен”, “я любим”, “я важен” — эти идеи могут затем беспощадно эксплуатироваться при малейшем посягательстве на чувство собственной важности. Депрессия, “уход в болезнь”, угроза “уйти и все бросить”, истерика и под-

черкнутая несчастность — вот лишь немногие способы удовлетворить ЧСВ, которые часто бывают порождены импринтом ценности себя.

Конечно, ценность себя, как и импринт хозяина территории, может в определенных условиях превратиться в собственную противоположность, стать инверсией. Частичная инверсия (“я ничтожен”, “меня никто не любит”) — почва для затаенной и непрерывной жалости к себе. Такая инверсия возникает в том случае, если предыдущие импринты формировались нормально и подтверждались окружающими. Это так называемое “позднее разочарование”. Оно всегда включает в себе неосознаваемую надежду найти кого-то, кто завершит гештальт, подтвердит, наконец, вашу ценность.

“Позднее разочарование” часто приводит к необдуманным бракам, неразборчивости в отношении друзей, поиску *безусловной* реализации собственной важности в любой сфере жизни (т.е. там, где нет конкурентов, поскольку частичная инверсия импринта ценности себя, как правило, ведет к бессознательному страху перед любым соперничеством — не дай бог вновь убедиться в том, что ваша ценность невелика!).

Что касается полной инверсии импринта “ценность себя”, то она выражает себя крайне деструктивно — мизантропия, злоба, патологическая завистливость, часто тотальное неверие в духовную и физическую любовь, мрачный цинизм и показное безразличие к мнению окружающих.

Если люди, страдающие частичной инверсией импринта “ценность себя”, вопреки множеству психологических затруднений способны уравновесить свою личность, найти собственную нишу и, в конечном счете, даже направить свои усилия на Трансформацию, то полная инверсия импринта порождает неприятие себя в такой степени, что лишь два сценария удовлетворяют подобных субъектов: 1) разрушение окружающих и 2) разрушение себя. Они замкнуты на себе, полагают свое мрачное описание завершенным и неизменным; они не способны к самотрансформации. К несчастью, человеческая история иногда складывается настолько причудливо, что позволяет этим ущербным личностям возглавлять целые народы. Как известно, это приносит человечеству неисчислимые беды.

К поздним импринтам, формирующим чувство собственной важности, относятся сложные структуры и цепочки (конstellации импринтов). История ЧСВ во многом подобна истории самого описания. Начиная с некоторого уровня развития личности, единичные импринты осуществляют себя исключительно в рамках масштабных блоков описания. Если же учитывать, что каждый импринт и каждая конstellация импринтов в процессе личной истории обретает собственное кондиционирование, нагружается сопровождающими условными рефлексам и их последовательностями, то мы осознаем, что ЧСВ — самый объемный пакет поведенческих программ, построенных тоналем для осуществления личности в присущей человеку среде.

Поздние импринты ЧСВ — это две огромные группы конstellаций: “роль” и “образ себя”. В некоторых случаях они пересекаются, бывают тождественны друг другу, обмениваются схожими компонентами. Отдельные психологические школы по-разному толкуют сущность этих явлений и формулируют отличия между ними.

Ничуть не претендуя на исследование по психологии личности в академическом стиле, мы, тем не менее, вынуждены учитывать наличие самих феноменов и различать их — так как в практике перепросмотра это влияет на характер работы по трансформации чувства собственной важности.

Прежде всего, роль — это проекция ситуации межличностного взаимодействия. Это поведенческий сценарий, следование которому важно только в определенных рамках (также оговоренных ролью). Поэтому импринты роли часто обусловлены коллективными представлениями. Они могут опираться на традицию (этническую, культурную, социальную, гендерную или семейную). Личность, ее неповторимое своеобразие, здесь отступает на второй план.

Исторически роль древнее, чем образ себя. Скажем, первобытная община — это прежде всего совокупность ролей. То же самое можно сказать про целый ряд традиционалистских культур — средневековый феодализм, общины и страны, сосредоточенные на фундаментальном следовании религиозной морали и кодексу поведения. На этом уровне чувство собственной важности полностью сосредоточено на совокупности условных требований. Выбор роли часто не зависит от человека — роль достается либо по наследству, в связи с происхождением, либо автоматически следует из некоторых ритуальных действий.

“Ролевое” общество, которое по сей день большая часть человечества автоматически воспроизводит, — это общество, можно сказать, ритуальное. Эмоции и сам характер поведения регламентированы традицией и освящен доминирующей религией. Здесь чувство собственной важности привязано к человеку самым жестким и примитивным способом. Надлежащее исполнение ритуала — единственный способ реализации чувства собственной важности. Нарушение ритуала — самое страшное унижение, смерть личности, изгнание и позор.

В ролевом обществе трансформация ЧСВ возможна лишь на фоне тщательной маскировки, иначе она грозит практикой смертельной опасностью. И в этом нет никакого преувеличения. Только на самых ранних этапах формирования социума можно было безопасно выходить из роли, и позволялось это одним шаманам — ибо они были посредниками между племенем и “миром потустороннего”.

Современный мир (та цивилизация, в которой мы живем) отошел от жесткого исполнения ритуала, но переполнен атавизмами. Роль не исчезла, она стала условностью. Если в прежние века требовалась определенная смелость, чтобы просто признать — есть “пространство роли” и есть мое “личное пространство”, то теперь это банальность, общее положение, которое никому не приходит в голову опровергать.

Жрец (монарх, военачальник) в древнем мире хранит свою роль, как святыню. Он не будет тайком есть мясо (если его религия проповедует вегетарианство), он не напьется (если его роль включает в правила жизни абсолютную трезвость), не станет проводить время в сомнительной и неблагородной компании. Когда такие вещи начали случаться, это послужило одним из первых знамений того, что “время близко” — ролевое общество разваливается изнутри.

Иными словами, именно роль была главным, и, по сути, единственным *содержанием чувства собственной важности* в течение веков или даже тысячелетий. С наступлением нового времени пространство, внутри которого роль оставалась безоговорочно важной, сокращалось. Принимая “либеральные ценности”, европейский мир расширял “личность” и сокращал “роль”. Сегодня роль, за исключением редких случаев, привязана к тщательно отобранному минимальному списку ситуаций.

Можно подумать, что в результате трансформация чувства собственной важности стала доступнее. Ничего подобного. Ситуация, напротив, заметно осложнилась, поскольку энергия ЧСВ перенаправила себя на поддержание “образа себя”. Тональ в очередной раз проявил гибкость и этим еще больше закрепил описание мира.

Поскольку образ себя — это, так сказать, *метароль*, метапрограмма. Он работает в любой ситуации и свободно использует роли (незыблемые и абсолютные в прошлом) в качестве сиюминутных инструментов. Сталкиваясь с образом себя — этой вершиной психологической изоэтреничности человека в методах собственного порабощения, начинаешь понимать, насколько проще работать с ролью.

Те толтеки, что полагают себя сталкерами, часто склоняются к ролевой игре. Ибо они инстинктивно чувствуют, что так проще, что здесь можно достичь более быстрого и очевидного успеха. Конечно! Ведь условность и ограниченность роли в современном обществе западного образца не тре-

бует доказательств. Она лежит на поверхности, и сталкеру остается лишь выследить некоторые автоматизмы, до которых еще не добралось его дремлющее осознание.

Но сущность трансформации ЧСВ сегодня лежит глубже. Основная масса психической энергии теперь расположена в “личном пространстве”, или в пространстве личности, — там, где социальный человек, находясь в это время вне социума, продолжает думать о себе как центре системы социальных координат. “Образ себя” для себя и “образ себя” для других — вот любимые области размышлений. Вот ядро комплекса.

Вы можете сыграть юродивого, патологического лжеца, тупого забулдыгу или обычного бандита. Вы можете испытать окружающих и изучить их реагирование на различные роли — и все это не будет иметь никакого отношения к трансформации чувства собственной важности.

Потому что образ себя для себя и образ себя для других останутся неизменными. Вы скажете — ладно, образ-для-себя — дело тонкое, интимное, но образ-для-других *должен измениться!* Увы, нет. Ибо это не роль, а образ. Образ (кому бы он ни предназначался) никогда не бывает снаружи, он всегда внутри. Невидимый наблюдатель (абсолютное воплощение наших высших, экзистенциальных ожиданий) — тот самый “другой”. И наш образ — для него. Если хотите, можно назвать его личным Богом, выросшим из тысячелетий человеческой социальности. Если вы практикуете толтекское знание, то Он — Единственный, Кто может оценить ваши усилия в сновидении, сталкинге и безупречности. Проблема заключается в том, что пока Он существует у вас в голове, безупречность недостижима.

Однако, рассмотрим поздние импринты ЧСВ по порядку. Этот порядок не имеет отношения к перепросмотру (ни прямого, ни обратного). Как я уже сказал, эти психологические структуры настолько сложны, что опутывают наше энергетическое тело настоящей сетью. Индивидуальные взаимосвязи и ассоциации обнажаются в процессе перепросмотра в собственном порядке. Общие законы существуют лишь для самых простых и ранних образований — будь-то импринты-символы или рефлексy. Поздние психологические образования возникают на протяжении всей личной истории субъекта — для них нет возрастных границ. Они могут видоизменяться и подвергаться многочисленным коррекциям даже в зрелом возрасте.

“Роль”.

Относительно простая социальная программа. В процессе перепросмотра вы можете обнаружить в себе несколько десятков ролей. Универсальной ролью можно назвать только *гендерную* (социополовую). Но даже она пострадала от того, что социум оставил роль и перешел к личности. Мало кто задумывается, что тенденция к неопределенности половой роли (гомосексуальность, бисексуальность, унисексуальность) — естественный элемент развития мирового тоналя, бегущего от любых ролей. Всего столетие назад гендерная роль считалась императивом, а редкие отклонения от биологической сексуальности — тяжким недугом. Сегодня социум склонен рассматривать это как варианты *естественного* (!) полового поведения.

В норме социополовая роль имеет лишь три модуса. Первый — подготовительный, два — актуальных.

Подготовительный модус:

мальчик — девочка (до наступления половой зрелости).

Актуальные:

мужчина — женщина

Социум налагает на эти роли огромное количество требований. Подтверждение удовлетворительного исполнения какого-нибудь требования, входящего в роль, вызывает удовлетворение и порождает чувство собственной важности. Несоответствие (реальное или мнимое) даже самым простым (наиболее биологическим) требованиям вызывают сильное ущемление ЧСВ. Только у человека момент сексуальной близости является не только (порой даже не столько) наслаждением, сколько *испытанием роли*. Раньше этот груз ответственности нес по большей части мужчина, теперь к нему присоединились женщины. И те и другие *обязаны* быть сексуальными, активными, способными “дарить наслаждение и получать его”. Это превратилось в часть роли, иногда это превращается в ритуал, пустую формальность и притворство. Биосоциальное поведение становится все менее биологическим и все более социальным — условным, регламентированным, искусственным.

“Материнство” и “отцовство” — это роли, возведенные на пьедестал социума. Обвинение в том, что вы “плохой отец” или “плохая мать”, — это классическое оскорбление, унижение и уязвление ЧСВ, пришедшее из глубины веков. Другой вид уязвления, теперь более распространенный, — обвинение в том, что супружеская пара не желает иметь детей. Таким образом, приказ общества звучит однозначно: “Плодитесь и размножайтесь, кормите, растите и воспитывайте потомков.”

Обратите внимание на то, что это изначально естественное, биологическое стремление превратилось в лозунг, требование, приказ, повод для восхваления или осуждения. Посвянуть на социополовую роль — значит, ударить в самое уязвимое место общественного человека. Импринты и рефлекссы, лежащие в основе этих проявлений, давным-давно ушли на второй план и утратили актуальность. Их место теперь занимают социальные символы и сигналы, импринтированные относительно недавно. Их импринтирование может случиться и в 12, и в 20, и в 30 лет.

У этой роли есть один немаловажный аспект, связанный с *моногамностью* данного типа цивилизации:

Всякое посягательство на моногамность ваших отношений с партнером рассматривается как нападение на личность и крайняя степень ее унижения.

Это не биологическая проблема, возникающая из инстинкта борьбы за самку (самца). Это — проблема собственной важности. То, что вызывает ревность и все сопутствующие ей разрушительные эмоции, — по сути, вызвано *отрицанием вашей гендерной (социополовой) роли* тем или иным способом. Человек испытывает ревность именно потому, что бессознательно полагает — *Я не “справилась(лась)” с ролью любовника (любовницы), мужа (жены), отца (матери)*. Вот причина гнева, униженности, желания мстить, подавленности, а порой даже суицидных настроений.

Поскольку речь идет о самом важном (согласно импринтам), мы мгновенно забываем, что всего лишь играем роль. Мы начинаем верить, что *это и есть жизнь*.

По сравнению с гендерными, остальные роли — частности. Они состоят из элементов, которые могут быть доминирующими или вторичными, могут иметь разную степень сочетаемости (валентности) между собой, могут быть производными от половой роли и ситуативными, возникшими почти случайно в первые годы активной социализации.

Когда мы рассматриваем свои автоматические реакции, мгновенные эмоции, то всегда натываемся на подобные кирпичики. Каждый из них, взятый отдельно, кажется незначительным, но они складываются в целые здания, определяя этим конкретную судьбу конкретного человека. Качества в определенном соотношении становятся стилем поведения, способом решения задач, причиной внутренних и внешних конфликтов. Например:

сильный — слабый

открытый — закрытый

зависимый — независимый

уверенный в себе — неуверенный в себе

И т.д. и т.п.

Каждое из этих условных качеств может быть выбрано как предпочитаемый способ поведения в момент импринтной уязвимости. Каждое из них может быть причиной для самооправдания, самодовольства и даже самовосхищения. Когда-то мы убедили себя, что цепляемся за привычные качества и манеры по *ОЧЕНЬ ВАЖНОЙ* причине. Еще более убедительно мы внушили себе, что любой иной способ (реагирования, поведения, решения) *НЕПРИЕМЛЕМ ДЛЯ НАС*, так как — опять же — мешает чему-то крайне важному.

Важно быть слабым, потому что так мы имеем больше безопасности. Важно быть закрытым, потому что вокруг полно негодяев, которые пытаются вас обмануть или выставить вас в дурном свете. Важно быть зависимым, потому что тогда к тебе не станут предъявлять претензий, с которыми ты *БОИШЬСЯ* не справиться. Важно быть неуверенным в себе, тогда тебе простят возможные ошибки.

Я специально перечислил не лучшие из человеческих качеств. Как видите, за каждым из них стоит своя важность. Иначе и не может быть — роль (какой бы мелкой она ни была) выбирается с целью *подтвердить* собственную важность (важность своих предпочтений, мнений, выбора, положения). Точно так же оправдываются добродетели. Они могут отлично выглядеть, но за кулисами та же пыль и пустота.

Обычно общественный человек отождествляет себя с набором выбранных ролей. Он редко остается один. Каждый день насыщен играми — вот он муж, вот сын, вот начальник, а вот — профессионал за работой. У каждой роли свои правила, свои автоматизмы, рефлексy, сценарии. И всякий раз его интересует только одно — *подтверждение, подтверждение и еще раз подтверждение* правоты (важности) своего восприятия, эмоций, чувств, мнений, идей и отношений.

Можно ли вырваться на свободу из этой грандиозной клетки? Можно ли просто сказать себе “*Все в одинаковой степени важно и неважно. Я — ничто в этом равнозначном мире, и я — всё, поскольку это МОЁ осознание свидетельствует неважность и важность мира*”?

Когда мы уединяемся, роли на время исчезают. Это облегчение делает отшельничество соблазнительной штукой для искателей Трансформации. Но тут мы быстро открываем, что социум поселился у нас в голове. Это — “образ себя”.

“*Образ себя*”.

О нем уже было упомянуто. Можно сказать, что это наше *идеальное* представление о себе, сформированное из тех элементов ролей, которые кажутся нам самыми типичными или лучшими для нас. “Образ себя” — не просто фантазия или совокупность умозрительных соображений на свой счет. Если бы этим все и ограничивалось, “образ себя” являлся бы исключительно объектом дисциплины по остановке внутреннего диалога. Но это не просто внутренний диалог.

Можно сказать, что образ себя — это зона “отсроченных (или вытесненных) реакций”. Например, некто полагает себя талантливым (терпеливым, усердным, тщательным) ученым. Он ходит в институт, где играет роль скромного, но усердного лаборанта (аспиранта, младшего научного сотрудника и т.п.). И так — в течение многих лет. Наконец, он совершает открытие, получает степень и становится профессором. Он счастлив, ибо его образ себя реализовался. Теперь новоиспеченный профессор будет всячески пытаться студентов и подчиненных, каждый день тыкая им в нос, какой он крупный ученый, и насколько те — ничтожны. Отсроченные реакции вступили в силу.

Бывает гораздо хуже. Все тот же усердный лаборант (по причине бесталанности или из-за интриг “друзей” по науке) лет через двадцать окончательно понимает, что не суждено ему стать профессором. Хватает он колбу с кислотой и разбивает об голову любимого учителя: А почему бы и нет? Это — тоже отсроченная реакция. И наконец, в случае, если бедняга сдерживается и не выходит из скрытой депрессии, мы имеем дело уже не с отсроченной, а с вытесненной реакцией.

“Образ себя” — это некая совокупность идеальных (умственных) ролей, моделей поведения, которые когда-нибудь получают свое воплощение. Если же это невозможно, их вытеснение завершится инсультом либо язвой желудка.

В образе себя мы находим основные экзистенциальные координаты личного бытия:

(1) *Я для себя.*

(2) *Я для других.*

Здесь есть подпункты:

(3) *Я для семьи.*

(4) *Я для лиц противоположного пола.*

(5) *Я для группы (коллектива, общины).*

Все перечисленные координаты требуют самого тщательного перепросмотра. Как правило, фундамент образа себя полностью оформляется еще в подростковом возрасте. Именно там мы находим важнейшие импринты-символы, породившие систему идеальных ценностей, *ВАЖНОСТЬ* которых кажется неоспоримой. Семья и примитивные формы социума (вроде школьного класса) создают ситуации, когда мы раз и навсегда решаем “про себя”: “я буду *ТАКИМ*”, или “*ТАКИМ* я никогда не буду”.

Пожалуй, самым сложным для анализа оказывается тот интегральный образ, который менее всех остальных ориентирован на социум — образ себя для себя, или Я-для-себя.

Хочу обратить ваше внимание: все элементы данного образа-для-себя *ВСЕГДА* имеют социальное происхождение. Проблема в том, что здесь мы не нуждаемся в социуме, чтобы подтвердить собственную важность. Это именно то, о чем можно сказать: “Даже если я всю жизнь проведу на необитаемом острове, *Я БУДУ* (то-то) и *НЕ БУДУ* (то-то).”

Все содержания образа себя проще вскрывать через отрицание. Именно отрицание обнажает нашу сущность, потому что оно требует активности. Проще открыть в себе формулу “Я никогда не буду беспомощным”, чем декларацию “Я всегда буду самостоятельным”. Разглядывая собственную важность, определите, *ЧТО ВЫ НЕ ПРИЕМАЕТЕ*, и поймете, что такое вы-для-самого-себя.

Хоть содержание образа себя (как и многое в нашей личности) построено на чувстве собственной важности, это совсем не значит, что от этого содержания необходимо избавляться. Трансформация

ЧСВ, как уже много раз говорилось, — это *инструмент для усиления осознания*. Задача заключается в том, чтобы использовать навыки тоналя (сформированные под влиянием ЧСВ), без использования самого ЧСВ. Безупречный воин выбирает стиль поведения и способ реагирования *осознанно*. То, что он неважен, а его судьба не имеет значения, — всего лишь *факт распределения перцептивной энергии*. Воин совершает действия, и эти действия могут быть образцом социального конформизма. Значит ли это, что воин заинтересован в карьере, власти, особом статусе и т.п.? Нет, он *просто* совершает действия, которые наиболее прагматичны и служат поставленной им стратегической цели. Толтек может быть каким угодно — “ведущим” или “ведомым”, “открытым” или “закрытым”. Он всего лишь не ищет подтверждений, он всего лишь не испытывает чувства собственной важности, зная, *как* работает его личность, *какие* содержания она скрывает. Не надо удалять содержания, не стоит ампутировать личность, достаточно *быть бдительным* и все *осознавать*.

В этом заключено искусство усиления осознания. Постепенное избавление от ЧСВ демонстрирует вам, какой огромный объем абстрактного внимания оно держало под своим контролем. Бесконечное вылавливание сигналов и символов из искусственной среды социальных координат, непрерывное манипулирование ими и собственными реакциями на них — как это утомительно!

Даже психоэнергетически активность чувства собственной важности выражается чрезвычайно масштабными и непрерывными напряжениями. Горловой центр и корень мозга, где происходит переработка символической информации, сковывают энергетические поля вокруг верхней части кокона и фиксируют человеческую форму. Эти напряжения постоянно присутствуют в плечевом поясе, верхней части спины, они искажают нашу мимику и управляют гримасами.

По этой же причине мы все время настороже и ждем каких-то значимых сигналов от себе подобных. Это выражается в напряжении фронтальной пластины кокона — особенно от солнечного сплетения и выше. Мы ждем нападения со спины — “центр страха” между лопаток все время активен и влияет на фиксацию точки сборки.

Словом, если страх смерти держит нас в некотором диапазоне восприятия, то чувство собственной важности ужасающим образом *сжимает* объем доходящих до нас в этом режиме сигналов.

Трансформация базальных комплексов “небезупречности” приводит к психофизиологическим, психоэмоциональным и перцептивным феноменам. О них более подробно будет сказано во второй части книги, где речь пойдет о практическом воплощении в жизнь преображенной психологии безупречного воина

Глава 5. ЖАЛОСТЬ И БЕЗЖАЛОСТНОСТЬ

*"Как средина небес, сердце бога далеко,
Познать его трудно, не поймут его люди."*

Из древнеавилонской поэзии

Третий базальный комплекс, названный Хуаном Матусом “жалостью к себе” (*self-pity*), — это, главным образом, реакция (либо рефлексия) на два предыдущих комплекса — страх смерти и чувство собственной важности. Вне иных базальных структур (страх смерти, ЧСВ) этот комплекс не существует, но роль его в обслуживании комплексов столь значительна, что он не может не рассматриваться отдельно. Кроме того, жалость к себе обладает спецификой в феноменологическом смысле — проще говоря, она выражает себя отдельной и легко идентифицируемой гаммой эмоциональных переживаний и чувств. Жалость — всегда жалость, и поскольку толтеки занимались эмпирическими исследованиями своей психологии, они не могли не ощутить разницу между *жалостью* и *страхом*, *жалостью* и *гордостью*, и т.д.

Впоследствии *видящие* открыли, что жалость к себе, кроме того, — отдельный психоэнергетический феномен, отдельная сила, “третий ремень”, фиксирующий позицию точки сборки. Его функция — стабильно удерживать напряжение сердечного центра, солнечного сплетения (центральной области фронтальной пластины кокона). Подобно тому, как *психологически* жалость к себе может быть следствием страха смерти (чей центр — “просвет”) и чувства собственной важности (где главный фокус — горловой центр), так *энергетически* — необходимый уровень напряжения фронтальной проекции *solar plexus* достигается двумя путями — либо через трансляцию лишних полевых напряжений от суженного страхом “просвета”, либо от ритмично пульсирующего горлового центра.

Однако, я уже говорил о том, что сердечная чакра — центр, привязанный в наибольшей степени к нашему социальному чувству. Здесь фокусируются волны напряжений, которые ответственны за отношения с себе подобными. Тут пылает любовь и ненависть, ревность и симпатия. “Сердечная чакра”, обладая собственной чувствительностью, обеспечивает нас интуитивным знанием обо всех эмоциях и чувствах окружающих людей. Причем же здесь жалость к себе?

На самом деле бессознательное никакой жалости к себе — в буквальном смысле — не знает (пока его не наполнили социальными импринтами и условными рефлексам). Внутренняя природа этого процесса подразумевает, если хотите, раздвоение или расщепление психологического субъекта. Ибо всегда есть “тот, кто испытывает жалость” и “тот, на кого жалость направлена”.

В предыдущей главе было коротко сказано про так называемый “образ себя” и его отличие от “роли”. Так вот — именно образ себя генерирует чувство жалости к себе. Вспомните о природе “образа”, и вы легко поймете, что социум и здесь не дает нам покоя. Жалость к себе — это воображаемое отношение между одним Я и другим Я. То есть, это существующая лишь в голове *социальная позиция*.

Существует фиктивный “наблюдатель” и не менее фиктивный “наблюдаемый субъект”. Наблюдатель жалеет наблюдаемого. Этот процесс глубоко скрыт от нашего осознания, он заблокирован и недоступен прямому анализу по простой и такой же социальной причине, внушенной нам в раннем детстве, — **ЖАЛЕТЬ САМОГО СЕБЯ НЕПРИЛИЧНО. ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО ИЗЛИШНЕГО СЕБЯЛЮБИЯ И ОБЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЛАБОСТИ**. Напротив, жалеть других — хорошо, поскольку это свидетельство альтруизма и, соответственно, “силы”. В связи с этим, как правило, жалость к себе выступает в превращенных формах и не склонна демонстрировать себя открыто.

Мы бесконечно лицемерны по отношению к обществу, нами построенному, и по отношению к самим себе. Одно и то же чувство, просто имеющее два различных модуса (о чем будет сказано отдельно), оценивается другими и воображаемым “оценщиком” (живущим в нашем затылке) *прямо противоположным образом*.

Однако психоэнергетика не может быть лицемерной. Она демонстрирует единый процесс жалости. Его основное давление сосредоточено в центре социальных чувств: один жалеет другого. Надо добавить, что образ себя — вообще формация, которая не терпит пристального внимания. Она всегда пребывает в тени, съедается и деформируется, как только ее пытаются разглядеть поближе. Это скопище тайн и признаний, которые не предназначены для посторонних. Интересно, что в число посторонних равным образом входит наше сознательное “Я” со своими масками и ролями.

Зачем сознательному “Я” знать, что кто-то (более глубокая часть того же Я) регулярно *жалеет самого себя*? Зачем знать о себе, настолько ты себялюбив (до мелочности, до пустяков) и насколько ты на самом деле слаб? Безусловно, когда наше осознание проявляет должную настойчивость (в приступе саморефлексии, например), ему позволено знать часть правды (точно так же, как мы иногда позволяем это своим самым близким друзьям), но узнать всю правду можно только на допросе. Для толтеков таким допросом является *перепросмотр* или особый сеанс психоделического самоанализа (с помощью “растений силы”). Для психотерапевтов, допрашивающих нас у себя в кабине-

те, — это психоанализ или наведенный транс. Как часто результатом психоаналитических бесед становится безысходная депрессия и катастрофическое снижение самооценки, знают только сами аналитики, которые помалкивают, дабы не пострадал великий бизнес и утешают себя словами “ну, кого-то мы все же вылечиваем:”

А ведь в жалости к себе нет ничего постыдного, унижительного или противоестественного. Это — нормальная часть полноценной социальной личности. Она так же необходима тону, как страх смерти и чувство собственной важности. И все же — мы не стесняемся проявлять гордыню (в самом широком смысле этого слова), но боимся пожалеть себя без специальных условий и оговорок (таких, как “большое личное горе”). Чтобы жалеть себя без стеснений, нужно, например, “хотя бы” попасть в автомобильную катастрофу.

Все вышесказанное вовсе не исключает существования особой категории людей, для которых жалость к себе — это образ жизни, способ привлечь к себе внимание, находить комфортное положение в их социальном мире. Они всячески эксплуатируют это чувство, если находят жертву, склонную испытывать чувство вины по любому поводу. Примеры такого поведения широко известны (в первую очередь, психологам), и мы не будем на них останавливаться.

Биологическое начало жалости к себе не подлежит никакой социальной оценке, так как происходит из тривиального инстинкта самосохранения. Точнее, оно связано с *переживанием допустимого предела физических и психических нагрузок*. Дело в том, что смерть способна подкрадываться к биологическому существу незаметно, обходя все защитные механизмы страха. Простейшие ситуации такого рода настолько далеки от нашего представления о жалости как эмоциональной разрядке (или чувстве), что биологическое происхождение жалости заметить далеко не просто. Когда животное вынуждено в течение долгого времени непрерывно и быстро убегать от опасности, оно может оказаться на грани истощения. В этом случае страх смерти, если он продолжает гнать животное без отдыха и сна, способен не спасти, а убить. Как поступает зверь — олень, загнанный волк, косуля и проч.? Он падает на землю и лежит, пока не восстановит силы. Понятно, что никакой жалости он не испытывает — и все же корень психического опыта растет отсюда. Как поступает животное, которого непрерывно пугают и терроризируют, которому сутками не дают опомниться? Оно перестает реагировать на окружающее, забивается в угол и погружается в апатию. Если умеет, оно плачет.

Таков механизм инстинкта самосохранения. Чтобы остаться в живых, надо перебрать все возможные варианты — бежать, нападать, прикидываться мертвым. Если ничто из этого не разрешает ситуацию, остается один выход, самый рискованный, — взять паузу, которая может вернуть силы для продолжения борьбы.

Этот опыт человек получил по наследству от высших млекопитающих. Переживание вынужденного бессилия стало психическим фоном, на котором выросло могучее чувство жалости к себе. Ассоциативно оно связано с болью и страданием. Жалость и страдание неразрывны. Поскольку же социальная жизнь человека сопровождается страданием (для него слишком много причин, чтобы все перечислять), то жалость к себе работает практически непрерывно.

О жалости, вызванной страхом смерти, говорить проще — здесь почти все очевидно. Стоит лишь напомнить то, о чем было сказано, — *в отличие от животных, которые испытывают страх лишь при виде непосредственной угрозы, мы боимся “идеи” смерти, мысли о смерти, из-за чего бессознательно страдаем даже в ситуации полной безопасности*.

По этой простой причине жалость к себе, пребывая где-то на грани осознаваемого внутреннего пространства, ноет внутри без перерывов. Мы давно привыкли к этой почти неосознаваемой тяжести в груди, к тому, что наше солнечное сплетение никогда не расслабляется полностью. Мы готовы страдать и жалеть, жалеть и страдать. Поэтому слова, сказанные Буддой почти 2600 лет назад,

по-прежнему актуальны: “Жизнь — это страдание”. Очень часто мы даже не знаем, *почему*, но уже жалеем себя.

Крайний способ самосохранения, который в мире животных используется лишь перед лицом очевидной и неизбежной гибели, стал фоновым чувством человека, ибо человек создал максимально агрессивный мир вокруг себя, а потом и внутри себя.

Жалость к себе, вызванная чувством собственной важности, работает точно так же. Мы даже не представляем, насколько буквально все понимает наше подсознательное, бессознательное, а вместе с ним — тело. Там, в собственных глубинах, мы — по-прежнему приматы, убегающие от хищников, дерущиеся за пищу и самку, требующие исполнения правил, установленных вожаком, и т.д. и т.п. Именно в этих примитивных категориях бессознательное и тело понимают окружающий мир. “Опасность” — “безопасность”, “нападение” — “защита”, “подтверждение” — “неподтверждение”. Сложные символы, социальные сигналы и знаки транслируются туда, в фундаментальные слои наследственного тоналя, очень просто — по принципу “хорошо — плохо”, “угроза — защита”.

Если мы вернемся к предыдущей главе, то очень быстро составим приличный список причин для возникновения жалости к себе. Любое неподтверждение роли, любое посягательство на территорию или иерархию (не только людей, но и мнений, убеждений, ценностей) влечет за собой приступ жалости к себе — иногда короткий, иногда затяжной, более сильный или относительно слабый. Но это уже частности.

Возникает другой вопрос (по-моему, важный для исследователя своей психической природы) — почему жалость к себе стала *универсальной* реакцией? Легко понять, когда вы действительно прижаты к стене, когда вы не можете в силу обстоятельств или иных весомых причин ответить агрессией (бегством) противнику, — здесь переживание острой жалости к себе вполне логично и даже обоснованно (если исходить из модели биологического происхождения этого чувства). Однако пристальное самонаблюдение покажет любому, что жалость к себе отзывается в той или иной мере на *ВСЕ* виды социальных ситуаций неподтверждения (принуждения, ограничения и пр.). Это заставляет задуматься.

Этому феномену есть одно грустное объяснение. Оно связано с человеческой способностью *прогнозировать, учиться и делать выводы*. Животные, в отличие от нас, наделены этой способностью в гораздо меньшей степени. Правда, они не способны к самотрансформации, но страдают, безусловно, меньше, чем человек.

Человек быстро усваивает важный урок — *социальный мир никогда не заканчивается, куда вы живы*. Никогда не заканчиваются проблемы, конфликты, угрозы, посягательства, принуждение. Никогда не заканчивается конкуренция (которая для бессознательного есть синоним “борьбы за выживание”). Никогда не заканчиваются стрессы, и не существует в тоне способе остановить удушающее давление социальной сети. Сегодняшняя победа важна только сегодня, завтра она может обернуться поражением. А человеческий тональ непрерывно существует и действует в пространстве Времени — частично мы всегда в будущем, частично — в прошлом. Сражаясь или убегая, добиваясь удовлетворения или испытывая фрустрацию, мы всегда с высокой долей вероятности можем прогнозировать, что рано или поздно наступит такой день, когда никакой способ действия нам не поможет. Вот почему чувство жалости к себе никогда полностью не умолкает — просто иногда оно “переходит на шепот”. Тем более, что мы регулярно наблюдаем неудачников и бедолаг, которые уже встретили этот момент, а ведь мы мало чем от них отличаемся.

Поэтому первая маска или проекция жалости к себе (самая очевидная) — это *жалость к другим*. То, что жалость к другим на самом деле направлена на себя, легко заметить по доминирующей пассивности этого чувства. Конечно, альтруизм и сострадание давно стали поощряемыми социальными добродетелями. Время от времени мы просто обязаны убеждать себя, что действительно жа-

леем других людей. Тогда мы совершаем добрые дела — иногда полезные, иногда бесполезные. (Любопытно, что известное удовлетворение мы испытываем в любом случае — даже когда наш поступок не принес никакой пользы ближнему. Это лишний раз подтверждает, откуда на самом деле родился наш альтруизм.) Мы помогаем ближним и способны даже чем-то жертвовать ради них (не только деньгами, но и временем, вниманием, собственными интересами).

В этом размышлении нет ни малейшего цинизма, как может показаться поверхностному читателю или убежденному противнику кастанедовской безжалостности. Потому что цинизм начинается там, где возникает лицемерие, а я говорю о поступках, которые люди совершают *абсолютно искренне*. Да и как может быть иначе? Любой человек искренне жалеет себя, а потому не менее искренне жалеет других. Однако в большинстве случаев мы сталкиваемся с характерной динамикой, своего рода психологической пульсацией. Жалость к себе и жалость к другим интересным образом чередуются в психической жизни массового человека. Жалость сменяется черствостью и даже жестокостью, безразличие и погруженность в себя сменяется приступом сострадания. Это типичный маятник, демонстрирующий единый источник энергии, вынуждающей его колебаться.

Безразличие, черствость и жестокость — это всего лишь фасад жалости к себе. Простой сигнал, обозначающий “Я занят собой, потому что никто другой мною не занят. Мне себя жалко, но вы этого не увидите — ведь вам нет до меня никакого дела.” Жалость к другим — обратная сторона: “Я вижу в вас себя. Ведь и мне может быть так плохо. Я вас пожалею”. Жалость к другим напоминает, что вас тоже следует пожалеть. Если это некому сделать, вы жалеете себя сами, и становитесь черствым эгоистом. Через некоторое время маятник отклоняется в противоположную сторону — и вот вы снова жалеете других.

Посвятите перепросмотру своей жалости хотя бы месяц, и вы без труда откроете описанные тут закономерности. Наиболее чувствительные даже способны воспринять само маятникообразное перемещение энергии — вглубь и наружу, в сторону “сердечной чакры” и в сторону горлового центра. И эту неприметную, но неухаживаемую боль — спазм полевых структур энергетического тела, неразрывно связанных с мышцами шеи, груди и спины.

Таким образом, жалость исполняет функцию заботы о себе — как биологической, так и социальной. Биологическая часть жалости к себе (которую можно считать наиболее продуктивной) — это “бегство от боли”. В самом широком смысле это то движение энергетических полей, которое делает нас нетерпеливыми и ленивыми.

В социальной части жалость к себе — это корень всякого потакания. Это страх перемен, страх изменения социального статуса, вечный поиск сиюминутного убежища (что стратегически часто бывает ошибочным). Изначально жалость к себе — это *инфантилизм*, желание вечно оставаться зависимым и безответственным, опекаемым авторитетными фигурами социума. Некоторые умудряются сохранить свой инфантилизм до глубокой старости, пряча его за той или иной социальной маской. Но большинство проявляют гибкость и свойственную человеку высокую обучаемость.

Этот второй сорт людей, взрослея, находит все новые и новые типы убежища. Всякий раз они жаждут неподвижности, всякий переход из одного убежища в другое сопровождается мучительным страданием. Они интенсивно жалеют себя, потому что вынуждены двигаться и развиваться.

Это типично для людей с доминирующей жалостью к себе. Обычно человек испытывает социальную радость, когда приобретает навык или поднимается по лестнице статусов. Как уже было сказано выше, идеал человека, которым движет чувство собственной важности, — это *возрастающая важность*. Жалость к себе толкает в противоположную сторону. Безопасность и застой, минимум усилий и максимум “утешительных призов” (забота, ласка, подчиненность “ответственным товарищам” и т.д. и т.п.).

Рефлексия делает эти чувства чрезмерными. Лозунг жалости к себе, которая является реакцией на страх смерти, звучит просто:

“Не хочу действовать!”

Жалость к себе, возникшая от ущемления чувства собственной важности, имеет две формулировки, которые выступают в роли самооправдания: *“Я унижен”* и *“Я недостойн”*. Обе формулы возникают внутри образа себя и являются личностными искажениями, импринтированными в раннем детстве. Первая восходит к образу Я для других, вторая — к образу Я для себя.

Это центральные идеи, которые предпочитают оставаться в глубокой тени бессознательного. Человек прикрывает их частными и прикладными моментами. Например, действие ведет к выходу из убежища и вызывает перемены. Кроме того, напряженное усилие вызывает боль в той или иной степени. Самым простым разрешением ситуации является отказ от действия, опирающийся на *лень*, то есть, нежелание прилагать усилие.

Синонимы лени — *безволие* и *бесхарактерность*. Всякий раз, перепросматривая ситуацию, в которой мы выбираем пассивность, ее фундаментальным началом оказывается жалость к себе. Это импульс, который требует безоговорочного подчинения автоматизмам, рефлексам, поведенческим программам. Он активно противостоит любой работе по трансформации осознания.

Специфика жалости к себе заключена в том, что у нее собственная (вполне бессознательная) иерархия усилий. Есть целый ряд многократно повторяемых и привычных усилий, с которыми наша жалость давно смирилась. Мы способны совершать трудоемкие действия, но если они служат самоповторению тоналя, то жалость молчит, поддерживая позицию терпеливой покорности. Стоит нам посягнуть на самую сущность проторенных путей ежедневного осознания, как тональ начинает бунтовать, призывая на помощь все ресурсы собственной жалости.

Почему так происходит? Просто потому, что наша тональная личность — своего рода “карточный домик”. Отказ от привычных реакций влияет на всю систему тонких взаимосвязей, удерживающих это в стабильном состоянии. Достаточно немного повысить интенсивность осознания, и целый поток психических содержаний (прежде тщательно скрытых, вытесненных, замаскированных) начнет влиять на внутреннюю жизнь личности. Ибо все связано друг с другом в неразрывном единстве. Стоит перепросмотреть страх смерти, как изменится ряд комплексов, входящий в чувство собственной важности. Перепросмотр чувства собственной важности неминуемо повлечет за собой новые переживания и новые отношения к переживаемому. Описание мира преобразится — и довольно существенно.

Все это — отнюдь не абстракции. Потому что вслед за этими трансформациями потребуется изменить само содержание жизни. Жалость к себе — это, если хотите, система раннего предупреждения о подобной опасности. Именно она тайно препятствует полноценной практике. Под маской лени или безволия жалость тщательно оберегает нас от любой процедуры, которая способна по настоящему изменить уровень нашего осознания и открыть принципиально новый способ жизни.

Маской жалости к себе, неразрывно связанной с ленью, является такая черта (способ реагирования), как “нетерпение”.

Известно, что терпение есть одна из высших добродетелей безупречности. Благодаря терпению возможно следовать из года в год разнообразным практикам толтекской дисциплины, начиная с неделания и ОВД и заканчивая сталкингом и перепросмотром. Обычные люди бессознательно используют терпение как продукт определенного волевого насилия над собой. Это результат борьбы, внутренней войны, вытеснения неугодных тоналю содержаний на периферию осознания, а также искусственного отсрочивания реакций, целей, задач и стратегий.

Иными словами, обычное терпение — просто изощенный самообман (чтобы не делать то, чего вы хотите) или издевательство над привычными импульсами, система запретов. Такое терпение — совсем не добродетель и ни в малейшей степени не способствует достижению безупречности, т.е. трансформации базальных комплексов. Это социальная уловка, одна из стратегий, которая используется индивидом для достижения успеха в роли и в соответствующей поведенческой программе.

Подлинное, безупречное терпение возникает как следствие трансформации жалости к себе. Она возникает в процессе остановки индугирования (об этом ниже) и в результате отказа от ценностей и важностей, детерминирующих самосохранение через жалость. Исчезновение страдания *по поводу* боли и *по поводу* предпринимаемых усилий вызывает состояние безучастности к текущим переживаниям. Терпение становится фоном.

Как иначе Карлос Кастанеда мог часами чертить пальцем круги по пыльной земле вокруг хижины дона Хуана? Как иначе может нормальный человек многократно переметать кучу мусора из одного угла в другой и многое другое? Только потому, что так взбрело в голову эксцентричному индейцу, выдающему себя за шамана? Или потому, что “незаинтересованное действие” вдруг стало для молодого антрополога чем-то вроде хобби (хотя он даже не читал “Бхагавадгиту”)?

Трансформация жалости к себе (как и трансформация остальных базальных комплексов) проходит у ученика незаметно. Весь космос дон-хуановских идей давит на адепта, предоставляя новые объяснения и показывая мир с новой точки зрения. На первых порах особую роль играют психоделические сессии с “растениями силы”.

Нам лишь кажется, что мы имеем дело с абстракциями. Относительность восприятия и существование Реальности-снаружи (казалось бы, философские доктрины) — идеи, вполне допустимые для европейского философского разума — после нескольких эмпирических подтверждений в моменты импринтной уязвимости становятся *чувственным опытом*, который может пошатнуть все здание базальных комплексов (страх смерти, чувство собственной важности, жалость к себе). Комплексы теряют свою безусловность и возвращают себе утраченную относительность. Вместе с относительностью привычного мира восприятия и мира внутренних поведенческих программ приходит относительность угнетающего усилия, приложенного извне. Ведь именно мощью внешнего давления обусловлено то терпение, что нам присуще в нормальной жизни. Итак, абстрактные философские доктрины определяют более чем конкретную вещь в нашем поведении — терпение при совершении любых действий (или при воздержании от действий).

Терпение и *отказ от лени* обуславливают друг друга, будучи разными аспектами единой силы осознания, осуществляющего личное или безличное намерение.

Помните, как Хуан Матус разъяснял Карлосу, в чем заключена сущность хорошего тоналя — того тоналя, который способен стать тоналем воина и следовать нестигаемому намерению? Он говорил, что есть два слоя тоналя — внешний и внутренний. Один заведует мыслями и решениями (идеями и собственно описанием мира), другой — поступками, принятыми на основе решений “внутреннего слоя”. Гармоничное сочетание внутреннего и внешнего слоя тоналя (когда между ними не возникает противоречий) — характерная черта хорошего тоналя.

Связующее звено, которое обеспечивает гармонию между слоями (делает тональ “хорошим”), и есть *терпение* (отсутствие лени). Готовность долго выносить некомфортные внешние давления, раздражающие или болезненные условия, готовность следовать однажды принятому решению, настроению или неестественной стратегии толтекского праксиса в определенных обстоятельствах — все это абсолютно необходимое *терпение*, порожденное трансформацией жалости к себе у безупречного воина-толтека.

В терпении такого рода заключена Сила. Ее самоосуществление уже отрицает описание мира, поскольку отказывается поддерживать стандартную систему реакций. Кроме того, терпение, вызван-

ное трансформацией жалости к себе, сопровождается замедлением определенного типа внутреннего диалога. Те элементы описания, что обеспечивают жалость социальной личности, больше не рассматриваются в автоматическом режиме ВД. Образуются своеобразные лакуны в самоописании, которые постепенно разрастаются и захватывают примыкающие зоны чувства собственной важности.

Эти факторы вызывают дрейф точки сборки. Она медленно сползает вверх, влево и немного погружается в приповерхностные слои кокона. По сути, это ничто иное как траектория ТС в сторону достижения “места без жалости” (о котором подробнее еще будет сказано). Процесс медленного смещения точки сборки обязательно захватывает все базальные комплексы личности — включая страх смерти и чувство собственной важности. Если толтек уделяет специальное внимание только жалости к себе и игнорирует остальные комплексы, его прогресс становится неравномерным, затрудненным и чреват неожиданными кризисами. Его безжалостность может стать вредной и разрушительной, а психика — слишком неустойчивой.

Всякая дисгармония в работе по трансформации жалости к себе может незаметно привести к ее инверсии. В данном случае, это — агрессия, направленная на себя и других, бессознательное стремление к саморазрушению. Ведь мы слишком ригидны и совсем не желаем подчиняться дисциплине. Сосредоточившись на устранении жалости к себе, мы можем легко (а главное, незаметно) впасть в противоположную крайность — *возненавидеть себя* за лень, слабость, сентиментальность, неспособность к упорядоченному действию и т.д.

В этом случае мы будем усиленно доказывать себе, что не таковы — подвергать себя различным испытаниям, предаваться специальной аскезе (для которой на самом деле нет причин), более того — подобным же образом воспитывать ближних. Ибо чем они лучше нас? Если я могу заставить себя, то и они могут. Как я сказал, это совсем не трансформация жалости к себе, а именно ее *инверсия*. Мы жалеем себя извращенным, парадоксальным способом. Мы словно говорим невидимому наблюдателю: “Видишь, до чего ты меня довел! Видишь, на что я иду ради усиления осознания?” И ненависть кормит сама себя.

Совершенно необходимо регулярно перепросматривать мотивы своих ежедневных действий и не допускать развития подобного сценария.

Конечно, проблема отслеживания гармоничных трансформационных воздействий внутри поля базальных комплексов личности, — дело качественного *сталкинга*. Именно *сталкинг* осуществляет изменения и сохраняет жизненно важное равновесие. Поэтому нелишне еще раз подчеркнуть, что всякий толтек обязан освоить навыки сталкинга. Сновидящий должен быть сталкером, чтобы научиться управлению энергетикой собственного осознания.

Следующий симптом, непременно сопровождающий жалость к себе, — это *индальгирование*.

Индальгирование — очень широкое понятие. Так переводчики кастанедовских работ называли “потакание себе”. Но, очевидно, они были правы, когда не воспользовались русским синонимичным словосочетанием. Поскольку мы имеем дело с термином, обозначающим целый класс явлений и процессов в психической жизни человека. Сказать “он потакает себе” — практически ничего не сказать.

Мы рассматриваем индальгирование в разделе, посвященном жалости к себе, по той причине, что именно жалость к себе является триггером большей части процессов индальгирования. Биологическая его причина вполне ясна — в основе индальгирования лежит идея реверберации сенсорного или психического сигнала. Иными словами, здесь можно говорить об одном из аспектов психодинамики. Такая реверберация совершенно необходима для всех существ с развитой ЦНС и соответствующей системой органов чувств.

Пребывая в сложной и изменчивой сенсорной среде, мы никогда не можем быть в точности уверены, что полученный в данное мгновение сигнал верен, что его интерпретация поистине адекватна описанию, что наше реагирование на сигнал получает тот единственный отклик внешнего поля, который докажет нам, что мы правильно *выживаем*. Человек всегда нуждается в повторном подтверждении и повторном переживании этого подтверждения.

По мере развития рефлексии человек склонен реверберировать сигналы, которые по природе своей не нуждаются в повторном подтверждении. Это касается жалости, грусти, злости, обиды и мн. др. Более того, он обретает способность индульгировать в тех переживаниях, которые лишь предстоят, и в тех, что давным-давно канули в прошлое. Эта неуместная избыточность психической деятельности уже никакого отношения к нашей биологии не имеет. Это — особенности работы описания мира, репродукции и укрепления конкретного тоналя.

Здесь, на уровне описания, жалость к себе проявляет себя особенно ярко. Мы только *прогнозируем* впечатления, чувства, эмоции, усилия и поступки, мы лишь строим в умственном будущем обстоятельства, которые активизируют жалость к себе, но *уже* испытываем ее — более того, испытываем ее вновь и вновь. Мы пребываем в “области индульгирования” по поводу будущего. Абсолютно то же самое происходит, когда мы *вспоминаем* (погружаемся в прошлое).

Жалость к себе либо предупреждает нас о грядущих неприятностях, либо напоминает о прошедших. Стоит выследить жалость к себе, как индульгирование уходит. Вы испытываете чувства и эмоции, но они перестают возвращаться.

С энергетической точки зрения индульгирование — это еще один способ фиксации точки сборки. Повторяя чувства, впечатления и переживания, вы заставляете точку сборки постоянно возвращаться на прежнее место даже в том случае, если перцептивный центр уже приобрел некоторую подвижность. Самый яркий пример фиксирующего индульгирования может быть продемонстрирован в случае, если вы вдруг начинаете плыть — ваш сенсориум плавно перестраивается (скажем, в момент глубокого “неделания”), поля восприятия теряют идентификационную точность, а вместе с непривычными перцепциями приходят новые чувства в теле и вокруг него. Ваше намерение — в результате данного упражнения добиться остановки внутреннего диалога.

И тут вы пугаетесь. Вам кажется, что тело распадается, осознание меркнет: Словом, вы на пороге смерти. Как работает в данном случае индульгирование? Оно начинает повторять и повторять ощущение страха, неопределенности, близости к распаду — пока эти во многом придуманные чувства не приобретают панической интенсивности. В результате сосредоточение гаснет, а точка сборки возвращается на привычную позицию. Гомеостазис восстановлен.

Требуется особое усилие осознания, чтобы разобраться, *как именно* это произошло. А произошло приблизительно следующее: когда в вашей психике впервые повеяло холодком страха, вы решили удостовериться, есть ли для него причина. Ясной (идентифицированной) причины не нашлось, поскольку то, что вы делаете в момент неделания, вообще находится за пределами описания мира. Тогда некая заботливая часть вас решила повторить проверку. Холодок смерти усилился, но ясной причины для него по-прежнему нет. И дальше ваше бессознательное стало лихорадочно сканировать пространство, обращая то к неясным опасениям, то к самому себе. Страх достиг критической точки, когда ваше внимание оказалось не в состоянии поддерживать “режим неделания”. И вы возвращаетесь в исходную позицию.

Что же включило само индульгирование? Почему вдруг психика стала проверять и перепроверять саму себя до изнеможения, продлевая, таким образом, неприятные и истощающие переживания? Помните, что чуть выше я назвал жалость к себе “системой раннего предупреждения”? Это оно и есть.

Индульгирование может быть не только “фиксирующим”, но и разрушающим — нет, не режим восприятия. Оно может разрушать здоровье, энергетический тонус. Оно может наносить колоссальный вред, хотя изначальная задача этого процесса — самосохранение индивида.

И практически во всех случаях за началом процесса потакания себе стоит жалость и первая ее личина — лень. Через индульгирование мы фиксируем свое восприятие, закрепляем чувства и эмоции, способствует бесконечному повторению поведенческих программ. После того, как все эти в общем полезные действия совершены, мы погружаемся в трясиину *истощающего индульгирования* — причем истощающее индульгирование у взрослого человека отнимает куда больше времени.

Целая область человеческих действий оказывается продуктом именно этого вида индульгирования. Например, мы постоянно жаждем подтверждения сигнала “Ты любим” или “Ты добрый”, или “Ты умный” и т.д. и т.п. Человек вновь и вновь отправляется туда, где он может получить этот сигнал, где он может сыграть некую подходящую роль.

Странно, но очень часто на таком индульгировании держится имитация дружбы. Подобно заводной игрушке, мы отправляемся в компанию, где уже наготове два-три разинутых рта “Какой ты умный!”, “Какой ты оригинальный!”, “Какой ты талантливый!” Точно так же, на автоматическом “заводе”, мы уносим ноги от людей, которые говорят “Ты должен измениться!”, “Ты плохо и мало работаешь!”, “Ты не реализовал себя”. Обычный человек не может это слушать. Он гневается и уходит в придуманное убежище. А потом (о, индульгирование!) он начинает мысленно отвечать неприятным собеседникам, доказывать свою безусловную правоту, приводить оправдания и аргументы. Он впадает в состояние мрачной обиды на весь свет и доводит себя до такой степени угнетенности, что погружается в подлинную депрессию.

Бывают настолько чрезмерные случаи, что даже спустя месяц индульгирующий субъект не может выйти из мрачного настроения. Его осознание максимально сужено, оно бесконечно повторяет “Меня обидели”, “меня обидели”, “меня обидели”: Разумеется, обидели несправедливо. Для человеческого эго “справедливых” обид просто не бывает. Жалость к себе никогда не допустит, чтобы посягнули на основы чувства собственной важности. Ведь они — близнецы-братья, у них общая цель.

Жалость к себе, объединившись с индульгированием, никогда ни в чем не уверена до конца. *ПОДТВЕРДИТЕ!* — вот ее девиз. А затем еще раз подтвердите.

Поэтому обычный человек постоянно нуждается в помощи и утешении — физическом, моральном, психологическом, каком угодно. Мы постоянно стремимся опереться на чьи-то плечи. Родители, близкие, друзья — все должны гладить нас по головке и говорить: “Что бы там ни было, а *ТЫ ЛУЧШЕ ВСЕХ!*”

Когда-то Хуан Матус (как писал Карлос Кастанеда) сказал ученику жестокую и холодную фразу. Пока у вас сохранилась активная жалость к себе, она будет вас отталкивать: “Воин *не нуждается в помощи и утешении.*”

Принимать помощь и нуждаться в ней — разные вещи. Точно так же бывает необходимо принять утешение. Человек устроен так, что порой через утешение ближнего реализует собственную воображаемую ценность. Пока мы находимся в социуме, всегда найдутся люди, которые чувствуют настоятельную необходимость кого-то утешать. Если толтек культивирует противоестественную бесчувственность, он впадает в еще одну инверсионную разновидность жалости к себе. “Не смейте жалеть меня, не смейте утешать, — мысленно говорит он. — Я не нуждаюсь в вашем крохотном мирке. Вы не заманите меня своими притворными вздохами!” Но окружающие люди ни в чем не виноваты. Они так же поработаны социальным гипнозом и не умеют иначе выражать сочувствие. Они нуждаются в выражении сочувствия, чтобы думать о себе хорошо. Безупречный толтек принимает это спокойно и безропотно, если стремится трансформировать жалость к себе.

Все вышесказанное не означает, что мы можем полностью и всесторонне отказаться от жалости к себе. Это так же неверно, как отказаться от страха смерти. Жалость — это регулятор наших усилий. Безупречный воин ставит его под контроль. Мы должны знать, когда жалость к себе останавливает наше развитие, когда — исполняет возложенную на него функцию самосохранения существа. Есть экстремальные позиции восприятия, когда мы просто узнаем, что такое — быть “безжалостным”. Это необходимый опыт “временного отключения программы”. То же самое происходит с восприятием, когда мы достигаем “остановки мира”. В таком состоянии невозможно пребывать долго, в нем нельзя полноценно функционировать. “Остановка мира” способна убить упорядоченное осознание, а полное устранение жалости к себе может погубить наше тело. Никто и ничто не остановит безжалостного воина, ибо у него не осталось рефлексов, оберегающих от физического и энергетического истощения.

Дон Хуан когда-то показал Кастанеде “место без жалости” точно так же, как заставил его “остановить мир”. Он продемонстрировал, что есть состояния, в которых все воспринимается и переживается принципиально иначе, что любые психические программы можно остановить, а значит, Трансформация возможна. Я постараюсь описать это специфическое положение точки сборки в той мере, в какой мне позволяет личный опыт.

Место без жалости.

Прежде всего, “место без жалости” — состояние энергетическое. Для его достижения часто совершенно необходимо пройти через сильные эмоции, но, как и всякая позиция точки сборки, — это определенный режим восприятия и энергообмена. Поскольку жалость к себе интегрирует в себе колоссальный объем ценностей и идей, которые являются фундаментом описания мира, само место без жалости в значительной степени переживается как *внутреннее опустошение*.

Социальная сеть, существующая в голове воина, словно отмирает. Липкая паутина разнообразных сожалений, которая составляет контекст личности и обеспечивает нас целым лабиринтом иллюзорных убежищ, распадается и обнажает первичное одиночество осознающего существа. Это — предпосылка потери человеческой формы. Здесь, в “месте без жалости” мы находим в себе удивительную готовность принять свой Путь — независимо от результата предпринятого Приключения, независимо от наличия или отсутствия компании.

Здесь мы открываем в себе очень многое. Мы узнаем, что способны выдержать гораздо больше, чем полагает человек. “Жалость” затуманивает наш взор и ставит перед нами несуществующие границы. В результате мы убеждены, что нуждаемся в обществе себе подобных, в утешении, в привычных формах для воспринимаемого мира, в поклонении кому-то или в признательности.

Место без жалости показывает, что без придуманных уютных границ вполне можно жить. Открытие сродни первому испытанию сильной болью — оказывается, боль можно перетерпеть. Большой урок заключается в том, что Мир *больше* жалости к себе.

Энергетически это выражается в расслаблении фронтальной пластины кокона, благодаря чему она становится более чувствительной и способной к мощному энергообмену с внешним полем. Просвет открывается в той степени, в какой это необходимо для достижения нового уровня Силы. Поскольку точка сборки не плывет, а сразу же фиксируется в новой позиции, пупочный просвет (тесно с нею связанный) открывается лишь частично. Энергообмен изменяется не столь радикально, как при трансформации страха смерти, а умеренно — в той степени, в какой мы готовы принять новую энергетическую свободу.

Движение полей, вызванное полученными импульсами через “просвет” и частично через иные каналы фронтальной зоны, подталкивает точку сборки к сдвигу. Она поднимается вверх и оказывается где-то на уровне основания шеи (позади физического тела). Одновременно точка сборки погружается в кокон и смещается вправо, занимая позицию практически по центральному меридиану. Это и есть “место без жалости”.

В перцептивном отношении ярче всего демонстрирует себя феномен смещенного центра восприятия — кажется, словно вы наблюдаете за собственным физическим телом сверху или сбоку. Поскольку “место без жалости” очень близко расположено от “точки повышенного осознания”, вы открываете, что тональ переполнен сенсорной информацией. Тело действует автоматически, без участия внутреннего диалога.

Исчезновение хронических напряжений из области горлового центра и солнечного сплетения воспринимается как исходящая оттуда прохладная волна. Эта позиция — удобная стартовая площадка для глубокой остановки внутреннего диалога и перехода в сновидение наяву. Обычная телесная активность, которая сопровождает переживание “места без жалости”, часто не дает остановиться и использовать его для дальнейшего сдвига точки сборки.

Дело в том, что обычно безжалостность в психологической активности индивида является либо следствием сильного стресса, либо сопровождает его. Поэтому ощущение безжалостности воина достаточно специфично — оно далеко от созерцательности и спокойного уединения. Это — фоновое состояние для исполнения серьезной работы, для разрешения возникшей проблемы. При этом оно не имеет ничего общего с насилием ради “выстраданной идеи”. Толтекская безжалостность прямо противоположна любому зомбированию, поскольку опирается на высокую интенсивность (а значит, самостоятельность) осознания.

“Для магов безжалостность — это не жестокость. Безжалостность — это противоположность жалости к самому себе и чувству собственной важности. Безжалостность — это трезвость”, — сказал Хуан Матус.

Добавлю: безжалостность дон-хуановского воина — это *НЕ* отказ от помощи ближнему. Каждый из нас самостоятельно решает, в каких случаях его помощь абсолютно необходима. Толтек, кроме того, помнит о том, что всякая помощь — это еще и ответственность. Любое решение в жизни воина — это не сиюминутная реакция, не приступ сентиментальности. Это — начало цепочки событий, каждое из которых — следствие предыдущего выбора. Если мы полагаем, что в конкретной ситуации конкретному человеку следует помочь, то должны быть готовы к очень длинной череде следствий. Решение — это не каприз, который можно впоследствии оправдать жалостью. Решение — это действие Силы в жизни безупречного толтека.

Если мы хотим овладеть *намерением* хоть в какой-то мере, то должны помнить: исполняя решение и принимая ответственность за все его последствия, мы уподобляемся универсальному “безличному” намерению мироздания, которое действует так же императивно, как всякий физический закон. Мы уподобляемся *нагуалю*.

В противном случае мы уподобляемся непостоянству и противоречивости человеческого описания мира, нерешительности его личной воли, непоследовательности его эгоистической психологии. Всякое решение принимается безупречным воином как закон. Невозможно отказаться от последствий этого закона, невозможно игнорировать факт бытия, потому что этот факт манифестирует себя бесконечной чередой эффектов. Если же вы полагаете свои решения условностью — элементом человеческого описания мира, то вы обладаете полной безответственностью и игнорируете Реальность. В таком случае Реальность относится к вам симметрично — Вы тоже условность для Мира-снаружи, фикция, каприз, который сегодня имеет значение, а завтра — просто не существует.

Важно понять это соотношение: *мы одинаковы*. Мир и Человек реальны друг для друга, просто Человек выдумывает разнообразные глупости, чтобы исказить это положение.

Эта ситуация (толтекская безжалостность и безупречность) логическим образом приводит к тому, что человек становится полноценным проявлением экзистенции. В этом состоянии он — Непостижимое. Человек Неведомый, человек — Тайна.

Отличительные черты ограниченного и легко вычисляемого существа — “человеческая форма”, “личная история”, импринты, комплексы, запрограммированное эго — постепенно растворяются. (Подробно о стирании личной истории и утрате человеческой формы будет сказано во второй части книги.) То, что от них остается, кажется неопределенным и непредсказуемым. Это не черты, а лишь намеки, это не факты, а следы, подобные “пятнам Роршаха”... Толтеки движутся в особом поле Реальности, где законы человеческого тоналя всегда остаются частностями, не имеющими решающего значения. Оставаясь *тоналем*, они свидетельствуют *нагуаль*.

* * *

Подводя итоги трансформации основных базальных комплексов, порождающих человеческую безупречность, коротко рассмотрим психоэнергетические последствия данной практики.

(1) Стабильное смещение точки сборки.

В результате трансформации базальных комплексов точка сборки изменяет свою позицию. Ослабление фиксации через привязанность к просвету кокона и фронтальной пластине приводит к тому, что точка сборки начинает дрейфовать вверх, вглубь и влево. Каждый из этих импульсов совершенно понятен в рамках наших нынешних представлений об устройстве человеческого кокона. Движение вверх обусловлено постоянным притоком энергии снизу, от планетарного поля, и плавным снижением плотности полей в верхней части ЭТ. Движение вглубь связано с перераспределением внимания, что является выражением постоянного контроля активности внутренних, или “малых” эманаций и намерением осознания интегрировать внутреннее и внешнее. Движение влево связано с естественным замедлением внутреннего диалога и (возможно) активизацией правополушарного мышления.

В конечном итоге точка сборки стремится в то положение, которое было типично для антропоида на ранних этапах эволюции его рациональности.*

Эта позиция почти тождественна положению повышенного осознания за единственным исключением — точка повышенного осознания расположена чуть глубже и точно по центральному меридиану ЭТ, который является проекцией стержня.

Важно иметь в виду, что мы без помощи “удара Нагваля” можем на практике достичь того же состояния — исключительно при помощи дисциплины безупречности. Фактически отсюда начинается дорога к сновидению наяву.

(2) Изменение активности основных каналов энергетического тела (психофизиология и психоэнергетика).

Психофизиология безупречности выражается в общем снижении реверберации внутреннего сигнала. Это касается как сенсорных впечатлений, так и эмоциональных переживаний. Возникает специфическая и труднообъяснимая толерантность к любым химическим агентам, меняющим состояние сознания. Возникают затруднения при необходимости химической анестезии (это не столько результат самой безупречности, сколько следствие смещенной и плавающей позиции точки сборки. Это заставляет подозревать, что мы имеем дело с характерными изменениями биохимии ЦНС

либо с изменениями энергетической проводимости нейротрансмиттеров (возможно, перестройки синапсов).

Всякая эмоция становится почти неуловимой. Она возникает и тут же исчезает, что доказывает значительное изменение характера рефлексии. Выражаясь языком Кастанеды, индугирование в состоянии безупречности оказывается невозможным на нейрофизиологическом уровне.

(3) Изменение чувствительности поверхности энергетического тела (фронтальная пластина и “центр страха”).

Реактивность энергетического тела резко повышается. Это не противоречит предыдущему пункту, поскольку сильная реакция (эмоция) угасает так же быстро, как возникает. Вся фронтальная пластина “пробуждается”. Это влечет за собой проблески безмолвного знания об окружающих людях и природной среде. Волны возбуждения пересекают обычно инертные зоны. Сердечный центр реагирует на мир и социум сильно, но его сигналы часто распознаются тоналем неверно. Это может вызывать параноидальные мысли на фоне искаженных ощущений, что подчеркивает особую необходимость в культивировании трезвомыслия, критичности и самоконтроля. С каждым шагом по толтекскому пути Трансформации бдительность должна возрастать.

“Центр страха”, расположенный чуть ниже лопаток на задней стороне поверхности кокона, больше не тянет точку сборки к поверхности и вправо (что обусловлено непрерывным ожиданием опасности). Его фокусировка также меняется. Теперь чувствительность “центра страха” снижена, но распространена на гораздо большую область. Это не только изменяет реактивность ЭТ, но и улучшает ориентирование в кризисных ситуациях, способствуя безошибочному поведению и усиливая способность к выживанию в непривычной среде.

(4) Перераспределение энергии внимания внутри “матрицы” тоналя.

Это влечет за собой повышение активности канала промежности и канала макушки — тех зон кокона, что непосредственно контактируют с большими эманациями. На уровне психоэнергетики об этом свидетельствует усиление светимости в этих областях и расширение гало свечения вокруг самой точки сборки. Осознание усиливается благодаря обоим факторам. Исчезает обычная размазанность энергии внимания по пространственно-временному континууму, собранному миром описания. Усиливается энергообмен с полем Земли и полями всех больших систем.

(5) Усиление осознания благодаря активности большой зоны кокона, интегрирующей стандартную позицию точки сборки и смещенную в результате практики безупречности.

Непрерывность осознания по мере практики ведет к естественному объединению тонального мировосприятия (“мира безупречности”) и измененных режимов восприятия, где базальные комплексы человека значительно пассивизируются, уходят на второй план. Это принципиально новое положение, поскольку прежде человек имел дело только с двумя положениями реагирования — бодрствованием и сновидением. Теперь человек оказывается в “третьем положении”, связывающем два модуса осознания фактом непрерывности, длительности и постоянного контроля. Точка сборки вынуждена собирать комплекс полей и удерживать их в состоянии готовности. Это не означает полноценного восприятия всей зоны, лежащей между двумя позициями точки сборки, но ежеминутно подтверждает их принципиальную доступность осознанию. Безупречный воин, таким образом, в гораздо большей степени готов к расширенному восприятию, чем любой медитатор. Ибо практика безупречного воина не только непрерывна, но и связана с характерной установкой на принятие любого перцептивного феномена. Повышенная готовность к сборке прежде недоступных полей сопровождается исключительно высокой критичностью, так как условность всего воспринимаемого сопровождается настроением безупречности и во многом обуславливает его.

Трансформация базальных комплексов (что и есть *новое качество* человеческой эмоциональности и реактивности) составляет основу безупречности как *функции* (способа и образа действия) толтекского мага. Эта безупречная психология позволяет воину действовать безошибочно. Здесь необходимо заметить, что сама идея *выбора правильного решения* ситуации — это всегда следствие нашей зависимости от описания мира. Пребывая на острове тональ, мы осознанно или бессознательно следуем “протоптаннами тропками”. Мы рациональны даже в тех случаях, когда забываем о собственной рассудочности.

Со мною не согласятся те психологи, что традиционно понимают рациональность как интеллектуальный дискурс, как результат логики или так называемого здравого смысла. Конечно, если мы отталкиваемся от узкого, формального подхода к нашей разумности, следует, скорее, говорить о торжестве *иррационального* в человеке. Некоторые мыслители и психологи так и поступают. В их понимании человек не-разумен, не-рационален, склонен к животной эмоциональности, саморазрушению и прочим страстям, триумф которых порой заставляет усомниться в экзистенциальном здоровье вида *homo sapiens*.

Но человеческая рациональность — это, на мой взгляд, нечто другое. Это не логика, это — психология. За каждым поступком, чувством или реакцией у нормального человека кроется система мотивов, обусловленная постигаемыми законами его биосоциальной природы. В конечном итоге, если значительно упростить ситуацию, человеком всегда движут либо биологические программы выживания и размножения, либо социальные — программы роли, статуса и реализации. Поскольку каждая конкретная ситуация взаимодействия человека и мира часто включает в себя элементы *животного* и *общественного*, мы движемся путем сложных компромиссов, словно пытаюсь усидеть на двух стульях одновременно.

Отсюда проблема выбора (*как реагировать и как поступать*) встает перед нами предельно часто. Независимо от степени осознанности мы выбираем, следуя частным и общим психологическим законам. Это и можно назвать в широком смысле “человеческой рациональностью”, жизнью *внутри* описания и *по законам* описания.

Безупречность все изменяет. Описание больше не управляет нашим поведением автоматически, его законы теряют повелительное наклонение, а интенсивность осознания возрастает. “Остров тональ” перестает быть единственным полем, заполняющим все наше существование — он становится всего лишь областью, вариантом восприятия и реагирования, за пределами которого открываются поистине странные перспективы, ибо они *вне* психологии в той же мере, в какой они *вне* человека вообще.

Здесь, в странном и Непостижимом, человек наконец-то может быть по-настоящему *иррациональным*. А как иначе назвать позицию, в которой ведущие стимулы и координаты личности теряют безоговорочную силу неизбежности и ультиматума?

Первый итог личностной Трансформации — *отрешенность*. Он поначалу изумляет даже самого практика и может бросаться в глаза окружающим, если маскирующий сталкинг еще не отработан. В социальном (и даже в биологическом) смысле это — самое универсальное отрицание; отрицание “*озабоченности собственной судьбой*”. Толтек идет по жизни, как невесомый призрак. Он не имеет в себе ничего, кроме самого процесса осознания. Для любого нормального человека, не знающего, что такое безупречность, — зрелище странное и пугающее.

Ибо всякая личность (даже “высокодуховная”) держится грузом фикций, суждений и обусловленностей. Эти абстрактные символы и слова, надежды, верования и смыслы, будучи совершенно бесплотными и чудовищно далекими от Реального Мира, творят иллюзию опоры, обеспечивают воображаемые пути и “называют” свершения. Оставшись без этого груза, каждый субъект испытывает ужасающее чувство потерянности. Бесконечность без красивых слов о ней не вызывает у человека ничего, кроме ощущения своей ничтожности и отчаяния. Только поистине безупречный воин (как

Хуан Матус у Кастанеды) мог сказать, что этот необозримый Путь способен “уравновесить ужас от того, что ты — человек, и восхищение тем, что ты человек”.

Перед лицом своей судьбы остаться нагишом, признать, что жизнь в тоне — это *слова и слова о словах*, это ведь не философская декларация, не поза эстетствующего нигилиста, который решил немного подразнить буржуазного обывателя. Это — бесконечный труд, который только *начинается* с признания своей сущностной пустоты, но суть которого — в *бесконечном наполнении себя* Реальностью; той самой Реальностью, которая раньше обитала за высоким забором нашего самозабвенного сознания. Поток впечатлений, переживаний и опыта — вот позабытая и вновь обретенная Жизнь, которая возможна только налегке. Избавиться от груза, чтобы сесть у обочины в ожидании Знания, — такой способ, возможно, хорош для йога или традиционного мистика, но для толтека не имеет смысла. Толтекская отрешенность, “пустотность” — это *способ идти*, а не размышлять о ходьбе, способ преодолевать, а не рефлексировать насчет природы препятствий.

Одним из эффектов “безупречной позиции”, таким образом, становится *незаинтересованное действие*. Этот подход есть практически во всех духовных дисциплинах, но одну из самых древних концепций, описывающих “действие ради действия”, можно найти в поучениях Кришны из “Бхагавадгиты”. Надо лишь заметить, что у толтеков это даже не дисциплина, а, скорее, побочный эффект всего комплекса практики безупречности. Это выход за рамки описания, где просто не может быть действия ради результата, поскольку результат — это всегда семантика, это “значение”, придуманное человеком для тоналя.

Логично было бы предположить, что “незаинтересованность действия” переходит в абсолютную пассивность, в отсутствие действия вообще. Чтобы разрешить этот парадокс, ориентальные системы создавали дополнительные смыслы — иногда откровенно антропоморфные, иногда изящные и туманные. Так человек становился в их представлении “инструментом Божественной Воли” либо “исполнителем Закона, Пути вещей, Дао”. Толтеки оставались “пустыми” и здесь. Их единственным мотивом к действию было *намерение абстрактного*, усиление осознания ради осознания, безупречность ради безупречности. Абсолютный минимум смыслов и значений был, с одной стороны, предпосылкой, условием “правильной” безупречности, с другой — крайним выражением и итогом безупречности.

Разве для искателей Реальности возможен иной итог? Жизнь не нуждается в оправдании, она — воплощенное оправдание самой себя. Все остальное (Бог, эволюция, Закон или Смысл) излишне. Поистине это “Путь налегке”, чье Сердце — Непостижимое и Безымянное. А Жизнь — просто Жизнь, как это ни странно звучит для любителей мистической метафизики.

Другим мотивом для незаинтересованного действия толтека оказывается Любовь. Это особое чувство, которое никак не окрашено личными привязанностями или религиозным вдохновением. Оно обнажается в результате естественного восхищения Миром, красота которого доступна осознанию в результате интенсивного переживания Реальности. Радость от переживания “данного в опыте” не может не вызывать чувство уважения и благодарности по отношению к самому факту бытия осознания.

Толтекская Любовь к миру — это, как и многое другое, следствие усиленного осознания. Она безлична, не связана с надеждой и преклонением, это высшее понимание реального положения вещей, где ценность не связана с описанием, а есть простая констатация удивительного бытия — “я осознаю Мир”, и это само по себе достаточно для любви к факту осознания, к Миру (со всем его многообразным содержанием) как полю бесконечного опыта и себе как носителю таинственного процесса опыта, способного давать радость присутствия и постижения. Хуан Матус выразил это особое чувство с помощью двух насыщенных символов — “Любовь к Земле” и “уважение к человеческому духу”. Здесь можно найти самое полное представление о настроении безупречного воина, который относится ко всему (включая самого себя) чутко и бережно. Он не знает, каков будет ко-

нец его пути, но сама возможность Путешествия на фоне безупречности не может не рождать Любовь.

Стихия безупречности приводит в “безличное”. Процесс осознания оказывается мощнее, чем силы, удерживающие структуру и порядок восприятия. Центр и периферия переживаемого контролируются не изнутри, а словно бы извне, каким-то посторонним взором. Его фиксирует внешние давление эманаций, а не цепочки внутренних символов, которые мы привыкли считать сутью нашей личности.

В результате этих смещений внимания всякий внутренний опыт лишается системы координат, заданных порядком тоналя. Когда-то я написал, что человек страдает не столько *от* боли, сколько *по поводу* боли, не *от* голода, а *по поводу* голода. Надо стать безличным, чтобы по-настоящему осознать разницу. Переживание, лишённое системы тональных координат, становится чистым опытом. Оно рождает почти бесконечное терпение, без которого *несгибаемое намерение* никогда не возникнет. Так что, Безличное — это конечный итог безупречности воина. Оно сопровождает действия и поддерживает любую активность толтека. В нем нет ни начала ни конца. Если угодно, это и есть психологическая сущность того, что Кастанеда назвал “активной стороной Бесконечности” — сущность сокровенного таинства *намерения*, на которое опирается “непостижимое действие толтека”.

ЧАСТЬ II. НЕПОСТИЖИМОЕ ДЕЙСТВИЕ ТОЛТЕКА

" Самосовершенствование — это, в сущности, проявление посредственности. Самосовершенствование с помощью добродетели, благодаря отождествлению себя с умственными способностями, с помощью той или иной, позитивной или негативной формы защищенности, — все это замкнутый в себе процесс, каким бы широким он ни казался... Ум никогда не может быть великим, так как то, что действительно является великим, — неизмеримо. Известное — сравнимо, но всякая его деятельность несет лишь скорбь. "

Джидду Кришнамурти

Глава 6. СТАЛКИНГ: ЕГО СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ

" Переструктурировать — значит изменить концептуальную и/или эмоциональную настроенность или точку зрения, относительно которой ситуация переживается, и перенести ее в другую систему отношений, в рамки которой «факты» прежней ситуации вписываются не менее точно, а может быть, даже лучше, и изменить таким образом весь смысл ситуации. "

Вацлавик, Викленд и Фиш, «Изменение»

Я ничуть не претендую на исчерпывающее описание дисциплины stalking, поскольку сам не владею им в совершенстве. Мое предрасположение — *сновидение*, и лишь неизбежная потребность овладеть в максимальной степени навыками «выслеживания» вынудила меня долгие годы работать в сталкерском направлении.

Результатом этой работы стало характерное для *сновидящего* структурирование данной области опыта.

Stalking — это особое искусство работы с вниманием. Искусство универсальное, потому что направлено на фиксацию всякого измененного восприятия. Изменить режим восприятия, сместить точку сборки можно разными способами. История мирового мистицизма знает десятки и даже сотни рецептов — начиная с «волшебных грибов» и заканчивая изощренными способами медитации.

Главная проблема трансформации всегда заключалась не в самом изменении режима восприятия, а в обретении новой стабильности. Только полноценная фиксация в новом положении включает трансформационные процессы. Только здесь начинается подлинная магия и подлинное преображение человеческой природы.

Интересно, что сам stalking легко становится способом смещения точки сборки, если к нему прилагается соответствующее намерение. В этом смысле stalking может оказаться главной опорой толтекского знания и привести к удивительным эффектам. Когда толтеки обнаружили специфическую силу, заключенную в stalking, они также выяснили, что каждый воин имеет собственное предрасположение. Одни склонны приходить к *сталкингу* через *сновидение*, другие — напротив, идут к *сновидению* с помощью *сталкинга*.

Таким образом, толтекские маги разделились на *сновидящих* и *сталкеров*. Сновидящие по природе своей одиноки. Каждый из них стремится посещать избранные им перцептивные поля. Такой путь одинокого Приключения далеко не всегда приводит к полноценной Трансформации. Я коротко объясню, почему.

У каждого своя направленность личной силы в сновидении и во втором внимании. Направленность связана с характером намерения, а характер намерения — с особенностями личного тоналя.

Особенности тоналя ведут к формированию полусознательных или даже бессознательных ассоциаций (цепочек образов и связанных с ними эмоций). Это и есть хранимый у нас «в затылке» образ цели. Когда мы пытаемся остановить внутренний диалог и совершить заданное неделание, этот бессознательный вектор активизируется и точка сборки уходит вслед за ним. В результате «ветер нагуаля» разносит нас в разные стороны.

Объем накопленной силы определяет глубину сдвига точки сборки. У каждого объем — свой. Как это ни банально звучит, но объем силы совершенно зеркально отражает уровень безупречности каждого из нас. К сожалению, безупречность у большинства из нас очень далека от совершенства.

Именно здесь, судя по всему, обнаруживается самое слабое место. Механический навык остановки внутреннего диалога и неделания выше, чем повседневный уровень безупречности. А это, в свою очередь, определяет уровень интенсивности осознания. В результате, часто получается что-то вроде движения «без руля и без ветрил». Когда мы попадаем в сильные «воздушные потоки», можно улететь довольно далеко, но куда — этого никто толком не знает. Вот проблема.

Трансформация значительных объемов энергетического тела (что и является целью толтекской магии) происходит за счет вынужденной активности энергообмена. Достижение подлинной синхронизации сдвигов точки сборки, очевидно, напрямую связано с образом цели. Это штука темная,

ибо относится к нагуалу. Упорядоченно (тонально) воспринять цель, т.е. позицию точки сборки, невозможно. Это не восприятие, а ощущение тела (энергетического, в первую очередь). Вот почему чистота тоналя так много определяет. Абсолютно чистый тональ ничего не ожидает от наших опытов и потому ничего не моделирует. Это достигается лишь в том случае, когда все «три ремня» (страх смерти, ЧСВ и жалость к себе) ослаблены равномерно.

Отсюда главное — *ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ УСИЛЕНИЕ СТАЛКИНГА САМОГО СЕБЯ*. В результате образ цели должен стать максимально абстрактным (содержательно, т.е. тонально) на фоне высокой чувствительности энергетического тела, от которого идут аморфные сенсорные импульсы, ведущие к цели сами по себе, за счет одного лишь резонанса, а не мысли о нем. Качественный сталкинг может помочь ловить в себе это тонкое ощущение.

Смог ли я объяснить, что имею в виду? Попробуйте прислушаться к себе. Телесные ощущения дают многое — но они практически неопишутемы. Возможно, вы почувствуете прохладу в районе груди, некоторую неуверенность в контурах тела, характерную дрожь, но главное — отчетливое переживание *ПОЛНОГО* отсутствия страха смерти, ЧСВ, жалости к себе. Проекцией такого ощущения становится очень странная дезориентация обычного осознания как в отношении пространства, так и времени. Координаты описания становятся почти нереальными или, по меньшей мере, сильно искажаются. Сталкинг нужен еще и для того, чтобы, в случае достижения этого состояния, не потеряться в нем.

Любой непривычный способ восприятия автоматически вынуждает нас блуждать, ни на чем специально не останавливаясь. Общее любопытство сновидящего — недостаточный стимул для жесткой фиксации и деятельности энергетического тела. Чтобы заставить свою целостность заработать во втором внимании или во внимании сновидения, надо построить модель условных отношений, систему координат, структурировать опыт по модели первого внимания и установить иерархию целей, мотивов, реакций.

Все вышперечисленное — своеобразные ключи к оживлению инертных полевых зон, фиксирующие якоря, которые вынуждают исследователя пережить чужеродные комплексы сенсорных сигналов во всей полноте — и этим обрести еще один облик своего существа, живущего в прежде невообразимой среде. Это достигается при помощи специфического самосталкинга.

Энергетически эффективное действие становится доступным сновидящему в результате той особой убежденности тела, которая открывается через систематический сталкинг в процессе освоения конкретной позиции сновидения. Конечно, подобная практика имеет определенные недостатки, детерминированные изначальной установкой сновидящего. Если его цель — в сновидении или во втором внимании, она заслоняет все остальное, как только начинает проявлять свою реальность. Повседневный мир первого внимания больше не вызывает интереса.

Окружающие люди на фоне самосталкинга сновидящего уходят на второй план и не привлекают. Сущность отношений в первом внимании становится призрачной, об играх или манипуляциях не может быть и речи. Основное внимание абстрактно направлено на собственное энергетическое тело, в результате вокруг — одни «фантомы», как у донна Хенаро по дороге в Икстлан. Начальным импульсом для перехода в такое состояние может служить отобранный образ. Для меня — это пустыня, горы, море или нечто подобное, безлюдное и масштабное. Как только приходит изменение самоощущения и восприятия, субъективный образ следует отбросить, чтобы освободить путь в Неопределенное.

Но это лишь одна сторона сталкинга сновидящего. С ее помощью можно зафиксировать точку сборки в мире второго внимания и заниматься абстрактными исследованиями. Но так вы не сможете обрести целостность. Энергообмен почти полностью фокусируется на «втором кольце Силы» — уходит способность к разговору, к отдельным видам интерпретации воспринимаемого, а вместе

с ними теряется возможность адекватного применения нового энергообмена для действий и влияний.

Чтобы интеграция протекала гармонично, сталкинг должен поддерживать среду активных социальных взаимодействий. Общение с окружающими и сохранение социально приемлемой маски в ситуации внешнего давления — самый трудный, но и самый эффективный вариант практики. Именно он постоянно «ускользает». Прежде всего потому, что большинство из нас не удерживает в течение дня этого настроения, забывается и незаметно возвращается в привычную колею.

Используйте специальное намерение. Сидеть и созерцать ландшафт — не совсем то, что нужно. Точнее, это *лишь часть* необходимого опыта. Сохранение внутреннего созерцания на фоне активной коммуникации с представителями стандартного тоналя — вот что приносит успех.

Все это повторяет уже сказанное у Кастанеды, но не становится предметом чувства — возможно, лишь на минуты, а нам нужно, чтобы безупречность сопровождала нас круглосуточно. Очень часто ускользает чувство смертности — ведь смерть находится на самом краю тоналя. Идея смерти постоянно удаляется от многих из нас в область исключительно умственного, что абсолютно неверно. Безупречность без «смерти за спиной» — это профанация. То же самое происходит с некоторыми аспектами чувства собственной важности. Импринтные ядра подвижны и способны к бесконечным мутациям.

Таким образом, сталкинг исполняет как минимум две функции. Во-первых, фиксирует точку сборки в любом избранном положении и этим обеспечивает полноценный энергообмен тела с внешними полями. Во-вторых, выслеживает первое внимание, чтобы безупречность поддерживалась независимо от текущей ситуации и внешних условий.

Что касается безупречности, то необходимым условием ее правильного выслеживания является перепросмотр, которому будет посвящена следующая глава. Здесь же нас интересует схема тотального сталкинга, который позволяет выделить и закрепить интересующие толтека реакции и состояния. Иными словами, нас интересует сталкинг как инструмент, позволяющий манипулировать собственным осознанием.

Уже сам принцип позволяет повысить интенсивность осознания независимо от лежащего в его основе намерения. «Выслеживание» любой поведенческой программы подразумевает взаимовлияние двух типов опыта — автоматического (обусловленного научением и импринтами) и активно сознательного (отстранённо наблюдающего и корректирующего). Образно выражаясь, сталкер делит свое внутреннее пространство на «охотника» и на «дичь». Интенсивность его осознания как бы удваивается. Он вынужден сохранять равновесие двух позиций и не может оставить ни одну из них. Сосредоточившись исключительно на позиции наблюдателя, сталкер превратится в медитатора. Его погруженность в себя остановит естественную работу тоналя, в результате чего точка сборки тут же покинет привычное место и отправится путешествовать. Спонтанное «неделание» вовлечет его в аморфные зоны, где экзотические впечатления порождают хаос, где фрагменты описания не связаны между собой. Энергетическое тело восхищенно трепещет от необыкновенных переживаний, но управлять ими не в состоянии. Интенсивность осознания при этом колеблется, за расширением воспринимаемых областей следует их сужение. Сталкинг невозможен — «дичь» сбежала от «охотника».

Чтобы понять, какой объем работы заключен в достижении непрерывной осознанности реагирования при осуществлении различных поведенческих программ, рассмотрим общую схему *тотального сталкинга*.

Прежде всего, мы должны учитывать, что человек постоянно пользуется тремя типами внимания. Именно сочетание всех типов внимания выстраивает обычную схему переживания и

основанного на нем поведения, результатом чего становится непрерывная потеря энергии. Внимание бывает 1) произвольным, 2) непроизвольным и 3) послепроизвольным.

(1) Первый тип внимания есть прямая манифестация осознанно принятого описания мира. Работать с ним проще всего, поскольку оно легко меняет свое направление и интенсивность, если толтек намеренно изменяет описание мира. Эта разновидность внимания опирается на те аспекты модели воспринимаемого мира, которые требуют подтверждений и не воспроизводятся автоматически. Обычно это сложные семантические конструкции, работа со структурами, состоящими из значений, опознаваемых по шаблону (практически без участия активного осознания). Однако интерпретация многоэлементных структур вынуждает внутренний диалог всякий раз повторять законы описания, что сопровождается участием произвольного внимания.

Произвольное внимание выслеживается просто, поскольку каждое его движение связано с усилием осознания. Оно охватывает информационно наиболее плотные области описания, которые предлагают несколько выборов (что требует не-автоматичности поведения), и по этой же причине сопровождаются ментальным комментированием — самым явным компонентом внутреннего диалога. Остановка ментального комментирования вызывает паузу, которая может перенаправить произвольное внимание и изменить сценарий сложного реагирования. Благодаря этим относительно несложным процессам возможно так называемое «позднее» обучение и переучивание. Так охотник учится различать следы животных, а современный человек — управлять автомобилем или работать с компьютером. Ибо во всех случаях обучения надо знать, на чем сосредоточить внимание, чтобы выделить важное и убрать второстепенное. Каждый навык требует собственного распределения внимания и нового алгоритма. Поэтому вполне естественно, что сталкинг начинается с выслеживания произвольного внимания.

(2) *Непроизвольное внимание* обусловлено биологией и нейрофизиологией. У всех млекопитающих с развитой ЦНС непроизвольное внимание работает по схожим законам. По сути, непроизвольное внимание — это простое отражение доминирующих энергообменных процессов. Среда (внешнее поле) диктует законы непроизвольного внимания так же, как законы самого выживания.

Например, пучок энергетических полей, который интенсивно перемещается в непосредственной близости от субъекта, может оказаться опасным. Подобный пучок, пребывающий в состоянии относительного покоя, реже представляет собой угрозу. Непроизвольное внимание в этой ситуации всегда фокусируется на более активном пучке. Близкие объекты для непроизвольного внимания важнее далеких, крупные важнее мелких, яркие важнее бледных и т.д.

Подобные законы работают и во внутреннем мире субъекта. Эмоции и переживания, впечатления и мысли имеют свою иерархию важности для непроизвольного внимания. Главная проблема в выслеживании непроизвольного внимания, когда речь идет о психических фактах, заключается в том, что содержание внутреннего мира чаще всего обусловлено всеми видами внимания одновременно. Некая часть бодрствующего сознания всегда следует за произвольным вниманием, другая — за послепроизвольным. Вычленив биологический автоматизм — это значит обрести важный инструмент сталкинга, поскольку этот автоматизм может исполнять роль конкурирующего сигнала в целом ряде нежелательных эффектов тоналя.

Сущность непроизвольного внимания заключена в непосредственности. Оно всегда пребывает «здесь» и сейчас», и уже этим противостоит самозабвению бесконечных проекций в будущее и прошлое, в условное (воображаемое) наклонение. Непроизвольное внимание в чистом виде несовместимо с индугированием. Таким образом, в процессе сталкинга можно опираться на непроизвольное внимание, чтобы устранить психоэмоциональные нагромождения, порожденные тоналем. Внутренний диалог принимает минимальное участие в этом виде внимания. Причем именно здесь внутренний диалог всегда опаздывает. Он не сопровождает и не оформляет внимание, он фиксирует последствия непроизвольного акта.

(3) Основное поле для выслеживания сталкера — это *последпроизвольное внимание*. Этот тип внимания поддерживает основную часть тоналя, фиксирует режим восприятия и поглощает наибольший объем энергии. Почему? Субъективно нам кажется, что как раз произвольное внимание требует максимальных усилий от воспринимающего. На деле же все обстоит немного иначе.

Во-первых, последпроизвольное внимание занимается поистине колоссальным объемом сигналов. Оно вычленивает, о-значивает, оценивает абсолютное большинство сигналов и сенсорных комплексов, поступающих из внешнего поля. Оно непрерывно «делает» окружающую среду — как природную, так и социальную, оно раскладывает по пунктам инвентаризационного списка эмоции, чувства, переживания. Во-вторых, сущность последпроизвольного внимания — это своего рода «забытая произвольность». Любой акт последпроизвольного внимания так же неестественен, как и действие произвольного внимания. Он обусловлен цепочкой символов, взятых из описания, совокупностью элементов внутреннего диалога. В известном смысле последпроизвольное внимание — всегда результат размышления. Иногда оно бывает простым, но чаще скрывает в неотслеженных глубинах множество ходов и последовательностей. Мы не замечаем, как всякий раз повторяем это «размышление» — в сокращенном виде, разумеется. Но даже в сокращенном виде внутренний диалог потребляет все накопившиеся ресурсы, за исключением неприкосновенного запаса, который хранится на случай катастрофических перцептивных и психических нагрузок.

Не будет большим преувеличением сказать, что взрослый человек живет в мире последпроизвольного внимания. Даже простейшие действия (например, ходьба) — результат последпроизвольного внимания. Когда-то ребенок потратил достаточный объем произвольного внимания, чтобы научиться ходить, а не ползать на четвереньках.

Конечно, в царстве последпроизвольного внимания тоже существует своя иерархия сложностей (энергоёмкости). Ходьба, например, относится к простейшим действиям и потребляет совсем мало энергии. Распознавание звуков и слов родного языка — более сложный процесс. К нему примыкает целая система социальных сигналов, условностей, возникших на ранних этапах антропогенеза, когда формировались первобытные племена с их примитивными (но уже искусственными) ритуалами.

Своеобразным апофеозом последпроизвольного внимания стали для человека чтение и письмо. Эти навыки ярче всего демонстрируют искусственность мироописания и его условность. Одновременно они легли в основу глобального феномена человеческой культуры в целом. Сегодня чтение и письмо пребывают далеко не на вершине сложных автоматизмов последпроизвольного внимания. Есть навыки куда более сложные, но все они базируются на тех же принципах: сотворение знака после многократного абстрагирования мысли и представления, а затем — сотворение синтаксиса, т.е. законов, управляющих последовательностями знаков.

Язык, чтение и письмо сделали мышление человека синтаксическим. Одновременно собственный неприродный синтаксис приобрели все виды восприятий и описание мира целиком. Само устройство общественной жизни человека с какого-то момента стало детищем синтаксиса. Абстрактные понятия генерируют социальные феномены, и общество существует как определенный язык.

Исторически эти явления (внимание, язык, социум, культура) развивались системно и синхронно. Степень их взаимовлияния друг на друга настолько велика, что мы не можем определенно выяснить, какой из факторов был решающим в конкретной ситуации развития. Очевидно одно — объем последпроизвольного внимания на каждом следующем этапе возрастал. Это наблюдение и дает нам возможность уверенно говорить об усложнении тоналя человека, а равно о том, что с каждым столетием он требует все большего объема перцептивной энергии для поддержания своих разросшихся структур.

Таким образом, если объем произвольного и непроизвольного внимания остается в общем неизменным, то последпроизвольное внимание впитывает в себя специфические содержания (часть ко-

торых постоянно меняется) и отнимает возможность изменить режим восприятия. Следует заметить, что это положение не нужно понимать буквально: рост мирового тоналя влияет на индивидуальный тональ человека определенной эпохи, но не определяет его содержание во всех частностях. Прежде всего, индивидуальный тональ не может удержать непрерывного потока модификаций описания — более того, он в этом не нуждается. Часть неактуальных содержаний регулярно отмирает и перестает быть объектом слепопроизвольного внимания. «Пузырь восприятия» принимает в себя те изменения, которые помогают ему более изоциренно поддерживать неизменность базового режима перцепции. Поэтому усложнение одного аспекта может вызвать торжество вульгарной простоты и искусственной однородности в других областях описания мира. Таким образом тональ избегает губительного истощения — он всегда оптимален и пользуется самыми адекватными средствами для своего сохранения.

Поскольку сталкинг в первую очередь направлен на изменение объема слепопроизвольного внимания, он сам по себе может вызывать резкие колебания в интенсивности энергообмена. Этим объясняется способность сталкера не только фиксировать точку сборки в измененной позиции, но и смещать ее наяву, без обращения к сновидению или медитативному трансу.

Для достижения этой цели сталкер пользуется внутренними ресурсами. Если мы проанализируем процесс сталкинга с точки зрения манипуляции вниманием, то заметим, что объем слепопроизвольного внимания сокращается благодаря обращению к произвольному или непроизвольному вниманию. Именно к этому сводится процедура тотального сталкинга себя.

Мы можем выследить автоматизм (т.е. своевременно заметить его и остановить) либо посредством активного осознания, либо с помощью конкурирующего сигнала. Активное осознание делает слепопроизвольное внимание произвольным — поймав себя во время стереотипного отреагирования или восприятия, мы вынуждаем осознание «просканировать» обычно ускользающую цепочку символов и интерпретаций. Конкурирующий сигнал возникает при вычленении элемента непроизвольного внимания из обычной сети стереотипных реакций.

В обычной ситуации внутреннего диалога непроизвольное внимание угнетено, вытеснено на периферию. Его возвращение в центр осознания, соответственно, «выдавливает» внутренний диалог и прекращает делание описания мира. Наиболее ярко этот принцип демонстрирует свою эффективность во время «ходьбы Силы». Максимальная активизация непроизвольного внимания, которая достигается благодаря неестественному расширению зрительного поля, вызывает впечатление переполненности информацией и останавливает внутренний диалог. Более мягкий вариант — слежение за работой непроизвольного внимания в любой текущей ситуации. Это состояние во многом идентично медитации «свидетель», которой пользуются некоторые йогические и буддистские школы.

Однако, манипуляция вниманием — всего лишь инструмент сталкинга. Она обретает смысл в том случае, если направлена на определенные области, благодаря чему дает новый опыт и позволяет в дальнейшем не только иначе переживать внешнее и внутреннее, но и познать закономерности своего существования в тонале, чтобы затем целенаправленно преобразовывать его.

Чтобы добиться этого, нужно изучить механизмы повседневного реагирования. Понятно, что сигналы, требующие выслеживания, движутся как снаружи вовнутрь, так и изнутри наружу. Всякий раз формируется цепочка «снаружи — внутрь — наружу». Эта простейшая структура может бесконечно развиваться. Каждый цикл отреагирования порождает новый внешний сигнал, который становится началом нового восприятия и, соответственно, нового реагирования.

Пристальное наблюдение за этим круговоротом доказывает наше печальное однообразие и неспособность чему-то научиться, если внутренний диалог не прерывается. Сталкинг, можно сказать, начинается с наблюдения. Стимулы, впечатления, ситуации повторяются бесконечно, поскольку мы одинаково на них реагируем. Реакции порождают поступки, поступки создают обстоятельства,

которые поставляют материал для восприятия. Мы выбираем ту часть материала, которая вызывает знакомое уже реагирование. Так формируется замкнутый круг переживаний, эмоций, мнений. Мы повторяем себя с незначительными вариациями, в конечном счете оставаясь на одном и том же месте.

Непрерывное движение перцептивных сигналов по описанному кругу «снаружи — внутрь — наружу» есть не что иное, как поток впечатлений, отражающих энергообмен нашего кокона с внешним полем. Поскольку этот процесс многоуровневый, он транслируется осознанию одновременно через несколько содержательных областей.

«Снаружи — вовнутрь»:

(1) сенсорная,

(2) интерпретация восприятия,

(3) интерпретация в системе описания мира (то, что определяет ценности, локусы, позиции, валентность значений по отношению друг к другу — именно это непрерывное сопоставление воспринимаемого с инвентаризационным списком тоналя вызывает большую часть продуктивного галлюцинирования).

«Изнутри — наружу»:

(4) первичное реагирование,

(5) повторное реагирование(проверка),

(6) реакция индугирования (психическая реверберация).

Эти области участвуют в цикле восприятие-реагирование как самостоятельно, так и в различных сочетаниях. Они влияют друг на друга, обуславливают друг друга, образуя разнообразные конструкции с участием всех трех типов внимания.

Выслеживая содержательные области, мы можем нарушить ряд трудно замечаемых автоматизмов. При этом особенно эффективным чаще всего оказывается выслеживание внутренней дистанции, существующей в психическом пространстве между сенсорной и интерпретационной зонами (1) и (2), а также первичным и повторным реагированием (4) и (5).

Здесь открываются необычные виды чувствительности, которые лежат в основе всех видов так называемого «экстрасенсорного восприятия». Бессознательно пользуясь приемом выслеживания паузы между сенсорным восприятием и его интерпретацией, первичным и повторным реагированием, сенситивы и экстрасенсы могут узнавать то, что обычно недоступно самопогруженному сознанию нормального человека.

Так может работать «психометрия» (опознание информационных следов через объекты), экстрасенсорная диагностика и многое другое. Пользуясь этим же приемом, толтек находит «место силы» и определяет его как благоприятное или неблагоприятное. Кастанеда описал это достаточно красноречиво. Когда дон Хуан заставил ученика непостижимым образом воспринять отличительные признаки места силы, он тем самым обучил его этому виду сталкинга. Именно обнаружение паузы между сенсорным восприятием и интерпретацией привело к осознанию прежде недоступной информации об окружающем мире. Транслироваться такая информация может самыми разными и всегда субъективными путями — визуально (цветовые пятна, необычный блеск и т.п.) или кинестетически (странные ощущения в теле). Иногда знание приходит путем, который вообще невозможно идентифицировать — как бы непосредственно. В результате глубокого сталкинга, направ-

ленного на разделение сенсорной и интерпретационной области, тело может самостоятельно реагировать на открытую информацию (идеомоторными актами). Лозоходцы открыли этот способ много веков назад, используя в качестве усилителя чувствительности лозу или рамку (специфическую антенну). Конечно, самые чувствительные не нуждаются в антенне — телесные реакции сенситивов настолько очевидны, что их легко удается опознать. Тело само останавливается, поворачивается, вздрагивает и т.п.

Пауза между первичным и вторичным реагированием часто становится источником знания о состоянии других людей, их мотивации и других психологических моментах. Дело в том, что первичное реагирование, будучи по своему происхождению более древним, не столь жестко детерминировано описанием мира. Оно в большей степени отражает энергетическое состояние внешнего мира, а не значение (семантику) объектов. Повторное, или проверочное реагирование — это окончательное вписывание сигнала в тональную модель. Умение выслеживать паузу между реагированиями нередко встречается у опытных психологов-практиков, что делает их невероятно проницательными.

Авторы нейролингвистического программирования в свое время пытались создать обучающую методику, построенную на этом принципе. Наблюдения Гриндера и Бэндлера за самыми талантливыми психотерапевтами и гипнотизерами (такими, как Эриксон) вдохновили их на подобные поиски. Интересно, что, даже пользуясь методами НЛП, не все могут научиться «сверхнаблюдательности». Возможно, как раз потому, что не усваивают фундаментальный принцип этого загадочного действия — выслеживание первичного реагирования и отделение его от реагирования повторного. Модель, предложенная авторами НЛП, работает в той мере, в какой способствует формированию навыка выслеживания.

Таким образом, когда данный вид stalking направлен на внешний мир, мы начинаем получать новые знания о нем. Если же мы заняты самотрансформацией, то узнаем многое о себе.

Области (3) и (6) не менее важны, но выслеживаются относительно легко. Пожалуй, с них и начинается stalking. Выслеживание значений и ценностей, образуемых ими систем и отношений, — это то, без чего работа над безупречностью не может начаться. То же касается и выслеживания индугирования. Эти содержательные области являются поверхностью нашего тоналя, от них мы отталкиваемся, когда приступаем к работе над более глубокими пластами (1), (2), (4), (5).

Последовательность достаточно очевидна. Например, вы сталкиваетесь с ситуацией, вызывающей сильное эмоциональное реагирование. Прежде всего, вы определяете место замеченной эмоции и ее смысл в описании мира — допустим, это связано с чувством собственной важности и вызвано посягательством на определенную ценность. Разумеется, вы открываете два аспекта этого события реагирования — внешний (связанный с восприятием) и внутренний (связанный с переживанием восприятия). Исследуя внешний аспект, практик находит интерпретацию (2) и затем сам сенсорный сигнал, породивший интерпретацию (1). Обратившись к внутреннему аспекту, практик прежде всего сталкивается с многократно повторенной эмоцией (индугирование), идентифицирует повторное, проверочное реагирование — источник эмоции (5) и добирается до первичного реагирования (4).

По мере продвижения к областям (1) и (4) интенсивность осознания неумолимо возрастает. Это связано как со спецификой самих содержаний, так и с необходимостью привлекать все большие объемы внимания. Если означивание и оценка (3) производятся менее автоматически, с ощутимым участием произвольного внимания, то по мере приближения к чистой сенсорности (1) произвольность исчезает, ее целиком заменяет слепопроизвольное внимание — самое неуловимое из всех. Абсолютно то же самое происходит с внутренним аспектом: индугирование (6) больше всего содержит произвольного внимания, первичное реагирование (4) держится вниманием слепопроизвольным и непроизвольным.

Тотальный stalking (то есть, ситуация одновременного выслеживания всех областей) — крайне сложный процесс. Он требует предельной интенсивности осознания и вряд ли может продолжаться долго. В тех случаях, когда его удается поддерживать на необходимом уровне хотя бы пару часов, формируются все условия для смещения точки сборки. Причем характер смещения отличается от того, что наблюдается при неделании и, тем более, сновидении. Это медленный дрейф, который сопровождается частыми фиксациями. Вслед за дрейфующей ТС полноценно и мощно активизируются различные зоны кокона, что обеспечивает высокую степень интеграции медленно изменяющихся режимов восприятия. Рано или поздно, следуя данному импульсу, точка сборки достигает положения «повышенного осознания» без знаменитого «удара Нагваля». Это, наверное, самое мощное состояние энергетического тела наяву. Последствия такого опыта могут быть невероятны.

Во-первых, тотальный stalking резко повышает способность достигать второго внимания через сновидение. Плотность и яркость восприятия в сновидении связана с характерно «сталкерским» уплотнением тела сновидения. Во-вторых, энергетичность наяву вызывает магические эффекты синхронистичностей и влияний — прежде всего, это воздействие на восприятие окружающих, а порой даже воздействие на неживые объекты. У Кастанеды, как вы помните, мастером подобных воздействий был великолепный Хенаро.

Конечно, столь масштабные достижения открываются в результате десятилетий упорной работы при наличии таланта. Важно понять, что это возможно, и что условием здесь является *тотальный stalking*, принципы которого я в основном описал. О некоторых специфических эффектах еще будет сказано в последующих главах.

Если тотальный stalking является как бы стратегической целью всей дисциплины, то частный stalking, направленный на конкретную задачу, — это повседневная работа. Каждый раз, используя stalking, мы разрешаем актуальную проблему нашего тоналя. Из этих шагов состоит последовательная очистка внутреннего пространства и трансформация отдельных комплексов.

В основе «частного stalking» лежат определенные *сценарии*. Поскольку stalking — это всегда творчество и импровизация, описать все сценарии не представляется возможным. Остановимся на главных. В большинстве случаев сталкер отталкивается от них, чтобы найти собственную уловку.

Сценарии stalking.

Будучи мастерством управления осознанием (в первую очередь, своим собственным), stalking использует инструменты, «зацепки», идущие от периферии к ядру, от опосредованных репрезентаций психических процессов (их эффектов, следствий, феноменов) к осознанию как таковому. Часть процессов этого уровня была, в частности, описана нейролингвистическим программированием, авторы которого построили собственную модель привлечения внимания к автоматизмам восприятия в психотерапевтических целях.

Основная масса наших неосознаваемых переживаний, как известно, репрезентирует (представляет) себя в психическом поле через привычные сенсорные системы — зрение, слух, кинестетику. Намного реже в этом участвуют обоняние и вкус, как содержащие минимальную семантику. Описание мира прежде всего визуально, затем аудиально и кинестетично — именно эти системы являются главным источником информации как о внешнем поле, так и о самом субъекте. Любая мысль, чувство, эмоция «представляется» нам в этих трех модусах. Но главное даже не это. Хитрость заключается в том, что через те же системы «представления» (репрезентации) возможна коррекция реакций и даже полная трансформация их.

Каждый человек имеет собственные предпочтения, или, выражаясь языком НЛП, «репрезентативные системы». Один склонен переживать какие-то содержательные области своей психики визу-

ально (образами), другой — через слух или осязание. Соотношение систем всегда индивидуально. Абсолютных доминант здесь не существует. Скорее, следует говорить о рефлекторных связях конкретных содержаний с конкретным сенсорным каналом. В этом смысле ставшее уже традиционным деление людей на визуалов, аудиалов и кинестетиков достаточно условно. Даже у ярко выраженного «визуала» есть поля реагирования, где торжествует слуховое или кинестетическое репрезентирование. И наоборот.

Таким образом, следует учитывать, что в роли сталкеровских «зацепок», через которые осуществляется выслеживание и управление, могут выступать все три системы, а иногда и пять — учитывая обоняние и вкус. Каждый раз надо самостоятельно определить, какая «зацепка» является самой эффективной для выслеживания и трансформации реагирования.

Чаще всего мы связываем свои чувства с визуальным и кинестетическим каналом, что вполне логично как с психологической, так и с энергетической точки зрения. Восприятие (и, соответственно, репрезентация) звука расположено как бы немного в стороне. Возможно, это связано с возникновением второй сигнальной системы, настроенной на расшифровку звуковых символов. Постоянно пользуясь речью и слушая речь, человек усвоил бессознательное намерение прежде всего понимать звук *как знак*. Он репрезентирует аудиально главным образом собственный внутренний диалог (в виде ментального комментирования) и относительно редко ассоциирует переживание с чистым, не-семантическим звуком.

Визуальность и кинестетика — области, которые постоянно участвуют в любом реагировании. Функционируя в среде, мы главным образом *видим* и *чувствуем* ее. Чаще всего одновременно. А потому реакция (эмоция) в контуре «изнутри — наружу» сопровождается визуальной и (или) кинестетической продукцией.

Если поймать самого себя в момент отреагирования, используя всплеск произвольного внимания, то вам откроется *комплекс осязательных ощущений* (чаще всего их сопровождают характерные мышечные напряжения) и *картинка* (образ, совокупность образов). Кинестетический комплекс включает в себя ощущения холода, тепла в разных частях тела, дрожь, «мурашки», нечто, напоминающее электрические разряды, и др. Мышечные напряжения либо дополняют эту кинестетику, либо замещают ее.

Известны области, где мышечные напряжения проявляются особенно ярко и часто, зафиксированы общие закономерности, связи между конкретными эмоциями и мышечными напряжениями.

Например, чувство обиды почти всегда сопровождается напряжениями горла и шеи. Чувство страха сопровождается спазмами брюшной полости. Униженность и подавленность демонстрирует себя в характерном напряжении плечевого пояса и верхней части спины. И т.д. и т.п. У каждого связи между реакцией и мышечным напряжением формируются индивидуально, здесь можно найти исключения из общих правил или множество дополнительных нюансов. Поэтому каждый сталкер должен выследить поведение своих мышц лично, а не листать справочники по практической психологии.

Как только кинестетическая «зацепка» найдена, на нее можно воздействовать произвольно и таким образом трансформировать сам характер реагирования. Теоретически это несложно, но требует длительной и упорной практики. Если вы обнаружили, что, испытывая тот или иной вид страха, ваше тело холодеет или непроизвольно дрожит, надо вызвать тепло и расслабление. Если во время приступа раздражительности, гнева, обиды у вас горят щеки или руки, надо научиться вызывать в этих зонах чувство прохлады.

Выслеженные мышечные блоки растворяются также при помощи тепла, вызывания чувства тяжести и непосредственного расслабления. Давно известно, что можно остановить страх, глубоко расслабив область живота. Очень многое можно сделать со своими реакциями через контроль за пле-

чевым поясом, спиной, шеей и — особенно — лицом. Мимические мышцы трудно поддаются контролю и исполняют особую функцию кинестетической поддержки любого эмоционального переживания. Губы, щеки, мышцы вокруг глаз, лоб — все это крайне подвижно и редко расслабляется. Выследить собственную непрерывную мимику — это уже поставить под контроль немалый объем повседневных реакций.

Для качественного stalkingа требуется произвести работу, состоящую из двух этапов: (1) выследить и остановить кинестетическое сопровождение, (2) разорвать автоматическую связь между телесным ощущением (напряжением) и реакцией. Первый этап реализуется, когда вы достигаете способности вызывать диаметрально противоположные кинестетические комплексы (тепло вместо холода, расслабление вместо напряжения и т.д.). Второй этап — сложнее. Здесь надо научиться вызывать привычную кинестетику и мышечные напряжения, не испытывая при этом эмоциональной реакции, рефлекторно связанной с ними. Это очень важно. Иначе вы не свободны в своем самоконтроле. Это особенно заметно, когда речь идет о мимике. Если вам необходимо неестественным образом расслабить лицо, чтобы избавиться от какой-то эмоции, — это не stalking. Окружающим вы покажетесь более чем странным субъектом, который бродит по миру с лицом лунатика или дебила.

Поэтому практика произвольных расслаблений (1 этап) — это лишь подготовительный тренинг, который необходим для осознания и ломки стереотипа. Это тренинг, который обеспечивает stalkера телесным опытом. На втором этапе обретенный телесный опыт используется как «зацепка» для уничтожения автоматизма — например, stalkер осознанно напрягает мимические мышцы, удерживая внутреннюю дистанцию, «не участвуя» эмоционально (психологически) в собственном выражении лица. (С точки зрения тотального stalkingа это тоже не высшее достижение. Это просто качественный контроль «актерского» типа. Его можно разоблачить, потому что всякая, даже самая совершенная «игра» в некоторых ситуациях интуитивно распознается наблюдателем. А подлинный stalking, как говорил дон Хуан, это не «актерская игра». Об этом моменте я еще скажу.)

Визуальная репрезентация выслеживается по тому же принципу. Специфика визуальности состоит в том, что работать приходится с простым образом или сложной картинкой. Здесь методы, разработанные нейролингвистическим программированием, можно применять с большим успехом. Я не стану подробно их пересказывать, а просто порекомендую интересующимся ознакомиться с техникой модальностей и субмодальностей. Общий смысл трансформационного метода заключается в манипулировании визуальным воображением. Картинка, которая сама собой возникает в глубинах нашей психики, когда происходит эмоциональное реагирование, имеет множество параметров — яркость, размер, цвет, затененность, приближенность или удаленность и т.д. Какой-то из этих параметров (субмодальностей) автоматически связан с характером переживания. Здесь открывается широкое поле для саморегуляции, поскольку визуальность многоаспектна и очень информативна. Можно менять «знак» эмоции, ее интенсивность, можно формировать новые эмоциональные паттерны, увеличивая или снижая яркость картинки, приближая или удаляя от себя образ, окрашивая или затеняя части картины или всю ее целиком.

Разумеется, это лишь технология. Это не сам stalking, но весьма удобный набор инструментов для него. Настроение stalkера поддерживается лишь в том случае, если в процессе манипуляционных игр вы помните, что ни изначальная эмоция, ни видоизмененная при помощи НЛП не является вашей сутью. Человек — это Тайна; осознание, как и энергетическое тело, в конечном итоге принадлежит наугаю. Выслеживая себя, вы раскрываете в себе экзистенциальную свободу. Иными словами, все эти манипуляции нужны не для того, чтобы из одного типа обусловленностей произвольно перейти в другой тип таких же обусловленностей (что, собственно, является задачей НЛП, как и всякой психотерапевтической методики). Задача stalkера — научиться манипулировать *любыми* обусловленностями, рефлексам, «якорями», непрерывно осознавая собственную непричастность к ним.

Выражаясь языком Т. Парсонса (которого вспоминал в этой связи Кастанеда), цель заключается не в переходе от одной системы *глосс* к другой (*регглоссировке*), а в открытии условности любых систем *глосс*, освобождении от них (*деглоссировке*). Только в случае сталкинга речь идет не столько о глоссах восприятия (с ними работают при помощи «неделания»), сколько о «глоссах реагирования», если можно их так назвать.

Поэтому перечисленные здесь инструменты используются не только и не столько для манипулирования собственной психикой под известным лозунгом «Используйте свой мозг для изменения». Они нужны для познания своей «системы глосс» и освобождения от нее.

Для этого применяются *сценарии сталкинга*. Вот самые важные из них:

(1) *Выслеживание однотипности («ядра» или «импринта»)*.

Добиться полного успеха в этом деле нельзя без качественного перепросмотра, которому посвящена следующая глава. Но область психоэмоционального триггера (включающего механизма) в известной мере обнажается в процессе сталкинга текущих состояний. Сталкинг может указать основные координаты и направление, в котором следует перепросматривать тот или иной комплекс.

Дело в том, что человек — существо, непрерывно повторяющееся. Одна и та же программа реагирования может включаться несколько раз в день, так что внимательное наблюдение обязательно покажет нам ее основные черты.

Выслеживая «однотипность», сталкер стремится найти первый и самый важный элемент в реакции — ее начало. Это и есть «ядро». Бывает, что «ядро» — это один из импринтов, которые были описаны в первой части книги. Но чаще «ядром» оказывается не импринт, а небольшая конструкция из символов и рефлексов, которая сформировалась в нашем тоне на основе уже обусловленного импринтами опыта. Такая конструкция бывает привязана к знаку, символу, слову, ситуации, человеку и даже неживому объекту.

Последнее только кажется странным. На самом деле это вполне тривиальное явление в нашей эмоциональной жизни. Таких банальностей полным-полно. Есть женщины, которые впадают в бешенство при виде работающего телевизора (потому что муж смотрит его целыми днями), есть взрослые и ответственные мужчины, которые любыми способами избегают компьютера (потому что им когда-то показалось, что освоить его они не могут, и это болезненным образом ущемило их образ себя как людей способных и интеллектуальных), и т.д. и т.п. Связь объекта и эмоции у них настолько сильна, что телевизор (компьютер) вызывает одно и то же чувство *в любой ситуации*. Само наличие объекта в воспринимаемом поле является триггером для реализации эмоциональной программы.

Что уж говорить о людях или, например, словах! С ними связано так много, что они могут определять весь эмоциональный фон жизни. Иногда одно слово или словосочетание, даже будучи вырванными из контекста, провоцируют целую эмоциональную бурю. А конкретные люди или простое упоминание о них могут испортить настроение (либо исправить его) не действиями и не ситуациями, а *самим фактом* своего бытия.

Выследить «ядро» и запомнить, какую именно реакцию оно начинает, — уже наполовину избавиться от автоматизма. Бдительность сталкера дает возможность трансформировать реагирование на «ядро», если вы ставите перед собой эту цель.

(2) *Выслеживание алгоритма.*

Этот сценарий сталкинга направлен на осознание последовательностей и изменение их. Если первый сценарий направлен на вычленение запускающего элемента поведенческой программы, то «выслеживание алгоритма» подразумевает *осознание личного синтаксиса* — языка, с помощью которого создано ваше описание мира.

Следуя лингвистической аналогии, можно сказать, что всякая завершенная ситуация реагирования — своего рода предложение, в котором заключена особая логика. Подобно тому, как члены предложения идут в определенном порядке и этим порядком обеспечивается адекватная передача смысла, переживания, эмоции, чувства связаны психологическими моделями, штампами, паттернами. Присущая им логика — это логика «идей» тоналя, выросшая не только из общих для данного социума контуров, но и из личной истории индивида.

Когда мы автоматически следуем алгоритму, интенсивность осознания неуклонно падает. По сути, всякая программа реагирования, которой мы научились в обычной позиции «небезупречности», направлена на то, чтобы лишить нас энергии. Это алгоритмы «последовательного и всестороннего истощения». В психологии их иногда называют гештальтами.

Самые общие законы психологического синтаксиса даже можно описать, но здесь в этом нет необходимости. Достаточно иметь в виду, что они включают в себя усиление эмоции, отсрочивание, вытеснение. Чаще всего мы сталкиваемся с усилением. Оно обеспечивается способностью эмоций взаимно переходить друг в друга в рамках синонимического ряда. Так, в рамках одной программы реагирования обида и злость могут беспрепятственно усиливать друг друга. Точно так же происходит в других «рядах» — обида и зависть, зависть и злость, обида и жалость, жалость и злость и т. д. Однако синтаксически невозможно поставить рядом обиду и радость — в любой последовательности. Эти переживания встречаются рядом только в том случае, если относятся к двум разным программам реагирования. Иными словами, то, что вызвало у вас обиду, не может сразу же порадовать, и наоборот.

Данный сценарий сталкинга подразумевает выслеживание конкретной последовательности, которая ведет к энергетическому истощению. Навык узнавания таких последовательностей дает возможность либо сделать «паузу» (прервать реагирование), либо парадоксальным образом трансформировать их. Иногда для этого приходится пользоваться целым набором инструментов, описанных выше. Ибо остановить психологический синтаксис для нормального человека так же противоестественно, как прервать речь, не договорив до конца фразу или слово. Что же касается трансформации программы без ее остановки, то это еще сложнее.

Главная цель такого сталкинга — избежать потери энергии. Динамизм наших реагирований столь велик, что успешная реализация сценария часто приводит не только к сохранению энергии, но и к весьма быстрому ее накоплению (поглощению). Энергетически это даже более эффективный прием, чем неделание или созерцание. Дело в том, что подобный сталкинг обычно осуществляется в ситуации мощного энергообмена и коммуникации с окружающими. Полевая подвижность, которая прежде истощала нас, в ситуации сталкинга вдруг становится источником Силы, а не поглотителем ее. Неделание (которое всегда происходит на фоне замедленных энергетических процессов) далеко не всегда приводит к настолько впечатляющим результатам. Сталкеры знают об этом и успешно используют данный эффект.

(3) *Выслеживание привычки (внутренней и внешней).*

Это более частный сценарий, чем предыдущие, но в ряде аспектов не менее важный. Здесь выслеживание направлено на жесткие соединения элементов внутри программы реагирования. Продол-

жая лингвистическую аналогию, можно сказать, что здесь речь идет о выслеживании трансформации устойчивых «фразеологических оборотов». Это локальные цепочки, состоящие из небольшого числа звеньев, которые реализуют себя совершенно одинаково (без модификаций, с минимальным учетом контекста) практически во всех ситуациях нашей жизни.

Привычка — это однозначное отношение, возникшее между сенсорным восприятием и реакцией (внешняя привычка) либо между реакцией и реакцией (внутренняя привычка). В самом простом случае (который на практике встречается довольно редко) речь идет об отношении между двумя элементами. Данный сценарий, если говорить упрощенно, — это выслеживание «якоря» или рефлекса. К этой же области выслеживания относятся простейшие комплексы. «Внешняя» привычка инициируется обстоятельствами и содержанием воспринимаемого, «внутренняя» — собственными эмоциями.

Существует ряд примитивных привычек, в которых можно найти больше биологического, чем социального. Такие привычки осуществляются при помощи непроизвольного внимания и не связаны с реагированием на подобных (не-социальны). Каждый человек имеет в себе определенный объем простейших жестких автоматизмов. Часто они возникают в самом раннем детстве. Это может быть характерная походка, осанка, привычка скрещивать ноги и т.д. вплоть до дурных привычек, которые мы обычно пытаемся скрыть от других. Разумеется, они не поглощают существенных объемов энергии тоналя и сами по себе вполне безобидны (если не направлены на разрушение тела). Но их можно использовать в качестве «зацепок» для тренировки произвольного внимания.

В области выученного также немало подобных автоматизмов. Сюда относится, например, «праворукость» или «леворукость», почерк, манера держать вилку во время еды, заполнять паузы в разговоре конкретными, не имеющими смысла речевыми штампами и т.п. Механизм примитивной привычки может поддерживать биохимическую зависимость и превращать ее в настоящую проблему.

Отличительная черта привычки — отсутствие семантики. Сама по себе привычка не поддерживает описание мира, но может включать более сложные процессы, которые фиксируют позицию точки сборки и режим восприятия. Выслеживание привычек — важный момент в формировании навыка остановки, «паузы» реагирования.

Некоторые привычки тесно связаны с целым рядом характерных черты психологического типа. К примеру, специфическим отражением ряда внутренних комплексов является почерк, что иногда позволяет осуществлять успешную графологическую диагностику в психологии. Пытаясь изменить почерк, человек, разумеется, не меняет свой психологический тип, но привлекает произвольное внимание к собственной моторике. Поскольку же моторика рефлексивно связана с эмоционально-чувственным фоном, таким образом можно сделать его более явным и облегчить дальнейший сталкинг.

Остановке таких простейших автоматизмов большое внимание уделял Гурджиев. Известно, что при должной настойчивости «пауза» может ввести субъекта в трансподобное состояние общей перцептивной и реактивной дезориентации. Такое состояние, в свою очередь, может сопровождаться «импринтной уязвимостью» — следовательно, его можно использовать для реимпринтирования. К сожалению, без инструктора использовать этот прием крайне сложно. В самостоятельной работе «остановка привычек» редко вызывает целенаправленную трансформацию того или иного импринта. Эффект здесь ограничивается общим усилением осознания. Впрочем, наличие несгибаемого намерения при постоянной практике выслеживания привычек ведет к нужным трансформациям в сторону безупречности. Просто сталкер должен не забывать о цели и систематически использовать все возникающие на пути шансы.

(4) Выслеживание мотива и ценности.

При помощи этого сценария можно осознать целый ряд индивидуальных нюансов в собственном описании мира. Использование такого типа сталкинга формирует установку, которая затем полноценно реализуется во время перепросмотра. Поскольку метод отслеживания мотива и ценности целиком относится к области значений (семантике), для его осуществления можно использовать специально организованный внутренний диалог.

Этот сценарий можно даже назвать «*актуальным мини-перепросмотром*». Когда завершается ситуация реагирования либо когда эта ситуация уже достаточно проявила себя, следует просто отстраниться от нее и задать себе пару простых вопросов:

«Что именно вызвало эмоцию?»

«Почему я отреагировал именно так?»

«Почему это для меня важно?»

Условиями успешного сталкинга в этом случае являются высокая бдительность и предельная искренность. Понятно, что искренность возможна уже на фоне некоторой безупречности. Человек всегда находит оправдания своим эмоциям, рационализируя их. Важно заметить, когда и каким образом вы «водите себя за нос». Открытие в собственном тоне системы самообманов требует определенного мужества. Занимаясь этим видом сталкинга, вы непременно коснетесь «святыни» — взлелеянного образа себя. Это не должно вас задевать или расстраивать. Если вы впадаете в депрессию или самоуничижение, узнав, что далеко не так хороши, добры, умны, талантливы, как прежде полагали, — *сталкинг не завершен*. Теперь вам следует *понять, почему вы расстроены*. Процесс «самокопания» продолжается до тех пор, пока вы не испытаете подлинное бесстрашие и отрешенность, разглядывая свои проблемы, недостатки, несовершенства.

Все это входит в методику «очищения» тоналя. Каждый выслеженный комплекс, когда он перестает вызывать эмоции, автоматически переходит «на сторону разума», освобождая пространство для новой чувствительности. Осознанная ценность (мотив) выходит из привычного самозабвения и уже не в состоянии функционировать совершенно автоматически. В процессе такой работы человек постепенно освобождается от своей прежней психологии, что не может не сказаться на поступках, эмоциях, решениях. Сталкер перестает следовать законам бихевиоризма, зоны его непредсказуемости последовательно расширяются. Как выразился дон Хуан, он перестает быть «дичью» и становится «охотником» — Человеком Неведомым как для других, так и для самого себя.

По мере того, как расширяются объемы выслеженного пространства в себе, сталкер замечает все больше в окружающем мире. И тогда он приступает к двум сценариям, на которые раньше просто не хватало энергии, — к «*маскировке*» и *выслеживанию чужого тоналя*. Они свидетельствуют о приближении мастерства, потому что требуют удвоенной бдительности. В случае «маскировки» надо непрерывно удерживать состояние безупречного воина и моделировать социально адекватное (приближенное к оптимальному) поведение. Выслеживание чужого тоналя еще сложнее, поскольку включает в качестве обязательного условия тщательный сталкинг себя и при этом осознанное наблюдение за проявлениями описания мира другого человека.

Как многократно указывалось, выслеживание чужого тоналя не подразумевает манипуляции им. Конечно, сталкер оказывает влияние на тех, с кем вступает в коммуникацию, корректируя собственное реагирование. Особая ситуация возникает, когда приходится иметь дело с «мелким тираном», поскольку сталкер должен «обезвредить» его, победить психологическое давление и построить обстоятельства выгодным для себя образом. Но даже здесь вряд ли можно говорить о настоящей манипуляции другими людьми. Ибо тиран останется тираном. Он всего лишь потеряет возможность терроризировать сталкера, истощать его эмоционально и энергетически. Это и станет победой над тираном, реальной проверкой уровня самоконтроля и осознания сталкера. Практиче-

ским последствием такой победы будет отказ «мелкого тирана» от свойственного ему типа поведения — он теряет интерес к бывшей «жертве» либо признает ее независимость.

Что же касается «маскировки», то она уже сама по себе является стиранием личной истории. Ведь сталкер удаляет из сферы опознаваемого и узнаваемого другими значительную часть своей личности. В этом смысле дон Хуан был, безусловно, прав, когда учил Кастанеду не давать никому исчерпывающей информации о себе. Это не «скрытничанье», не нарочитая «завеса тайны», которая лишь привлекает излишнее внимание со стороны окружающих. Напротив — это иллюзия «обычности».

Именно здесь «актерская игра», о которой было сказано выше, должна перерасти в нечто большее — а именно, в моделирование такого типа энергообмена с окружающими, что они не в состоянии заметить ничего необычного. Такой эффект возникает на уровне овладения тотальным сталкингом. Его невозможно сыграть, нельзя имитировать, пока интенсивность осознания не достигла определенного уровня. Ибо здесь формируется некая часть энергетического тела, которая может как бы самостоятельно производить маскирующие энергопотоки (интуитивно воспринимаемые другими людьми как «подлинность»), при том, что центр осознания не принимает в данной энергетике никакого участия, сохраняя неизменную безупречность. Часть сталкера словно на самом деле переживает эмоции и чувства, которых в реальности нет, и этим окончательно сбивает с толку тональ наблюдателя.

Это высокое искусство — свидетельство реализации свободы от социума и эго энергетических воздействий. Это превращение сталкера в подлинную Тайну.

Глава 7. СТАЛКИНГ И ПЕРЕПРОСМОТР

" Чтобы пациент излечился, ему необходимо родиться снова, а архетипной моделью такого рождения является космогония. Необходимо отбросить работу Времени и вернуться в рассветный миг, предшествовавший сотворению. На уровне человека это равнозначно тому, что он должен вернуться к «чистой странице» существования, к абсолютному началу, когда еще ничто не было осквернено и испорчено. "

Мирча Элиаде

Перепросмотр — штука сложная. Он испытывает практикующего на психологическую прочность. Иногда утверждают, что перепросмотр сродни психоаналитическим техникам фрейдистского или юнгианского толка. Это верно лишь отчасти. Проблема связана с известным аналитикам фактом «сопротивления терапии» и всем комплексом тонких отношений, которые неминуемо развиваются в процессе анализа между терапевтом и его клиентом.

Иными словами, при анализе всегда есть «козел отпущения». Если перепросматриваются проблемы и ситуации, которые значительно влияют на уровень самооценки клиента, его ЧСВ, его страхи и жалость к себе, он знает, кто в этом «виноват». Виноват, как всегда, аналитик. Почему он вынуждает клиента радикально изменить образ себя (для себя и для других)? Почему он берет на себя функции, которые всегда ассоциировались с подавляющими авторитетами вроде фигур отца или матери, старшего брата или иного значимого «оценщика»? Разумеется, у него (аналитика) нет на это никакого права. Обвиняя терапевта во всех смертных грехах, впадая в истерику, устраивая

мелкие бунты, отказываясь вспоминать вытесненные содержания, человек облегчает собственные страдания. Ибо гораздо легче думать, что **ВИНОВАТ** кто-то другой.

При перепросмотре такая ситуация невозможна. С одной стороны, процесс трансформирования бессознательных содержаний происходит в одиночестве, с другой — что значительно усиливает сопутствующие переживания — на фоне *самонаведенного транса* (при помощи ритмичного дыхания, покачивания головой, сенсорной депривации и т. д.). И открывается пугающая картина — **во всех своих бедах, несовершенствах, несчастьях, ошибках виноват только ты сам**. Ты оказываешься лицом к лицу с самим собой, без посредников, без оценщиков, без командиров, авторитетов и мелких тиранов, окружающих нас в повседневной жизни, — то есть без оправданий.

В результате ваши личные истерики, рыдания, ваше отвращение к себе достигают возможно максимальной интенсивности. Личность нестабильная, неуравновешенная, слабая бывает потрясена до такой степени, что вместо трансформации комплексов наносит себе психологический вред. Так что перепросмотр нельзя рекомендовать людям, чрезмерно закомплексованным и ослабленным. Как и вся дисциплина толтеков, техника предназначена для здоровых, зрелых и сильных личностей.

Но и они — вполне, казалось бы, проникшиеся духом «воина» — в процессе перепросмотра сталкиваются с депрессивными реакциями, с бессознательным отторжением подобной работы над собой, с необъяснимым отвращением к Трансформации, обещанной толтекскими шаманами. Их внутреннее сопротивление чаще всего имеет два модуса — *активный* и *пассивный*. *Активный* модус предполагает агрессию, злобу, ненависть и отвращение. *Пассивный* — воплощает себя в апатии и депрессии различной степени тяжести.

Как это ни парадоксально, с активным модусом неприятия работать проще. Это состояние энергично, оно связано с действием. Обычно оно исходит из уязвленного чувства собственной важности и требует разрешить ситуацию тем или иным образом. Здесь достаточно перенаправить основное внимание на нужный объект. Заметить, что «перенос» агрессии на всякие тональные рационализации (обстоятельства жизни, окружение, «пагубное влияние родителей», «неприемлемая идеология или учение») ничуть не разрешает проблему, а лишь отдаляет ее решение, делает проблему почти перманентной. Осознание пустого расхода эмоций на то, что существует лишь в вашем воображении, или на то, что принципиально нельзя изменить (например, «обстоятельства жизни»), может заставить вас все-таки вернуться к первопричинам — комплексам, импринтам и т. п. И вынуждает вас работать с ними, отталкиваясь от нового опыта и знания.

Пассивный модус неприятия — это своеобразный бессознательный *отказ от использования энергии вообще*. Легко догадаться, что он растет из доминирующего чувства жалости к себе. Субъект выбирает ничего не предпринимать, замереть и забыться. Он желает законсервировать существующие проблемы, надеясь на то, что в конечном итоге их «абсолютное обездвиживание» вызовет у него анестезию. Интересно, что в конце концов этого на самом деле можно добиться.

Однако средства, которыми достигается подобная неподвижность и бесчувственность, поистине ядовиты. Для этого требуется максимально сузить или «ослабить» осознание, сделать все, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не менять режим восприятия, и даже больше — данный изначально режим восприятия требуется обеднить, лишить тревожных цветов и нюансов, чтобы вдруг не «проснуться». Вечное самозабвение и предельный автоматизм — вот унижительные «консерванты», которые нужны человеку, дабы избежать тревожных перемен в самом себе. И даже в этом грустном параличе осознания человек, отказавшийся когда-то от борьбы, непрерывно страдает от скрытой (латентной) депрессии. Он не знает радости жизни, да и как может быть иначе? Ослабленное осознание не инспирирует подъема, вдохновения, поток сенсорных сигналов сужен и повторяет бесконечно одни и те же паттерны. Жизнь бледна и пуста, ее обманчивое спокойствие вызвано не гармонией, а блокировкой основного массива чувств и эмоций. Так выглядит человек, «проигравший свою битву», отказавшийся от перепросмотра из-за страха боли, страха психологических страданий.

Таким образом, негативная реакция на перепросмотр, постоянное желание отложить его «на потом» должны быть выслежены. Это симптом бессознательного сопротивления, у которого могут быть разные причины. Как уже было сказано (см. вступительную статью), причиной нежелания перепросматривать себя может быть «комплекс Зверя», комплекс древнего мага. Тогда перепросмотр особенно необходим, как способ исцеления от накопившегося объема деструктивных эмоций.

Но чаще нежелание перепросмотра вызвано банальной жалостью к себе — мы понимаем, что качественный перепросмотр способен радикально изменить нашу психику и нашу жизнь в целом. Мы предчувствуем, что все или почти все базовые координаты тоналя, наши «опоры» стабильности и уверенности в себе, будут поколеблены и в конце концов разрушены. Иными словами, мы *боимся правды и той неведомой свободы, к которой ведет эта правда.*

Кастанеда неоднократно вспоминал в своих работах об *энергетическом* аспекте перепросмотра — о том, как возвращается утраченная светимость, оставленные в процессе личной истории энергетические нити.

Верна или нет данная концепция, нам точно неизвестно. Для ее проверки нужно владеть глубоким и стабильным *видением*. Что же касается метафизической идеи, будто в результате перепросмотра формируется некая копия осознания, которой довольствуется Орел, то она очень напоминает метафору, хотя опять-таки достоверно судить об этом мы не можем.

Безусловным представляется тот факт, что перепросмотр растворяет психоэнергетические блоки в коконе и, следовательно, освобождает точку сборки от значительной части бессознательных фиксаций. И это, на мой взгляд, — главное. Качественный перепросмотр гарантирует успех в достижении безупречности и кардинально улучшает процесс сталкинга. В этом отношении с перепросмотром не может сравниться никакая иная техника. Это — обязательное условие свободы.

В основе самой идеи перепросмотра лежит очень многое. Это настолько древняя идея, что ее можно приравнять к продукту мифологического мышления, опирающегося на изначальные архетипы. Мы вполне можем предположить, что толтекский перепросмотр начинался не как психоэнергетическая практика, а как акт «возвращения к первому Мифу» (о чем писал М. Элиаде).

С древнейших времен, когда осознание не было столь замкнуто на себе, когда тональ представлял собой относительно простую конструкцию, человек интуитивно ощущал, что его начало во Времени хранит память о предшествующей свободе — свободе жизни без описания. Эта память о безымянном «времени сновидений» создавала особый эмоциональный фон шаманического экстаза. Всякий раз, испытывая высокий психоделизм растений силы, шаман возвращался к истокам личной истории, повторно проживая события, которые скрыли от него мир духов и магию предков. Даже спонтанный и фрагментарный перепросмотр, характерный для индуцированного растениями смещения точки сборки, оставлял впечатление очищения и просветления. Не заметить это было невозможно.

Таким образом, идея возвращения во Времени через повторное проживание жизни, через упорядоченное воспоминание, не имеет никакого отношения к психоанализу XX века. Совершенно очевидно, что изначально практика перепросмотра была связана с обретением Силы и является частью наследия древних магов, шаманов и видящих. Свобода восприятия сама по себе не могла быть целью, она использовалась как инструмент, дающий доступ к более мощному энергообмену.

Новые видящие, которые стремились к третьему вниманию, взяли на вооружение древнюю методику, поскольку обнаружили ее необыкновенную эффективность для усиления сталкинга. Но для этого им пришлось отказаться от первоначальной спонтанности шаманов, от их беспорядочных блужданий в истоках личного Времени, блужданий, провоцировавших энергетические всплески, сопровождающиеся видениями и магическими влияниями. Они отказались от растений силы как

катализаторов перепросмотра, так как хотели обрести подлинную чистоту и высокую интенсивность осознания. Только последовательная работа по перепроживанию прошлого в первом внимании давала шанс интеграции, а затем преобразования целостного существа.

Поскольку такая модификация перепросмотра затрагивала все области энергетического тела, а не избранные фрагменты (как у древних видящих и шаманов), возникло сопротивление тоналя. Весь мир — внутренний и внешний — был подвергнут сомнению. Маг отказался от своей исключительности, от охоты за Силой, от областей описания, содержащих фундаментальные и неприкосновенные «святыни». Вся история личности должна была подвергнуться беспристрастному анализу. Такой подход вскрыл глубинные истоки страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе. Он не оставил камня на камне в картине мира видящего и таким образом растворил образ древнего мага в бесконечной свободе и пустоте. Не все толтеки оказались способны на этот подвиг. И хотя путь древних магов затерялся в глубине веков, а большинство из них самих потерпело жестокое поражение, и сегодня ситуация не стала проще. Современный практик нередко избегает испытания перепросмотром, несмотря на то что знает — иного пути не дано.

Чтобы настроить себя на перепросмотр, надо сформировать несгибаемое намерение, направленное на выслеживание и трансформацию жалости к себе и чувства собственной важности. Надо быть готовым к разнообразным и болезненным «опровержениям себя». Иногда драматические эпизоды перепросмотра вызывают ситуацию символической смерти, указывают путь к «месту без жалости» и другим мощным трансформациям. Глубокий перепросмотр оживляет уроки далекого прошлого и может провоцировать болезненные синхронистичности в настоящем, ломку обстоятельств и отношений — к этому также следует быть готовым.

Разумеется, невозможно заниматься перепросмотром непрерывно. Опираясь на собственный опыт, могу сказать, что оптимальным мне кажется обращение к перепросмотру два раза в год. Каждый такой период может длиться от двух-трех недель до месяца. Как правило, первый перепросмотр, несмотря на его поверхностность, — самый длительный. Лучше потратить на него сразу два месяца ежедневных занятий и как можно подробнее пройти по карте своей жизни. Это вызывает некоторую возбужденность энергетических полей кокона и формирует навык сосредоточенного воспоминания. Внимательное отношение к своим ощущениям поможет узнать, приобрели ли вы «чувство тела», которое и есть главный опыт перепросмотра. В дальнейшем вам будет гораздо проще погрузиться в надлежащее состояние, так как тело «помнит» хорошо и долго.

Технически перепросмотр новых видящих состоит из следующих пунктов:

- (1) *Составление списка.*
- (2) *Использование дыхания.*
- (3) *Сужение области внешнего сенсорiums (темнота и ограниченное пространство).*
- (4) *Наведение транса.*

Составление списка (1) — это многократная процедура. Поскольку перепросмотр должен активизировать вытесненную память (к которой тональ нас категорически не допускает), мы используем целый ряд уловок и хитростей. Здесь бесполезно пытаться идти напролом. Если вы хоть раз пробовали перепросмотреть собственную жизнь, то знаете, насколько это непростое занятие.

Тональ допускает нас к тем психическим содержаниям, к тем содержательным и чувственным воспоминаниям, которые менее всего способствуют трансформации. Вы заметите, что большая часть доступной нам памяти — формальна. Словно некий фильтр скрывает от нас эмоциональный и чувственный ряд. Что же касается памяти энергетической, то она, как правило, заблокирована наиболее жестко. И в этом нет ничего удивительного. Ведь энергетическая память кокона — это та зона, возбуждение которой приводит к неминуемому смещению точки сборки. Наша нынешняя позиция восприятия как раз обусловлена тем, что мы не помним энергетических состояний прошлых положений перцепции. Открытая часть памяти — это прежде всего память описания, за которой стоят, в основном, одни слова. Это обстоятельство объясняет, почему так трудно запомнить тот опыт, в котором работа описания ослаблена или сведена к минимуму — обычные сны и сновидения, психоделические откровения. По той же причине глубокая медитация может вызвать последующую амнезию, а впечатления от состояния повышенного осознания, где описание вместе с внутренним диалогом почти замирают, по возвращении в базовый режим восприятия сразу же блокируются и требуют особых усилий для восстановления памяти о них.

Ввиду наличия многочисленных блоков и запретов на воспоминание восприятий и энергетических состояний, мы вынуждены подбираться к вытесненной личной истории многократно и с разных сторон. Это требует составления не одного списка, а целого ряда списков для перепросмотра. Рассмотрим самые важные типы подобных списков. При их составлении не забудьте, что перепросмотр производится в обратном порядке — от настоящего в прошлое. Для удобства вы можете сначала составить список в прямой последовательности, а затем перевернуть его так, как это нужно для порядка воспоминания.

(а) Формальный список

Его составляют в первую очередь. Он используется для привлечения внимания и формирования самого намерения перепросмотра. По сути, это автобиография — простое воспроизведение всех событий вашей жизни, воспоминание о которых не подверглось вытеснению. Вас не должно смущать то, что многие факты сохранились лишь в качестве хронологических справок: в таком-то году пошел в школу, в таком-то закончил, в таком-то начал работать, поступил в институт и т. д. и т. п. Все эти выцветшие сведения должны быть записаны, потому что каждый формальный пункт рано или поздно наполнится живыми воспоминаниями. Работа над первым списком может длиться несколько месяцев, но он даст вам возможность составить последующие списки — мест, людей и однородных событий.

(б) Перепросмотр мест

Формальное воспоминание личной истории обратит ваше внимание на то, что вы постоянно перемещались. Менялись места проживания, места учебы и работы, возможно, вы путешествовали и т. д. Составьте отдельный список этих мест. Затем поставьте перед собой задачу как можно четче, во всех деталях вспомнить, как выглядели эти места, как вы себя в них чувствовали, цвета, освещение, запахи и прочее. Поскольку сами по себе места не имеют яркой эмоциональной нагрузки, с одной стороны, их вспомнить труднее, с другой — проще. Здесь вы не должны встретить сильного сопротивления бессознательного, но всякий раз, глубоко погружаясь в воспоминание о месте, вы будете испытывать неясные эмоциональные толчки. Они возникают по мере того, как вспоминаются люди и события, с этими местами связанные. После каждого сеанса перепросмотра записывайте эти воспоминания в отдельные списки, которые вам пригодятся в дальнейшем.

(в) Перепросмотр людей

Составить список всех людей, которые когда-либо встречались вам на жизненном пути, — почти невозможно. Более того, я не уверен, что в этом есть такая уж сильная необходимость. В конце концов сам порядок воспоминаний и их характер покажет вам, кто требует пристального перепросмотра, а кто в вашей жизни сыграл незначительную и мимолетную роль.

Понятно, чем больше эмоций вызывает у вас воспоминание о человеке, тем внимательнее надо быть. Как правило, такие люди вспоминаются либо в числе первых, либо в числе последних. Из этого списка надо исключить близких вам людей, отношения с которыми слишком важны. Если толтек не готов к радикальному изменению отношений, этих людей пока перепросматривать не стоит.

Особое внимание следует уделить тем персонажам, которые вызывали (и продолжают вызывать) истощающие эмоции. Вглядитесь в их лица, вслушайтесь в их голос, проживите заново всю гамму мышечных напряжений, которая сопровождала реагирование. Обычно таких людей в жизни человека не бывает очень много — возможно, десяток-полтора. С каждым связана определенная эмоциональная программа, которая повторяется и демонстрирует совокупность качеств нашего тоналя. Обратите внимание, нас интересуют не люди, а именно наше реагирование на них. Стоит обратить внимание на то, что мы склонны забываться и впадать в индугирование по поводу воображаемых или реальных качеств друзей, знакомых, учителей, коллег и т. д. Не позволяйте себе утонуть в рефлексиях по этому поводу. Ищите в воспоминаниях о других лицах самого себя — свое состояние, свою реакцию, свои чувства.

Безусловно, наибольшее значение имеет перепросмотр родителей. Если их уже нет в живых или вы не видите, то нет никаких причин откладывать перепросмотр этой важнейшей области личной истории на потом. Тем более что перепросмотр отца или матери как правило занимает несколько лет. Память о них приходится восстанавливать и перерабатывать неоднократно, со всех возможных позиций и точек зрения, поскольку большая часть импринтов сформировалась при их непосредственном участии.

(г) Перепросмотр однородных событий

На следующем этапе работы вы легко заметите ряд закономерностей. При сочетании некоторых обстоятельств (куда входят места, люди и события) мы испытываем весьма схожие состояния. Здесь надо постараться отвлечь внимание от естественных попыток объединять события в некие ряды по формальным признакам. Однородность не означает, что вы обязательно имеете дело с одним и тем же человеком или находитесь в одном и том же месте. Это более широкое понятие. Например, вы можете поссориться с другом (учителем, коллегой) точно так же, как вы ссорились с отцом. Можно обидеться на жену по той же причине, по какой вы обижались на свою мать. Важно обратить внимание на то, что является общим для этих разных событий. Важно понять, почему они однородны. Это весьма плодотворное занятие — каждый раз, обнаруживая позабытые совпадения (слова, выражение лица, поступки и пр.) между однородными событиями, вы находите поле энергетической напряженности или его внушительный след. Перепросматривая его вновь и вновь, вы в конце концов открываете внутренние механизмы, лежащие в основе эмоциональных движений, и этим ощутимо трансформируете конкретную область тоналя. Успех на таком уровне перепросмотра приходит далеко не сразу. Здесь требуется сформированный навык особой внимательности, который приходит иногда через годы упорной работы.

(д) Перепросмотр чувств и эмоций

Если вам удалось составить список однородных событий, вы готовы к следующему, еще более абстрактному уровню — вы можете выделить чувственные и эмоциональные переживания сами по себе, независимо от событий и ситуаций.

Ни в коем случае не надо подходить к этому формально. Конечно, совсем не сложно составить список всех известных эмоций и попробовать применить его в качестве списка для перепросмотра. Только из этого вряд ли выйдет что-то путное. Невозможно опираться на слова, если вы хотите вспомнить истинные переживания. Вот почему нужен описываемый здесь порядок: места, люди, однородные события. Вы обретае опыт, конкретный эмоционально-чувственный материал и, лишь припомнив его, используете слово или специальное обозначение. Теперь ваше тело точно знает, что скрыто за словами «злость» или «обида», «вина» или «стыд». Сосредоточившись на чувствах, вы находите забытые события, которые почему-то не попали в список «однородных». Иногда они имеют особую ценность, поскольку тщательно вытеснены. Это наша «тень» — она может даже шокировать.

Очевидно, это один из самых глубоких уровней перепросмотра. Он оказывается достижим в измененном состоянии сознания, которое возникает благодаря использованию всех инструментов, описанных ниже (дыхание, ограничение сенсориума, наведение транса). Здесь оживает обратная связь между энергетическим состоянием и содержанием воспоминания. Если при более поверхностных состояниях процесс перепросмотра вынуждает смещать точку сборки, то здесь сам сдвиг точки сборки включает процесс вспоминания.

Любопытно, что длительные погружения в такой тип перепросмотра могут оживить не только подлинную память, но и создать память ложную. Мы можем галлюцинировать, полагая, что открываем ранние и позабытые впечатления. На мой взгляд, разбираться в том, с какими воспоминаниями мы имеем дело при перепросмотре эмоций и чувств, совершенно излишне. Ибо сталкера на самом деле не так уж должны интересовать вопросы подлинности-неподлинности воспоминаний (личной истории). Не следует всерьез полагать, что мы готовим подробный «отчет» для Орла. Занимаясь перепросмотром, мы освобождаемся от самих себя — вот и все. В конечном счете все методы перепросмотра (как перечисленные выше списки людей и событий) направлены на фундамент нашего существа — на новое перепроживание энергетических и эмоциональных состояний, чтобы добиться снижения фиксации точки сборки. По большому счету, личная история не бывает объективной или субъективной. Когда она представлена в образах тоналя, это всегда галлюцинация — независимо от степени «ложности» воспоминаний. Содержательная память имеет по сути галлюцинаторное происхождение, реальны только чувства, которые память вызывает.

Мы используем реальные события своей жизни, чтобы вспомнить опыт характерных состояний энергообмена. Это ключ к оживлению инертных полей, а не восстановление достоверных фактов тридцатилетней давности. Может, этих фактов и не было никогда. Не стоит чрезмерно доверять нашему богатому на выдумкитоналю.

(е) Перепросмотр близких (родители и возлюбленные) Это последняя тема перепросмотра. Прежде чем обратиться к ней, нужно трансформировать ряд отношений и добиться стабильной безупречности. Толтек должен хорошо контролировать проявления чувства собственной важности и жалости к себе. Очень важно иметь готовность адекватно встретить изменение в собственном отношении к близким — без разочарований, обид, с пониманием, уважением и любовью. Когда сталкер открывает в поведении самых важных для него людей автоматизмы эгоистического реагирования, он может испытать острое чувство жалости к себе. Из мира одних иллюзий можно перейти в мир других иллюзий. Вас «не любят, а используют», хотят сделать зависимым, поработить, вами манипулируют, чтобы добиться маленьких эгоистических выгод. Но и это неправда. Это лишь часть правды, которую вы раньше не желали замечать.

Безупречное отношение — это, помимо всего, *понимание*. Отрешиться от *озабоченности собой* (как ко мне относятся) и увидеть мир глазами близкого человека — это не всегда просто. Ведь другой человек — это неоднозначный конгломерат чувств и отношений, включающий в себя противоречивые и даже противоположные движения. Если обычный человек гипнотизирует себя словами «любовь», «доброта», «забота», если он живет среди фикций и ярлыков, бессознательно полагая, что окружающие почему-то должны испытывать идеальные чувства к нему, уникальному и неповторимому, то безупречный воин принимает несовершенство и даже порочность близких. Важно понять, что он не оправдывает их и не обвиняет, он просто пытается *увидеть их такими, каковы они есть*. И принять решение. Если вы дорожите другом, возлюбленной, любовью родителей, никакой перепросмотр не должен оторгнуть их. Главное — не их отношение к вам, а ваше отношение к ним. Это *ваша* ответственность. Если в результате перепросмотра вы замечаете за собой нарочитую черствость по отношению к любимым, значит, вы небезупречны. Вы обижены, уязвлены, жалеете себя и надеваете маску безразличия, которая только *кажется* вам проявлением безупречности.

Это вовсе не значит, что отношения с близкими людьми никогда не должны меняться. Иногда их *нужно* изменить. Если их суть целиком «паразитическая», если родители, друзья и любимые ведут себя как «мелкие тираны», от этого груза лучше избавиться. Но сначала необходимо выяснить наверняка. Мелкий тиран сам потеряет интерес к вашей личности, как только осознает, что больше не может тиранить жертву. Мы очень часто эксплуатируем друг друга энергетически и эмоционально. Однако «тирания» — лишь часть человеческих взаимоотношений, и если после избавления от нее все равно остается чувство, что вы нужны друг другу, — это подлинная близость. К сожалению, такая близость встречается реже, чем нам хотелось бы. Потому-то ее и надо сохранить, как дар Силы. Несмотря на то что одиночество — неизбежное состояние нашего бытия, вряд ли стоит его целенаправленно культивировать. Оно может оказаться не «свободой», а обыкновенным бегством.

Использование дыхания (2) — важный аспект в практике перепросмотра. Многократно говорилось про тесную связь между дыханием и энергообменом. Древнейшие структуры нашего кокона отзываются на дыхательный цикл. Вдыхая, мы поглощаем энергию не только легкими в виде кислорода, но и всем энергетическим телом, как это свойственно простейшим организмам. Выдыхая, мы излучаем ее. Уровень осознанности и дисциплинированности внимания влияет на масштаб энергообменных процессов, сопровождающих дыхательный цикл. Но даже в тех случаях, когда мы полностью погружены в мир слеппроизвольных реакций, обусловленных нашим тоналем, энергетические процессы сопровождают дыхание. Поэтому дыхание — это естественный ключ к управлению полево-энергетическим взаимодействием с внешней средой.

Использовать дыхание в полной мере мешает поглощенность внутренним диалогом и, соответственно, описанием мира. В какой-то степени дыхание аккомпанирует внутреннему диалогу, отражает текущее состояние энергообмена в процессе самозабвенного перебирания инвентаризационного списка. Дыхание поверхностно, оно замирает или учащается, прерывается посреди цикла, затем возобновляется — и все это демонстрирует, как наше тело поглощает и излучает энергию в процессе интерпретации сенсорных сигналов и реагирования на них.

Для того чтобы замедлить или даже остановить внутренний диалог, используется *ритмическое дыхание*. Равная длительность вдоха и выдоха, неизменная глубина, поддержание одинакового ритма дыхательных циклов в течение хотя бы получаса (об этом я говорил в предыдущих книгах) имитирует энергообмен существ, не владеющих внутренними диалогом. Из этого следует, что ритмическое дыхание помогает ослабить фиксацию точки сборки.

Для перепросмотра это крайне важно. Как показал личный опыт, сеанс вспоминания лучше предварять ритмическим дыханием, чтобы создать благоприятные условия. Ибо трансформирующее

перепроживание невозможно без характерного изменения режима перцепции. Чтобы осуществить правильный перепросмотр удаленного во времени события, надо вернуться в ту позицию восприятия, где событие происходило. А это характерное смещение точки сборки, которое интегрирует поверхностные и углубленные поля внутренних эманации.

Конечно, негибкое намерение способно толкнуть точку сборки вглубь кокона даже без помощи дыхания, но ему приходится иногда годами преодолевать темную инерцию энергетического тела. А ритмическое дыхание делает наши структуры более пластичными за счет отключений или замедлений внутреннего диалога.

Попробуйте проследить, как происходит сам процесс вспоминания. В какой момент внимание вдруг переходит от сцены, которая пребывает на поверхности памяти, к более глубокой и частично (либо полностью) забытой? Как вспоминаемая сцена дополняется деталями? Как возвращается давнее чувство или ощущение? Всякий раз происходит кратковременная остановка внутреннего диалога, миг «безмолвного созерцания», за которым следует озарение темной зоны памяти.

Ритмическое дыхание, которое провоцирует эти паузы во внутреннем диалоге и, соответственно, микросдвиги точки сборки, должно быть равномерным и не утомительным. Следует выбрать оптимальный ритм и глубину дыхания, которые можно без напряжения поддерживать довольно долго. Однако поверхностное дыхание здесь тоже не подходит. Во-первых, оно отражает слабый, разреженный характер энергообмена с внешним полем, во-вторых — рефлекторно связано со спокойным режимом «ментального комментирования» (которого, разумеется, следует избегать). Таким образом, следует найти ту глубину дыхания, которая, с одной стороны, не будет вызывать чрезмерного напряжения дыхательных мышц, с другой — будет все же заметно отличаться от привычного, «бессознательного» дыхания.

То же касается и ритма — он должен отличаться от привычного, но не утомлять. Специальные задержки после вдоха и выдоха, которые используют в йогической пранаяме, здесь не обязательны. Если они не вызывают у вас затруднений и не привлекают большого объема внимания, то можно следовать классическому ритму 4 — 2 — 4 — 2 (вдох — задержка — выдох — задержка). В любом случае, главный закон дыхания во время перепросмотра — оно *не должно мешать самому процессу вспоминания*.

Установка на перепросмотр требует некоторого подготовительного этапа. Чтобы внимание переключилось на созерцание прошлого, а энергетическое тело соответствующим образом перестроилось, необходимо создать вполне определенные условия. И ритмическое дыхание исполняет здесь особую роль.

Кроме указанного уже влияния на внутренний диалог, дыхание вынуждает обратиться внутрь — к проприоцептивным ощущениям. Подчеркнутое движение диафрагмы, дыхательных мышц, ребер, ключиц формирует кинестетическую ось, основание которой упирается в нижнюю часть брюшной полости. Если вы дышите ритмично и достаточно глубоко, мышечные напряжения распределяются по туловищу непривычным образом. Возникают зоны релаксации в той части тела, что расположена под диафрагмой. А ведь именно здесь плотные энергопотоки в наибольшей степени поддерживают фиксированную позицию точки сборки.

Расслабление брюшной полости способствует усилению мышечных блоков в верхней части тела — в плечах, шее, лице. Обратите на это внимание. Для высвобождения перцептивной энергии фон расслабления тела должен быть равномерным. Во время сеанса перепросмотра кажется, что человек спит или дремлет. И это естественно, поскольку тело знает лишь один способ погружения точки сборки внутрь кокона — естественный сон.

Тем не менее сознание должно быть сосредоточенным и бдительным. Чтобы выполнить инструкции по внешнему расслаблению и внутреннему сосредоточению, может понадобиться от 20 до 40

минут. Ритмическое дыхание плавно уводит практика в мир собственной памяти. Ничто не должно вас отвлекать — текущее состояние внешней среды требует одного вида сосредоточения, а воспоминание — другого. Эти виды практически не сочетаются друг с другом.

Погрузившись в себя, вы заметите, что ритмическое дыхание распространяется не только на физическое тело, но и на некоторый объем вокруг него. Иногда эти странные чувства проявляются ярко и неожиданно — например, в момент увлеченного созерцания привлекательной сцены из вашего прошлого. Важно не упустить специфические переживания, которые сопутствуют дыханию, — «мороз по коже», волны тепла или прохлады, аморфные потоки, которые «вливаются» в тело или «истекают» из него. Все это — предпосылки и предвестники так называемого дыхания энергетического тела.

Конечно, оно приходит далеко не сразу — иногда спустя месяцы и даже годы практики. Важнейшее условие возникновения этого феномена — непрерывное ритмическое дыхание при перепросмотре *любых* событий личной истории. Как правило, вспоминая что-то пропитанное сильными эмоциями, мы бессознательно задерживаем дыхание, меняем его глубину или ритм. Практик должен противостоять инстинктивным движениям физического тела, и в результате он почувствует нечто новое — например, при воспоминании гнева, вины или обиды дыхание словно «воспламеняется»; при воспоминании радости, покоя, удовлетворенности — вдыхаемый и выдыхаемый воздух может стать прохладным и легким.

Обостренная чувствительность открывает, что необычные чувства частично возникают не в теле, а поблизости от него, а дыхание растекается по поверхности. Не легкие втягивают воздух, а тело целиком. И это не совсем воздух.

Адекватно описать новое чувство практически невозможно. Можно прибегнуть к метафоре и сказать, что поверхность вашего тела втягивает в себя «жидкое электричество». По мере развития новой сенсорики вы обнаружите:

- а) поглощение и выделение происходит не в легких и не на поверхности кожи. Эти процессы лежат где-то вне тела, на небольшом расстоянии от него;
- б) структура поглощения и выделения обусловлена характером воспоминаемого события;
- в) перцепция «энергетического дыхания» по своему характеру подобна синестезии (смешению сигналов из различных сенсорных систем). Она может сопровождаться не только осязательными ощущениями, но и звоном в ушах, возникновением световых точек и пятен в зрительном поле.

Необходимо выследить субъективное расстояние от поверхности кожи, где возникает чувство поглощения и выделения энергии. Это станет косвенным свидетельством объема невоспринимаемых полей, которые вам удалось вовлечь в целенаправленный энергообмен.

Но самое важное — зафиксировать особенности структур «энергетического дыхания». То, что структура энергообмена неразрывно связана с типом эмоционального реагирования, не требует доказательств. Как и во многих других случаях, возникшие связи очень индивидуальны. Нет нужды составлять описание того, какие зоны энергетического тела реагируют на воспоминания конкретных фактов личной истории. Это может быть полезно только для специфических, вспомогательных видов stalking, о которых мы говорить не будем.

Обычно практик легко замечает, что при воспоминании сильной обиды, например, область энергетического тела, которая является проекцией области солнечного сплетения (и чуть ниже), как бы наполняется прохладным потоком. Или, скажем, при воспоминании сильного гнева разогреваются и уплотняются потоки, нацеленные на основание шеи. Приведенные примеры — не правила. Каждый открывает собственные закономерности. Важно иметь в виду другое — *зафиксированные зоны*

уплотненного либо необычно воспринимаемого энергообмена могут быть использованы для трансформации психики и тела адепта.

Как непосредственно во время перепросмотра, так и в любое иное время практик может использовать дисциплинированное внимание, чтобы изменить характер ощущений. При этом можно пользоваться уже описанным способом: напряжение заменять расслаблением, холод — теплом, волны «растворять» в безмятежном океане больших эманации.

Это тонкая работа. Вам приходится наблюдать, не возникает ли в процессе практики какое-нибудь новое деструктивное чувство. Например, место злости занимает меланхолия, а место обиды — холодная надменность (что есть скрытая разновидность гнева).

«Дыхание энергетического тела», если уж вы развили его, предоставляет много новой информации. Вы открываете не только массу обычно неосознаваемой кинестетики, но и разнообразную жизнь энергетических полей, потоков и связанных с ними каналов. Не тратьте время на подробное изучение даосских трактатов, не выискивайте соответствия с акупунктурными атласами и полуэзотерическими справочниками. Много из того, что там написано, верно, но есть колоссальная разница между знанием, полученным из книг, и знанием, обретенным в процессе личного опыта. Пусть вы обнаружите лишь 10 процентов от общего объема известных человечеству каналов, но это будут *ВАШИ* каналы — вы будете их ощущать и познаете интуитивно их специфику. Ваше знание станет вашей Силой, а не превратится в еще один пункт инвентаризационного списка. В этом — смысл работы.

Непосредственное чувство — будь то канала ЭТ («стержня» или «накопительного»), фронтальной пластины, «просвета», горлового центра и иных самых разных центров — не делает их новыми элементами описания тоналя, а придает им реальность энергетического факта. В предыдущих книгах я говорил, что область кокона (тех его структур, что известны десяткам поколений исследователей магии и Трансформации) — единственная область толтекского «делания». Если субъективный чувственный опыт подтверждает и дополняет описание древних искателей, то мы можем уверенно опираться на него. (Даже здесь, впрочем, не забывая про универсальный принцип толтекской гносеологии «верить, не веря».)

Все остальное (каналы даосов, чакры индуистов и т. п.) оставьте начетчикам и специалистам по истории магии, мистики и оккультизма. Уровень личной Силы обнажает те элементы кокона и полево-энергетического «скелета» физического тела, что пробуждены вами лично и готовы к использованию в долгом деле тотальной Трансформации.

«Побочная кинестетика» в сталкинге энергетических состояний при перепросмотре выполняет роль дополнительных ключей или зацепок внимания. Практик находит мышечные блоки и трансформирует их; он открывает особые ощущения неопределенной природы и вычленяет их собственным вниманием, не пытаясь идентифицировать природу впечатлений.

На высших этапах (когда перепросмотр близится к завершению — если не тотальному, то содержательному) энергетическое тело толтека «воспламеняется» целиком. Его поля настолько активны, что точка сборки по собственной системе принимается сканировать непривычные сенсорно-энергетические массы. Чувствительность достигает того предела, где количество переходит в качество. При наличии развитого умения входить в толтекское сновидение происходит выделение *дубля осознания* (об этом феномене будет сказано ниже). Вполне возможно, это специфическое переживание послужило толчком к причудливой мысли: будто Орел может быть удовлетворен перепросмотренной жизнью субъекта — он поглотит копию и оставит в покое оригинал.

Мы не станем рассуждать, насколько мифология древних магов отражает энергетические законы Реальности. Но формирование принципиально нового отношения между перепросмотренными зонами памяти ЭТ и самим осознанием, эпицентр которого сосредоточен в точке сборки, дает осно-

вание предположить, что связи и обусловленности уходят вместе с определенной формой ЭТ. Мифологема «рождения заново» здесь напрашивается, ибо человек, прошедший через перепросмотр, обновляется не только психологически. Обновляется его энергетическое тело. И если это не трансформация, то фундамент трансформации — новое небо, новая земля, новый человек.

Последним по порядку (но не по важности) в практике перепросмотра является правило *сужения области внешнего сенсориума* (3). По правилам, описанным Кастанедой, заниматься этой практикой следует в темном и ограниченном пространстве. Разумеется, эти требования относительны. Можно построить ящик по всем правилам толтекской традиции, а можно запереться в комнате или укрыться в пещере. В конечном итоге суть требования заключается в том, что перепросмотр нельзя производить в совершенно открытом месте.

Инструкция имеет как психологический, так и энергетический смысл. Закрытое место создает иллюзию защищенности и обеспечивает тишину. Сужение сенсориума за счет замкнутого пространства вызывает следующие необходимые для перепросмотра эффекты:

а) переключение внимания с внешнего на внутреннее за счет ограничения сенсориума. Психологически это связано с ограничением поля внимания на фоне безопасной изоляции от любых масштабных процессов снаружи, энергетически — препятствует движению эманации кокона вслед за вниманием и восприятием, способствует уплотнению поверхностных слоев и, следовательно, обеспечивает условия для правильного сосредоточения;

б) практик начинает ощущать замкнутое пространство, когда в результате ритмического дыхания усиливается чувствительность энергетического тела. Тело воспринимает «защищенность», что позволяет отвлечь внимание от настоящего и погрузиться в прошлое. (Изготовление ящика и сжигание его — всего лишь ритуал. Как и всякий ритуал, он не обязателен в толтекской дисциплине, хотя может усиливать эффект перепросмотра, если практик сосредоточен на *намерении* «ящика».);

в) темнота помогает концентрации. Ее влияние — исключительно психологическое и перцептивное.

Все вышеописанные процедуры во время сеанса перепросмотра участвуют в формировании специфического транса. Нам осталось лишь коротко рассмотреть основные методы, непосредственно имеющие отношение к трансу.

Наведение транса (4):

а) формулировка и четкое осознание *намерения* перепросмотра — постановка цели. Ее следует сформулировать одной фразой. Обычно цель содержит два пункта: 1) *ясное и сильное перепроживание* всех вспоминаемых ситуаций, 2) *изменение отношения к воспоминаниям с точки зрения безупречности* (моделирование новой реакции). Это и есть один из методов реимпринтирования, о котором говорилось выше. Помните: *наведение транса не должно быть целью*, т. к. это немедленно вызовет сопротивление. Тональ нельзя брать «в лоб». Он сохраняет свою неизменность и не терпит посягательств на режим восприятия или осознания. Потому используются известные «хитрости» — например:

б) расслабление;

в) синхронно с дыханием повторение сцены, фразы, образа, которые являются объектом перепросмотра;

г) *БЕЗДУМНОЕ* созерцание воспоминания. Оно сопровождается замедлением или кратковременной остановкой внутреннего диалога, что как правило приводит к расширению вспоминаемой «области». Когда зона вспоминаемого расширяется, вы переключаете внимание на самый сильный сигнал (образ, сцена, ощущение) из появившихся. После чего повторяете тот же прием — бездумно созерцаете его. Затем во вспоминаемой области возникает еще один сигнал и т. д. — вплоть до перегрузки тоналя. В результате серии «созерцаний» вы можете погрузиться в состояние глубокой остановки внутреннего диалога, сосредоточившись на максимальном объеме информации воспоминания. Затем переходите к следующей сцене, и так до бесконечности.

Знаменитое «покачивание головы» вправо-влево, которому иногда придают особое «энергетическое значение», судя по всему, просто ускоряет вхождение в транс, поскольку создает неопределенность интерпретации сигналов, поступающих от вестибулярного аппарата. Когда движения головы синхронизированы с дыханием, энергетическое тело невольно активизируется в затрудненной ситуации восприятия, что облегчает смещение точки сборки.

И наконец, следует отметить важную деталь, касающуюся характера воспоминаний. Человек, обращаясь к прошлым событиям, склонен *не перепроживать* их, а *моделировать*. В академической психологии это называется соответственно *диссоциированное воспоминание* и *ассоциированное воспоминание*. В первом виде воспоминания наблюдающее «Я» пребывает за границей сцены (сверху, сбоку) и никак не участвует в ней. На самом деле это не настоящая память, а всего лишь умственное *представление* о том, что и как происходило с вами. В ассоциированном воспоминании вы находитесь *внутри* переживаемого — то есть там, где были когда-то на самом деле.

Тональ всегда с большим трудом переходит от диссоциированного воспоминания к ассоциированному. Проблема все та же. Второй вид памяти — это смещение точки сборки, а мы предпочитаем «разглядывать» свое прошлое формально, не покидая своего сегодняшнего места.

Чтобы сдвинуть точку сборки во время перепросмотра, мы провоцируем некое подобие трансa. Запомните — *пока вы вспоминаете диссоциированно, вы ничего не перепросматриваете*.

Однако подлинный (ассоциированный) перепросмотр смещает точку сборки все глубже и глубже. И это вызывает специфические переживания.

Динамика перепросмотра вообще подобна перцептивным феноменам при изменении режима восприятия. Она часто бывает «взрывообразной», и в этом смысле почти точно повторяет процесс вхождения в осознанное сновидение или во второе внимание. Месяцы и даже годы вам могут сниться обычные сны, и вдруг происходит взрыв осознания. При перепросмотре мы имеем дело со схожим явлением. Попытки вспомнить что-либо (полноценно, ассоциированно) упираются в жесткую фиксацию точки сборки, и вы не воспринимаете ничего — память словно мертва, только пустота и темнота. Но наступает момент неожиданного прорыва, — и прошлое открывается, как консервная банка. Иногда это случается даже не во время сеанса перепросмотра, а где и когда угодно — негибемое намерение на фоне спонтанной остановки внутреннего диалога наконец срабатывает. Это и есть начало настоящего толтекского перепросмотра.

В книге «Видение нагуаля» (2002) я описал метод «перепросмотра будущей судьбы». Его сущность сводится к систематическому описанию всех возможных в будущем реализаций и неудач, связанных с ними эмоциональных состояний в соответствии с определенным алгоритмом. Описанный алгоритм позволяет заранее прочувствовать основные линии своей судьбы и, таким образом, избежать многих ошибок.

Но у этого метода есть побочный эффект, способствующий перепросмотру прошлых событий и состояний. Если его применить в полном соответствии со всеми описанными выше рекомендациями, мы получаем еще одну лазейку для произвольного внимания. Дело в том, что моделируя возможные в будущем переживания, мы так или иначе вовлекаем в работу тот опыт, которым мы уже обладаем. Иными словами, воображая будущее, мы так или иначе опираемся на прошлое, и это может привести к неожиданным открытиям. Далеко не всегда память подчиняется прямому обращению к ней, и тут на помощь приходит воображение. Будучи условностью (поскольку мы пытаемся пережить то, чего в личной истории еще не было), оно не встречает такого сопротивления. Образно говоря, мы можем неожиданно для себя проникнуть в какое-то воспоминание с черного хода. По законам психологической ассоциации и энергетической связи моделирование чувства приводит к пробуждению забытых сцен и событий, имеющих отношение к этому чувству. Условием успеха здесь, как и во время традиционного перепросмотра, является состояние транса.

Стоит обратить внимание еще на один момент. Его можно назвать «временем перепросмотра». Дело в том, что *намерение текущего сталкинга* и *намерение перепросмотра* плохо сочетаются друг с другом. Поскольку на практике мало кто имеет возможность полностью исчезать из мира на два месяца в году, чтобы перепросмотр стал единственным содержанием жизни, мы должны уметь переключаться — текущий сталкинг и перепросмотр иногда чередуются ежедневно.

Намерение перепросмотра постоянно уносит наше внимание в прошлое, возрождает однотипные ситуации и связанные с ними чувства, а намерение текущего сталкинга состоит в выслеживании данного момента, в расширении области произвольного внимания, как было описано в предыдущей главе. Я не советую сочетать эти вещи. Во-первых, такая «погоня за двумя зайцами» снижает эффективность и перепросмотра, и текущего сталкинга. Пытаясь немедленно, в ситуации реагирования, вспомнить подобные ситуации прошлого опыта, вы уходите от выслеживания реакции «здесь» и «сейчас». При этом вы все равно не способны произвести качественный перепросмотр, потому что он требует всего вашего внимания, а в ситуации реагирования и коммуникации с окружающими часть внимания должна оставаться «снаружи». Во-вторых, вы смешиваете опыт и формируете вредную привычку — во время действия и общения вы рассеяны, потому что бессознательно путаете текущий сталкинг с перепросмотром, во время перепросмотра вы то и дело возвращаетесь в «настоящее», потому что успели выработать установку на сканирование текущей ситуации.

Перепросмотр — это процедура, которая требует полного погружения и отвлечения от происходящего в данный момент. Если вы непроизвольно погружаетесь в воспоминание, когда заняты текущим сталкингом, лучше остановите себя. Искусство контроля заключено именно в разделении состояний. Только так можно добиться высокой эффективности. Иначе вы окажетесь в курьезной ситуации — нельзя же, в самом деле, постоянно убегать и прятаться в темном месте, чтобы срочно перепросмотреть возникшую эмоцию. Метаться между текущим сталкингом и перепросмотром — неправильно, и от этого мало пользы. Оставьте для процедуры конкретное время, когда вас никто не потревожит. Ведь только настройка энергетического тела на глубокий перепросмотр может занимать до получаса. Качественный текущий сталкинг поможет качественному перепросмотру, и наоборот. Но надо работать над ними отдельно. Здесь интеграция заключается в высокой интенсивности осознания, а она возникает благодаря совершенствованию внимания.

Поскольку перепросмотр способен почти полностью переформировать наши поведенческие программы, его влияние на судьбу и внешние обстоятельства бывает поистине колоссальным. Вкратце воздействие перепросмотра сводится к таким моментам:

- а) изменяется референтная среда и круг регулярного общения;
- б) изменяются способы разрешения проблем и кризисных ситуаций;

в) «мелкие тираны» перестают оказывать неблагоприятное психологическое (психоэнергетическое) воздействие либо исчезают из окружения;

г) прекращаются повторяющиеся ситуации, вызванные фрагментами поведенческих программ, содержащими ошибки или обеспечивающими замкнутость описания;

д) повышается общий энергетический тонус за счет прекращения неактуального возбуждения полей кокона (то, что дон Хуан называет «возвращением светящихся нитей»).

Об эффектах сталкинга и перепросмотра, выходящих за рамки стандартного описания (синхроничности, влияния, перцептивные иллюзии) мы поговорим отдельно.

Стирание личной истории

К своей личной истории мы обращаемся с двумя целями: а) чтобы поддержать свою адаптивность, б) чтобы поддержать непрерывность своего *образа себя для других*. И это приходится делать куда чаще, чем кажется. Любая стандартная реакция на ситуацию есть продолжение или проекция предыдущей личной истории индивида.

Липкая паутина социальной сети порабощает нас несколькими способами одновременно. Во-первых, личная история обуславливает *диапазон реагирования*: какие реакции и в какой степени сдерживать, как их модифицировать и т. п. Во-вторых, личная история «окрашивает» реагирование идеями, ценностями, мотивами, чем детерминирует стратегию (сценарий) реагирования. Личная история — это пролог той пьесы жизни, которую мы наблюдаем ежедневно. Это место, значение и потенциал роли в принятом контексте (мета-роль). Ученый, как правило, не поджидает противника в подворотне с кастетом. Бандит не ведет дискуссий с жертвой нападения. Ситуации такого рода обыгрываются в комедиях, — они тем и смешны, что поведение героя не соответствует его образу, т. е. роли и стоящей за ней личной истории.

В чем заключена гипнотическая сила личной истории? В том, что она вырабатывает в нас *автоматизм подтверждения*. Мы бесконечно подтверждаем ожидания окружающих — даже оставшись в полном одиночестве.

Дон Хуан, если верить сообщениям Кастанеды, предложил ученику «мистификаторский» способ стирания личной истории. Он заключался в том, чтобы поменьше докладывать окружающим о своих реальных делах, одновременно рассказывая отвлекающие истории, в которых нет достоверной информации о вашей жизни.

Этот метод представляется достаточно экзотичным и не всегда применимым. Перепросмотр и сталкинг могут избавить нас от главного шаблона, который формирует личную историю для других. Эти техники позволяют выследить и трансформировать *автоматизм подтверждения*.

Ведь для прогресса на дон-хуановском пути важно не то, что знают о вас окружающие (хотя и здесь лучше избегать чужого внимания по мере возможности). Важнее всего — *что* думаете вы сами по поводу чужих мыслей о вас. В тот момент, когда вы *вообще перестанете* об этом думать и подтверждать чужие мнения, прогнозы, оценки и ярлыки, начнется подлинное стирание личной истории.

Исчезновение автоматизма подтверждения удалит из поля актуальных переживаний сам «образ себя для других». И в самом деле — как можно думать о себе что-то определенное, если вы осознали себя как Человека Неведомого, Человека-Тайну?

Никто не может знать о сталкере ничего абсолютно достоверного. Сама природа дисциплины исключает такую возможность.

Тональное описание человека адекватно функционирует лишь в том случае, когда его внутреннее содержание соответствует означенному в инвентаризационном списке локусу социальной модели. Сталкеровская игра, его «маскировка», как бы ни была она совершенна, формирует своеобразный «туман», образует дистанцию между формой и содержанием. Отсюда — иррациональная неуверенность окружающих, их неспособность безоговорочно поместить вас в социально-перцептивный контекст.

Вспомните, насколько неполным кажется образ дона Хуана в книгах Кастанеды при всей его выпуклости и реальности. Еще более отстраненным выглядит Хенаро — и вовсе не потому, что мы не знаем, где он вырос, кто его родители, и т. д. и т. п. *У них нет «места» в стандартном описании мира.* Ведь они даже не шаманы, ибо шаманы вызывают духов, пляшут под барабанный бой, от них ждут предсказаний и магических действий.

Вот эта позиция неопределенности и недоумения есть следствие стирания личной истории. Придумав себе новое имя, уничтожив документы и уехав в места, где не встретишь давних знакомых, — от личной истории не избавишься.

Перепросмотрите свой автоматизм подтверждения — это хорошая практика. Не пытайтесь имитировать вызывающее, чудаковатое поведение. Лучше станьте «белым пятном», которое не вызывает никаких реакций у окружающего народонаселения. Вас будут звать по имени, помнить, когда и где вы родились, но по сути ничего не изменится. Вы просто перестанете существовать как семантический объект в системе координат чужого тоналя. И это увеличит ваш шанс прийти к свободе.

Допустим, вы в описании окружающих существуете как «раздражительная и самоуверенная личность». Таким образом вас привыкли воспринимать далеко не первый год. Иными словами, вы — не столько имя и должность, сколько совокупность психологических характеристик, у которых есть своя личная история. Каждую из этих характеристик сталкер способен выследить и перепросмотреть. Автоматизм становится осознанностью — и характер реагирования изменяется. Стоило вам осознать свою раздражительность, и ее характер изменился. Таким же образом могут изменяться любые ваши качества. Эти изменения непредсказуемы, потому что зависят не от ситуации, а от силы осознания, приложенной сталкером к себе произвольным образом. Непредсказуемость, несвязанность алгоритмом обстоятельств и ситуативным контекстом делает сталкера «белым пятном» в мире окружающих. Очевидно, это и есть «стирание личной истории».

Заключительный этап практики сталкинга и перепросмотра — *потеря человеческой формы.* Конечно, это интеграция внешних и внутренних условий. С одной стороны, толтек остается без личной истории, с другой — он лишается собственных, самых интимных автоматизмов. Я не стану описывать это явление, поскольку оно требует личного опыта. Мне еще не довелось стать «бесформенным воином», так что все рассуждения на этот счет будут пустыми догадками.

Одно лишь можно утверждать наверняка. По мере приближения этого знаменательного события, фиксация точки сборки снижается радикальным образом. Погружение в сновидение и второе вникание не вызывает ни малейших затруднений. И здесь — в сновидении — навык сталкинга демонстрирует себя во всю мощь.

Характер сновидения (восприятие второго внимания) меняется. Оно становится упорядоченным и целенаправленным. Влияние сталкинга во время смещения точки сборки в сновидении усиливается в следующем порядке.

Поначалу большинство сновидцев уходит в те зоны, которые их чем-то привлекают («любимые места»). Это уровень *бессознательности* (1).

Далее, непрерывно практикуя сталкинг наяву и в сновидении, вы начинаете двигаться в измененных режимах восприятия по-разному. Частично вы уже контролируете себя, частично — вас влекут рефлекс, импринты, страхи, ожидания и проч. Это уровень *частичной осознанности* (2).

Следующий этап — интеграция основных паттернов произвольного внимания, взятых из бодрствования, но при наличии того же давления бессознательного, что и наяву. Это уровень *осознания интеграции* (3).

Последний уровень — когда бессознательное в сновидении становится доступным трансформации в той же степени, в какой оно доступно при использовании психологических и медитативных техник наяву. Этот уровень можно назвать *работой с целостным осознанием* (4).

Полноценное влияние сталкинга на сновидение и второе внимание начинается на уровне (3) и полностью раскрывается на уровне (4).

Выслеживание реакций и автоматизмов, их остановка и трансформация даже в том случае, когда вам доступен практически весь объем произвольного внимания, — работа нелегкая. «Поймать» самого себя в состоянии транса — это почти подвиг. «Поймать» себя в сновидении — высокое искусство, которому учатся годами и десятилетиями. Но текущий сталкинг дает шанс добиться этого.

Последовательное и регулярное применение сталкинга и перепросмотра разительным образом меняют самоощущение практика. Подробнее об этих интересных явлениях мы будем говорить в следующей главе, здесь же необходимо отметить вот что.

В периоды интенсивного перепросмотра (2—4 часа в день) его последствия переживаются практически непрерывно. Всякая перцепция и реагирование изменяют свой характер, что вызывает специфическое чувство в течение всего периода. Прежде всего заметным становится удаление перцептивного центра от внешних сигналов. Оно не имеет ничего общего с самопогружением или рассеянностью. Восприятие остается ярким и четким. *Ощущение удаленности* возникает из-за постоянного присутствия паузы между самим восприятием и реакцией на него. Иногда оно напоминает люцидный сон или даже череду стабильных «видений». Окружающий мир «касается» воспринимающего словно бы в иных областях энергетического тела — он ярко и сильно демонстрирует себя, но отчужден. Энергообмен усиливается, но не в тех каналах, которыми мы привыкли пользоваться в базовом режиме восприятия.

Это связано не только со смещением точки сборки, но и с перераспределением внимания. Поля внутренних эманации, возбужденные перепросмотром, довольно долго сохраняют повышенную активность и невольно привлекают к себе. Это любопытный феномен: обращение к прошлому вызывает странную кинестетику и аморфные проприоцептивные переживания. Это что-то вроде «онемения», прохладной волны или медленной вибрации в области затылка и задней проекции горлового центра. Это характерное замирание в груди, которое может образовывать область новой чувствительности за солнечным сплетением.

Перечисленные зоны энергетического тела связаны с нашим переживанием временного потока — они реагируют на возбуждение прошлых «следов» и прошлых состояний нашего кокона.

Фактически это означает, что ЭТ полагает актуальной областью более широкий отрезок субъективного времени, чем обычно. Ну а поскольку для кокона прошлое и будущее равнозначны (ибо в Реальности не существуют), то следствием такого перераспределения внимания становится *обостренная чувствительность, направленная на Время как таковое*. Это начальная предпосылка того странного состояния, которое дон Хуан называл «поворотом сталкера». Интегрируя прошлое и настоящее во время перепросмотра, мы обнажаем изначальную *условность* времени и этим открываем дорогу широкой восприимчивости вне темпоральной оси «прошлое — настоящее — будущее», которую усердно строит и поддерживает человеческий тональ.

Второй эффект — более общего характера. Это диссоциация мышечных напряжений, кинестетики и эмоциональных переживаний. Он возникает в результате текущего сталкинга, а также при неделании и ОВД. Перепросмотр лишь усиливает его в максимальной степени. Телесные и мышечные реакции явно отделяются от внутренних состояний. Тело вздрагивает, по нему могут пробегать мурашки, волны специфического озноба, напоминающие электрические разряды. Это происходит в ответ на разнообразные внешние стимулы, которые раньше вызывали прежде всего эмоции — страх, обиду, злость, жалость и т. д. Сталкер начинает ясно воспринимать все эти процессы как движения энергии (транслируемые кинестетически), а не как эмоции. Это полезное наблюдение. Оно открывает новую область опыта, не абстрактно, а вполне чувственно показывая толтеку подлинную природу того, что раньше казалось ему фактами психологии.

На первых порах энергия кажется неуправляемой. Собственно говоря, ничего не изменилось. Если до начала практики неуправляемыми были эмоции, то теперь — потоки и импульсы сил. Радикально изменилось только отношение к эмоциям и их понимание, но и это немало. Наконец-то в области ясной перцепции оказался *предмет трансформации*, а не символ из сотворенного тоналем описания. Изменив локализацию энергии, направление импульса, мы можем усилить тело, в то время как раньше лишь ослабляли его. Самый простой способ — направить энергию от периферии кокона в сторону «стержня», а также из областей высокой плотности (туловище) в сторону более разреженных (голова и ноги).

Тонкости управления энергопотоками открываются постепенно и всегда очень индивидуальны. Здесь играет роль и место, и характер, и интенсивность кинестетических трансляций. Методы могут быть бесконечно разнообразны, так что это — область эксперимента. Можно превращать «электрический разряд» в «ощущение волны», дрожь — в тепло и т. п. Непроизвольные позы и мышечные блоки также можно использовать для того, чтобы изменить течение энергии.

Высшим достижением в области энергетического «делания» становится целенаправленный выброс потока из пупочной области для осуществления воздействий и влияний на внешнюю среду. То, что дон Хуан называл «обретением *воли*», — следствие искусного сталкинга. Так второе кольцо Силы объединяется с первым. И здесь начинается *магия*.

Глава 8. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОНАЛЯ И САМООЩУЩЕНИЕ СТАЛКЕРА

" Мы чувствуем, что оказались в свете сознания, потенции, океана энергии, мы способны, не фиксируясь, различать свободные волны ее процессов и качеств, и все же остается чувство личности, могущественного существа, Кого-то сильного, возвышенного и прекрасного, Я, не ограниченного природой... "

Ауробиндо Шри

Пока мы рассуждаем о сталкинге и перепросмотре как совокупности психологических техник или процедур, сущность таинственных изменений и связь с паранормальным и психоэнергетическими способностями остается на втором плане. Она кажется совершенно неочевидной и даже надуманной. Конечно, так могут считать лишь теоретики, ибо практический опыт демонстрирует обширную гамму эффектов, часть которых вообще не укладывается в доступную нашему воображению описательную модель.

Во-первых, значительно изменяется самовосприятие и самоощущение сталкера. Своей кульминации изменения достигают в виде радикального энергетического факта — «потери человеческой формы». Во-вторых, качество существования энергетического тела во внешнем поле становится принципиально иным, приобретает качество особой интенсивности взаимовлияния.

Собственно говоря, это общеизвестная и банальная мысль — человек строит свою судьбу. Но судьба остается чем-то неведомым и даже стихийным, внушая мифологические идеи о роке или фатуме. Индуисты говорят о карме и тем самым превращают судьбу в космическую силу, что намного выше человека. Кармические корни скрыты во мраке прошлых реинкарнаций, и железная цепь причинности восходит к древнейшим эпохам мироздания. И все это по одной простой причине — *человек не знает самого себя*. Пока он пребывает в невежестве, его участие в созидании судьбы стихийно, отчего и возникает впечатление *отчужденности* от судьбы, словно силы, правящие нашей жизнью, исходят из далеких и непостижимых сфер. Но *тотальный сталкинг* усиливает осознание настолько, что мы находим «генератор» судьбы внутри самих себя.

В-третьих, сталкинг и перепросмотр всесторонне активизируют поля кокона. Это влечет за собой пробуждение каналов энергообмена, которые раньше были либо заблокированы, либо работали произвольно, неэффективно, мало влияя на тонус и действия нашего существа. Кроме того, зарождается энергетический «двойник», *тело сновидения* наяву — та структура, что чутко реагирует на малейшие колебания точки сборки и может принимать участие в жизни физического тела. Разумеется, без качественной практики сновидения этот «двойник» никогда не обретет функциональной самостоятельности — именно в толтекском сновидении он учится двигаться, действовать, защищаться и воспринимать удаленные области. Выражаясь метафорически, это тело второго внимания. Наяву оно постоянно опирается на силы развитого тоналя основного кокона и потому практически неощутимо. Телу сновидения не нужно в первом внимании принимать решения, да и вообще принимать участие в структурированном восприятии. Лишь в моменты серьезного кризиса сталкер может почувствовать его активность — когда тональ парализован, пребывает в недоумении, растерян.

Если пробудившийся «двойник» сталкера отождествляет себя с физическим телом, практик погружается в *сновидение наяву*. Но если он своим непостижимым «разумом» решает проснуться за пределами основного кокона, можно пережить впечатляющий «выход из тела». Предпосылкой этих феноменов всегда является спонтанная остановка внутреннего диалога и мощный импульс *намерения*, чаще всего неосознанный. Причем неосознаваемость намерения вовсе не говорит о низком качестве внимания у сталкера — просто здесь *ничего* осознавать. Ибо намерение в чистом виде никак не может быть «прочитано», у него нет содержания, ему не соответствует ни один пункт инвентаризационного списка.

Сновидящие тоже развивают структуру «двойника» — даже в том случае, если не занимаются сталкингом. Но «двойник» сновидящего крайне редко находит возможность выйти на поверхность, поскольку окружен инертными бессознательными слоями кокона, которые наяву может расшевелить только качественный и длительный сталкинг.

Если говорить о сталкинге как психоэнергетической практике, влияющей на активность как основного кокона, так и тела сновидения, а также на трансформационные процессы, ведущие их к функциональной интеграции, то следует прежде всего отметить, что сталкинг вызывает углубление точки сборки и формирует ее поведение в «погруженном» состоянии.

Этот момент влияет на практику сновидения и определяет конкретные изменения в осознании сновидца. В одной из книг я упомянул, что есть два вида сновидящих — одни предпочитают движение ТС, другие — сдвиг внутрь. И это, как легко понять, — не вопрос сознательного решения, а следствие конкретной конституции тела. Говоря упрощенно, все дело в личном опыте практика и характере намерения.

Следует лишь заметить, что сдвиги внутрь становятся предпочтительными при использовании растений силы, но и этот фактор не является решающим. Склонность перемещения точки сборки во внутренние поля энергетического тела связана с интенсивностью безупречности. Именно путь воина способствует гармоничным изменениям энергетики. Об этом надо сказать несколько слов.

Для меня «движение» точки сборки — более удобная практика, поскольку здесь я лучше чувствую тело сновидения и соответственно могу с большим успехом работать над его уплотнением. Но это не значит, что при сдвиге внутрь этого делать нельзя. Сдвиг — это начальный этап, где можно изучать миры сновидения, но дальнейшая работа обычно приводит к движению — по мере очищения тоналя от галлюцинаций внутреннего производства. Тогда «тело сновидения» неминуемо отделяется от основного кокона, увлекаемое нефиксированной ТС. Движение больших эманации рано или поздно выталкивает ТС наружу. (Вообще, любое толтекское сновидение, по мере усиления осознания, все чаще включает в себя эпизоды восприятия, вызванные движением ТС, а не ее внутренним сдвигом.)

Фиксируя ТС «внутри» и воспринимая тот или иной мир сновидения, энергоструктуры тела сновидения усиливаются в качестве «воспринимателя», а не действующего агента. Это просто другая сторона процесса усиления осознания. Для тотальной трансформации нужно следовать и тем и другим путем (т. е. и погружаться вглубь, и двигаться наружу), поскольку в конечном итоге мы нуждаемся как в качественном восприятии, так и в хорошо контролируемом действии. Если работать достаточно долго, так и происходит — независимо от изначальной предрасположенности. Одни практики годами сдвигают ТС, а потом естественным путем открывают для себя «движение», другие — работают в обратной последовательности. Те и другие в конце концов приходят к интегрирующему состоянию — *сновидению наяву*. Это и есть высшая магия, так как сдвиги трансформируют основной кокон, меняя плотные поля физического тела, а «движения» дают опыт целостных перемещений (сначала тела сновидения, затем, как мы надеемся, тотальной телепортации всей энергетической массы).

Об этой гармонизации двух сторон исследования измененных режимов восприятия идет речь, когда мы рассуждаем об особой роли сталкинга. Без сталкинга, нацеленного на поддержание высокой безупречности, точка сборки склонна всегда пребывать в поверхностных слоях кокона. Любой импульс, полученный в этом состоянии, вынуждает ее скользить вверх — в сторону менее плотных и достаточно подвижных сегментов энергетического тела, а затем, используя давление стержня кокона, выскакивать наружу. В результате таких эволюции точка сборки имеет небольшое число связей с плотными полями основного кокона. А это, в свою очередь, означает, что трансформация физического тела происходит довольно медленно.

Надо сказать, что такое положение наиболее распространено и часто кажется непреодолимым. Настроение безупречности и сталкинга создает тот силовой вектор, который погружает точку сборки, направляет свечение осознания вглубь, и этим самым превращает все последующие ее перемещения в более мощный и значительный по своим последствиям процесс.

Чем интенсивнее осознанность толтека, чем больший объем ощущений тела контролируются им при всяком смещении точки сборки, тем более выражен трансформационный эффект. Сдвиг и последующее движение точки сборки всегда влекут за собой некоторую массу внутренних эманации. И от глубины сталкинга зависит, насколько погружена точка сборки в своей исходной позиции. Чем она глубже, тем больший объем «свечения» следует за ней. На практике это определяет, какой объем силы и внимания оказывается доступен практику во втором внимании. С одной стороны, это

— «объем» его Трансформации, с другой — «объем» его магической энергии, поступающей непосредственно из непостижимого океана *нагуаля*. (Выражаясь фигурально, можно сказать, что сращение контролируемого осознания в новом положении и того фрагмента Большой Реальности, что становится ему доступна, и есть загадочное место неопишуемого действия, где мы получаем возможность странствовать, — «темное море осознания» толтеков.)

Вообще же, нашему осознанию наяву в результате определенной практики (пока мы остаемся людьми) доступна не одна позиция точки сборки, а несколько:

- а) обычная позиция («позиция обусловленности человеческим миром»);
- б) смещенные позиции, связанные с доминированием тех или иных искажений в «мире описания» конкретной личности;
- в) несколько смещенных позиций, которые сопровождают практика на пути углубления безупречности в повседневной жизни;
- г) позиция «места без жалости»;
- д) позиция «повышенного осознания»;
- е) позиция сталкера («свободного выбора»).

Можно было бы добавить сюда позицию «сновидения наяву», но, во-первых, это не одна позиция, а целая зона, во-вторых — этот тип осознания лишь частично относится к бодрствованию (первому вниманию).

Таким образом, у тоналя даже в «человеческом мире» есть выбор. Он может по-разному воспринимать мир и реагировать на него. А ведь это не абстракции и не умственные идеи. За избранной позицией восприятия стоит содержание жизни, конкретная судьба. Для каждого режима перцепции характерны свои ценности и мотивы, свои выборы и предпочтения. Если речь идет о людях, не занимающихся самоизменением, то чаще всего мы сталкиваемся с вариантами типа б). Это, как правило, непродуктивные и вредные искажения.

Взгляните на окружающих. Стоит человеку на месяц вообразить себе, что он «глубоко несчастен», и страдалец впадает в депрессию. Последствия такого искажения отнюдь не субъективны, они прямо влияют на его судьбу. Скажем, он может навлечь на себя самые разные неприятности и неудачи: пристрастие к алкоголю, развод, потерю друзей, работы; а если инстинкт самосохранения ослаблен и состояние затянется — тяжелое заболевание или психическое расстройство. Куда уж «объективнее»!

Подобные случаи встречаются нам повсюду. Мы глубокомысленно качаем головами и говорим банальности вроде «Такова его судьба!», «Вот не повезло!» или «Такой уж он человек!».

Противоположные ситуации внушают оптимизм, а некоторым — зависть. Допустим, человек «поверил в себя» — и стал успешным бизнесменом, выдающимся художником или просто выиграл крупную сумму. Причем на поверхности лежит только результат. «Повезло!» — скажет обыватель со вздохом. Никто не думает, что в основе всякой (счастливой или неудачной) судьбы лежит позиция восприятия. Элемент случайности, от которого в этом мире никуда не деться, в конечном итоге нивелируется фундаментальной сущностью — положением точки сборки. Можно получить миллион — и через год превратиться в нищего. Можно сделать великое открытие — и прозябать в неизвестности. Основополагающая сила позиции нашего восприятия так или иначе приведет мир в «соответствие».

Психологические схемы, которые обеспечивают «удачливость» или бесконечные провалы любых предприятий, в вульгарной форме пропагандируются самодельными учителями житейской психологии — начиная с Карнеги и заканчивая самыми разными проповедниками, зарабатывающими на тренингах и семинарах под девизом «Поверьте в себя и станьте миллионером!». Они давно популярны на Западе, но сегодня плодятся и у нас, сочиняя эклектические мироописания, где личный произвол эгоистического желания запросто укладывается в высокопарные рассуждения о предназначении человека и его «божественной» сущности. Одни манипулируют метафизикой (как, например, сайентология), другие — психологическими проекциями (как ставший в последние годы известным Симорон). Суть всех подобных учений сводится к одному лозунгу: «Я хочу — следовательно, я могу!» Одни «подчищают» описание мира так, чтобы оно соответствовало поставленным задачам, другие — безмятежно игнорируют его, заявив, что вырвались на свободу и теперь конструируют личную жизнь без лишних ограничений, которые присущи энергетическому объективизму.

Все они пользуются одним и тем же приемом — смещают точку сборки и получают набор новых возможностей энергообмена. Их не интересует, что будет дальше; для новой позиции точки сборки они находят приятное и многое «объясняющее» описание. Зачем же странствовать и бесконечно меняться, когда прямо здесь, в двух шагах от базового режима перцепции, живет простое человеческое «счастье» — в виде удачной карьеры, выгодного брака, влияния на друзей и врагов и даже — управления погодой в пределах родного квартала.

Конечно, я максимально упростил схему. Мы долго обсуждали, почему и каким именно способом точка сборки оказывается там или здесь. Импринтирование и кондиционирование (как выражаются психологи), личная история и намерение, природная конституция, определяющая силу и гибкость ума, красочность и стабильность воображения — все это двигает, останавливает, отталкивает и притягивает. Вся эта совокупность составляет тональ, наше личное «описание мира», — и детерминирует причинно-следственные связи, как психологические, так и внешние «обстоятельства судьбы». Это и есть *мы* от рождения до смерти, со своим счастьем и несчастьем.

Обычный человек — это послушный раб позиции своей точки сборки. Ничто не собьет его с изначально заданного маршрута. Подобно обреченному эшелону, он движется от станции к станции, и некому направить рельсы в другую сторону даже в том случае, если машинист и все пассажиры знают об ожидающей их на последней остановке гибели. А ведь и такое случается нередко! Помимо того, что мы бессознательно предчувствуем судьбу в ее общем виде, мы еще можем знать конкретные последствия принятой жизни. Так, вор «знает», что сядет в тюрьму, наркоман — знает, что умрет в самом жалком и мучительном состоянии, пьяница — знает, что никогда не сможет жить достойно. Это — самые очевидные примеры, а сколько «знаний» о последствиях своих ошибок (еще до того, как они совершены) имеет самый обычный и даже благополучный человек! Но ничего нельзя сделать. «Судьба», «железная цепь кармы» — вот и все, что мы говорим себе, кое-как перетаскивая свое дряхлеющее тело по переулкам жизни.

На самом деле это не так. Но — любопытно! — многие даже не хотят ничего слушать, ничего принимать в расчет, тем более, не хотят ничего изменять в самых простых случаях. По поводу этой печальной ригидности человека психологи пишут тома. Их описания бывают верны и проницательны, наблюдения — подробны и охватывают десятки самых разных аспектов. Правда, терапия, основанная на этих верных описаниях, не так уж часто помогает. Может, самый главный и совсем не сложный аспект просто теряется в солидных пособиях по психодиагностике? Точка отсчета определяет всю систему координат. Позиция восприятия определяет то, чего мы хотим, и то, от чего мы убегаем всю свою жизнь. Мы убегаем от «страдания» (в самом широком смысле этого слова) и хотим «удовольствия». Положение центра системы определяет содержательную наполненность этих понятий.

Сталкер — это и в самом деле «манипулятор» (как полагают многие). Но манипулирует он самим собой.

Если сталкер придерживается толтекского мировоззрения, то в его взгляде на эту работу должны всегда присутствовать два аспекта:

а) *содержательный (психологический)*;

б) *психоэнергетический*.

Эти аспекты взаимно влияют друг на друга и определяют конкретные способы сталкинга.

Содержательный — сосредоточен на символах, понятиях, соответствующих символам эмоций, импринтах, рефлексах и т. п. Пребывая в мире описания, сталкер пользуется элементами описания, чтобы произвести необходимую перестройку (рекомбинацию). Содержания влияют друг на друга, синтезируют новые символы (метасодержания), а те, в свою очередь, оказывают нужный эффект на реагирование и поведение.

Психоэнергетический аспект идет от противоположного — зная о том, какие эффекты сопровождают требуемое изменение, они «делаются» сталкером по модели всякого *магического делания*. Это — саморегуляция, ведущая к возникновению изменений за счет механизма обратной связи. В самом поверхностном виде его использует нейролингвистическое программирование («якорение», моделирование «субмодальностей», «транса» и мн. др.) и ряд других технологий. Однако, имея представление об устройстве энергетического тела, а также о связи различных областей (зон) кокона с конкретными формами психоэмоциональной активности, можно манипулировать собой в куда больших масштабах, а главное — сосредоточившись на тех импринтах, комплексах и чувствах, которые до этого практическая психология редко и мало использовала для личностных трансформаций человека. (Не говоря уже о том, что само применение «магического делания» для подобных целей оказывает существенное воздействие на всю совокупность внутренних эманации человека, поскольку вовлекает непосредственный и, с точки зрения Трансформации, самый эффективный инструмент — *осознанное произвольное внимание*.)

«Мнимые сталкеры»: деградация намерения

Особый интерес у «мнимых сталкеров» вызывает тема игры с окружающими. Эти субъекты обожают интриги, розыгрыши, разнообразные испытания и тесты. Сразу скажу, что это ни в коей мере сталкингом не является. Как правило, такой тип поведения имеет две мотивировки: а) поиски подтверждения собственного мастерства и знания практической психологии, б) чувство собственной важности.

И в первом, и во втором случае мотивы далеки от настроения сталкинга. Так, воин не нуждается в подтверждении собственного превосходства или своей искусности. Занимаясь сталкингом чужого тоналя, он наблюдает и делает выводы. В большинстве случаев он не влияет, а оптимально приспособливается к партнеру (собеседнику, коллеге, начальнику и т. п.). Тот, кто ищет свободу, не нуждается во власти. Сталкер ищет знание, распознает механизмы обусловленностей, стереотипов, рефлексов. Важно помнить, что в большинстве случаев отношение сталкера к другим людям подобно отношению дона Хуана к улитке, переползающей дорогу. Манипулировать человеком — значит влиять на него. А всякое влияние своим обратным эффектом имеет зависимость, не-свободу, ибо подразумевает последствия, за которые придется нести ответственность.

Всякое участие в человеческих играх создает новый пункт в вашем списке для перепросмотра. Это новые психоэнергетические связи, построенные на все тех же вытесненных комплексах (неполноценности, преувеличенной значимости, страха одиночества, влечения к власти, гордыни и т. д. и т. п.). Я не зря назвал манипуляторов-любителей «мнимыми сталкерами», ибо они не осознают, что последствия их действий нарастают как снежный ком, что цель тотального сталкинга и перепросмотра отдалается от них после каждого очередного фокуса. А в худшем случае они не осознают даже истинных мотивов, толкающих их к такому поведению. Мнимые сталкеры обманывают себя, полагая, что поведенческие эксперименты с ближними помогают им что-то выследить — чаще в других, но иногда и в себе. А ведь сама увлекательность игры должна насторожить подлинного сталкера. ЧТО именно увлекает вас? Неужели чистое знание? Неужели остановка собственных стереотипов и автоматизмов? Ничуть. Увлекают эмоции, приятное возбуждение от чувства превосходства и прочего мусора, которым переполнена психика самого обычного человека, ни малейшего отношения не имеющего к сталкингу. Это — *путь самодовольства и самообмана*. Он захватывает, но никуда не ведет.

Мнимые сталкеры весьма склонны к рационализациям, самооправданиям и самообъяснениям. Это довольно распространенная черта. Поскольку банальные рационализации не могут оправдать их поведения в свете толтекской отрешенности, они прибегают к экзотике и особенно тянутся ко всему «таинственному». Подчеркиваю — не к подлинной Тайне себя и Мира, перед лицом которой мы пребываем постоянно — это слишком просто и скучно. Их притягивает надуманная таинственность, извлеченная из громадной свалки иррациональных идей, преданий, суеверий. Они питают собственную важность, выискивая «сакральные знания», и пользуются ими, чтобы оправдать в собственных глазах свои причудливые опыты, не имеющие обычно никакой ценности. Астрология, мантика, древняя мистика чисел и символов — все это завораживает. Сам сталкинг на этом увлекательном фоне забыт и заброшен, зато какая активная деятельность развивается на благодатной почве из обломков древних фантазий! Окончательным оправданием любой нелепицы становится девиз «Я занимаюсь сталкингом». Неудивительно, что кастанедовская дисциплина кажется окружающим еще одним способом сойти с ума по собственному желанию.

Истинные сталкеры незаметны. Они идут по путям мира так, что окружающие принимают их за «своих». Они — как люди Дао, которые живут возле нас, но ничем не привлекают нашего внимания, пока их осознание не вспыхнет в момент окончательной Трансформации.

Поэтому, когда мы говорим о манипуляционном аспекте сталкинга, речь всегда идет о *манипуляции самим собой*. И здесь сталкер должен быть по-настоящему безжалостным. Разрушая привычки, ежедневную рутину своих поступков, действий, эмоций и реакций, практик испытывает не столько интерес или удовлетворение, сколько болезненность процесса. Это можно назвать издевательством над собой, потому что разрывать социальную паутину, сформировавшуюся за долгие десятилетия в вашем сознании, действительно больно. Но всякий раз, когда сталкеру больно, он вспоминает о трансформации *жалости к себе*.

Потеря человеческой формы — фундамент Трансформации

Все, что было сказано в предыдущих главах, по сути, — попытка описания *безупречности*. Кульминацией безупречности является потеря человеческой формы (как это определено в книгах Кастанеды). Этот феномен демонстрирует себя не только и не столько в сфере эмоций и повседневных действий. Контроль над содержанием собственной психики («самосталкинг»), преодоление страха смерти, собственной важности и жалости к себе — всего лишь приемы, упражнения, которые рано или поздно влекут за собой утрату человеческой формы.

Потеря человеческой формы — это энергетический факт. Следуя безупречности на протяжении многих лет, мы всего лишь протаптываем тропинку к этому особенному состоянию. Мы снижаем нашу патологическую фиксацию шаг за шагом — как наяву, так и в сновидении.

С энергетической точки зрения потеря человеческой формы вовсе не означает автоматически исчезновения (растворения, уничтожения) индивидуальной, вполне «человеческой» психики. Это состояние всего лишь свидетельствует о новом состоянии точки сборки. Можно сказать, что в случае потери формы человеческая точка сборки освобождается от той притягивающей силы, которая прежде казалась непобедимой и удерживала наше восприятие в режиме, свойственном «нормальному» человечеству.

Психоэнергетической основой потери человеческой формы является тотальный сталкинг и перепросмотр. Если перепросмотр лишь закрепляет моменты интенсивного осознания, вовлекает в пучины импринтов и первичных рефлексов, где создавалась «форма», где рос и развивался индивидуальный тональ, то тотальный сталкинг производит необратимые изменения с актуальным восприятием и переживанием себя.

Что такое *человеческая форма* и как она поддерживается? Это совокупность присущих человеку фиксаций, энергетических и перцептивных блоков («запретов»), это позиция точки сборки — единственно возможная на фоне этих обусловленностей, и, наконец, генерируемый всей структурой тип энергообмена. Иными словами, это — узел, в котором психология и энергетика человека связаны прочно. Так же прочно, как связаны мышцы и сухожилия в нашем физическом теле.

Понятно, что человеческая форма — это способ существования осознания в индивидуальном человеческом тоне. Это наши «кожаные ризы», наши щиты, но и наши границы, слабости, наша смертность и бессилие. Но структурированное осознание, которое развито человеком и обучено поддерживать гомеостазис формы, следует путями, проложенными произвольным и слепопроизвольным вниманием. Оно следует *выученному*, даже в том случае, если выученное хорошо забыто.

Значит, чтобы понять содержание человеческой формы, нам придется хотя бы коротко рассмотреть главные схемы распределения произвольного и слепопроизвольного внимания. Тотальный сталкинг открывает этот скелет.

Прежде всего, мы — это наше отношение к среде. Мы воспринимаем и реагируем даже в тех случаях, когда осознание чуть теплится, а мотивация равна нулю. Даже аутисты (которые всеми способами демонстрируют безразличие к окружающему) воспринимают и реагируют.

Тональ обеспечивает восприятие через органы чувств и массу второстепенных, аморфных сигналов (иногда кинестетических, иногда — синестетических). Таким образом, внимание движется по «магистралям», проложенным биологически и рефлексивно. Просто так, произвольно, нарушить эту схему нельзя. Более того, у «схемы» есть узлы — важные точки, где объем внимания всегда выше, даже в случае помрачения сознания или на грани помешательства. Кинестетика рук важнее, чем кинестетика пояса, лицо собеседника важнее, чем форма облаков, звуки речи важнее стука молотка и т. д. и т. п.

Мы говорили об «ориентировочной оси», исследовательских областях и прочих зонах внимания, но в применении к технике толтекского сновидения («Видение нагуаля», 2002). Здесь важно учесть другой аспект — то, что все эти области являются каркасом психоэмоциональной матрицы тоналя. Ибо внимание влечет за собой эмоции и реакции.

Когда мы практикуем событийный, не-энергетический перепросмотр, мы бесконечно повторяем давние маршруты внимания: увидел, услышал, почувствовал, испытал, ответил. Если в состоянии глубокого погружения вы вдруг открываете нежданное отклонение памяти от схемы, происходит нечто удивительное — возрождается память энергетического тела, вскрываются импринты...

Здесь начинается настоящая работа по Трансформации. Потому что груз перепросматриваемого прошлого лишь на поверхности связан с формальной памятью, его суть — в движениях эманации кокона. Мы как бы забыли, что обида или радость впервые возникли не в голове, что страх или предчувствие беды мы «ощутили спиной», и т. п.

Уровень личной Силы обнажает элементы кокона, пробужденные вами на уровне энергетического перепросмотра. Сопутствующие ощущения (кинестетические, проприоцептивные, непосредственно полевые) отражают формации, ядром которых может оказаться давний импринт. Если практик настойчив в своем желании вскрыть содержание замкнутой структуры, то напряжение перепросмотра, столкнувшись с мощным сопротивлением тоналя, в конце концов может привести к своеобразному перцептивному «взрыву».

И тогда импринт (символ, сцена, стоящая за импринтом) единым махом возрождается в памяти.

Субъективное взрывообразное переживание пробуждения импринта переживается не так, как сдвиг (смещение) точки сборки. Если изменение режима восприятия влечет за собой неожиданное возникновение в воспринимаемом поле сигналов, которых там *никогда прежде не было* (и мы интуитивно осведомлены об этом факте, «ошеломлены» им), то вскрытие импринта в чем-то подобно проявлению фотопленки или отпечатку изображения на фотобумаге. Оно завораживает своей последовательностью, своим пошаговым возникновением «словно из ниоткуда», но *на самом деле все уже было там с самого начала*.

Если при смещении точки сборки свечение осознания сдвигается в новые темные поля, которые никогда раньше не структурировались тональным механизмом, то при вскрытии импринта свечение всего лишь усиливается и углубляется — оно движется по тем путям, которые и раньше в той или иной степени влекли за собой наше внимание.

Особенно ясно это чувствуют те сталкеры, которые обучились высокой чувствительности энергетического тела. Выражаясь фигурально, в наших глубинах всегда вздрагивает два-три синапса, отвечая «беспокойному сну бессознательного» — тем первичным впечатлениям, что всем управляют и вынуждают следовать определенной программе поведения. Конечно, мы не помним, за чем следуем, — все окутано дымкой полусознательного, все в тумане раннего детства или немоте потрясенного миром младенчества.

Маршруты внимания, которыми мы движемся в дневной взрослой жизни, устроены так, чтобы никогда не пересекаться с самыми первыми «станциями отправления». Обычный человек, не практикующий сталкинг, никогда не столкнется с импринтом или констелляцией импринтов, возбуждающих его внимание и всю его энергетическую активность. Мы можем встречать их *формально*, но не способны заново переживать.

Увидев во взрослой жизни ситуацию, ставшую импринтной в возрасте трех лет, мы вряд ли обратим на нее специальное внимание. Это всегда заурядный случай — потому что он не вызовет в нас ту давно забытую эмоциональную бурю, которая, собственно, и делает импринт импринтом. Таким образом, маршрут внимания спасает нас от перепроживания — ибо наличие сенсорных сигналов, образов, пучков, которые когда-то запрограммировали это существо, остается лишь одним аспектом перемещения нашей перцептивной энергии. А мы должны повторить кинестетику (осознание), проприоцептику (ощущение внутренних органов), наконец, мы должны повторить психоэмоциональную гамму во всей ее неоднозначности и специфичности. Тональное внимание обязательно обойдет большую часть описанных здесь аспектов, и импринт останется таким же неведомым, как и раньше. (Я не буду рассматривать отдельные и исключительные случаи, когда перепроживание все-таки происходит совершенно спонтанно — ведь мы изучаем не феномены, а закономерности стандартной психической жизни человека.)

Для стандартной психологической жизни перепроживание импринта возможно только в двух случаях: а) при перепросмотре, б) при мощном возрастании интенсивности осознания в процессе тотального stalking. Второй случай (рассматриваемый здесь) интересен своей неспецифичностью. Импринт как бы сам выходит из тени бессознательного, потому что человек переживает неопределенность своей позиции и своего образа в описании мира.

Ведь ради чего нужен stalking? Чтобы напомнить себе — мы живем в мире условностей, и каждый внешний сигнал нуждается в нашем внимании просто для того, чтобы существовать в стабильном и приемлемом виде. Без участия активного внимания сигнал может испытать самые неожиданные метаморфозы, исчезнуть вообще, перейти из одной системы сенсорной презентации в другую и т. д. и т. п.

Конечно, это выдумка, у которой нет ни малейших психологических оснований. Но целостное тело человека «знает», что у этой выдумки есть основания экзистенциальные — что гораздо важнее. *Тотальный stalking* создает ситуацию неестественной бдительности, словно описанная тут выдумка принята как установка к действию.

И тональ испытывает что-то вроде приступа иррациональной паники. Он автоматически начинает проверять и перепроверять свое глубинное содержание — базовые программы, фундаментальные идеи и инвентаризационные списки, источники как нормального, так и экстраординарного реагирования. Собственно говоря, этим инстинктивным поиском и объясняется беспричинная активизация фронтальной пластины кокона, усиление периферического зрения, особая внимательность к второстепенным сигналам («область исследования»).

В результате вся совокупность самоощущений stalkера приобретает новую окраску. Мы ждем изменений либо во внешнем (перцептивном) пространстве, либо во внутреннем (психоэмоциональном). Иначе быть не может — тональ должен объяснить самому себе, зачем он вынуждает собственное внимание с такой отдачей и интенсивностью работать на всей предоставленной ему Природой площади!

В рамках описания ответ один: *что-то где-то не так.*

И внимание сбивается с привычных маршрутов, начинает блуждать по забытым прогалинам и прочим запущенным местам. Что оно находит? Помимо всяких мелочей, несущественных и неорганизованных чувств, помимо экзистенциальных «откровений», для которых все равно нет никакого языка, внимание находит *импринты!*

Вот они, символы и ситуации, сочетания символов и ситуаций, которые когда-то взяли нас в плен. Они всегда были здесь, они не из второго внимания, это — наши родные цепи. И как же они потерялись за долгие годы, насколько утратили свою притягательность, яркость, блеск — все то, что давало власть и заставляло нас строить жизненные программы, отталкиваясь от обветшавшей заурядности! Недаром активное внимание не пускало нас туда, на пыльный чердак собственной судьбы. Увидеть и постичь ничтожество, мелочность, определившие десятилетия жизни, — это противно и немного стыдно.

Как жить дальше — особенно если вспомнить, что больше половины всех повседневных эмоций были запрограммированы этим никчемным складом сломанных детских игрушек?

Импринты осознаются и демонстрируют свое крохотное значение. Становятся явными истоки поведенческих программ, которые истощали психику толтека, ограничивали его перцептивное внимание. Осознание импринтной природы психоэмоционального мира избавляет от надоевшей ноши и открывает новое измерение жизни. Уходит навязчивое самоповторение, возрождается утраченная свежесть. Вы как будто снова явились на свет. А главное — вы чувствуете, что утомительное однообразие внутреннего диалога вдруг оставило вас. Энергетический тонус резко возрастает, и

сталкинг можно направить на отслеживание полевых структур, которые никогда не попадали в область вашего произвольного внимания. Первое, что вы открываете (поверьте, это захватывающее открытие!), — наличие *тела сновидения*, «двойника», или, по терминологии Кастанеды, «дубля». Подробнее мы поговорим об этом явлении в разделе данной главы «Человек в Пространстве». Здесь же хочу отметить эмоциональное участие «двойника» в повседневной жизни сталкера.

Двойник не знает никаких импринтов или их следов, он не знает большей части инвентаризационного списка. Его перцепция всегда «сферична» и мало связана с паттернами физического тела. Малейшая подвижность двойника в первом внимании приводит к психоэнергетическому «тайфуну» — каналы и поля сдвигаются, центры смещаются, и т. д. и т. п. Это почти что сенсорный хаос. В обычных условиях, если уж Природа одарила человека таким сильным и активным двойником, его тональное внимание вытесняет или даже блокирует нежелательные, дезориентирующие проявления. Но в ситуации тотального сталкинга это невозможно, поскольку задача сталкера — *отслеживать и осознавать все*. Подлинный вызов для воина, так как простой человек рискует быстро свихнуться. Но в толтекском пути, как уже много раз говорилось, все устроено разумно, и *осознание* двойника начинается после мастерского овладения *безупречностью*.

Небезупречный толтек может добраться до дубля лишь в случае легкомысленного применения «растений силы». Но в этой ситуации целиком меняется динамика всего пути. Мало кто способен уцелеть как психически, так и физически в результате произвольного обращения со своей энергетикой. Кому нужен безумный «дубль»? Кому нужен сумасшедший толтек, который черпает энергию не из безупречности, а из алкалоидов? Я не знаю дисциплины, которая могла бы сочетать «растения силы» и высокую магию Трансформации.

Впрочем, вернемся к нашей теме — *потере человеческой формы*. Энергетическое тело не имеет никакого отношения к привычному сенсорному аппарату. Оно не нуждается в зрении и слухе, но его самостоятельность подавлена ежесекундным, навязчивым присутствием описания мира. Кокон вынужден дублировать тональ и следовать его условностям. В какой-то момент антропогенеза он оказался убежден, что тональный способ существования более эффективен, дает больше гарантий для выживания, и теперь энергетическое тело пользуется некоторой свободой лишь в сне со сновидениями — нерешительно, с постоянной оглядкой на суровую защиту тоналя.

Освобождение от человеческой формы подразумевает высокую чувствительность фронтальной пластины (результат безупречности и сталкинга), устранение бессознательной доминанты сенсорных систем, культивирующее структурированное определенным образом внимание, обнажение фонового внимания, равномерно «разлитого» по всему полю, куда входит аморфный фон и само невоспринимаемое энергетическое тело.

Если учесть, какой объем сигналов должен отслеживать тотальный сталкинг (объем, превышающий любые человеческие возможности), то требование достичь «фонового внимания» особенно актуально. Нормальное внимание, как быстро оно ни сканировало бы внутреннее и внешнее пространство, не справится с задачей по-настоящему качественно. Изменить характер внимания — значит сразу решить две проблемы: отслеживание объема и переход на чувствительность энергетического тела.

Результатом этих тренингов становится, выражаясь фигурально, «не-делание энергетического тела». Тело утрачивает свою определенность вместе с психоэмоциональными трансформациями. «Каркас» становится призрачным. Практик приходит к удивительной подвижности своих каналов и центров.

Это объясняется просто. Кокон теряет жесткость конфигурации и начинает колебаться в поиске устойчивых структур, известных ему по личному опыту. Он обращается к прошлому опыту и пытается воспроизвести энергообмен многолетней давности. Поскольку началом такого «забытого» энергообмена чаще всего является импринт, эманации, связанные с ним, неожиданно активизиру-

ются. Это кажется спонтанным, иррациональным, необъяснимым. Предыдущие «формы» последовательно исчерпывают все возможности стабильности, практически не связывая свои энергетические потребности с тональным порядком перепросмотра. Воспоминания кажутся хаотичными, беспричинными и поражают своей интенсивностью.

На самом деле в тоне нет и не может быть никакой хаотичности. На протяжении личной истории он рос, строго подчиняясь законам *интериоризации* и *экстериоризации*. Проще говоря, все внутреннее рано или поздно воплощалось во внешнем поле восприятия, и наоборот, все внешнее постепенно строило причудливое здание нашего психологического пространства. За сенсорным каналом стоит внимание, за вниманием — желание, за желанием — новое внимание. И колесо начинает вертеться в противоположную сторону.

В этой идее, касающейся восприятия, внимания и эмоциональности, заключена диалектика взаимопорождения и взаимостановления. Ее проповедовали древние мудрецы тысячи лет назад, но и сегодня немало самонадеянных умов, желающих, чтобы мироздание было устроено проще — чтобы внешнее и внутреннее не сотрудничали в естественной паре, а были антагонистами, исключали друг друга, чтобы парадоксы невозможно было разрешить в поле абсолютных и потому нигде не существующих понятий. Либо все подлинное внутри, либо все подлинное — снаружи, Бог создал Творение, но при этом бесконечно чужд ему.

Конечно, самую важную роль в поддержании человеческой формы играют *эмоции*. Что бы ни делал «нормальный человек», он наполняет свою картину мира эмоционально окрашенными объектами, знаками и символами. Игра эмоций присутствует в любой деятельности. И здесь нет никакого преувеличения. Даже в уединении кабинетного ученого, даже при составлении бухгалтерского отчета, в самых объективных и беспристрастных занятиях человек не расстается с эмоциями.

Эмоциональность — это неотъемлемая характеристика человеческого существа. Иногда эта эмоциональность выражает себя ярко, выпукло — таким образом, что ее невозможно не заметить. Иногда же эмоциональные движения скрываются, вытесняются. Даже самый холодный и бесстрастный человек движим эмоциями, хотя чаще всего отрицает это. И практически все его эмоции — только отражение знаменитой троицы: страха, собственной важности и жалости. Эмоции исполняют роль щитов и держат нашу природу в неизменном виде — человек остается человеком.

О практике избавления от страха, важности и жалости написано выше. Это, так сказать, феноменологический подход — мы в большей степени рассматривали явления «эмоционального космоса» человека. Но этим работа не ограничивается. Информационный и ценностный аспект человеческой формы проявляет себя на молчаливом фундаменте тоналя. И этот фундамент мы с легкостью игнорируем, хотя именно он является стержнем всякого описания мира, создаваемого человеком.

Я говорю о *пространстве и времени*. Аксиомы человеческого тоналя утверждают — мир трехмерен, а время линейно движется из прошлого в будущее. Современные физические теории, где пространство многомерно, а время может вести себя причудливым образом, хотя и сильно влияют на научное мировоззрение, но никак не принимаются в виде данного нам перцептивного опыта. Это жесткий каркас, надетый на человеческое восприятие. Это — если угодно — самый крепкий «крючок», на который мы поймали сами себя.

Выматывающие психические процессы — «озабоченность собственной судьбой» и социобиологическое стремление к бесконечной экспансии — растут, соответственно, из времени и пространства, то есть из умственной «сетки координат», построенной нашим тоналем. Как ни странно, пространство и время — эти абстракции, условности, принятые для определенного типа энергообмена с внешним полем и, стало быть, для выживания, — тянут из нас перцептивную энергию в столь значительных масштабах, что это невозможно игнорировать.

Остановимся на этом подробнее.

Человек во Времени

Временная координата «прошлое — настоящее — будущее» создает вектор развития (роста) и деградации нашей *человеческой формы*. Время фиксирует нашу позицию. Легко обратить внимание на то, что внутренний диалог занят прошлым и будущим, оставляя для настоящего момента лишь малую свою часть. Это общеизвестный факт. Последователи дзэн и иных школ буддизма многократно указывали на такую особенность человеческой психики. Отсюда их призывы быть «здесь и сейчас».

Давайте расширим эту формулу. Не будем концентрироваться на нынешнем мгновении («сейчас»), а лучше сделаем все три области *равноудаленными* от центра восприятия. «Настоящее» ничем не лучше «прошлого» или «будущего», поскольку во всех случаях имеет место сборка данного в опыте восприятия. Вспоминая или воображая, мы, по сути, совершаем перцептивную работу — составляем картины и их последовательности. Темпоральные характеристики просто показывают нам, какой тип реагирования и (или) энергообмена следует применить.

«Настоящее» требует к себе максимального внимания и быстрого реагирования. Это инстинкт, это закон выживания. Согласно этой схеме у массового человека внимание распределено неравномерно: в фокусе — настоящее, за настоящим длинным шлейфом тянется прошлое и привлекает внимание периферийное. И наконец, будущее — туда внимание забегает на несколько мгновений, чтобы вернуться назад. (Понятно, что я говорю о здоровых людях, а не о психотиках или невротиках, чье внимание может быть сфокусировано исключительно на прошлом либо на будущем, о чем хорошо знают психиатры.)

Для практика, стремящегося к безупречности, «настоящее время» — штука операциональная. Тональ обычного человека отождествляется с «настоящим», погружается в него до самозабвения и непрерывно генерирует автоматизмы. Иначе говоря, он — «пленник» настоящего времени. В таком состоянии он не может заниматься усилением собственного осознания. Он — простой автомат, каждый миг выдающий реакцию на «теперешний момент».

Отстранение от Времени, данного нам в опыте, ведет к изменению общего энергообмена. Обычная фиксация на темпоральности — одна из причин того, что правая сторона энергетического тела непрерывно (то сильно, то слабо) излучает Силу. Собственно говоря, временной модус — универсальное условие для всех истощающих влияний тоналя. Это явление в высшей степени социально. Ибо удаление в субъективном времени никогда не совпадает с реальным удалением объекта (события) в энергетическом поле. Мы сосредоточены на настоящем в той степени, в какой это необходимо для функционирования организма. Но мы, кроме того, сосредоточены на прошлом — поскольку приобрели способность учиться и накапливать опыт, а социум сделал эту способность весьма ценной. Таким образом, кокон постоянно излучает энергию на те объекты, которые расположены в темпоральной близости, и *прошлые* — те, что должны влиять на наше нынешнее поведение. Это — «якоря», удерживающие восприятие и точку сборки.

Поскольку способность делить воспринимаемое поле согласно временной шкале принадлежит исключительно тоналю, то и энергией данный процесс обеспечивает тональная (правая) сторона нашего кокона.

Это распределение внимания и энергии в стандартном осознющем существе, интерпретирующем восприятие как сигналы, развернутые в пространстве-времени. Сталкинг меняет ситуацию. Внимание распределяется более эффективно, и большая часть прошлого уходит из сферы энергообмена. То же самое происходит с настоящим — здесь подключается переоценка ценностей, смыслов и значений, которая снижает до минимума объем неэффективно излучаемой энергии.

Что же остается? У сталкера освобождается значительный объем внимания, который, согласно выработанному намерению, уходит на текущий сталкинг. Его цель — «выследить реакцию (эмоцию) раньше, чем она проявила себя в психическом пространстве». Отсюда устремленность внимания в непосредственное будущее, которое спустя годы непрерывной концентрации порождает особый трансперцептивный феномен — «видение накатывающего времени» (как назвал его дон Хуан). Здесь сталкинг достигает того качества, которое непосвященным кажется сверхъестественным. Каждое действие сталкера не расходует энергию, а напротив — поглощает (накапливает) ее. Соответственным образом меняется структура его энергетического тела — активные зоны перемещаются справа налево, а *тело сновидения* выходит на первый план, как носитель не-тонального чувствования и восприятия.

Нечто подобное сталкер проделывает с Пространством.

Человек в Пространстве

Внешнее поле, которое является источником массы сенсорных сигналов, никогда не дано нам непосредственно. Между внешним полем и осознанием расположен не только тональ, или описание мира, о котором мы говорим постоянно. Здесь же, в качестве посредника и инструмента «приведения мира в существование», находится механизм, управляющий вниманием.

Перцептивное внимание выполняет функцию «вычленения фигуры из фона». «Фигуры» обычно заданы биосоциальными программами вместе с системой пространственных координат. Так возникает пустой шаблон восприятия, который легко наполняется конкретными содержаниями — и восприниматель оказывается «внутри пространства».

Сталкер, пользуясь перечисленными в Главе 6 стратегиями, оказывается в принципиально иной ситуации. Он открывает для себя автоматизмы, которые формируют пространство, в результате чего характеристики внешнего поля становятся *условностью*. Это уникальное и совершенно новое состояние. Внимание сталкера непрерывно сканирует само себя, фиксируя этим сам процесс сотворения структур. Парадоксально, но благодаря фиксации структуры уничтожаются.

Ибо *реальным для воспринимающего является лишь то, что возникает помимо воли, — автоматически*. Если же учесть, что автоматическими являются до 95% восприятий, то сталкер попадает в некую «пустоту», где избыток сигналов не превращается в структуры по законам перцептивной матрицы тоналя.

Тотальный сталкинг в этой ситуации распадается на два фундаментальных аспекта:

- а) Сталкинг восприятия,
- б) Сталкинг реагирования.

О сталкинге реагирования сказано достаточно. По сути, он создает предпосылки для перераспределения перцептивного внимания и высвобождает энергию для смещения точки сборки.

Но сталкинг реагирования — сама по себе процедура, требующая подвижного и цепкого внимания. Повседневный поведенческий акт включает в себя несколько одновременно разворачивающихся программ реагирования и участия большого числа триггеров, символов-импринтов, рефлексов раз-

ного уровня — как условных, так и безусловных. Понятно, что большая часть этого материала никогда не осознается, другая же часть осознается фрагментарно и толкуется неверно (обычно задним числом, в виде той или иной рационализации). Поток внутренних данных, обуславливающих эмоции, реакции, мотивы и стратегии достижения, то, что заставляет нас действовать и отказываться от действия, намного плотнее, сложнее и содержательнее, чем обычно представляется.

Любое движение произвольного внимания, открывая доступ осознанию в определенные области, одновременно затушевывает другие, уводит их в тень. Сталкер может лишь манипулировать лучом произвольного внимания, но не способен кардинально расширить его масштаб.

Единственный метод, способствующий осуществлению тотального stalking, — достижение «объемного внимания», или деконцентрации внимания (о нем еще будет сказано). Толтек открывает этот метод спонтанно. Он не может быть по-настоящему эффективным в деле выслеживания психики, если толтек не научился ему эмпирически, — книжное знание ему не поможет. Ибо суть stalking — не только качество внимания, но и определенным образом организованное намерение. А намерение требует длительного и упорного труда. Его не добудешь из трактатов по психотехнике.

Поэтому сталкер работает на ощупь, пытаясь всеми доступными способами расширить объем работающего внимания. И результатом этой «борьбы» становится «объемное внимание» сталкера.

Приближаясь к этому тотальному состоянию, толтек последовательно разрушает автоматизмы, выслеживая программы-«цепочки». Алгоритм их уничтожения был уже описан в одной из предыдущих книг:

1. Остановка действия.
2. Включение в цепь нового звена, которое ведет к утрате смысла всей цепи.
3. Подключение другой цепи действий (по сходству, по месту, по образу действия и т. п.).
4. Остановка внутреннего диалога на одном из этапов действия.
5. Сосредоточение внимания на дыхании или на каком-либо элементе энергетического тела.

Что же касается stalking восприятия, то он фиксирует новую позицию и открывает богатые перспективы — перцепция становится более масштабной, насыщенной деталями, то есть позволяет неустойчивые варианты интерпретации сделать стабильными, исследовать их и получить новую информацию.

«Stalking восприятия» — явление, описанное Кастанедой многократно. Видение в темноте, улавливание необычных оттенков цвета в «местах силы», выслеживание «дыр» в паузах между звуками и многое другое. Специфическим stalking восприятия являются, в частности, эффекты перцептивного не-действия — восприятие умирающего животного вместо высохшего куста, цветного пятна на склоне горы — вместо повисшего на кусте лоскута ткани.

Если само не-действие создает ситуации «неопределенных интерпретаций», спонтанных иллюзий или ложных «узнаваний», то stalking восприятия позволяет зафиксировать продукт тонального творчества и сделать его на какое-то время объектом в системе перцептивных отношений. Иначе

говоря, «не-делание» становится «деланием». Иллюзия превращается в реальность, формируя некоторый энергетический эффект. Это — кусочек «магии».

Если в сновидении stalking восприятия в конце концов приводит толтека на порог второго внимания, вслед за чем можно ожидать мощных энергетических процессов, нарушающих каузальность привычного нам континуума (например, телепортации), то наяву та же практика способна формировать не одни лишь наведенные иллюзии, но обусловить особый онтологический статус субъекта: сталкер в подлинном смысле этого слова становится «магическим существом».

Энергетически это связано с расширением «гало» осознания и интеграцией двух позиций точки сборки — мира первого внимания и мира второго внимания. Его «двойник» (*дубль*) присутствует в ежедневных действиях, его осознание совмещает несовместимые описания так, чтобы оптимальность функционирования целостного существа не пострадала.

В какой мере сам сталкер осознает свою двойственную природу? Это целиком зависит от текущего энергетического тонуса. Как вы помните, даже «ужасный» Хенаро не всегда осознавал, где находится его двойник — особенно в тех случаях, когда расщепление кокона достигало значительных масштабов. Как правило, если сталкер не овладел высшим мастерством «выделения дубля», его двойник всегда рядом. Впечатление, которое он испытывает от этой энергетической двойственности, — достаточно тонкое. Оно сводится к особой «неуверенности» в переживании схемы собственного тела, в объемности (стереоскопичности) восприятия по всем перцептивным каналам одновременно, а главное — в «смазанности» переживания самого центра восприятия.

Обычный человек, не умудренный странными тренировками вроде «тотального stalking», всегда ощущает центр собственной перцепции в области позади глаз. Это вполне естественная проекция, построенная нашим воображением из-за того, что визуальный канал отвечает за 90 процентов поверхности «пузыря восприятия». Слепые от рождения люди проецируют свое воспринимающее «Я» в затылок, а слепоглухие испытывают непонятную обычному человеку иллюзию, что думают «кожей» или «пальцами».

Сталкер на продвинутом этапе своих тренировок может обнаружить, что центр его перцепции сместился назад, «за» затылок или выше его. Сборка восприятий осуществляется как бы за границами физического тела — там нет ни органов, ни нервных окончаний. Именно эфемерность ощущения затрудняет его локализацию — это даже не точка, а область, диапазон колебаний некоего «луча внимания», которому в описании мира ничего не соответствует.

Этот эффект и целый ряд ему подобных экспериментально наблюдался О. Г. Бахтияровым, автором психологической «техники деконцентрации внимания». Согласно его терминологии, мы говорим об эффектах «объемного сознания». Очевидно, что здесь мы имеем дело с психотехническим направлением, которое повторяет и уточняет методологию кастанедовского не-делания, а потому способствует выходу восприятия за пределы тонального описания мира.

Сталкер живет и функционирует в рамках «объемного сознания». Он просто вынужден перейти на этот уровень перцептивной активности, поскольку для целей Трансформации должен охватывать своим произвольным вниманием объем, многократно превышающий человеческую норму. Полем выслеживания становится не только воспринимаемое и совокупности автоматических реакций на него — сталкер следит за процессом внимания и осознания, его движениями, флуктуациями и закономерностями. («В этом состоянии оно [тотальное внимание. — *А.К.*] утрачивает характеристики внимания как такового, превращаясь в то, что стоит за вниманием, — рефлексивную инстанцию более высокого порядка, позволяющую включить в состав наблюдаемого и сам процесс внимания». — О. Бахтияров. Деконцентрация.)

Практика перепросмотра подготавливает и формирует навык слежения. На фоне текущего stalking, как уже было сказано, мы не можем и не должны погружаться во вспоминание. Однако ус-

ловность временной шкалы, которая становится очевидной в результате тотального stalking, делает *достижимыми* определенные области памяти. Можно сказать, что субъективное настоящее распространяется на активизированные перепросмотром зоны. В итоге мы имеем «растянутый» трансформационный процесс, который длится на периферии осознания в тех случаях, когда актуальный опыт вдруг раскрывает то или иное «подобие» давно прошедшему, но реанимированному.

Следует отметить, что подобные трансформации должны быть латентными. На них нельзя концентрироваться, поскольку их смысл — в интеграции *на фоне актуального переживания*. Если мы обратимся к психоэнергетической модели, то можно сказать, что суть данного тренинга не в смещении точки сборки, а в «оживлении следов».

Если традиционный толтекский перепросмотр вызывает более-менее яркий сдвиг восприятия в область полноценного проживания фиксирующего нас прошлого, то текущий stalking *объединяет* состояния (модусы) перцепции, не отвлекая нас от актуального реагирования. В конечном итоге мы имеем измененное реагирование, включающее в себя элементы перепросмотренного прошлого опыта и нынешнего состояния.

Наблюдатели или партнеры по коммуникации погружаются в состояние растерянности, переживая нечто вроде «когнитивного диссонанса». Как правило, они не осознают, что и как изменилось в поведении stalkера, хотя бы потому, что речь идет о множестве незначительных деталей (выражение лица, интонация, поза, взгляд и т. п.), вытесняемых стандартным тоном на периферию поля внимания.

Остается чувство необъяснимой «загадочности», чего-то невыясненного или недоговоренного. Конечно, это не маскировка, как соблазнительно думать. Однако упорная и длительная практика может сделать этот эффект маскировкой — правда, это уже не сам stalking, а его энергетические следствия (эффекты). Ведь неопределенность stalkера в описании окружающих отражает отсутствие привычной конгруэнтности энергетических тел и точек сборки у лиц, участвующих в общении (взаимодействии). Коммуникант, общаясь со stalkером, всякий раз должен преодолевать сопротивление этой неконгруэнтности. И когда утомление достигает некоего критического уровня, окружающие stalkера люди бессознательно «вычеркивают» его из своего инвентаризационного списка. Они предпочитают его не замечать, игнорировать либо оформить с ним особый тип отношений (исключающий непосредственный эмоциональный обмен).

Таким образом, stalkер все же добивается своего — быть может, не лучшим способом, но надежным и оригинальным. О нем предпочитают не думать и не иметь никакого определенного мнения. Сновидящему такое положение не нравится — он и без того во многих отношениях чувствует себя «призраком». Зато stalkеры, добившись неопределенности, часто вздыхают с облегчением.

Итак, в результате тотального stalking и перепросмотра воин начинает жить в ином Пространстве. Оно становится «объемным», или «двойственным». Энергетические поля, активизированные смещенной точкой сборки, на фоне базового режима перцепции (первого внимания) вынуждены участвовать в активности целостного существа. Физическая форма поддерживает ориентировочный и исследовательский рефлекс, давление сенсориума достаточно интенсивно, чтобы тело ощущало воспринимаемую среду как *вынужденность*. Эти обстоятельства заставляют удерживать внимание на внешних сигналах и следовать программам поведения, которые, утратив свою автоматичность, принимаются отчужденно, но неотвратно.

Таким образом, психоэнергетические поля, ставшие доступными осознанию благодаря смещению точки сборки, не изолируются (подобно тому, как это бывает в сновидении), но начинают моделировать тело сновидения, или «двойника», включая в свой каркас все доступные и стабильные формы энергообмена.

«Свобода», присущая телу сновидения, сильно ограничивается этим обстоятельством. Однако сталкинг на этом не прекращается, и в сферу усиленного осознания попадают все новые поля. Точка сборки продолжает свой медленный, но неуклонный дрейф, а это значит, что энергетическое присутствие тела сновидения наяву становится все более масштабным и все более осязаемым.

Критический порог «удвоения» восприятия пространства наступает в тот момент, когда активность фронтальной пластины основного кокона более не способна заглушать непривычный массив сенсорной информации, поступающей от тела сновидения.

На этом уровне сталкинг восприятия становится подлинно актуальным. Латентные признаки сновидческого восприятия могут не проявлять себя в стабильных и однозначных ситуациях, но их присутствие становится явным в целом ряде случаев, когда есть некое провоцирующее влияние или просто перцептивная неопределенность.

Стоит сталкеру оказаться в «месте силы» или встретить необычный феномен, как мир становится зыбким и легко переходит в «сновидение наяву». У Кастанеды в таких случаях часто говорится о подвижности точки сборки. Двойное восприятие пространства делает перцепцию неустойчивой в любой ситуации, где эмоциональный фон дополнительно подстегивает точку сборки — например, среди толтекских пирамид, во время ночной прогулки в лесу (особенно если ваш спутник — маг или шаман, собравшийся что-то вам «показать», и т. д.). Ситуация может влиять на восприятие любого человека, но сталкер, живущий какой-то частью себя «между мирами», реагирует по-своему. Он не впадает в гипнотический транс и не галлюцинирует по заказу, но может легко соскользнуть в только ему ведомое пространство — в ту область, которую наблюдает его тело сновидения. Это его «второе лицо», которое прежде дремало и не видело ничего, кроме тьмы.

Итак, мир вместе со сталкером меняется самым радикальным образом. Он становится либо «изумительным переживанием магии», либо «сновидением наяву». Интересно, в какой степени сталкер остается человеком? Порой кажется, что он ближе к «магическим существам» колдунов и шаманов — ему близки «светящиеся олени» и «говорящие койоты». Словно он по-прежнему рядом, но — не здесь.

Глава 9. ВНИМАНИЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ТЕЛО. МАГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ УСИЛЕННОГО ОСОЗНАНИЯ НАЯВУ

*" Зеркал и снов у нас в распоряженье
Не счесть, и каждый день в своей банальной
Канве таит иной и нереальный
Мир, что сплетают наши отраженья. "*

Хорхе Луис Борхес

В этой главе мы коротко рассмотрим эффекты сталкинга и перепросмотра, выходящие за рамки стандартного описания (синхроничности, влияния, перцептивные иллюзии).

Все, что так или иначе находится за границами привычной каузальности, за пределами принятых последовательностей порядка мирового тоналя, не подлежит серьезному «научному» обсуждению. Естественные науки превратили слово *магия* в синоним мошенничества или галлюцинации. Первоначальное значение этого слова также не соответствует нашему предмету — ни с исторической, ни с антропологической точки зрения. Ибо толтекская дисциплина не имеет никакого отношения к вавилонско-шумерским верованиям (откуда происходит слово «маг»), а равно — к системе примитивных представлений о Богине-Матери, силах, душах и т. п., питавших магию во все века ее разнообразного существования.

И все же можно отметить внешние сходства между традиционной магией и «магией» древних толтеков. Разумеется, они касаются эффектов, а не механизмов их достижения. Так, во всех культурах и во все эпохи магов считали «мастерами иллюзий». И это можно полагать объективной закономерностью — поскольку сотворить иллюзию намного проще, чем осуществить самую незначительную трансформацию энергетической структуры, существующей независимо от наших органов чувств.

Когда о маге говорят, как о «владеющем искусством иллюзии», ни кто не подразумевает вульгарных фокусов — циркового «иллюзионизма», обманывающего наше восприятие при помощи ловкости или специальной аппаратуры. Обычно имеют в виду специфическое и *непосредственное* влияние на перцептивный аппарат наблюдателя.

К сфере подлинной (не «цирковой») магии долго относили гипноз Любопытно: когда механизм гипнотического воздействия удалось в не которой степени описать и применить его в медицине, гипноз перестал быть частью магии. Более того, гипноз стал одной из самых популярны: рационализации магии. («Все эти магические штучки, — стали говорит] ученые, — объясняются *обыкновенным* гипнозом!») А ведь слово «гипноз» ничего не объяснило. Человек всего лишь научился некоторым методам изменения восприятия и разработал соответствующие обучающие программы — не более того. По сей день существует по меньшей мере несколько равноубедительных теорий (или лучше сказать — гипотез?), объясняющих возникновение гипнотического состояния. Ни одна из них не дает исчерпывающей интерпретации, поскольку гипноз то и дело сопровождается неясными феноменами — сверхчувствительность гипнотика, «телепатический» раппорт, необъяснимые типы наведения гипноза и мн. др.

Но «мастера иллюзий» не ограничиваются гипнозом (что бы ни понималось под этим таинственным словом). Магические влияния на восприятие разнообразны по качеству и по способу осуществления. Они могут повергнуть человека в растерянность и ужас, хотя в Реальности почти ничего не происходит. Мы так привыкли доверять своему восприятию, что любая манипуляция с этим фундаментальным процессом не может не вызвать трепет. (Вспомните, как бедный Карлос чуть не сошел с ума, пытаясь найти свой «пропавший» автомобиль! А его тело все это время знало, что автомобиль никуда не пропадал. В этом и заключена великая власть перцептивных иллюзий — мы больше доверяем восприятию, постоянно производящему галлюцинации, чем *реальному* чувству реального энергетического тела.)

Однако игры с восприятием — это лишь преддверие толтекской магии. Энергетические трансформации вызывают явления и процессы, обладающие реальностью, и в этом их ценность. Разумеется, сила магии в первом внимании ограничена. Нарушения каузальности, созданные магом потоки и структуры, обусловлены его энергетическим потенциалом. Ну а поскольку энергия разворачивается в первом внимании через пространственно-временной континуум, все феномены и эффекты сохраняются в непосредственной близости от источника (мага). Толтек в процессе работы создает некое поле, внутри которого исполняются его «команды». Он обретает способность трансформировать *себя* и влиять на участок эманации, связанных с его измененным энергообменом. Никому не дано трансформировать *мир* — впрочем, толтек в этом и не нуждается.

Магические эффекты сталкинга в первом внимании:

- прогностические (предвидение)
- влияние на внутренний диалог
- выход за пределы воспринимаемого (воздействие на внимание)

- синхронистичности и их использование
- безмолвное знание и знание тела в проблемной ситуации

Магические эффекты сталкинга во втором внимании:

- стабильность сновидения
- сновидение наяву
- Сталкинг неорганических существ

Интегративные эффекты сталкинга:

- выделение дубля

Область энергетического тела вместе с областью «двойника» («дубля») ярче всего демонстрирует *акаузальность* (нарушение причинноследственных связей) в случае специального привлечения произвольного внимания (в нашем случае, *тотального сталкинга*). Во-первых, тело само по себе — мощный пакет волновых формаций, переполненный энергией. Во-вторых, тело — это именно та часть Мира, которая естественным образом привязана к психическому (перцептивному) аппарату.

Вышеперечисленные эффекты сталкинга, перепросмотра, безупречности и сновидения (базовых дисциплин толтекского знания) относятся, как легко заметить, к телу (энергетическому кокону) и «дублю» («второму телу» — полево-энергетической формации, присущей любой природе, наделенной структурированным осознанием — тоналом и точкой сборки).

О «двойнике» коротко было сказано в предыдущей главе. Это — суть магии, источник «сверхъестественного», того, что нарушает фундаментальные идеи описания. Древние маги называли его «вторым», а толтеки считали его средоточием собственной Силы (ведь Сила проявляла себя через «второго» наяву, безо всяких трансов и сновидений), а потому называли его *нагуалем*. Эффекты воздействия «второго» настолько впечатляют, что, как правило, даже не нуждаются в фиксации приборами. Как я уже сказал, это — подлинная магия.

«Второй» может одним своим присутствием нарушать физические законы — ведь его активность отрицает картину мира, его энергообмен за пределами инвентаризационного списка, следовательно, любой акт «дубля» не просто нефизичен, он еще и не синхронизируется с перцептивными актами тоналя, находящегося в положении первого внимания. Таким образом, «второй» оставляет *очень* странное впечатление.

Физика и перцепция связаны между собой гораздо теснее, чем кажется стандартному тоналю. Дубль дона Хуана может «летать, подобно воздушному змею», дубль дон Хенаро может гулять по стволам эвкалипта — но в обоих случаях наблюдатель будет испытывать странные переживания «сноподобия» и общей неуверенности в воспринимаемом. И что куда хуже — кинокамера или фотоаппарат будут вести себя так же «неуверенно»! Мы не сможем получить объективных свидетельств, а значит, никогда не докажем постороннему, что наблюдали что-то менее тривиальное, чем галлюцинация.

Правда, пленка может показать что-то удивительное и непонятное — огни, светящиеся пятна, блики в тех местах, где бликов быть не может, необъяснимые дефекты оптики, даже шаровые молнии... Можно исследовать микроструктуру фото- или киноматериала. Окажется, что она разрушена, была подвергнута излучению неясной природы. Словом, *зафиксировано нечто, но идентифицировать это нечто не представляется возможным.*

Такова фиксируемая природа «второго». Неуверенность перцепции и нарушение законов описания мира — его характерные признаки. Схожие явления встречаются, когда маг демонстрирует явные изменения в энергообмене с внешним полем. Например, сталкера трудно зафиксировать в качестве «социальной персоны», исполняющей принятую в группе или коллективе общественную роль. Например, если сталкер не культивирует такого намерения, иногда бывает затруднительно сделать его четкую фотографию. То же самое случается со сновидящим, глубоко остановившим внутренний диалог.

Вообще, надо отметить, что связь фотоизображения и психоэнергетического состояния снятого субъекта — самая непосредственная. У тренированного сталкера «второй» частично отделен от «первого». Это создает ряд визуальных эффектов, которые незаметны глазу, но фиксируются пленкой. Кажется, будто фотографируемый окружен «галом» из неясного света. Чаще всего блики попадают на лицо и верхнюю часть груди. Все эти световые феномены — из разряда легко объяснимых, а потому не вытесняются нашим перцептивным вниманием.

Бывают ситуации куда более странные — они служат поводом для сенсационных статей в бульварных журналах. Это редкие случаи, когда «второе тело» («двойник») по причине всплеска энергообменной активности отделяется от основного кокона (физического тела) и успевает попасть в кадр. Тогда происходит необыкновенное — неподалеку от фотографируемого лица появляется нечто вроде «призрака». Часто подобные снимки — фальшивка, но мы говорим не о таких случаях.

Это и есть знаменитый «призрак живых», о котором когда-то писали сомнительные книги. Конечно, все эти фотосъемки не сравнить с подлинной активностью *тела сновидения* у хорошо развитого сталкера. Ибо по мере развития «второго тела», его контролируемости и уплотнения, останется мало видов «парапсихологической активности», для него недоступных.

Надо лишь помнить, что могущество «дубля» — побочный эффект Трансформации. Что бы ни делал толтек со своим энергетическим телом (будь то сновидение, безупречность или сталкинг), мы говорим только об *одной стороне* кокона (во время сновидения — это активность *левой* стороны, во время сталкинга — *правой*). И все эффекты, с которыми мы сталкиваемся в процессе практики, — побочные. **Главная и единственная цель толтекского знания — целостность и интеграция кокона, предпосылкой чего является безупречность.**

Можно сказать, практически любое проявление парапсихологической активности — результат определенного типа интеграции тоналя и нагуаля, правой и левой стороны кокона. Надо лишь указать, в какой именно области наиболее интенсивным образом активизируются поля. Так, временная ось проходит через зрительное поле и связана с эманациями кокона, расположенными перед лицом. Здесь же находятся поля, отвечающие за раскрытие удаленных воспоминаний и прогностическую функцию. Почему кокон устроен именно так? Этому есть как энергетические, так и психологические пояснения.

Прежде всего, мы психологически направлены лицом к наступающему времени (именно так мы воспринимаем темпоральную ситуацию, хотя толтекская психология говорит об обратном, т. е. мы созерцаем уходящее от нас прошлое). Точно так же мы автоматически предполагаем, что центр нашего восприятия расположен внутри черепа. Перцептивный центр проецируется туда, где организм имеет наибольшее число нервных структур (головной мозг). Таким образом, формируется «ось» — условное прошлое в нижней левой части визуального поля — условное настоящее перед глазами — условное будущее в верхнем правом углу. (Моделирующая сила тоналя, доминирующе-

го в правой части кокона, формирует воображаемое будущее; сенсорно-эмоциональный опыт тела в прошлом не столько моделируется, сколько переживается, и потому связан с левой половиной перцептивного пузыря — нагуалем. Настоящее проходит перед лицом. Оно связано с эманациями условной точки отсчета, расположенной в голове.) Но *внутри* психологической реальности каждая из описанных условностей имеет силу. И невоспринимаемые поля кокона следуют за схемами распределения внимания, а вовсе не за абстрактными течениями энергетических эманации.

Конечно, самый удобный центр ощущения Времени на лице — лоб и межбровье. Здесь мало нервных окончаний, а потому нет конкурирующих кинестетических сигналов. Проще говоря, здесь нет практически ничего, кроме невоспринимаемых полей, ибо тактильные ощущения незначительны, а в описании мира этой точке не соответствует ни один сенсорный канал.

Задняя проекция этого района (затылок) — область, потенциально имеющая широкую чувствительность. Она может быть связана не только с темпоральной осью, но и с бессознательным — хотя бы потому, что психологически «прошлое — вытесненное — бессознательное» представляют собой цепочку глубинных ассоциаций. Кроме того, затылок есть не что иное, как продолжение центра страха, или «центра Неведомого» (о чем еще будет сказано).

Затылок, как и вся задняя поверхность кокона, тесно связан с той частью внешнего поля, которая плохо идентифицируется тоналем. Внимание расфокусировано на этой половине перцептивного пузыря, что, с одной стороны, позволяет ожидать угрозу, «врага», «противника», обладающего максимально неопределенными свойствами, и этим подготовиться к оптимальному отражению возможной атаки, с другой — обеспечить психологическую установку на быстрое и достаточно радикальное изменение некоторых идей описания мира. Та часть кокона, что расположена за спиной физического тела, с большей легкостью поддается метаморфозам. Психологически именно там находится Неведомое — то, к чему нельзя подготовиться заранее.

Даже энергетически задняя пластина кокона — наиболее уязвима. Здесь нет «щитов» или «пластин» — только открытая точка сборки и центр страха, который способен увлечь перцептивный центр вправо и вниз, практически не встречая сопротивления.

Конечно, в этой слабости есть и своя сила. Центр страха — один из самых мощных регуляторов излучения энергии кокона. Активность этого центра не может не влиять на позицию точки сборки. В том случае, если толтек намерен сместить точку сборки вниз (например, чтобы приобрести «мрачный и угрожающий вид» или заняться «оборотничеством» — перцептивным либо даже целостным), он неминуемо активизирует центр страха как вихрь притягивающих полей.

Хочу напомнить, что я говорю о высшем мастерстве сталкинга. Невозможно использовать силу тех или иных энергоструктур кокона, не владея сталкингом в совершенстве. В этой главе мы еще будем рассматривать различные полевые формации и каналы. Каждый из них — результат длительной эволюции и носитель вполне определенного типа энергообмена. *Нельзя использовать их энергию, не овладев самым высоким уровнем осознания и контроля. Это чревато неожиданными и крайне неприятными последствиями.*

Например, канал межбровья, о котором уже было сказано, позволяет не только «видеть будущее», но вызывает кошмарные видения, галлюцинации, продуцирует параноидальные идеи, нарушает естественный ритм сна и вызывает приступы иррационального страха. Его чрезмерная активизация может сопровождаться весьма неприятной соматикой — тахикардией, аритмией, резким повышением кровяного давления. Лишь полноценный сталкинг может прекратить эти энергетические флуктуации.

Каждый канал и каждая область кокона имеет свою патологическую специфику. Поразительное легкомыслие, например, демонстрируют те сторонники тенсегрити, что концентрируют свое внимание на активизации горлового центра (Центр Принятия Решений). Общее возрастание энергетиче-

ческого тонуса и повышение активности (которое, конечно, можно наблюдать в результате этой практики) вряд ли стоят нарастающей гипоманиакальности, гипертензии и общего возбуждения тех структур, которые должны быть уравновешены. Уж не говорю о возрастающем количестве гистамина в крови, ведущем к покраснениям кожи, повышенной раздраженности, склонности к аллергии.

Иные практики, пытаясь улучшить свой энергообмен с планетарным полем, обращаются к каналу промежности, пренебрегая тотальным сталкингом как условием тренинга. Никто не спорит — канал промежности действительно может усилить ваш энергообмен в десятки раз, но *эволюционно* (внутри организма) он предназначен вовсе не для таких экзотических целей. В результате — вместо Трансформации — практик получает гипертрофию или опухоль предстательной железы, нарушение работы надпочечников, энергетический и психологический дисбаланс всей системы. А женщины страдают еще больше, так как зарабатывают дисфункции яичников, болезни матки и соответствующую этим болезням психопатологию.

Тотальный сталкинг — единственное условие, при котором вы можете верно использовать энергию своего кокона.

Здесь также следует указать на использование инертных информационно-полевых структур и каналов, т. е. тех частей энергетического тела человека, которые способны извлекать информацию из внешней среды помимо привычной сенсорной системы и стандартной системы интерпретаций. Почему же они инертны?

Мы постоянно контактируем с фрагментами мира первого внимания, которые по ряду причин (прежде всего, эволюционно обусловленных) находятся *вне* обычной схемы распределения внимания. Почему и как это происходит? Сначала надо вспомнить о самом тривиальном — *тональ* недаром переводится как «день», «судьба», «дневная сторона» человека. Это не просто система отношений, конвенциональностей и толкований, принятых нами для удобства. Это — восприятие в определенных условиях. Например, в ряд перцептивных условий (принятых и привычных) входит *уровень освещенности*. В свою очередь, уровень освещенности (дневной, т. к. мы ведем дневной образ жизни) обуславливает яркость представленности образов, их преимущественно визуальный характер, цвета и формы, удаленность теней на второй план внимания (что часто оказывает решающее влияние на сам гештальт «объект — фон»). Далее, следуя за визуальным вниманием, требующим света и перспективы, мы попадаем в систему координат, сплетенных для оптимальной работы нашего внимания в предложенной среде. И вот выясняется, что прямо здесь, в мире первого внимания, есть области, обремененные вечно существовать на периферии внимания — почти на грани осознания (ибо одно без другого не работает).

Легче всего вообразить визуальную периферию, но в ней мы вряд ли обнаружим что-то стоящее. Зрительно мы слишком *бдительные* существа — проскользнувшая на окраине визуального поля тень часто становится поводом для галлюцинации, нечто мелькнувшее под ногами становится предметом перцептивного искажения. Иными словами, это область иллюзий — здесь чаще всего появляются мыши, тараканы, змеи и т. п. Разумеется, это не значит, что *на границе визуального поля никогда не возникает реальных сигналов*. Просто мы чересчур внимательны и слишком готовы превратить непонятный сигнал в «узнаваемого» зверька.

Аудиальное и кинестетическое поле намного любопытнее. Мало того, что они по самой природе своей находятся на окраине произвольного внимания, здесь меняется природа поступающих сигналов — они менее дискретны, они не всегда имеют семантическое наполнение (особенно столь многофакторное и детальное, как *зрительное впечатление*). Аудиальные и — особенно — кинестетические сигналы часто бывают аморфны, подчиняются любому произвольному перемещению внимания, что позволяет формировать «блоки» или «пучки» по собственному усмотрению. Более того, их относительно легко превратить в общий неразличимый фон, где информация вообще отсутствует (не осознается).

Тотальный stalking, обратившись к удаленным фрагментам мира первого внимания, извлекает из них *знание*, которое может казаться чуть ли не «сверхъестественным». Я вовсе не имею в виду «сверхнаблюдательность», которую с такой готовностью демонстрируют мастера НЛП. Точно так же я не имею в виду «бдительность разведчика», способного заметить малейшие признаки своего «провала» или блеск оптики снайпера, притаившегося на крыше противоположного здания.

Речь идет о знании, которое принципиально не передается традиционными методами. Например, уплотнение энергообмена в области «центра страха» или кратковременный спазм в районе солнечного сплетения. Улучшение прогностической функции позволяет распознать источник приближающихся нолей, степень их активности и характер. Терминологически неверно было бы назвать такое знание «безмолвным», ибо оно все-таки опирается на сенсорные данные, полученные обычным перцептивным аппаратом из мира первого внимания. Это — «знание сталкера». Оно позволяет быть оптимальным в разнообразных и непредсказуемых ситуациях. На практике оно приводит к простым, но весьма полезным вещам — вы не встретитесь с человеком, которого не хотите видеть, вы окажетесь в нужном месте и в нужное время, вы «недосягаемы», но при этом ни от кого специально не прячетесь.

Настоящие сталкеры пользуются этим мастерством блестяще, непрерывно выслеживая чувство собственной важности. Они владеют вниманием окружающих, не мистифицируя их и не устраивая бессмысленных розыгрышей. Если сталкеру нужно незаметно уйти, он уходит — и никто *не* обратит на это специального внимания. Если сталкеру нужно познакомиться с конкретным человеком или просто встретиться с ним, он устраивает это естественным образом. Подобная магия не впечатляет и не должна впечатлять, ибо ее суть — само человеческое внимание. А то, что мы не замечаем, как известно, для нас просто не существует.

Поскольку сталкер живет и работает в мире первого внимания, он по большей части вовсе не нуждается в парапсихических феноменах, в безмолвном знании или в союзниках. Все это предметы для демонстрации или обучения. Повседневность прекрасно укладывается в то, что я назвал «знанием сталкера». В конце концов, из чего состоит наша тональная судьба? Из знакомств, встреч, поступков, совершенных в нужный момент, из симпатий и антипатий и т. д., — а все это и составляет массу сенсорных впечатлений первого внимания. Просто одни замечают и учитывают, другие — не замечают и упускают. Отличие сталкера как раз и состоит в том, чтобы *заметить*. Обстоятельства совсем не нуждаются в том, чтобы их кто-то специально изменял, а совпадения не нуждаются в том, чтобы их кто-то устраивал. Все изначально дано нам в универсальной ткани судьбы. И «знание сталкера» — один маленький плюс, который мы можем приобрести, чтобы сделать нашу обычную судьбу удивительно счастливой.

Наконец, когда сталкер вступает в игру с полями второго внимания, он вынужден обратиться к знанию подлинно «безмолвному». И тут начинается настоящая толтекская магия. Ибо здесь сталкер не может оставаться пассивным наблюдателем, исследователем собственных психоэнергетических закономерностей. Путь сталкера ведет его через:

1. *Сновидение наяву.*
2. *Второе внимание как перцептивное поле.*
3. *Второе внимание как инструмент Трансформации — магическое «делание».*

Постоянным условием сталкерской работы с самого начала этого пути и до его конца остается «безмолвное знание». В человеческом коконе существует только одна структура, которая никогда не принимает непосредственного участия в энергетической активности, привязанной к полям первого внимания. Это сердцевина кокона, его «стержень». Он вообще не имеет перцептивных функ-

ций, поскольку служит для *накопления* энергии. «Стержень» ничего не собирает, более того — сам по себе он не способен поглощать или излучать полевые формации. Это лишь *накопитель* и *проводник* существующих *вне* кокона энергетических давлений. Именно способность проводить сквозь энергетическое тело внешнее давление, никак его не организуя и не искажая, делает «стержень» особым органом для восприятия «безмолвного знания».

Ведь безмолвное знание — это сумма неких резонансов с движением больших эманации Мира *без участия тоналя*. Особенность этого «знания» в том, что оно не может быть оформлено и превращено в информацию, у него нет и не может быть никакой структуры, семантики, более того — у него даже нет идентифицируемого «источника». В этой специфике есть своя слабость и своя сила. Слабость очевидна: безмолвное знание невозможно пересказать, записать, для него не существует никаких законов и, следовательно, оно не может быть предметом накапливаемого опыта. Потому для рационалистского ума безмолвное знание вообще не является *знанием*. Но сила безмолвного знания уникальна и обойтись без него практически невозможно. Во-первых, оно всегда актуально и истинно, во-вторых, является единственным источником уверенности в условиях измененного восприятия. Можно сказать, что безмолвное знание всегда поддерживает нас в конкретной ситуации недоступного прежде типа энергообмена. Это — прямое влияние внешнего поля, вызывающее нужные трансформации в теле и его реагировании. Его результатом становится ряд новых соответствий как психоэнергетического, так и эмоционально-чувственного уровня.

«Стержень» кокона одним своим полюсом обращен к Земле, другим — к Солнцу. Разумеется, это лишь фигура речи. Кокон движется вместе со всеми своими структурами, может занимать различные положения относительно поверхности планеты, и все же эволюция энергетического тела закрепила разные функциональные особенности у нижнего и верхнего полюсов «стержня». Они связаны с физиологией (соответственно, с плотностью полей ЭТ) и близостью к точке сборки.

«Нижний» полюс «стержня» оказался в невыгодном положении. Во-первых, плотность самого кокона здесь очень высока, во-вторых, он исторически связан с коконом планеты, энергообмен с которой определяет работу всего организма на протяжении тысяч и миллионов лет. Кроме того, произвольное внимание крайне редко фокусируется на этих древнейших областях, которые несут в себе наследие более примитивных существ, не знавших даже двух модусов жизни осознания — бодрствования и сна. Поэтому точка сборки редко и с трудом перемещается вниз — здесь крайне сложно удержать внимание и требуется тотальная трансформация больших объемов энергетического тела, чтобы соответствовать столь экзотическому положению перцепции.

Поэтому «верхний» полюс стержня проще и эффективнее использовать в качестве зоны настройки на безмолвное знание. Тотальный сталкинг, как правило, приводит к такому открытию совершенно естественным образом. Проекция макушки головы обнаруживает повышенную чувствительность во многих ситуациях, сопровождающих сталкинг, неделание и остановку внутреннего диалога.

Всякий раз когда точка сборки теряет часть своей фиксации (непривычное распределение внимания, деконцентрация, расслабление перцептивных гештальтов, внутреннее безмолвие и проч.), она стремится «собрать» то, чего тоналю не хватает, — сформировать чувствительность фронтальной пластины кокона, активизировать латентные связи между точкой сборки, «просветом» и солнечным сплетением, пересмотреть свое существование в пространстве-времени. И каждый произвольный акт нового *осознавания* вынуждает точку сборки подниматься туда, где плотность кокона ниже, но связь с инертными полями физического тела сохраняется (ибо это обязательное условие для работы целостного существа, поддерживающего энергообмен в полях первого внимания).

Безмолвное знание приобретает особое значение, когда происходит выделение «второго». Даже минимальная активизация тела сновидения требует для дальнейшей ориентации второй системы координат. С точки зрения целостной перцепции (неважно, первого внимания или второго) это невозможно, поскольку позиция «второго», выделенного наяву, совершенно нестабильна — она всего лишь отражает колебания точки сборки. «Двойник» (пока он не превратился в полноценного

«дубля») не владеет устойчивым и последовательным осознанием. Он во многом беспомощен и беззащитен, он расщеплен и блуждает, подобно сомнамбуле. «Двойник» подвергается даже большему риску, чем просто спящий человек, ибо он вынужденно активен, во всем следуя за основным коконом stalkera.

Таким образом, вполне естественно и логично, что область макушки головы становится дополнительным «органом чувствования». И чем больше пробуждается «второй», тем более разнообразные и странные чувства приходят через центр темечка.

Любопытно, что полная невозможность идентифицировать сенсорнику, «пропустить» ее через тональ, часто даже опытного stalkera вводит в заблуждение. Он не в состоянии уловить, *откуда* приходит импульс, так или иначе влияющий на его поступки и эмоции. И это естественно — ведь, как уже было сказано, макушка не является органом восприятия, она удалена от всех ведущих схем получения и переработки сенсорных данных. В результате источником может «представиться» почти любой участок тела, но чаще всего — позвоночник. Иногда эти феномены осознаются ярко, иногда — проходят лишь по периферии ясного сознания. Волны неожиданных напряжений или расслаблений, причуды кинестетики, напоминающие электрический разряд, тепло и холод, покалывание — все может оказаться продуктом тональной трансляции того, что тону не дано организовать.

Безупречность и stalking не только делают доступными сигналы безмолвного знания, они позволяют их «расшифровывать» нетональным способом. Именно безупречность не дает толтеку пуститься в череду ложных толкований. Если stalking «следит» и «ловит», то безупречность «оценивает» и «ставит на место».

Конечно, подобное описание предельно все упрощает. Роль безупречности сложнее и, если хотите, экзистенциальнее. Как уже было сказано выше, смысл безупречности не в *реглоссировке*, а в *деглоссировке* восприятия. Безупречность не создает новых представлений и ценностей, где, скажем, смирение *лучше* гордыни, где бесстрашие *лучше* раздражительности. На первых этапах практики безупречность показывает толтеку, что разные (иногда противоположные) системы восприятия-реагирования *равноценны*, а потому — *равноудалены* от нашего осознания. Именно «равноудаленность» (которая иногда требует «целой жизни борьбы») открывает, что осознание может работать вне любой системы. И тогда обнажается *чувство тела* — то, что приходит раньше любой интерпретации и может служить ориентиром для *нового знания*, того знания, что не обусловлено предыдущим опытом и научением.

На этой почве абсолютной безупречности и тотального stalking безмолвное знание приобретает практический смысл. Вы по-прежнему не можете сформулировать безмолвное знание, но способны пользоваться им так, словно это открытая книга. И ваш «двойник» настойчиво требует этого знания, чтобы не пострадать в мире первого внимания, переполненного для него грезами, забытьем, неопределенностью.

При помощи безмолвного знания, в частности, «двойник» находит для себя оптимальное место и время «выхода наружу». То, что на языке толтекских магов, именуется *сновидением наяву*.

Этот мощный энергетический всплеск со всеми сопровождающими его перцептивными феноменами является кульминацией пути stalkera, решающим прорывом в его практике. Обычно его предваряют *магические сновидения* в их классическом виде — включение осознания, взгляд на руки, последовательное формирование перцептивной среды по образцу первого внимания, произвольные перемещения. Глубинное отличие магической психологии stalkera в том, что его не удовлетворяют сновидения сами по себе. Он более остро, чем сновидящий, переживает их неполноту, призрачность, отсутствие в них реальных энергетических фактов.

Если сновидящий легко замирает в мирах сновидения, его вполне удовлетворяет роль созерцателя, и он готов принять тотальное погружение в иные перцептивные поля в самой отдаленной перспективе практики, то сталкер уже сейчас желает быть там целиком. Никакие частичные проникновения в неизвестное его не устраивают. Сталкер нуждается в активном и плотном энергообмене, в полноценных контактах с другими существами. Это и делает его сталкером. *Изменная явь интересует его больше, чем самое яркое сновидение.*

Поэтому сталкер изначально стремится к объединению первого внимания со вторым, при этом опираясь на базовый режим перцепции и энергообмена. Первое внимание — источник его силы, подпитывающий его вдохновение. Второе внимание — это совокупность всех его нереализованных ресурсов, то, что необходимо добавить к первому, базовому вниманию, чтобы превратиться, наконец, в «магическое существо».

Безмолвное знание решает, когда сталкер войдет в сновидение наяву. Ибо это зависит от большого числа факторов, о которых мы не осведомлены и которые не способны учитывать. Есть внутренние факторы (энергетический тонус, степень перепросмотренности определенных полей, наличие или отсутствие в системе нейрофизиологических, биохимических агентов, нарушения в защитном экране кокона и пр.), есть факторы внешние (место и время, люди и другие органические существа в области активного энергообмена, лазутчики и другие неорганические «паразиты», союзники и т. д.). Только безмолвное знание «в курсе» многочисленных событий, относящихся к внутреннему и внешнему полю.

Обычно мы способны заметить лишь один фактор, провоцирующий сновидение наяву. Мы полагаем его «триггером» и вносим в инвентаризационный список тоналя. Надо сказать, что новоявленный «триггер» впоследствии чаще всего нас разочаровывает. Какие только приметы, знаки, сочетания условий не фиксирует толтек, впервые попавший в сновидение наяву! От самых простых до совершенно экзотических, от уединения и отключения электроэнергии до сложных астрологических расчетов с учетом фаз Луны, расстояния до планет и вычисления разнообразных астрономических циклов. Обидно, но все это либо вообще не работает, либо работает крайне нерегулярно.

Видимо, мы должны смириться с этой тайной. Ведь сновидение наяву — это проявление нагуаля, а значит, никакие хитрости тоналя не помогут нам познать, когда и почему оно происходит. Всякие попытки рассчитать, предугадать, составить таблицы закономерностей и совпадений — все это от пронзительного чувства беспомощности, которое охватывает тональ при всяком прикосновении к нагуалю. Но нагуаль, как всегда, непостижим и легко опрокидывает наши претенциозные построения.

Сновидение наяву приходит резко и неожиданно. Его предвещает замедленность внутреннего диалога, некоторая размазанность ощущений, словно вы плохо чувствуете собственное тело или не чувствуете его вовсе. К явлениям, которые предвещают сновидение наяву, относятся странные колебания внимания и восприятия. Иногда они сопровождаются внезапными эмоциональными атаками, но это уже зависит от качества сталкинга. Восприятие может внезапно усилиться, стать ярче, объемнее, после чего так же неожиданно ослабеть и незаметно перейти в притупленную рассеянность.

Эти колебания восприятия не относятся к сфере загадочного и необъяснимого, как само сновидение наяву. Так проявляет себя эффект вспыхивающего «гало» осознания, когда «второй» начинает пробуждаться, то есть обретать осознание. В те моменты, когда осознание двойника резко возрастает, «гало» увеличивается в объеме, поскольку удерживает эманации первого и второго внимания одновременно. Пульсация осознания — это момент выбора типа энергообмена. Поскольку тотальная интеграция — дело далекого будущего, энергетическое тело должно остановиться на каком-то доступном ныне типе взаимодействия с внешним полем — какая часть эманации первого внимания останется собранной и какая часть эманации второго внимания может быть собрана без риска для

биологического выживания существа. Именно этот процесс сопровождается описанными выше колебаниями восприятия.

Когда выбор сделан и двойник обрел доступное ему на этом уровне энергетике осознание, происходит синхронизация прежде несовместимых полей. Она несет с собой не только перцептивный и психологический шок, она подразумевает также мощное соматическое давление. Очевидно, это связано с масштабным перераспределением активности внутри центральной нервной системы.

Прежде всего, соматика реагирует на новый тип осознания скачком кровяного давления и кратковременным, но болезненным приступом, связанным с перестройкой всей кровеносной системы. Побочным эффектом здесь может быть внезапный гул или свист в ушах. За ним, как правило, следует расстройство ориентации. По крайней мере несколько секунд вестибулярный аппарат не способен определить положение тела в пространстве. На фоне полного нарушения схемы тела возникает специфический феномен — когда человек не только потерял способность определять, где верх, где низ, но и не имеет ни малейшего представления о положении собственного физического тела.

Следующий этап соматического шока, который может быть вызван резким выбросом каких-то биохимических агентов, — характерное изменение кинестетики. Чаще всего это сверхчувствительность кожных покровов. «Обжигающий холод» или «холодный огонь» — вот обычные метафоры, которыми можно описать эти редкие ощущения. Мне, например, несколько раз приходилось испытывать, как буквально «горит воздух» вокруг тела. Можете ли вы вообразить ту степень священного ужаса, который испытывает набожный человек, оказавшийся в этом состоянии перед лицом устрашающего «союзника»? Это поистине впечатляет. Древние маги, хоть раз за всю свою жизнь попавшие в мир «холодного огня», не могли не поверить в то, что видели «гневное божество» или ужасного духа. Сновидение наяву, если оно случилось впервые, способно вызвать такой трепет, что поневоле начинаешь понимать, почему ученики дона Хуана до судорог боялись Сильвио Мануэля и сотворенной им в компании с Нагвалем «щели между мирами». Только там было еще хуже — ибо *сновидение наяву* все-таки оставляет часть вашего осознания «здесь», а проход во *второе внимание* не оставляет «здесь» ничего.

Когда все уровни шока пройдены, тело адаптируется к новому режиму перцепции и энергообмена. Присущая сталкеру активность ускоряет и облегчает процесс адаптации. Особую роль играет специфическое для сталкера *чувствование* тела и окружающей среды. Оно отличается от переживания сновидящего и потому может быть названо *активной безупречностью*.

Как я уже писал, сновидящие склонны к созерцанию. Их первая установка на любое изменение режима перцепции — *наблюдение*. Тело мало занято передвижениями и взаимодействиями, оно наслаждается сортировкой пучков эманации в различном порядке. Эта характерная замедленность имеет свои достоинства, когда дело доходит до путешествия в неизвестное и извлечение оттуда всей возможной информации. Тут сталкеры бывают поразительно беспомощны, потому что не могут устоять перед своими личными соблазнами.

Например, в мире второго внимания сновидящий прежде всего составляет собственную систему «вех» или «меток». Его интересуют вещи, совершенно абстрактные для сталкера и не привлекающие его внимания, — характер ландшафта, цвет почвы, форма и величина сооружений, и т.д. При этом хорошие сновидящие одновременно учитывают степень замедления внутреннего диалога, уровень собственной подвижности в конкретной зоне, их интересуют вопросы перспективы и изменения образа в зависимости от позиции восприятия.

Сталкер в мире второго внимания перемещается стремительно и выбирает позицию почти мгновенно. Обычно его привлекает самая плотная область. Он чувствует Силу сразу и принимает ее интерпретации так, как ему удобнее. Внимание сталкера легко «поймать», если он видит что-то «живое», подвижное, активное. Если ему явится союзник в человеческом облике, то сталкер с удовольствием

ем изучит его «лицо», манеры, интуитивно определит его сильные и слабые места. При этом он, скорее всего, забудет, что послужило причиной явления союзника, не заметит энергетического фона и вытеснит из восприятия большую часть поля внешних эманации. Сталкер цепко фиксирует конкретное — *состояние собственного энергетического тела и состояние объекта, с которым он взаимодействует*. Внутри этой системы он способен выследить множество деталей и тонкостей, всякий раз тут же проверяя наблюдаемые феномены практически «ощупью».

Эту способность слушать себя и партнера на высоком уровне бдительности и чувствительности я называю *активной безупречностью*. Так же ведет себя сталкер в сновидении наяву. Приведу простой пример: сталкер попадает в сновидение наяву и видит кокон растущего рядом дерева. Если это «безобидное» дерево, он приближается к нему, не раздумывая, и начинает с ним общаться — проживать его невообразимые ощущения, принимать или отдавать опыт, даже «дружить» (что сновидящему уже совсем непонятно). Вернувшись из своего сновидения, он способен рассказать о дереве массу полезных и бесполезных вещей, половина из которых останется невыразимой и необъяснимой.

Сновидящему такое поведение кажется не самым умным способом использовать измененный режим перцепции. Он бы пошел искать «место силы», фиксировать отличия между реальностью первого внимания и сновидения наяву, исследовать характеристики целого класса объектов. Кто из них прав? Разумеется, оба. Эти стратегии дополняют друг друга. Потому что именно сталкер чаще находит источник энергии в сновидении, хотя стремится его найти, скорее, сновидящий. И наоборот, сновидящий находит больше живых существ в сновидении, хотя интересуется прежде всего ландшафтом, архитектурой и всякими неодушевленными «местами».

Так они и работают в сновидении наяву или во втором внимании. Даже не желая того, помогают друг другу и дополняют опыт друг друга. Каждый считает, что другой — «немного чокнутый», но когда доходит до общей практики, с удивлением открывают для себя пользу чужого опыта.

Надо сказать, что городская жизнь предоставляет сновидящим некоторые преимущества, которые легко заметить именно в сновидении наяву. Мир большого города влияет на характер ближайших полей второго внимания. Здесь наблюдается ряд интересных феноменов, которым следовало бы посвятить целую книгу — книгу про сновидение. Но эта работа посвящена безупречности и сталкингу, и здесь стоит лишь отметить, что масштабы безжизненных пространств угнетают сталкеров.

Ряды многоэтажных железобетонных конструкций в мирах сновидения имеют словно некую мертвенную тень. Городские жители, испытывающие постоянное давление мирового тоналя, психологически и энергетически изолируют себя даже во сне, а если ненадолго открываются, то совершенно неинтересны. Они ослаблены, пусты и замкнуты на себе. В этих условиях сталкер чувствует разочарование — ведь удаленные поля, где происходит «иномирная» жизнь, довольно долго остаются недоступны, а городская пустыня не место для любознательного сталкера. Сновидящие к этим неудобствам безразличны, они и здесь находят достаточно объектов для наблюдения.

В целом второе внимание для сталкера не является самоцелью, и это также характерное отличие от психологии сновидящего. Сновидящий полагает само пребывание во втором внимании ценным чувством — он готов испытывать удовлетворение от процесса осознания независимо от того, на что это осознание направлено. Сталкер же, как правило, конкретен, и второе внимание для него только инструмент, создающий новые поля выслеживания и действия.

Принимая прагматически все возможности измененных режимов перцепции, сталкер извлекает выгоду из каждого магического делания. Там, где сновидящий увлечен самой возможностью необычного переживания, сталкер просто применяет способности своего усиленного осознания.

Какие эффекты чаще всего сопровождают успешный stalking и как они реализуются? Пробудившееся осознание двойника в первую очередь проявляет себя через влияние на восприятие времени, на функционирование тоналя и через влияние на подвижность внимания.

Новые отношения со временем воплощают себя а) в прогностических эффектах нетонального типа и б) в синхронистичностях. Эти феномены сопровождают осознание stalkера почти непрерывно, если он ведет жизнь, наполненную тотальным выслеживанием.

Надо сказать, что прогностика редко проявляет себя через явные сенсорные сигналы. Чаще она свидетельствует себя через кинестетику и сложные проприоцептивные чувства. Особенность stalking здесь заключается в том, чтобы зафиксировать специфическое распределение внимания, определяющее активное предвидение и предощущение. Каждый stalkер находит индивидуальную схему. Мне известно о двух видах прогностического распределения внимания.

Первый вид можно назвать «затылочным». Для него характерно вычленение «оси внимания» между затылком и солнечным сплетением. Тело сновидения, если оно осознается, в этой схеме слегка повернуто относительно полей физического тела. Stalker может воспринимать эту диссоциацию, но может и игнорировать ее, если это отвлекает от состояния. В случае восприятия полей «второго», его плотность выше в области перед солнечным сплетением. Обостренную чувствительность этого типа поддерживают руки — часто они непроизвольно разведены и немного согнуты в локтях. Таким образом, три зоны удерживают полевой скелет: в центре — зона перед солнечным сплетением, по бокам — зоны рук. Внимание равномерно рассредоточено по ладоням, кистям, локтям и предплечьям. Центр восприятия сдвинут в затылок либо еще дальше, за него. Энергия внимания из трех передних зон равномерно подпитывает смещенный назад центр восприятия. Эта схема возникает в процессе stalking совершенно самостоятельно, без размышлений или исследований. Возможно, именно так «двойник» реагирует на ситуацию, требующую быстрых действий и оптимальных реакций в момент кризиса. В момент высокого напряжения и максимальной бдительности схема прогностического внимания даже определяет осанку stalkера. Нечто похожее можно встретить в искусствах восточных единоборств.

При таком типе распределения внимания stalkер может быть на доли секунд «впереди» времени. Этого вполне достаточно, чтобы выследить движение (психическое или физическое). Ограничение данной схемы связано с узостью предощущаемой зоны. Stalker готов встретить лишь ограниченный участок эманации — как в пространственном, так и во временном отношении. Условно говоря, это «позиция близкого боя».

Второй вид распределения прогностического внимания можно назвать «лобным» или «абстрактным». Главная «ось внимания» в этом случае расположена между двумя областями — перед верхней частью лица (центральная часть лба, а также впереди и выше) и проекцией зоны пупка. При такой схеме осознание двойника почти неминуемо. Это своеобразный «шаг вперед», который делает «второй», отделяясь от основного кокона. Третий, дополнительный пункт схемы расположен в районе горлового центра.

Надо сказать, что осуществление подобного маневра внимания требует большей бдительности и настойчивости. Трудность заключается в том, что тело плохо «понимает», зачем эта процедура вообще нужна. Если в первом случае осознание stalkера работает для выживания в кризисе, его alertность имеет конкретную причину, то второй тип распределения внимания действительно «абстрактен». Это *позиция размышления*, которая stalkеру непонятна.

Прогностическое внимание направлено на большой объем эманации и сосредоточено на некой «абстрактной области» далеко впереди. Для данной позиции характерно открытие подлинно безмолвного знания. Ее смысл для толтекской дисциплины очень велик. Стратегические вещи, как правило, расположены вдали от нас. Видение судьбы, поиск принципиальных реализаций собст-

венной природы и «родственных» энергетических существ в потоке внешних эманации — все это «абстрактно», но определяет путь каждого практика уже сегодня.

Собственно говоря, эта позиция фокусирует осознание «вне» Времени вообще. Поэтому настоящее и далекое будущее энергетически одинаково актуальны. Все это чуждо как тону, так и энергетическому телу, если оно связано базальными комплексами небезупречности.

Пока толтек не достиг определенной глубины безупречности, «второй» не выходит наружу. И дело не только в недостатке энергии, — двойник *не понимает, зачем он это должен сделать*. Сновидящий ждет успешного сновидения, полагая, что там тело сновидения сможет вдоволь нагуляться. Сталкер ждет близких контактов, конфликтов, противостояния, чтобы его тело сновидения смогло совершить несколько самостоятельных действий. А зачем «второму» выходить, если нет ни ситуации сновидения, ни назревшего кризиса? Абстрактные действия осуществляются абстрактным намерением. Но абстрактное намерение не работает, пока сам Мир не стал для толтека абстрактным. Именно это реализует подлинная безупречность — *она делает Мир абстрактным*.

И однажды это все-таки происходит. Прогностический эффект — всего лишь эффект. Это уловка, цепляющая внимание сталкера, нацеленного на конкретное. Здесь нет никакого обмана, поскольку роль предвидения и предощущения в повседневной сталкерской работе колоссальна. И сталкер получает то, чего он хотел. А заодно теряет человеческую форму, становится свободным и текучим. Мир больше не может поймать *абстрактного* сталкера. И тогда выясняется, что предвидение толтеку не нужно.

Через парадоксы лежит путь к Трансформации. Всякий раз мы движемся к одной цели, а приходим к другой. Здесь нет никаких обманов — так устроено само Знание.

Синхронистичности — другая сторона новой жизни во Времени. Они прямо свидетельствуют об истинном соотношении процессов в вашем сознании и бессознательном. Чем чаще вы сталкиваетесь с *синхронистичностями*, тем «прозрачнее» ваша психика. Они свидетельствуют каждый акт вашего *намерения*, независимо от того, насколько оно осознано. Сталкер фиксирует эти непостижимые «совпадения» как симптомы энергетического резонанса. На определенном уровне из синхронистичностей образуются длинные последовательности, которые как бы вовлекают окружающий мир в мысли и поступки толтека. Только не стоит пытаться формировать такие последовательности искусственно. Всякое подключение описания мира останавливает непосредственный энергообмен и возвращает вас в прежнюю позицию человека, думающего о бесполезных вещах.

Стоит ли приводить примеры синхронистичностей в жизни толтека? Они могут охватывать все сферы опыта — сны, разговоры, встречи и знакомства, поездки, ландшафты, природные катаклизмы, даже астрономические явления. Пока необъяснимые совпадения сопровождают вашу жизнь, можно быть уверенным — вы движетесь в верном направлении.

Следующий эффект усиленного осознания сталкера — его способность влиять на работу тоналя других людей. Прежде всего, речь идет о замедлении или остановке внутреннего диалога. Обычная реакция на такие влияния — кратковременная анестезия и обездвиженность. Окружающие чувствуют, что их тело деревенеет, ум цепенеет, язык отказывается говорить. Поскольку воздействие имеет место даже в том случае, когда люди не догадываются о присутствии сталкера, можно полагать это влияние не суггестивным, а психоэнергетическим.

Воздействие сталкера может быть еще заметнее, когда он, не пользуясь словами или какими-то способами наведения транса, изменяет работу чужого внимания. «Отведение глаз», избирательное усиление или ослабление осознаваемости сенсорного материала — любимые трюки старых шаманов. Они просто индуцируют свой тип работы внимания на избранную «жертву», заставляя участвовать в их собственном магическом описании мира.

Надо сказать несколько слов о «магических» эффектах сталкинга во втором внимании. Понятно, что сталкинг восприятия делает сновидение стабильным и энергетичным. Кроме того, мы уже достаточно обсудили, какой мощный толчок дает сталкинг *сновидению наяву*. Но есть особый эффект, с которым я знаком мало. Это — *сталкинг неорганических существ*.

Сталкеры легко входят в контакт с неорганической живностью. Их безусловное преимущество состоит в том, что они способны довольно быстро понять, представляет ли существо опасность, и если да, то какую именно. Кроме того, сталкеры намного чаще, чем сновидящие, используют этих тварей в качестве транспортного средства. При этом сталкеры обычно сами не способны объяснить, как это у них получается. Важно отметить только одно: в общении с неорганическими существами сталкер *тоже бывает уязвим*. Его предрасположенность — выслеживать себе подобных. Чем больше «человеческого» в союзнике, тем лучше. Но бывают очень странные существа, которых можно лишь посоветовать избегать. Это огромные и малоподвижные структуры, замедляющие или останавливающие вокруг себя всякую активность. Я бы не советовал пробовать на них свой сталкинг. Тяжеловесность их поля лишает сталкера каких бы то ни было преимуществ.

Вершиной пути сталкера становится полноценное выделение *дубля*. Двойник полностью приходит в себя в *сновидении наяву*. Когда он начинает контролировать критический объем эманации и обретает необходимую степень осознания, сталкер может стать полноценным действующим *дублем* и отправиться в путешествие, оставив инертную часть кокона в качестве мирно дремлющего тела. Кастанеда подробно описал магические явления донна Хенаро. Нам остается «всего лишь» попробовать повторить его «сказки о Силе».

Итак, мастерство сталкинга и его таинственность заключается в тонком выслеживании степени интеграции первого и второго внимания. Все описанные в этой главе эффекты относятся к тому или иному уровню интеграционного взаимодействия психоэнергетических полей. Сталкеру здесь открывается череда уровней, что и дает возможность манипулировать энергией. Сновидящий, как правило, знает лишь два состояния — перцептивное поле первого внимания и совокупность полей второго. Если практик входит во второе внимание только через сновидение, он «зажигает» своим осознанием целые пакеты эманации. Проход со стороны первого внимания — это более тонкий процесс настройки. Здесь множество уровней, каждый из которых имеет свои энергетические особенности.

Пожалуй, общим качеством всех промежуточных этапов настройки второго внимания является активизация способности сталкера к *магическому деланию*. Эффектной демонстрацией *магического делания* у Кастанеды является использование *воли* — вычленение пучка эманации и управление им, чтобы оказать определенное воздействие на живые и неживые объекты. Любые энергетические потоки, полевые формы и даже продукты моделирующего воображения могут быть предметом магического делания.

Хороший сталкер всегда может определить границы своих реальных возможностей. Поскольку основная проблема традиционного магического делания — понять, где кончаются реальные энергетические процессы и начинаются игры возбужденного воображения. Чтобы разрешить эту проблему, надо осознать пространство делания, которое окружает энергетическое тело и соответствует его потенциалу. Реальный потенциал энергетического тела и есть уровень интегрированности полей первого и второго внимания.

Таким образом, на пути сталкера его *пространство магического делания* постепенно расширяется и приобретает новые характеристики. Следуя топологическому языку тоналя, можно сказать, что пространство делания становится многомерным и неоднородным. Выделение *воли* — это первый признак неоднородности пространства, который осознается толтеком. Сновидящий, как существо более пассивное в мире первого внимания, замечает пространство своего «делания» позже и выслеживает его не так тщательно. Сталкер же находит здесь огромный простор для действия и увлекательную перспективу.

Именно в этой точке можно найти многочисленные пересечения между традиционной магией, основные инструменты которой — *ритуал* и *имагинация* («реализация воображения»), и магией толтекской, целиком основанной на управлении восприятием и энергообменом. Но — хочу еще раз подчеркнуть — это область, которой позволено заниматься лишь подлинным сталкером. Путь этот опасен и узок, он требует высокой отрешенности, идеальной трезвости и уравновешенности. И опасен он совсем не теми угрозами, которые исходят от устрашающих духов, не контактами с коварными «союзниками», мечтающими украсть осознание мага. Дело в другом — в коварной двусмысленности любого психоэнергетического акта.

Начиная с какого-то момента практики, интенсивность осознания толтека достигает критической величины. Этот момент неминуем как на пути сталкера, так и на пути сновидящего (если вы действительно занимаетесь дисциплиной, а не убаюкиваете себя пустыми надеждами). «Критическая» интенсивность осознания подразумевает окончательную утрату начальной фиксации точки сборки, многократное расширение объема произвольного внимания и значительное уплотнение энергетического тела, включая «двойника». Что за этим следует на практике? Во-первых, изобилие недоступных ранее сенсорных потоков, во-вторых, легкость перехода из одного режима восприятия в другой, и наконец, гиперчувствительность как в полях первого, так и второго внимания.

Попробуйте вообразить это положение. «Щиты» тоналя сметены прочь, внесознательное и бессознательное активно вмешиваются в ваше реагирование, энергетическая активность настолько высока, что регулярно вызывает синхронистичности, эффекты влияний, которые вы сами не понимаете, «видения» и «голоса» становятся обычным делом. И вы в подобном состоянии принимаетесь экспериментировать с магией.

Во-первых, само решение испытывать пути древних охотников за Силой говорит о том, что ваша безупречность не совершенна. Во-вторых, вас сбивает с толку *ясность* — один из самых коварных противников человека Знания. Ведь вы пребываете в особом энергетическом состоянии — *ясность* приходит и уходит, а Сила остается. Ясность обманывает вас до тех пор, пока вы не выиграли свою «битву сталкера».

Уровень вашей силы и объем вашего пространства «делания» таковы, что *любой магический обряд может быть эффективным*. Проблема в том, что вы никогда не знаете наверняка, что послужило причиной эффективности ритуала — настройка внимания, уровень личной Силы, элементы намерения древних видящих, присутствие неорганического существа и т. д. На этом этапе очень часто можно встретить толтеков, павших жертвой своей ложной *ясности* и не способных это осознать. Эти обычно с умудренным видом толкуют одно и то же: «Сила знает», «Сила ведет» и т. п. Смысл этих вещаний, которые на новичков производят неизгладимое впечатление, в том, что «*мой нагуаль всегда прав*». С такой формулировкой и впрямь не поспоришь. Остается лишь один заковырившийся вопрос: а действительно ли *нагуаль* диктует вам решения? Толтекский принцип «верить не веря» универсален и не знает исключений. Нет того порога, за которым его можно отбросить, погружившись в абсолютную и бесконечную уверенность.

Этим отличаются настоящие толтеки от толтеков мнимых. Утратив способность принимать ту или иную интерпретацию происходящего, вы покидаете путь воина. Если некто утверждает, что находится в непрерывном контакте с безмолвным знанием, что любая его причуда, изыск, оригинальный подход, уникальный метод — всегда откровение, всегда отблеск Истины, — лучше отойти от него подальше. Чаще всего это «погибший воин» или безумец. Недаром чаньские проповедники призывали: «Убей Будду, убей Патриарха!» Никто не может знать *нагуаль*, никто не может быть носителем подлинного Откровения. Проповедники такого «космического» масштаба чаще всего больны знаменитой «дзэнской болезнью». Они открывают уникальные магические пути, восстанавливают утраченные формулы Спасения или Трансформации, их знания и практики всегда эксцентричны, ни на чем не основаны, кроме оглушительной веры и личной харизмы, их утверждения безапелляционны и повторяют архетипы древнейшей мифологии.

Носители реального знания на их фоне выглядят скучно. Поэтому их редко слушает толпа, они всегда несколько в стороне. Разве можно сравнить популярность новой и новейшей теософии с популярностью классического буддизма тхеравады? Разве может раджайога при всей ее многовековой мудрости и опыте конкурировать с новейшими школами магии и психознергетического развития?

То же самое неминуемо происходит с толтекским знанием. Возникают «новые древние маги» со своей «новой древней мифологией», рождаются фантастические и даже безумные эпопеи; подобно утраченным коленам Израилевым, объявляются вдруг «утраченные толтекские линии». У каждого своя «изюминка», свой чарующий блеск Тайны — только стоит ли ей верить? Чтобы отличить мнимое от подлинного, надо быть хорошим сталкером и потратить хотя бы часть своей уникальной жизни на обретение той самой *безупречности*, в которой новые древние маги заставляют нас усомниться.

На этом узком пути сила может легко оказаться слабостью, знание стать фантастическим сном наяву, ясность может превратиться в свалку из параноидальных галлюцинаций, претендующих на вселенскую Истину.

Здесь происходит главная битва сталкера. Она заключается не в манипуляторских играх и даже не в изощренной маскировке, которая нужна всякому толтеку на его пути. Устранить иллюзии — вот суть высшего сталкинга. В конечном счете от качества сталкерского внимания зависит *судьба осознания*. А это все, что у нас есть.

Глава 10. МАГИЧЕСКАЯ ТКАНЬ МИРА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОГО НАМЕРЕНИЯ

" Разве не может быть, что невидимый, непостижимый ветер бросает нас то туда, то сюда, определяя наши поступки, тогда как мы, в нашем простодушии, полагаем, что действуем по своей свободной воле? Что, если жизнь в нас не что иное, как таинственный вихрь?!"

Густав Майринк

" Если воин хочет ответить на то добро, что для него сделали, но у него нет возможности расплатиться с людьми, когда-то помогавшими ему, воин отдает все, что может, человеческому духу. "

Карлос Кастанеда

Поскольку намерение (*intent*) не является предметом описания, а целиком принадлежит *нагуалю* (Реальности-вне-интерпретации), мы можем говорить о нем в трех аспектах: а) мистическом (воплощение непостижимого Закона и непостижимой свободы), б) структурно-метафизическом (уровни бытия и соответствующие им феноменальные уровни намерения) и в) операционально-магическом (т. е. о процессуальном соотношении личной воли, внимания и мирового намерения). Первый уровень интересует нас меньше всего, хотя рождает в разгоряченных умах мистиков-визионеров грандиозные метафоры и может служить почвой для настоящих шедевров мысли и искусства. Это — масштабный образ, символ Тайны движущегося мира и его порыв. Таким образом, мы будем говорить о втором и третьем — *метафизике* и *магии* таинственного намерения.

Что такое *намерение*? Можно ли дать определение тому, что по природе своей выходит за рамки всяких определений? Идеалистам в известной мере проще — они могут приписать намерению трансцендентную, сверхпсихическую природу. Нам же придется безжалостно отсекалть все лишнее, чтобы остаться с чем-то, не имеющим имени. Редукционизм такого рода позволяет, например, создать следующую формулировку: *Намерение — не психический акт. Это способ превращения причины в следствие внутри энергетической ткани мироздания.* Но не позволяйте этой «урезанной» дефиниции загипнотизировать себя, поскольку она отражает крохотную часть явления и способна объяснить лишь одно: каким образом *намерение* связано с магией. Ибо суть магии (как уже говорилось) — нарушение каузальности. С одной стороны, намерение само определяет, как именно и какие рождаются следствия. С другой стороны, намерение содержит в себе обширный набор модификаций каузальности, и в этом смысле его можно назвать «метакаузальностью». Иными словами, намерение не есть воплощение абсолютной, ничем не ограниченной Свободы. Намерение не может уничтожить Вселенную, не может в один миг остановить биологические процессы, изменить орбиты планет и т. д. Но все же в нем заключены грандиозные потенции — они-то и превращают обычного человека в мага, а мага — в новый вид энергетического существа, способного вечно странствовать по бесчисленным мирам.

Вернемся ко второму и третьему аспекту намерения, т. е. тому, что хоть в какой-то степени может быть предметом размышлений и анализа. Со *структурно-метафизической* точки зрения можно говорить о:

- намерении больших эманации Вселенной,
- намерении Земли,
- намерении человека.

Иерархия энергетических систем (в смысле их объема и долговечности) определяет скорости, типы превращений, тенденции и конечные состояния. О больших эманациях мы знаем меньше всего — видимо, в сферу их намерения входит специфический баланс организации и энтропии, «правильное» перетекание энергии из одного диапазона Реальности в другой и другие малопонятные закономерности.

Если взглянуть на мироздание оптимистически, намерение Земли включает в себя рождение биологической стихии как системы энергетических тел небольшого объема, способных самостоятельно увеличивать свою численность и развивать осознание как процесс присущих эманациям резонансов.

Наконец, намерение человека — упорядоченность осознания, создание исчерпывающего тоналя, замыкающего поле его опыта в управляемую структуру. Здесь космическая Имперсональность уступает место Личности, что впервые создает предпосылки для произвольной самотрансформации существа.

Субъект живет и воспринимает внутри этих трех больших систем — Мира, Жизни и Человека. В этом сложность ситуации. Мы как бы пребываем на вершине пирамиды. Намерение вселенной лежит внутри нас как фундамент, как полево-энергетическая ткань, не знающая никаких иных законов, кроме собственных. Мы не просто состоим из этой ткани, мы пронизаны ее Тайной, ее Силой и ее Магией. В конечном счете все, чем располагает человеческое существо, — всего лишь производная от «магической ткани мира». Именно здесь — сокровенная суть *намерения, воли, внимания* и даже *осознания*.

Ибо Жизнь — только продолжение мирового намерения. Она способна сохранять свои уникальные признаки и размножаться. С экзистенциальной точки зрения никаких иных различий мы не найдем. Все представлено в инертном, консервативном виде. «Осознание» перешло в «чувствование», внимание по-прежнему управляемо законами — не физическими, так биологическими. Стихия Жизни мало чем отличается от стихии неживой материи. Ее намерение изменилось лишь формально, но мировая система осталась прежней.

Стихия человека совсем другое дело. С тех пор как осознание стало упорядоченным, мир-для-человека категорически изменился. Свершилась Великая Иллюзия — Мир исчез! Потому что мир-вне-человека больше не существует. Мы, конечно, осведомлены интеллектуально о некоем «двоемирии» — будто есть «мир-вне-человека» и «мир-для-человека», но в непосредственном психологическом опыте никогда с этим двоемирием не сталкиваемся.

Мы сотворили *тональ* — *один мир*, «дневной мир», «мир человека наяву». Мы удалили и выбросили все, что не совпадало с утвержденными шаблонами. И самое главное — точно таким же образом мы поступили со своим внутренним миром.

Мы приближаемся к человеческому *намерению* через познание бессознательного. Приближаемся, конечно, не к его содержанию, а скорее к процессу, явленности миру и человеку. Иными словами, семантические поля нашего бессознательного сами по себе *намерения* не содержат, и не нужно на этот счет питать иллюзии. Архетипы, мифологемы, гештальты, базальные стремления, внушенные нам социальностью, — они, конечно, обнажают часть фундамента человеческих идей и выросших из них хотений. На символическом уровне они хранят раннюю историю мирового тоналя и опосредованно выражают склонности, присушие нашей природе.

Глубинное бессознательное не является хранилищем наших атавизмов, как считают некоторые психологи. Оно крайне актуально, приспособлено к нынешней жизни бодрствующего сознания и обеспечивает современную мотивацию исчерпывающим образом. Любой миф и; символ бессознательного — всегда предпосылка для реакции, поступка, поведения; их архаическая форма лишь маскирует злободневность живость эмоционального потенциала. Содержание бессознательно! имеет самое прямое отношение к сегодняшнему человеку. Оно всегда подталкивает нас либо парализует, будучи не просто совокупностью вытесненной семантики, а генератором эмоциональных импульсов, распространенных на все поле актуального опыта.

Толтек исследует свое бессознательное не для того, чтобы удовлетворить научное любопытство, выяснить, какой именно вид имел его тональ в эмбриональном состоянии. Точно так же перепросмотр *не* является сбором фактов о первых годах собственной биографии.

Бессознательное — это фундамент поведения современного человека; каждый элемент бессознательного имеет силу здесь и сейчас. Он превращается, обретает новую форму, он вновь и вновь обрывает адаптированными интерпретациями, затем — рационализациями, он оправдывает свою активность, прибегая к содержаниям ясного сознания, — но суть неизменна. Если данная мифологема (символ) присутствует в бессознательном, значит, она актуальна и влияет на психологический процесс, — более того, мифологема (символ) каким-то образом участвует в строительстве цивилизации.

Изучив содержания бессознательного, мы узнаем важную вещь — *какие формы и маски* используются семантическими продуктами психики, чтобы всегда осуществлять *намерение человеческого вида*. Вот что такое бессознательное — хранилище форм, реквизит для маскарада. Это резерв нашей пластичности. Если человечество в результате какой-нибудь катастрофы вернется в пещеры, оно возродит архаичные формы, мифологию и идеологию первобытного племени, чтобы начать заново свое неотвратимое строительство. Оно будет восходить теми же тропами, комбинируя факты своего бессознательного иначе, но непременно ради того же самого результата.

Это путь *намерения человека*. Формы несущественны — важнее то, что можно назвать «инвариантом тонального развития».

Например, человек должен обрести речь и письмо, должен существовать группами, организованными иерархически; должен разделить труд на охоту, земледелие и ремесло. Дальнейшее очевидно — ремесленники обречены селиться вместе, создавая таким образом города; иерархия городской жизни приведет к монархии, деспотии или демократии. С этого начнется государство. Государства обречены время от времени воевать, в результате чего появляется особая каста (или класс) «воинов», солдат и военачальников, которые умеют только сражаться, — *армия*. Наличие армии определяет развитие социума на тысячелетия... И т. д. и т. п.

Всё уже написано в книге судеб человеческого рода. И все формы религиозности, и все виды общественного устройства имеют в бессознательном свою самую объемную, «символическую» представленность. Легко вообразить варианты развития социума, легко нарисовать схемы, по которым идет цивилизация. Кроме того, легко заметить совокупность инвариантов. Но все это, как уже было сказано, показывает нам *последствия* намерения. Мы видим, что есть некий единый процесс — он всегда ведет человека в одну и ту же сторону.

Но каково содержание движущего импульса? Все, о чем мы говорим, — только эффекты импульса в некотором диапазоне возможных вариаций.

Да, осознание упорядочивается, тональ усложняется, замыкается на себе. Да, восприятие сужается и обретает способность к невиданной для животных концентрации. Это происходит с любым этносом, в любой культуре. *Намерение едино*. Но каково содержание этого намерения? Или, как говорят чаще, — каков его *смысл*!

В процессе личностной трансформации вопрос о «смысле жизни» обязательно возникает. Очень часто бывает и так, что как раз озабоченность «смыслом жизни» толкает человека на сам путь духовной (мистической, психоэнергетической) дисциплины либо обращает его к религии. Я многократно был свидетелем эмоциональных дискуссий на эту захватывающую тему. Поскольку проблема «смысла», как мы увидим, неразрывно связана с *НАМЕРЕНИЕМ*, я скажу по этому поводу несколько слов.

Прежде всего, каждый ищущий развития осознания субъект наталкивается на два представления о «смысле». Условно их можно назвать *субъективным смыслом* и *объективным смыслом*. Реальность «субъективного смысла» не вызывает сомнений, ибо это ядро устремлений и фундамент любой мотивации личности. Сюда входят задачи, цели, подчиненные им стратегии и выборы. Это — суть нашей личной жизни. Мы знаем, что сами строим подобные «смыслы» или «цели». Это присуще семантической природе нашего сознания, разума, тоналя. Можно сказать, что субъективный смысл жизни — наше «окончательное *делание*».

Совсем необязательно представлять себе такой построенный смысл как нечто весьма приземленное и всесторонне обусловленное социальными внушениями. Самая высокая духовность может быть *сделана* нами по образцам вечных экзистенциальных устремлений человеческого рода. Проблема в том, что слишком часто люди, построившие себе субъективный смысл жизни из духовных идей и представлений, искренне полагают его *объективным, реальным, существующим* снаружи, в макрокосме без человека, до и после него. Практически все религии мира пали жертвой этого заблуждения (потому они и стали религиями!).

Объективный смысл, тем не менее, взывает к нашему чувству. Никому не нравится аморфная каша, хаос, бесконечная и ни к чему не ведущая вибрация эманации Вселенной. Мы нуждаемся в системе координат, в точке отсчета. Мы хотим найти внешнее целенаправленное движение, чтобы последовать за ним и знать, что исполняем не собственную прихоть, а способствуем сокровенному смыслу человека в Большом Мире. Это дает уверенность, самооценку, чувство собственной важно-

сти, позволяет держать тональ в одном зафиксированном режиме, который принимается как *оптимальный* для достижения *объективного смысла жизни*. Нас прельщает собственная хитрость — мы можем утверждать, что именно следуя плану по осуществлению «смысла жизни», который придуман не нами, а существует в Большом Мире, мы обретаем экзистенциальную *свободу*. («Познайте истину, и она сделает вас свободными».)

Я не стану утверждать, что объективного смысла не существует — хотя в дидактических целях следовало бы. Но попробуем размышлять трезво, то есть *безупречно*.

Дело вовсе не в том, существует ли такая штука, как «объективный смысл жизни человека». Дело в том, как мы *воспринимаем* этот «объективный смысл» и как к нему *относимся*. Выше я сказал, что вопрос смысла — это вопрос нашей семантики. Семантика занимается знаками и значениями, сочетаниями знаков и полями значений. Это *ограниченная* трансляция («перевод» сенсорных сигналов в информационные схемы) и собственная *продукция* (производство фикций, которых в Реальности нет и не было, миражей из слов, за каждым из которых — другие слова и ничего больше).

Когда мы работаем с субъективным смыслом, все это нормально и не вызывает возражений. Однако, пытаясь отыскать смысл объективный, внешний, мы следуем теми же путями. Мы точно так же строим по семантической схеме «смысл», но делаем его масштабы почти бесконечными и универсальными, чтобы назвать сделанное «**ОБЪЕКТИВНЫМ СМЫСЛОМ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА**». Не правда, он по-прежнему субъективен и к Реальности никак не относится.

Объективный смысл нечеловечен и, разумеется, несемантичен. Он вне описания, рефлексии, и принадлежит скорее к чувству. Помните, как сформулировал мудрый Лао-цзы? «Дао, выраженное в словах, — не Дао».

Если мы надеваем на «внешний смысл» человека семантические одежды (пусть они состоят из самых изысканных рассуждений, максим и афоризмов), это сковывает нас. Здесь нет и не может быть свободы. Такие смыслы могут быть полезными инструментами, вехами на Пути, но не самим Смыслом. Например, можно сказать, что *смысл человека состоит в усилении его осознания* — правда, вполне подходящая формулировка? Это инструмент, который помогает приблизиться к выбранной цели, — например, к достижению и освоению второго внимания.

Подобным образом работают все построенные человеком смыслы, на какие бы масштабы они ни претендовали. И «слияние с Богом (Абсолютом)», и «достижение Пустоты Бытия», и многое другое. Все это субъективные построения, которые помогают или мешают человеку. Это полезные инструменты или вредные помехи. Они не могут привести к *свободе*, поскольку воплощают в себе ограниченность символов, ограниченность мышления и восприятия. Они настраивают на фиксацию, соответствующую данной формулировке.

Нагуализм же парадоксальным образом настаивает на том, что осуществление смысла и свобода неразрывно связаны. Более того, по сути — это одно и то же.

Есть лишь одно таинственное явление, которое позволяет отдаленным образом разрешить возникший парадокс. Это **НАМЕРЕНИЕ**. Оно в ряде отношений подобно Дао. Намерение не допускает никаких описаний и не выражает себя семантически. Намерение всегда имеет «область», к которой оно стремится. Намерение активно и воплощает себя в движении. Намерение не знает никакого окончательного результата, который можно было бы сформулировать (поэтому ничем не сковывает свободу Пути). Следование намерению дает человеку чувство ни с чем не сравнимой гармонии, уравновешенности и колоссального избытка сил. Таким образом, если вообще говорить про объективный смысл человека в нагуализме, то он сосредоточен в **НАМЕРЕНИИ**. Благодаря «запредельности» намерения в него входит и усиление осознания, и смещение точки сборки, и фиксация ее в новой позиции, и блуждание в трэмпинге. Затем следует интеграция различных режимов восприятия, бессмертие и свобода.

Возможно, такая размытость многим непривычна и не понравится. Какая-то неразбериха. Типичная «китайская мудрость» — Дао, о котором и сказать толком ничего нельзя, но при этом оно повсюду себя проявляет. Наша приверженность описанию и элементам описания, символам и знакам гораздо сильнее, чем может показаться. Мы *маниакально семантически*.

А здесь — выходит, опять не на что опереться. И не на чем выстроить здание ЧСВ. Потому что осуществление намерения не порождает ни гордости, ни чувства значительности содеянного... Никакой важности, а равно никакой уязвленности от того, что не смог следовать намерению. Ибо намерение не имеет социальных координат, и это лишний раз свидетельствует — наконец-то речь идет о Реальном, Объективном, а не о «человеческом».

В энергетическом теле существуют следующие каналы для контакта с намерением:

1. *Темечко.*
2. *Межбровье.*
3. *Пупок.*
4. *Комбинации трех первых + центр страха и (или) промежность.*

Намерение всегда присутствует в поле латентной перцепции первого внимания. На фоне *тотального сталкинга* (см. главу 6) мы способны выследить значительную часть энергообменных процессов. Более того, мы если не точно, то хотя бы в общих чертах можем в этом состоянии определить природу и источник тех или иных энергетических влияний.

Конечно, у продвинутых сновидящих бывают особые ситуации — например, в том случае, если они захватили какой-то фрагмент полей второго внимания и испытывают их влияние наяву. Но даже здесь можно идентифицировать источник, поскольку поля второго внимания имеют специфические характеристики.

Прежде всего, поля второго внимания существуют в собственном континууме и не являются необходимыми для функционирования мира первого внимания. Речь идет как о семантической необходимости для тонального описания, так и об энергетической необходимости, т. е. участии в полево-силовых процессах мира, для которого мы составили наше тональное описание.

Этот признак кажется абстрактным, но он очень важен и по сути определяет все. Собственно говоря, то, что мы называем «МИР», есть перцептивно-энергетическая целокупность, где каждый фрагмент, каждое явление есть причина, признак, следствие или проявление другого. Обратите внимание — *мир самодостаточен*. Конечно, пока ваш сенсорный и эмоциональный опыт ограничен только одним миром, заметить это сложно. И все-таки! Помните, в первой части книги речь зашла об антропном принципе — парадоксе мировосприятия и одновременно онтологическом факте? Здесь мы возвращаемся к тому же. Антропный принцип — это лишь частное проявление *самодостаточности* всякого мира (в данном случае «мира человека»).

Видимо, речь идет о критической способности тоналя как объема описания — способности, подчиненной внутренней, не до конца постижимой логике, выросшей из энергетических законов целесообразности. Это и есть та способность, которая позволяет нам делить недискретную ткань бытия на отдельные, замкнутые «миры».

Очевидно, перцептивный аппарат тоналя может выбрать для полноценного восприятия только одну цепь энергетических фактов, объединенных железной цепью причинности. Здесь все сливается

воедино — устройство энергетического тела наблюдателя, доминанты энергообмена между субъектом и объектом, определяющие значимость представленного восприятию диапазона эманации, изотропность всех структур в перцептивной среде и т. д.

И мы узнаем это единство, мы узнаем «мир» как энергетическую целокупность. Более того, мы узнаем *свой мир* — а это самое важное. Мы «знаем», что плотность полей здесь возрастает от периферии к центру, что любой объект, способный причинить нам вред, обладает вполне определенными характеристиками. То, что мы привыкли называть «массой», «скоростью», «плотностью», «способностью вступать в химические взаимодействия» и многое другое, то, что мы привыкли считать физикой и химией нашей Вселенной, — на самом деле только перцептивные характеристики, резонансы, возникающие между устройством воспринимающего тела и устройством воспринимаемой среды. Это родное *первое внимание*, которое невозможно не узнать.

Любой мир второго внимания обладает такой же целокупностью, такой же логикой, но не включает в качестве необходимого элемента самого человека как базовую перцептивную единицу. Соприкасаясь с ним, мы всегда знаем, что *сущностно изменены* (иначе были бы просто не способны воспринять это чуждое пространство). Иными словами, это *мир не-человеческого намерения*. Вот почему в мире второго внимания *высказать* личное намерение — значит сделать его энергетическим фактом. Все дело в том, что речь порождается внутренним диалогом, а внутренний диалог, который мы имеем, воплощает в себе логику первого внимания. Если такой внутренний диалог «включает» речь в полях второго внимания, он нарушает каузальность этой перцептивной среды. И обыкновенная произнесенная фраза становится *магией*.

Иные характеристики перцептивной среды, отражающие иной тип энергообмена, связаны особой логикой с возможностями бытия. При этом связи не очевидны, и «антропос» со своим антропным принципом чувствует себя более чем странно.

Например, в нашей, «человеческой» среде скорость света — это предельная скорость перемещения (воздействия, влияния, реакции и т. п.). Но есть миры, где свет движется медленнее многих иных волн, полей, процессов. Каждый сновидящий, добившийся успехов в освоении второго внимания, знает, что в некоторых средах он способен «летать», преодолевать гравитацию при помощи собственного усилия тела. Если посвятить достаточно времени исследованию этих перцептивных сред, то окажется, что способность летать вызвана тем непривычным фактом, что скорость света там не является предельной скоростью для взаимодействий. Простым волевым усилием сновидец может легко развить скорость выше световой — и именно поэтому он может побеждать гравитацию. Сновидец движется быстрее гравитационной волны, которая перемещается со скоростью света, он обгоняет ее — вот причина его левитации. В перцептивных полях второго внимания предельную скорость может иметь не свет, а иные процессы.

(Кстати, именно этой причиной объясняется наличие миров второго внимания, где нет и не может быть использования электричества. Ибо электрический ток, движущийся со скоростью света, оказывается довольно медленной штукой. Его просто нельзя использовать так, как это делаем мы. Один из таких миров мне известен.)

Каждый мир второго внимания — воплощение своего типа *намерения*. *Намерение* создает континуум через резонанс тела и внешней среды. Достаточно изменить один параметр — и целостность мира будет вывернута наизнанку. Целесообразность и самоощущение обретают совсем другие смыслы. Если в мире второго внимания есть свой «социум», он будет всячески поддерживать гомеостазис собственного мира. Ведь социум отражает *намерение* составляющих его существ. Постичь социальные игры любой среды, относящейся ко второму вниманию — значит войти с этой средой в самый полноценный энергообмен.

Наш мир — *мир первого внимания* — тоже защищает свою неизменность через социум. Мы не обращаем внимания на эту (быть может, самую важную) функцию общественного бытия, потому что

крайне редко осознаем устройство перцептивного аппарата в его связи с областью энергетических эманации, составляющих среду обитания. А социальность, тем не менее, всего лишь проекция *намерения* нашего вида. Структура общества стремится поддержать себя даже вопреки интересам людей, из которых оно состоит.

Сегодняшний социум, после многих веков различных попыток, находится в поиске компромисса между свободным рынком и социальным обществом. Он весь соткан из парадоксов: ищет свободу, но останавливается при виде любого воплощения этой свободы, проповедует индивидуализм, но опирается на ту или иную систему коллективной солидарности. Рынок — это свобода и поиск, социальное общество — это контроль и ответственность, власть, которая берет на себя смелость решать за других, *что* хорошо и *что* плохо. Свобода позволяет говорить о потенциально опасных для социума вещах — это заслуга рынка; государственный контроль не дает выходить за установленные рамки — это заслуга подавляющей системы и пропаганды.

Социум никогда не пропагандировал трансформационные учения о человеке и не станет этого делать. Вполне возможно, это вселенский закон, который с таким же успехом работает в мирах второго внимания, как бы они ни отличались от нашего. В конце концов, точка сборки должна быть жестко зафиксирована у любого сознающего существа.

Пропаганда социума поразительно убога и возможна лишь потому, что действует на бессознательное. Вы с легкостью составите список «социально полезного», если просто проведете содержательный мониторинг популярных СМИ. Точно так же можно составить список «социально вредного» — это то, что существует в реальной культуре, обсуждается в ней, но крайне редко попадает, например, в пространство телевидения — самого эффективного орудия социальной пропаганды.

Проделав такое наблюдение, вы откроете, что в список «социально вредного» входят, например, книги Кастанеды (наряду с йогой, дзэн, даосизмом, Гурджиевым Кришнамурти и множеством других известных человечеству имен и направлений). Наряду со всем вышесказанным, это позволяет обосновать такой вывод: *государство как структура социума незаинтересовано в совершенствовании и изменении природы человека.*

Мировой тональ игнорирует естественное стремление человека к свободе и познанию. Этим намерение тоналя отличается от намерения целостной человеческой природы. Его намерение — замкнуться на себе и производить бесконечные самоповторения. Пусть «социальный человек» подавлен, угнетен душевно и духовно, пусть он страдает от комплексов и тайно жаждет смерти — в конце концов, разве это важно? Важно закрыть пузырь восприятия — качественно и навсегда. Важно сохранить воспроизведение неизменной структуры. И это не заговор, не осознанная тайная воля каких-то сверхсекретных «масонов» — это *бессознательное намерение* человеческого тоналя. Помните, мы говорили, что для человека реальной властью обладает только то, что автоматически, т. е. не осознается? Отсюда следует простой вывод: *усиливая осознание, толтек начинает воспринимать намерение тоналя не-автоматично и, значит, разрушает его.* Включается намерение больших систем — человеческого вида, планеты и космоса, тех самых систем, чья суть — бесконечная трансформация. Это дает надежду.

Сталкер способен выследить в себе проявления биологического намерения и намерения человека. В реальной психической жизни эти стихии всесторонне переплетены. Когда толтек работает над безупречностью, он впервые непосредственно сталкивается с избытком смешанных форм, где животное и человеческое представлены почти равномерно. Толтек открывает на практике, что он — совокупность биологии и «человеческого».

Различать животное и человеческое в себе крайне важно, поскольку их проявления подобны, а намерения, лежащие в их основе, иногда полярно противоположны. Думается, именно неразличение этих двух начал — причина большого числа ошибок, совершаемых человеком в его повседневной жизни.

Чем же отличается животное от социального? Чем отличается намерение биологической стихии от намерения Человека?

Биологическое стремится к неизменности, повторению и испытывает от этого удовольствие (наслаждение). Суть биологической стихии — *репликация*, воспроизводство. Поэтому любые действия, ассоциирующиеся в психике с умножением подобных частей, увеличением, ритмическим движением, вызывают тот или иной вид удовольствия. Опосредованно с размножением связана даже пища. Сюда же относятся разные виды развлечений, придуманных человеком. «Эротическая интрига» бывает так глубоко спрятана, что надо быть изощренным аналитиком, чтобы обнажить ее. Кто из нас догадается, что увлекательность кино-погоны может быть связана со стремлением биологии догонять и овладевать? Почти все виды игровой физической активности (начиная с футбола и бокса и заканчивая триллерами и компьютерными «стрелялками») увлекательны, потому что биологичны. Биологическое визуализирует себя через лабиринты, атаки, насилие, победы и поражения. Биологическое не-свободно, оно борется или бежит, причиняет боль или страдает от боли. И развлекается всем этим, полностью погружается в эту стихию своим однообразным вниманием.

Человеческое, наоборот, ищет открытые пространства, свободно размещенные по нему элементы, которым можно придавать любой порядок. Человеческое намерение немного напоминает ребенка, которому подарили очень большой и забавный «Конструктор». Он строит башни из кубиков, складывает пирамидки, но главное — мечтает построить себе «домик»: красивый, из разноцветных элементов, с окошками и дверцами, с многообразным и приятным внутренним убранством. Как вы догадались, «домик» — это аналогия тоналя. Здесь должен поддерживаться определенный порядок. Например, картины могут висеть на стенах, но — ни в коем случае! — не на потолке. Крыша должна накрывать жилище, а не служить ему фундаментом, стены не могут лежать горизонтально и т. д. и т. п. Внутри этого сконструированного порядка человек чувствует себя одновременно а) в безопасности, б) свободным. Чтобы усилить чувство свободы, он собирает возле домика железную дорогу, по которой туда-сюда разъезжает веселый паровоз с вагонами для пассажиров. И возникает иллюзия, будто стоит лишь пожелать — и ты можешь сесть на придуманный поезд, а потом ехать и ехать, созерцая невиданные ландшафты, чужие города... И так — вечно.

Переплетения биологического и человеческого повсеместны. В «домике» комнаты подозрительно повторяют друг друга, на железной дороге за вами кто-нибудь гонится, вы можете въехать в темный туннель (фрейдисты, где вы?), где мигают таинственные огоньки, — да мало ли причуд в этой полувоображаемой-полуреальной игре сознания? Ловите *биологическое* и, пользуясь его импульсом, усиливайте *человеческое*. Все равно никто не может окончательно разобрать этот хаос.

Но даже после этого тотальный stalking открывает осознанию некий странный осадок, некое присутствие, движущее нами изнутри, силу, в определенном смысле продолжающую или воплощающую нашу личную волю, — присутствие некоего основания всякой активности, психической и физической. Она подобна руслу реки, а мы — подобны речной воде.

Это *чистое намерение*. Самый грубый, но проще всего воспринимаемый контакт с намерением происходит через пупочный «просвет» — то, что дон Хуан и иные толтекские маги называли *волей*. Он касается только модуса активного энергетического действия или влияния. Однако с помощью stalking толтек способен открыть, что каждая клетка его тела пропитана намерением, каждая мысль, желание, эмоция, чувство и реакция — все это продукты намерения. В нем больше всего человеческого, но осязаемой тенью нависает намерение Земли как материнской планеты, и более того — невесомым, бескачественным дыханием присутствует намерение больших эманации, воплощающих устройство Мира и скрывающих тайну нашего в нем присутствия.

Восприятие намерения вовсе не обязано быть благодетельным или, эйфорическим. Например, его неотъемлемой частью является смерть — судьба всякого живого организма. Кастанеда писал об этом. Если намерение смерти за левым плечом так и осталось для него метафорой или чем-то вроде по-

мерещившегося призрака, то накатывающая сила, разбивающая кокон через пупочный «просвет», — вещь более чем определенная и крайне болезненная.

Напоминаю: мы не говорим о самом *намерении* и не можем о нем говорить (ибо это аспект *нагуаля*). Мы говорим о первейших, самых непосредственных его эффектах — *воле*, движении, смерти и разрушении. Все это воплощается в энергетических потоках, и сталкинг позволяет заметить тончайший момент — *как* и *откуда* формируется «поток», определяющий нашу судьбу и нашу воображаемую свободу. Любопытно, что здесь же можно найти источник вдохновляющей нас *магии*.

Намерение — *сущность магии*. Хочу здесь заметить, что магия (не мнимая, а подлинная!) в значительной степени «мистифицирована». Многие апологеты магии делают особый акцент на могуществе и непостижимости сил, к которым обращается маг, на исключительно «таинственные» источники его могущества. Ничего не поделаешь — магия от века сопровождается мифологией. Например, магов оскорбляет предположение, что многие их эффекты происходят от «самовнушения».

А чем плохо самовнушение? Разве мы знаем доподлинно, что это такое? Вовсе нет. Мы лишь знаем, что человек способен при помощи внимания и воли заниматься саморегуляцией. Руки теплеют, лоб холодеет, частота и глубина пульса меняется по приказу сознания, и т. д. Можно заставить желудок или печень работать лучше, можно изменить энцефалограмму, развить способность к сознательному контролю за биоэлектрическими ритмами мозга. Все это кажется скучным, приземленным, материалистичным, совсем не магическим.

А между прочим, банальная саморегуляция является основой для самой возвышенной магии. Ибо что на самом деле происходит, когда йог или медитатор занимается саморегуляцией? Почему он заставляет участки тела теплеть или холодеть? Потому что своим произвольным вниманием он может расширить или сузить кровеносные сосуды в данном районе тела. За этим стоит изменение характера нервных процессов и, наконец, изменение энергообмена. Иными словами, при помощи банальной саморегуляции человек способен воздействовать на природный энергообмен, данный ему от рождения.

Такое утверждение ведет к далеким и впечатляющим последствиям. Почему? Потому что мы не знаем границы, где заканчивается область саморегуляции. Однако давно известно, что если эта граница есть, то пролегает она *за пределами* физического тела. Это было показано экспериментально еще в 1968 г. Александром Роменом и Владимиром Инюшиным. Феномен, ими обнаруженный, они назвали по начальным буквам своих имен — АРВИ. Этот феномен демонстрировался в лабораторных условиях тысячи раз, подтверждался как отечественными, так и зарубежными учеными. В чем же его суть?

Испытуемый, обученный технике *самовнушения*, ложится в специальное кресло с высокими подлокотниками — так, чтобы кисти рук оказались приблизительно на уровне его глаз. На расстоянии полутора метров от испытуемого помещается жидкокристаллический датчик. Через жидкокристаллическую среду проходит обыкновенный луч лазера.

Вот и все оборудование для теста. Это вам не синхрофазотрон, как видите.

Испытуемый погружается в состояние самовнушения и воображает, что из его пальцев и глаз одновременно исходит пучок невидимых лучей, который нацелен на жидкокристаллический датчик — тоже, кстати, не такое уж великое достижение. После 2—3 недель обучения на это способен любой человек.

Что же происходит дальше? Через некоторое время жидкий кристалл изменяет свою структуру так, что луч лазера, проходящий сквозь него, отклоняется. То есть меняются оптические характеристики жидкого кристалла в датчике. Угол отклонения луча *лазера* можно измерить и таким образом

судить о силе, приложенной к жидкокристаллической структуре. Эффект изменения оптических свойств датчика и называется «феномен АРВИ»¹⁾

Какой же вывод можно сделать из данного эксперимента? Человек занимается САМОВнушением и САМОрегуляцией, он что-то воображает и воплощает воображаемое в энергетических потоках СОБСТВЕННОГО тела. Но датчик, у которого меняется структура, находится на расстоянии двух метров от границ этого самого собственного тела! Выходит, что саморегуляция может регулировать еще и состояния объектов за пределами тела испытуемого? Но ведь именно влияние на внешнюю среду с помощью одной лишь воли и внимания принято называть «магией» — как же тут быть?

Обычный аутотренинг или иная техника самовнушения *порождает* эффекты *вне* человеческого тела. И тут ничего не поделаешь — это вам не фокусы иллюзионистов и не мошеннические проделки «проклятых спиритов»!

Между прочим, простая логика подсказывает, что так и должно быть. Если человек может изменять силу и направленность энергопотоков *внутри* собственного тела (что и называется «самовнушением»), что мешает делать то же самое *вне* его? Естественнонаучная парадигма ошибочно полагала, что упорядочивание энергетических процессов с помощью произвольного внимания возможно только в биологическом пространстве тела испытуемого. Оказалось, что это не так. Более того, оказалось, что объем внешнего пространства, где такие феномены возможны, принципиально неопределим. Все зависит от навыка, уровня концентрации и энергетического тонуса организма. Кроме того, эксперименты показали, что возможна синхронизация воздействия нескольких лиц («группа магов») с осязаемым усилением окончательного эффекта. Прочитую:

«Специальное изучение изменений в объекте, подвергаемом дистантному влиянию ПСР [психическая саморегуляция. — А.К.], было проведено и с помощью регистрации изменения оптической активности. Для этого применялась лазерно-поляриметрическая установка, использующая жидкокристаллический датчик с оптически активным веществом. Установлено, что проявление психической активности обладает внешним, в частности дистантным, воздействием. В обычном состоянии наблюдались незначительные колебания изменения оптической активности в сравнении с исходной, которые *повышались при сочетании действия двух индивидуумов*. Под влиянием обучения целевой психической саморегуляции (...) изменение оптической активности приобретало выраженный характер и было особенно выражено у тех лиц, которые занимались по специальной программе исследования. *Это нашло отражение и при сочетанных действиях двух индивидуумов, владевших методом «активное самовнушение»*. При этом еще раз подтверждена возможность направленного дистантного воздействия самовнушения на объект, находящийся вне организма, с изменением его структурных качеств. Экранирование несколько замедляло (стусшевывало) проявление эффекта изменения оптической активности. Следует отметить, что нежелательных сдвигов в организме в процессе исследования, и спустя ряд лет, от используемой аппаратуры не было. (В. М. Инюшин, А. С. Ромен, В. А. Семькин, И. Б. Беклемишев, 1973)»²⁾

(См. выделенное курсивом. Даже исходя только из этого можно утверждать, что коллективное психоэнергетическое действие вполне возможно и сулит значительные перспективы. Судя по всему, групповая магическая работа входит в содержание *общечеловеческого намерения*.)

Теоретически изменение оптических свойств жидкокристаллического датчика можно наблюдать и на расстоянии в сотни метров от человека, занятого самовнушением. Такая вот «саморегуляция». А мы все по старинке — магия, магия...

По сути, мы ведем речь о физическом экспериментальном основании для введения термина «*пространство магического делания*», о котором уже говорилось в предыдущих главах. На высоком энергетическом уровне здесь нет препятствия для любых психокинетических эффектов.

Так проявляет себя специфически *человеческое* намерение. В него входит *способность организовывать полевые структуры и силовые потоки не только внутри собственного организма* (кокона), но и *во внешнем пространстве*. Это — наша область Силы. Это эффект упорядоченного осознания и произвольно управляемого внимания, которые существуют благодаря тоналю, создаются тоналем и сами порождают тональ.

Вполне логично предположить, что реализация человеческого намерения *есть полное развитие регуляционного потенциала осознания*. В свете такого подхода следовало бы называть «психическую саморегуляцию» — просто психической регуляцией. Это вполне пригодный для научного словаря эквивалент сомнительного слова «магия». Тогда, например, «магическое исцеление» можно было бы назвать *психической регуляцией патологии больного*, а «отведение глаз» или магию иллюзий — *психической регуляцией восприятия наблюдателя*.

Как видите, стать «магом» — это один из немаловажных компонентов *намерения* человеческого вида. Если учесть, что последние две-три тысячи лет человек тратил все свои силы на познание мира первого внимания и упорно шел по пути развития интеллекта и технологии, то вполне понятно, что здесь сформировался дисбаланс: *намерение* мага прозябало, а *намерение* ученого-технолога гипертрофировалось.

Однако мы должны помнить, что существуем в мире сложных взаимовлияний и наше личное намерение никогда не является единственной силой, которая не встречает никакого сопротивления. Технологическая парадигма помогает быстро забыть об этом, и мы начинаем обращаться с Силой так, словно это электроэнергия или керосин.

Мы пребываем в живой и чувствующей среде. Вокруг нас всегда сотни и тысячи существ, обладающих упорядоченным осознанием и способных организовать (даже бессознательно) невиданное сопротивление любому психоэнергетическому воздействию. Даже животные, повинувшись инстинктам, — далеко не безответные объекты для приложения нашего магического могущества.

Вот почему мы говорим о *безупречности*. Безупречность снимает сопротивление *намерению*. Безупречный толтек никогда не станет предаваться магическому произволу — у него нет для этого психологических причин. Устраняя страх смерти, чувство собственной важности и жалость к себе, практик очищает дорогу к свободному исполнению собственного намерения. Он никого не насилует, и потому ничто ему не оказывает сопротивления. Движение его психоэнергетики всегда направлено либо на самотрансформацию, либо на области, ожидающие трансформации.

И что немаловажно — *безупречный* воин не навредит самому себе. Поскольку обращение с собственной целостностью, своей психоэнергетической системой требует осторожности. На этом пути нельзя идти напролом, нельзя воевать с самим собой, ломать психические или соматические блоки, «запреты», нельзя резко обращаться с режимом энергообмена, который формировался в человеке сотни тысяч лет.

Отсутствие безупречности ведет к конфликтам, резким движениям, борьбе. Инертные поля кажутся застывшими навеки — невольно возникает желание разрубить узел единым махом, избавиться от надоевшей человеческой формы и обрести желанную свободу.

Но так дело не делается. Слишком высока цена. Травмировать собственное энергетическое тело — единственный инструмент, который мы имеем для усиления осознания, — значит покалечить свое существо навеки. Негодный прибор можно выбросить и достать новый, но с энергетическим телом так не поступишь.

Искажения тоналя, как правило, необратимы. Они тем более опасны, так как могут вообще не фиксироваться изнутри. Способность вызывать и контролировать Силу может сохраниться и даже усилиться в определенных зонах ЭТ и определенных режимах активности — и это вводит в заблуждение. Другие зоны в то же время могут быть необратимо травмированы, нуждаться в покое и даже оттоке энергии, но небезупречный «маг», окончательно утратив внутреннюю чувствительность продолжает питать свое искалеченное тело с энтузиазмом и даже мазохистским упоением. Это — один из вариантов возможного безумия.

Практику, применяющему толтекские методы небрежно и хаотично, угрожают психические и энергетические риски, о которых он может даже не подозревать. Будучи мощным орудием, нагуализм обладает патологическим потенциалом, превышающим даже опасность дзэнских упражнений, которые способны вызвать «дзэнскую болезнь» — тяжелое душевное и органическое расстройство всех систем. Бред легкомысленного нагуалиста может достигать подлинно шизофренических масштабов.

Можно подумать, что я запугиваю читателя «на всякий случай». Ничего подобного.

Приведу пример реального «откровения», которое обрел человек, практикующий дисциплину по своему, полагая, что не следует избавляться от чувства собственной важности, и своеобразно понимающий безупречность как таковую. Убеждения, приведенные здесь, вполне типичны и вызваны мощным потоком сенсорных впечатлений.

«Я в ОСах [осознанных сновидениях. — *А.К.*] попадаю в реально существующий материальный мир, причем действительно вывернутый наизнанку, зеркальный реалу... Я так определил, где в Москве находится здание какой-то полусекретной или секретной организации, занимающейся контролем над обществом и выращиванием будущих политических лидеров России. ...Это засекреченная организация, у нее здания и базы вдоль Ярославской железной дороги в Москве. ...Они выращивают Путиньюгенд. Они ведут и отслеживают, фактически выращивают будущих политических лидеров из числа молодежи. (...) Путиньюгенд — по функции сейчас в России то же самое, что комсомол в СССР и Гитлерьюгенд в нацистской Германии. ...Скорее всего, это собирательное наименование формальных организаций с неформальным общением в них, которые используются для сортировки и влияния на молодежь.

Существуют реальные хозяева общества и существуют зомбификаторы. Летуны — это что-то типа роботов или программ, это не реальные хозяева общества. Насчет хозяев общества — в сновидении много лет назад узнал такую информацию — существуют некие враждебные человечеству силы. Они делают следующее — портят экологию на Земле, но не до такой степени, чтобы совсем ее разрушить, им этого не надо, они ведут человечество к краю пропасти, но чтобы в него человечество свалилось, им не надо. Они убивают младенцев, убивают талантливых людей, устраивают авиакатастрофы. Именно такое сочетание. Собственно, эти данные полностью соответствуют действительности.

Еще узнал, что существуют некие страшно враждебные человечеству силы, по сути Чужие, которые хотят вторгнуться или уже вторглись. Видел в ОСе это вторжение. Связано оно географически с Анголой и Конго. Тоже соответствует действительности, так как именно в том районе прежде существовали цивилизации, которые полностью шли вразрез с любыми человеческими представлениями и отличались противостественной жестокостью. Имею в виду йагов. (...) Чужим восприятием в той или иной мере управляю давно. Причем делаю это на автомате. Типа, такая вещь стала частью меня. ОСы в среднем раз в неделю.

Я поставил целью психическое слияние с уничтожением искусственно созданной социумом психики и возникновением новой психики. Быстро, всего через несколько месяцев практики достиг

того, что действительно произошел полный прорыв — на самом внешнем уровне психики теперь так: когда с кем-то общаюсь, автоматически происходит психическое и биоэнергетическое слияние на уровне общетелесном. (...)»

Способность возбужденных практикой полей галлюцинировать, используя базальные комплексы (страх, важность, жалость к себе), трудно переоценить. Здесь скрываются импульсы безумия космического масштаба, они способны направить жизненную активность поврежденного индивида в сторону тьмы и деградации.

Намерение обрести Силу и Знание, не обеспеченное безупречностью в полном и адекватном виде, часто провоцирует возникновение галлюцинаторных конструкций, которые служат основанием для формирования паранойи. Избыток неуравновешенной перцептивной энергии придает параноидальным убеждениям характерную маниакальную окраску.

Теоретически, толтекское знание должно делать человека сильнее как энергетически, так и психологически. Способность контроля собственного состояния, уравновешенность и трезвомыслие — вот характеристики, которые должны развиваться в любом человеке под влиянием нагуализма. Но в реальности дело обстоит далеко не так.

Я вовсе не веду речь о людях, «играющих» в толтекских магов, — тех, кто ничего не делает, но много и с удовольствием говорит на эту тему. Эти-то как раз в полной безопасности. Я говорю о другом сорте людей — о тех, что искренне пытаются прорваться «на ощупь», набивают шишки, получают травмы, сходят с ума.

Ведь человек — странное существо, обладающее противоречивым *намерением*. Одной стороной он может искренне желать Трансформации, особого знания и магической Силы, а другой — может лелеять тайное намерение «сбежать» отсюда в мир галлюцинаций, в мир неизлечимой шизофрении, чтобы никакой психиатр или психотерапевт не смог достать его оттуда, не смог убедительно показать — вот иллюзия и бред, вот — «разделяемая реальность». До какой же степени человек научился ненавидеть эту «разделяемую реальность»!

Психолог быстро распознает в данном «откровении» характерные черты — доводы не следуют один из другого, аргументы иррациональны. При этом ни разу не звучит «Мне показалось...», «Я воспринял это как...», «Не знаю, насколько точны мои впечатления» и пр. Сновидец абсолютно уверен в том, что говорит, но не может это пояснить в рамках принятого описания. Наиболее типично знакомство с «враждебными силами». (*«Насчет хозяев общества... существуют некие враждебные человечеству силы. Они... портят экологию на Земле... убивают младенцев, убивают талантливых людей, устраивают авиакатастрофы. Именно такое сочетание. Собственно, эти данные полностью соответствуют действительности.»*) То же самое с «вторжением» Чужих из Анголы или Конго: *«... соответствует действительности, так как именно в том районе прежде существовали цивилизации, которые полностью шли вразрез с любыми человеческими представлениями и отличались противоестественной жестокостью.»*

Сновидец не в состоянии понять, что существование жестоких африканских племен *не может быть доказательством* вторжения Чужих.

Тема «психического слияния» и «возникновения новой психики» тоже узнаваема. В нашем случае это фрагменты намерения Трансформации, «кусочки» прежней личности, существовавшей еще до появления «роботов-зомбификаторов» и до «вторжения Чужих», когда психика была целостной и стремилась к позитивным метаморфозам.

Так строится мир «магической паранойи»: видения, сновидения, интуитивные догадки, натяжки, состоящие из множества допущений и условностей, — и все это на фоне абсолютной уверенности в своей правоте. Ибо сновидцу было «откровение».

В иных случаях виновником безумных идей становится голос эмиссара сновидения, который рассказывает бесконечные небылицы, или особенное восприятие наяву, кратковременный проблеск чего-то неведомого, что впоследствии было интерпретировано «параноидальным» образом.

Какой бы ни была конкретная причина «магической паранойи», в ее основе всегда лежит отсутствие безупречности, некачественный stalking и пренебрежение перепросмотром.

Она порождена *неверной фиксацией внимания*. Хаотичные и второстепенные сигналы, которых всегда достаточно в мире сновидения или во втором внимании, захватили личность сновидящего. Они стали доминировать в его искаженном тоне, превратились в ценности и мотивы для его непродуктивного поведения.

Почему это стало возможным? Только потому, что в психическом пространстве практика сохранились действующие фрагменты базальных комплексов не-безупречности — в первую очередь, *чувство собственной важности* и *жалость к себе*. Эти фрагменты подобны радиоактивным руинам еще тлеющего реактора; они искажают приближающийся к ним материал, вызывают мутации психики и ее реагирования, концентрируют вокруг себя второстепенный сенсорный мусор, вызывая ложное впечатление эпицентра каких-то значительных событий и процессов. Здесь происходит иллюзорное действие того, чего на самом деле нет и быть не может. Это *намерение* психоэнергетической ригидности, которое вступает в неразрешимое противоречие с Трансформацией.

Я ничуть не преувеличиваю, когда говорю, что, прикасаясь к Неведомому, каждый практик рискует прежде всего своей психикой.

Эта книга написана для того, чтобы вы имели хоть какую-то «технику безопасности», оберегающую от психической деструкции, которая может быть вызвана неконтролируемыми сенсорными потоками.

На мой взгляд, подлинный пафос и высокая мудрость толтекского знания заключены в том, что воины никогда не полагались на «Высшую Силу» или «Вселенский Разум». Они знали, что Вселенная — жестокая и безразличная к человеку структура. Более того, они знали, что *намерение* — это мост с односторонним движением, поскольку человек неизмеримо мал рядом с этой энергетической громадой. Он берет крохи *мирового намерения*, просто пользуясь попутным ветром, благоприятным для него сочетанием тенденций в движениях «больших эманации Орла».

В Мире нет ничего человеческого, кроме самого Человека.

Этот философский пессимизм не должен нас удручать. Более того, любые претензии к творению насчет того, что оно мало соответствует ничтожным помыслам и устремлениям нашего вида, должны казаться неуместными. В конце концов, разве не даны нам магические условия для свершения Трансформации? Разве мало нести в себе сокровенную сущность всех энергий, управляющих непостижимыми процессами вселенной? Разве мало Человеку быть воплощенной Тайной, Человеком Неведомым, рядом с которым «светящиеся олени» — пустяк, случайный фокус занятой собой Бесконечности?

Нам дано огромное поле грядущего опыта, которое не охватить никакому воображению. Нам даны потенциальные возможности вечно странствовать по этой целине, познавать ее согласно уровню развития нашей отдельной личности, охватывать чуждые миры и непрерывно меняться. Требовать среди этой роскоши еще и благостного Творца, любящего Защитника или Спасителя — не чрезмерная ли это самовлюбленность?

Есть, правда, у нас свое маленькое сокровище. Мы его сотворили, и потому можем по праву им владеть. Это то, что дон Хуан назвал «человеческим духом». Он конечно же не имеет личности и не способен наделять благодатью, магической силой, просветлением. Просто общее достояние человека — ценное только для человека, понятное только ему. Когда мы сосредоточены на безупречности, не растрачиваем силы на животное и социальное — на то, что нас никуда не ведет, когда мы идем по Пути Воина, посвящая себя непрестанному *усилению осознания*, — мы «выражаем уважение человеческому духу».

Этим уважением к человеческому духу на самом деле держится Человек как таковой. Религиозные проповедники не могут понять, что *мы сами творим себя* — без богов, культов и выдуманных святынь. А потому мы имеем право считать свою работу в каком-то смысле священной. Особенно если иметь в виду, что у нее есть одно неоспоримое преимущество перед всеми верованиями человечества — она безусловно *реальна*. Поэтому все хорошее и полезное воин отдает своим соратникам, а если он остался один — то просто *человеку*. И если дух его безупречен, то оставленное добро найдет применение. Вот почему толтеки оставляют после себя дома и предметы Силы, исследования, трактаты, стихи. «Никто не распространяет Знание, но оно живет».

Все, что можно создать для усиления осознания человека, что не мешает его застывшей форме «сгореть» в стихии третьего внимания, остается на Земле как бесконечная *благодарность* «человеческому духу» — тому единственному богатству, которое всем и всегда дает возможность обнаружить в самых скудных местах Земли «кубический сантиметр шанса». Шанса на свободу, терпеливо ожидающую Человека Неведомого, чтобы смерть не смогла остановить его.

Сентябрь 2003 г.

Сноски:

1) Прочестъ об исследованиях феномена АРВИ можно в целом ряде книг А. С. Ромена и В. М. Инюшина. В частности, коллектив ученых под их руководством выпустил серию сборников «Психическая саморегуляция» еще в 70—80-е годы века. Каждый из вышедших сборников непременно содержит одну-две статьи, непосредственно посвященные данной теме. Кроме того, Александр Ромен, возглавлявший тогда лабораторию психофизических исследований Алма-Атинского университета, написал немало книг и методических пособий, в которых рассматривал феномен АР-ВИ. (том 1, с.87— 89.)

2) Психическая саморегуляция (Выпуск 3). Под ред. А. С. Ромена. / Инюшин В. М. О некоторых аспектах направленной саморегуляции и регуляции психического состояния человека с позиций биоэнергетики организма. — С. 27—28. — Москва, 1983.

СВИДЕТЕЛЬСТВО НАГУАЛЯ

(эпилог)

" Ум не функционировал; он был бдителен и пассивен... Не было наблюдающего, который мог бы измерить то, что он наблюдал. Было лишь то; и это то осознавало себя без каких-либо измерений. Оно не имело начала, не имело слов. Ум осознает, что с помощью переживания или слова он не в состоянии уловить то, что всегда надежно, вечно и неизмеримо."

Джидду Кришнамурти

Я привел здесь слова великого Кришнамурти не потому, что они содержат в себе некое откровение по поводу внешней Реальности, а потому что они типичны. Именно в таких выражениях мистики и визионеры, как правило, говорят о непостижимом Безмолвии, пребывающем по ту сторону человеческих ограничений восприятия. Великая Пустота, которая содержит в себе все, за исключением человека. Ибо чистое восприятие, лишенное концептуальной оболочки из тональных понятий, представлений, символов и системы координат, не имеет в себе, как пишет Кришнамурти, даже *наблюдающего*. Парадоксальная ситуация — мы свидетельствуем собственное восприятие и собственное осознание, но где же здесь «мы»? Одна из последних граней описания — автоматическая идентификация воспринимающего и процесса восприятия на этом уровне теряет свою очевидность, оставляя психологически невозможный факт — восприятие без воспринимающего, свидетельство без свидетеля.

Внутри великой Пустоты осознание становится самосущим, ибо таково оно на самом деле. Все остальное, приросшее к восприятию и понимаемое тоналом как субъект, оказывается лишь совокупностью условных указателей и ограничителей — оно свидетельствуется как часть той же космической Пустоты, как То, о чем нечего говорить.

Если применить строгие рассуждения буддистов к толтекской терминологии, то можно сказать, что Пустота, где присутствует все и отсутствует все, и есть окончательное *свидетельство нагуаля*. Феерия энергетических эманации и структур свечения — это только срез, трансляция некоего поля, доступного для операций. Иными словами, мир *видения* — это часть Реальности, она также результат искажающих и ограничивающих свойств субъекта.

Если мы полагаем целью человека абсолютную реализацию его познавательных способностей, то все мы движемся в Пустоту. Зрелище впечатляющее, но в нем чудится что-то неправильное и даже зловещее. Интересно, что мысль о достижении любого философского абсолюта вызывает подобное чувство (за ним — конец истории, конец человека, прекращение осознания). Не потому ли, что понятие «Абсолют» противно всякому отдельному существу и свойственно лишь Универсуму, бесконечной и ни на что не опирающейся Природе? И только в амбициозных философских проектах ум «забывает», что его предназначение — в *отдельности*, а потому Абсолют к его бытию относится не как *цель*, а как *условие*, поле движения и изменения.

И тогда мы понимаем, что «свидетельство нагуаля» бессмысленно. Практическая Трансформация не может ставить перед собой подобную цель. Это — цель философов и религиозных метафизиков, плод изощренного ума, заблудившегося в океане абстракций.

И толтекская дисциплина, как мы знаем из сообщений Кастанеды, никогда не формулировала свою цель таким образом. Зато можно прочитать, что Хуан Матус называл целью учения, например, обретение *видения*. Неоднократно говорилось о достижении *третьего внимания* или об «огне изнутри». Следуя стереотипам мирового мистицизма, просвещенные читатели приходили к выводу, что это самое третье внимание и есть приход к Абсолюту. Тем более, Нагваль, не придававший большого значения словам и специальным формулировкам (что вполне понятно), позволил себе как-то заметить, что в «огне изнутри» толтек «сливается с большими эманациями». Метафора была понята буквально, и начетчики ссылаются на нее, когда утверждают, что третье внимание и слияние с Абсолютом — одно и то же.

При этом весь огромный контекст толтекского знания игнорируется с непозволительной небрежностью. Упоминания о «мире красных жучков», который полюбился дону Хуану и где он собирался побывать уже после того, как *сгорит изнутри*, намеки на то, что из третьего внимания можно вернуться или послать сообщение, — все это не вписывается в концепцию Абсолюта. Лучше сделать вид, что этого нет. Впрочем, рассказы о красных жучках и непостижимые послания Элихио, ушедшего с отрядом Хуана, — не аргументы, а лишь «сказки» Карлоса Кастанеды. Дело в другом. Сама установка, настроение и намерение дисциплины плохо сочетаются с идеей достижения не-

коего абсолютного состояния. В этом каждый может убедиться, если прочтает кастанедовское «предание» по-настоящему внимательно.

Прежде всего, сами методы толтеков направлены не на растворение границ, а на обретение целостности и сохранение энергетического тела. Иначе путь сновидения не стал бы ключевым моментом практики. К чему развивать тело сновидения, способность структурированного восприятия в разных позициях, «собирать миры», если вы намерены просто слиться с эманациями? К чему культивировать трезвость и порядок, да и вообще — к чему заботиться о сохранении тоналя, который в конечном итоге заслоняет нас от энергетического океана Реальности? Зачем воину «щиты»? Дон Хуан, давая инструкции Карлосу, говорит, что тот должен собрать себя в мире третьего внимания. А ведь собрать себя — это и есть отказаться от слияния.

Так что, выработка *безупречности* вовсе не хитрый способ приготовления для себя «окончательно-го растворителя». *Безупречность — это путь достижения свободы.* Свободы от привязанности к одному типу энергетического метаболизма (который делает нас слабыми и смертными) и свободы от фиксированного диапазона восприятия и действия (который обрекает нас на пожизненное заключение в человеческом мире).

Свобода — это всегда путь личности. Не группы, не общины и не социума. По той простой причине, что свободу нельзя обрести коллективными усилиями, это результат индивидуальных трансформаций — и только в рамках индивидуума свобода имеет ценность. Когда гуманисты, либералы и утописты ведут речь о «свободном обществе», это — метафора. Операциональный смысл этого сочетания слов — «общество, построенное так, чтобы *создавать минимум препятствий* для реализации свободы отдельной личности». Заметьте — ни одно, даже самое совершенное общество не может *помочь* личности обрести свободу, оно может только *поменьше мешать*. Но и такое минимальное требование к социуму опасно. Оно встречает угрюмое сопротивление тех, кто стоит на страже «общественных интересов». Часто эти благодетели социума совершенно не отдают себе отчет, что пали жертвой пустой абстракции. Их способность осознавать настолько примитивна, что слово «общество» рефлекторно воспринимается ими почти как конкретное живое существо — этому существу угрожают «враги», оно «болеет», у него есть «нужды, интересы, потребности и мотивы». Ради абстрактного «общества» они порой готовы уничтожить людей, из которых это общество состоит.

Свобода индивидуалистична и не может быть иной. Поэтому свобода и социум оказываются враждебными идеями. В этой книге много говорилось о том, как социальные механизмы управляют людьми через их фундаментальные комплексы — страх смерти, чувство собственной важности, жалость к себе. Так что не будет преувеличением сказать, что человеческая «не-безупречность» — фундамент не только его личной поработченности но и его *социальной не-свободы*. Очень точно сказал об этом Тимоти Лири:

«Самостоятельное индивидуальное мышление — вот первородный грех в иудейской, христианской и исламской религиях. Оно саботирует попытки властей упорядочить и структурировать хаос.

Главная задача любой системы правопорядка сводится к выхолащиванию и демонизации таких опасных понятий, как «эго», «индивидуальные цели» и «личное знание». Человек, который мыслит самостоятельно и творчески, автоматически переводится в разряд еретиков, изменников и богохульников. ... Существует стандартный способ упростить и умерить невероятную сложность окружающего нас мира. Для этого надо изобрести несколько «сказочных» Богов, причем чем инфантильнее, тем лучше, и ввести несколько детских заповедей: почитай отца и мать, не убий и пр. Эти правила просты и логичны. Ты пассивно им следуешь. Ты молишься. Ты жертвуешь. Ты работаешь. Ты веришь.

И тогда, хвала скучающим, не появятся терзающие душу фантазии о людях, которые блуждают по этой бессмысленной беспорядочной вселенной, пытаясь познать самих себя» (Т. Лигри. Семь языков бога).

Обратите внимание, ученый употребил слово «эго». И спросите себя — разве вызывает это слово позитивные ассоциации? Недаром «духовные» писатели и мыслители избегают употреблять его, когда говорят о человеке. Пришлось даже разделить «эго» и «Я» — и только таким образом вернуть личности право быть иной, не выученных стереотипов, желаний и страстей, а самосознающей сущностью, способной к внутреннему прогрессу. Слово «эго» осквернено, «эгоизм» назван пороком. Более того, эго и духовность несовместимы. Вот пример социального гипноза, работающего через слова, понятия и ассоциации.

Тем не менее безупречность вовсе не означает отсутствия эго. Как призывают проповедники мистицизма, близкие к народу, а потому склонные к опасной простоте (которая, как говорят, бывает хуже воровства): «Растворите свое эго! Избавьтесь от своего эго!» — вот их лозунг. Это уже стало своего рода клише. Эго повторяют жрецы церкви Нью-Эйджа, экстатики, духовидцы и визионеры, за ними послушно следуют индуисты и буддисты, пытаясь выразить ориентальные доктрины на «испорченном» европейском языке.

Человек без эго — это мертвец либо тяжелый олигофрен. Живая и мыслящая личность без эго — выдумка, нонсенс. Это представление из того же букета невозможных идей, что и «слияние с Абсолютом», а также всевозможные синонимы этого словосочетания. Мы можем *изменить эго* (иногда радикально, до неузнаваемости), можем сделать его полезным и эффективным орудием, инструментом Духа, но *избавиться* от эго — все равно что избавиться от самого себя.

Безупречность, путь воина — возможно, самый радикальный и далеко ведущий способ изменения (трансформации) эго. Ведь, как давно известно, правильно назвать проблему — уже наполовину решить ее. Толтеки же не только дали названия глубинным причинам не-свободы, но и проложили путь, ведущий к самому эффективному решению. Скептики могут сказать, что нет здесь ничего особенного: учителя всех эпох указывали, что страх смерти, чувство собственной важности и жалость к себе — главные беды человеческой психологии. Они называли их по-разному (гордыня, уныние и т. п.), но имели в виду то же, что и кастанедовские «толтеки». Это верно, но лишь отчасти. Поскольку никто прежде не видел столь отчетливо *причины и механизмы* базальных комплексов, динамику их зарождения, особенности эволюции, их сущностную привязанность к способу восприятия и характеру энергообмена.

Конечно, стоит заявить об этом, как раздаются возмущенные голоса и начинаются бесконечные споры. Сторонники христианского богопознания указывают на монашеское смирение, на святых старцев и оставленные ими инструкции. Индуисты и буддисты апеллируют к грандиозным разработкам психологической дисциплины всех школ йоги. Еще большее основание для полемики здесь имеют последователи даосизма и дзэн. И все они по-своему правы. Но каждый из перечисленных способов имеет собственный камень преткновения — место, где движение останавливается или уклоняется в сторону.

Христианство и родственные им семитские религии склоняются к самовнушенным чувствам и фантастическим отношениям между человеком и Творцом; они обусловлены возведением этики и морали в ранг космических категорий. Индо-буддистский мир, несмотря на обилие эмпирических достижений и методологии, основанной на эксперименте, поражен философским максимализмом — перед ним в качестве последнего предела стоит Абсолют, а под ногами кармическое колесо и череда обязательных перерождений. Наконец, даосы опираются на гармонию начал — устойчивое движение потоков вдохновляет их на мудрую созерцательность, высшее понимание Пути вещей. Их Трансформация — в обретении гармонии; они осторожны и не видят смысла рисковать.

Каждый из этих путей приводит к своему типу безупречности. Каждый из них дает шанс искателю стать «свидетелем нагуаля» — Славы Божьей, Брахмана, Пустоты, Дао. Они полагают это высшей целью и окончательной реализацией. И только толтекам этого мало. Воины желают продолжать странствие — вот почему характер дон-хуановской безупречности отличается от всего иного. Они должны пребывать на границе между Хаосом и Порядком, тоналей и нагуалем. Они всегда на пороге Непостижимого и испытывают его разрушительное давление, зная, что их задача — никогда не поддаться Ему. Всегда видеть бездну прямо перед собой, но не упасть в нее — эта ситуация требует совсем особого искусства равновесия.

Вот что такое толтекская безупречность — особое искусство равновесия. Перепрограммировать импринты так, чтобы впоследствии можно было вовсе отказаться от всяких «программ». Стать текучим, бесформенным, отвечать на все, не следуя стереотипам, приобретать опыт, но не обуславливать себя им. Все это подразумевает высокую активность и постоянный контроль — то, что нормального человека в конце концов утомляет. Безупречный воин обязан помнить, что утомление — это смерть, поскольку за утомлением приходит апатия, скука, желание остановиться и исчезнуть. Внимание угасает, и осознание, лишённое упорядоченного материала, прекращается.

«Огонь изнутри» должен гореть. Он — высшее проявление интенсивности осознания. Здесь заключена бесконечная вереница миров, всех видов познания, опыта и чувства. Это «остриё» бытия отдельного существа в вечном тайфуне Мира. Если мировая суть — *Абсолют*, то наша — *безупречность*. Здесь основа вечного сосуществования Я и Мира.

А. Ксендзюк, 2003 г.